

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2011
№6

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Ответственный секретарь
Наталья Холмогорова

Исполнительный директор
Владимир Тор

Художник
Дмитрий Бикашов

Редакционный совет

А.Ю. Ашкеров, К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский, Е.С. Галкина,
О.Б. Неменский, М.В. Ремизов, А.В. Самоваров, П.В. Святенков,
А.Н. Севастьянов, С.Н. Семанов, В.Д. Соловей, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

Умереть или помучиться?	3
ТЕМА НОМЕРА. ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Что России делать с Кавказом? Круглый стол «Вопросов национализма»	10
Павел Святенков	
От «суверенных республик» — к «народам-корпорациям»	34
Сергей Сергеев	
Столетняя война с «воскресающими мертвецами»	39
МИРОВОЙ ОПЫТ	
Алексей Терещенко	
Региональные и сепаратистские движения в странах Южной и Северной Европы	68
Олег Неменский	
Региональные и сепаратистские движения в странах Центральной Европы	79
Георгий Энгельгардт	
Региональные и сепаратистские движения в странах Юго-Западных Балкан	91
ПЕРЕВОДЫ	
Кевин Макдональд	
Синдром Вилдерса: евреи, Израиль и европейские правые	99
«...Книга взорвалась, словно бомба». Германоязычная пресса о книге Тило Саррацина «Германия самоликвидируется»	108
Герхард Пендл	
Австрия — не Германия?	115
ИНСТИТУТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ОБРАЗОВАНИЕ	
Елена Галкина, Юлия Колиненко	
Реформа образования как превентивная национальная политика	122
Айгуль Насырова	
России нужна русская система образования	137
«ОПОЗДАВШИЕ НАЦИИ»	
Александр Севастьянов	
Гонка цивилизаций: секрет лидерства. Статья вторая	147
НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ	
Александр Горянин	
Своими путями. Русские демократические традиции. Статья четвертая	183
ЭКОНОМИКА	
Иван Русаков	
Деколлективизация как «дорожная карта» модернизации	203
ПУБЛИКАЦИИ	
Кирилл Титов	
К истории «Слова нации»	217
Слово нации	223
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Книжное обозрение	236
Авторы номера	238
Summary	240

Константин Крылов

УМЕРЕТЬ ИЛИ ПОМУЧИТЬСЯ?

К СПОРАМ О ЛИБЕРАЛИЗМЕ, ИМПЕРСТВЕ И РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

1

Русский национализм как идеология, претендующая на выражение русских национальных интересов, появился сравнительно поздно. Исторически он является ответвлением традиционной русско-патриотической идеи, а содержательно — её отрицанием.

Это двойственное положение до сих пор недостаточно осознано, прежде всего — самими националистами. Заметим, что противоположная сторона понимает ситуацию куда лучше. Этим объясняется то растущее раздражение, которое вызывают у «патриотов» националисты, даже когда они говорят вроде бы «те же самые вещи», и уж тем более — когда они говорят что-то другое. Впрочем, раздражение — слабое слово: сейчас дело дошло до открытой ненависти. Например, широко известный Сергей Кургинян, всегда считавшийся пусть и левым, но «патриотом», открыто объявил русских националистов врагами, с которыми «шутки кончились», а началась война на уничтожение. То же, по сути, сказал недавно ещё более известный Александр Проханов, наш главный имперец и государственный. Несколько мягче пока высказываются другие патриотические деятели, но тенденция очевидна: вместо того чтобы благословить племя младое и влиться в ряды (или сойти в гроб), они намерены приложить все усилия, чтобы сознательный русский национализм, не дай Бог, не просочился в массы. Ради этого они готовы на всё, включая союз с властью, которую сами же считают предательской и воровской. Но за 282-ю статью, разгон

русских демонстраций и репрессии против русского национального движения они готовы простить ей всё или почти всё.

Проще всего было бы объяснить это глупостью, продажностью или скверным нравом наших оппонентов из патриотического лагеря. Однако такое объяснение имеет, скажем так, ограниченную применимость. Ладно бы Кургинян или Проханов, но многие из тех, кто сейчас клянет националистов последними словами, были и остаются честными людьми, дорого заплатившими за свои убеждения. Стоит это учитывать — и относиться к их воззрениям если не уважительно, то хотя бы внимательно.

Именно это я и попытаюсь сделать. А именно — попробую изложить идеологию «традиционного русского направления», как она видится с националистических позиций. Я постараюсь рассуждать, насколько возможно, *sine ira et studio*, но всё-таки не *sub specie aeternitatis*, с которой все кошки серы.

2

«Русское направление» в политике, литературе и публицистике имеет определённую репутацию. Сформировалась она ещё во времена полемик западников со славянофилами, а сейчас её можно считать устоявшейся.

Итак. Считается — справедливо или нет, мы рассмотрим ниже, — что «русскость» в политике неразрывно связана с такими ценностными установками, как

1) *антизападничество и антимо-дернизм*, выражаемые в форме ради-

кального неприятия «вестернизации» и «современности», часто подкрепляемого морализаторством и религиозной риторикой;

2) *антидемократизм*, неприятие политики как легальной борьбы интересов, демонстративное отвращение к «парламентской говорильне», «фарсу выборов» и «так называемым правам человека»;

3) *антиконсюмеризм*, отвержение потребительства и стремления к материальному достатку, уравнилельно-распределительные идеалы «для масс».

Все перечисленные установки выглядят консервативными. Это не совсем верно: существует прогрессистский извод тех же ценностей. Немалая часть наших патриотов, особенно просоветски настроенных, испытывают искреннее отвращение ко всему «старому, реакционному, лапотному» и поют осанну советской науке, «Бомбе и Спутнику». Это не мешает им проклинать растленный Запад и молиться на гулаговскую колючку.

Антидемократизм, в свою очередь, тоже бывает разный. Все патриоты, в общем, согласны с тем, что политики в западном смысле слова «нам не надо» или «мы к ней не способны». Но вот о том, что именно должно заменить политику, существуют разные мнения. Разумеется, чаще всего это выражается в любви к «сильной руке» и апологии авторитарно-диктаторской формы правления в форме неограниченной монархии или жестокой диктатуры. Но встречаются и патриоты-анархисты, мечтающие о естественной жизни на природе маленькими самоуправляемыми общинами. В общем, патриот готов найти что-то хорошее и в Сталине, и в князе Кропоткине, лишь бы только обойтись без партий, парламента и прочих «гадостей».

Наконец, не стоит смешивать антиконсюмеризм и социалистические симпатии. Да, немалая часть наших патриотов либо откровенно «красные»,

на худой конец — верят в какой-нибудь «несоветский, подлинно народный социализм» как в приемлемый способ народного жизнеустройства. Но есть и вполне «правые», почитатели Рейгана и Пиночета, при этом настаивающие на том, что народ не должен жить слишком хорошо, ибо это его «портит». Так или иначе, слово «потребительство» для них бранное — все они понимают его исключительно как «потреблядство».

3

Нетрудно заметить, что в подобной формулировке все эти ценности выглядят «отрицательными», начинающимися с «анти». Это некомильфо, поэтому «русская мысль» выработала свою специфическую терминологию. А именно: первая ценность из вышеперечисленных (особенно в сочетании с третьей) обычно именуется «духовностью», вторая — «державностью» (или «государственничеством»), третья — «общинностью» (а с добавлением первой — «соборностью»). Сейчас, правда, эти слова несколько затёрлись и вышли из моды. Зато в словаре русских патриотов появились «антиглобализм» и «суверенность» (первое плюс второе, в отрицательном и положительном ключе).

Если всё-таки попытаться обойтись без расплывчатых эвфемизмов, но при этом формулировать «патриотические» установки в позитивном ключе, мы получим: *Единодушие, Единовластие, Единообразие*. Именно эти ценности и стоят за отрицаниями.

Читатель-либерал, добравшись до этого места, наверное, впервые поморщится: его царапнет слово «позитивно», поскольку в указанных ценностях он не видит ровно ничего привлекательного. Националист, напротив, поднимет бровь — именно потому, что не усмотрит в этом ничего дурного. В самом деле, разве националисты не считают, что нация должна быть едина, по крайней мере в главных во-

просах? Разве они — противники сильной и эффективной власти? Наконец, единообразие в некоторых вопросах более чем уместно — например, единство языка и национальной культуры, равномерность развития страны, да и децильный коэффициент (отношение доходов 10% самых богатых к 10% самых бедных) в русском национальном государстве стоило бы понизить до пристойной величины. «И что же вам не нравится?»

Здесь необходимо остановиться и посмотреть, каким образом наши патриоты намерены реализовывать эти ценности.

Начнём с единодушия. Я сказал — «единодушия», а не «единомыслия». Вопреки либеральным представлениям, патриоты вовсе не настроены антиинтеллектуалистски, нет. Напротив, патриоты обожают сложные интеллектуальные конструкции. Здесь важно другое — на каком фундаменте они их возводят.

С точки зрения наших патриотов, они привержены идеям и ценностям, не являющимся результатом борьбы человеческих воль и намерений, а, так сказать, спущенным сверху. Источником этих ценностей может быть для них Бог, Откровение, Традиция, а также и — Наука. Лишь бы только эти идеи не были выработаны в ходе борьбы интересов. Всё, что связано с человеческими желаниями и волением — и грязно, и ненадёжно.

Особенно это касается моральных норм. Для патриота они незыблемы и абсолютны, им необходимо следовать любой ценой. Консерваторы любят, конечно, повздыхать о нравственной чистоте далёкого прошлого, когда юноши беспрекословно слушались старших, девушки хранили невинность до брака и все поголовно боялись Бога и почитали Государя. Но и советофилы, преданные читатели Стругацких, мечтают примерно о том же самом, разве что в технократическом антураже: вместо высоконравственных пей-

зан в их мечтах витают строгие юноши, занятые исключительно радостями труда и познания.

Теперь о единовластии.

Об «автократических традициях» российской государственности не писал только ленивый. Не будем даже спорить: демократии в России никогда не было. Однако интересен сам ход мысли: если мы никогда не делали чего-то, не нужно и начинать, «нам не дано». Но это крайне сомнительная идея. Если бы её придерживались те страны, которые сейчас всю наслаждаются благами демократии — начиная от старых национальных государств Европы и кончая новейшими, образовавшимися после распада СССР, — то, наверное, мир продолжал бы пребывать в благостном феодализме. Более того, первые демократические эксперименты были неудачными, а то и страшными: достаточно вспомнить Великую французскую революцию. Тем не менее именно демократия выжила и победила в мировом масштабе. Сейчас она успешно установлена практически везде — даже в тех странах, чьи автократические и антидемократические традиции не уступают российским. Скажем, какая-нибудь Монголия никогда не считалась «землёй свободы», скорее уж наоборот. Но сейчас на исторической родине Чингисхана установился устойчивый демократический режим, при котором эта страна стала стремительно развиваться... Возможно, конечно, что русские менее способны к свободе, чем монголы, но это ещё нужно доказать — хотя бы попробовав. Но в России не было произведено ни одного сколько-нибудь масштабного демократического эксперимента, включая пресловутые «лихие девяностые», которые были временем торжества чего угодно, но только не демократических институтов. И тем не менее «неспособность русских к демократии» является для наших патриотов чуть ли не символом веры.

Далее. Антидемократизм наших патриотов совершенно не подразумевает популярного в западных консервативных кругах *аристократизма* и культа «благородного сословия». Напротив, представителей «русского направления» отличает редкое отвращение ко всем проявлениям аристократического духа (даже когда они утверждают обратное).

Это видно хотя бы по тому, что в этой среде отнюдь не приветствуется культ старой русской наследной аристократии (боярства), да и к дворянской России они относятся подозрительно. Любимые исторические фигуры для мыслителей и публицистов «русского направления» — это прежде всего *истребители знати* — откуда растут ноги у культа Ивана Грозного и Сталина. Чаемая ими иерархия — это иерархия *начальников-назначенцев*, слуг государевых, не имеющих никаких врождённых достоинств или наследственных прав, сословной гордости или длинной родословной, вообще ничего, кроме временно данной им власти. Все «князья» должны быть слеплены из грязи и только из грязи.

Столь же специфичен патриотический «монархизм». Фигура «вождя», «монарха», «генсека» (то есть верховной власти, сосредоточенной в одном лице и подчинённой «идее» или лично Богу) не венчает собой пирамиду власти, а создаёт её из себя. Верховный правитель — не *первый среди равных* (как это воспринимается на Западе), а *хозяин «государевых рабов»*.

Итак, единовластие понимается патриотами исключительно как «вертикаль власти», то есть иерархия назначенцев. Управление обществом должно быть возложено на чиновников, назначаемых другими чиновниками. Во главе всей иерархии стоит первое лицо, «отец отечества», тоже назначаемый, но уже не людьми, а самим Богом, или, как минимум, Великой Идеей.

Идея эта, впрочем, при всём своём величии не так уж и сложна. Это внеш-

неполитическое могущество страны, нужное не для каких-то меркантильных целей, но исключительно для «удержания всего мира» (или хотя бы самих себя) от щупалец Запада, всемерное противостояние Западу во всём, и прежде всего — в области «смутительных идей» и всяческих «соблазнов».

По этой же причине патриотам, как правило, не везёт с партстроительством. Вообще-то патриот, как правило, не прочь возглавить какую-нибудь могучую партию или хотя бы состоять в таковой. Беда в том, что он, как правило, ощущает партию как нечто временное и не имеющее самостоятельной ценности, нужное только для захвата власти. «Ужо мы придём к власти и всё это безобразие сразу запретим».

Оборотной стороной того же свойства является почти органическая невозможность для патриота быть *врагом режима*, каким бы этот режим ни был и как бы он этих самых патриотов ни давил. «Русский патриот» склоняется перед режимом при малейшем признаке заинтересованного внимания с его стороны или хотя бы с появлением надежды на то, что режим смягчит свою антинародную политику. Неудивительно, что любой российский режим предпочитает иметь своим главным врагом именно русских патриотов, а более опасных противников ими запугивать. Эта несложная схемка работает с неизменно превосходным результатом.

И, наконец, кое-что про «потреблядство» и его противоположность.

Русско-патриотический антиконсьюмеристский идеал состоит в том, что народная жизнь и быт должны быть приведены к общему знаменателю, прежде всего *стилистическому* — никто не должен слишком выделяться на общем фоне, кроме, разве что, «государевых людей», которым может быть позволено многое. Уровень жизни масс должен быть не совсем уж низким (чтобы люди не перемёрли и не разбежались), но и не высоким, чтобы жизнь мёдом не казалась.

На этом стоит заострить внимание. Все западные критики потребительского общества утверждают, что потребительство и качество жизни — разные вещи, но никто не проповедует ту идею, что народ должен жить бедно и скудно. Для мыслителей же «русского направления» именно *отсутствие* материального достатка, нищета и скудость, нехватка самого необходимого и решительный запрет на всё сверхнеобходимое («роскошь») представляются огромной ценностью. Более того — ценностью нравственной и даже религиозной (очень часто тут вспоминают «идеалы православного нестяжательства»).

Важнее, впрочем, другое. Для патриота совершенно очевидно, что народ должен не только жить скромно, но и быть нагружен тяжёлой, беспросветной работой. На худой конец, патриот может желать русским «достатка» (в смысле — не умирать с голоду и не мёрзнуть зимой), самые смелые даже способны произнести слово «зажиточность». Но вот от идеала тяжёлого, ломающего жилы народного труда они отказаться не в состоянии. Патриот ещё способен пожелать народу *сытой* жизни — но не жизни, *свободной от труда*, жизни *праздной*. Нет, *надо вкалывать*, иначе никак нельзя. Иначе народ разбалует, захочет странного и уйдёт от своего исторического предназначения. При этом чем конкретно нагружать народ — не так уж важно. «Надо как в армии» — убирать ломами снег, и не чтобы убрать, а чтобы солдатики устали до полусмерти.

Эта идея кажется любому психически здоровому человеку настолько дикой и отвратительной, что в неё сложно поверить. Неужели наши радетели за русский народ хотят для него именно этого? Не клеветает ли на них автор?

Что ж. Я мог бы привести огромный массив текстов «патриотических» публицистов, в которых они проповедуют именно это, но ограничусь лишь большой цитатой из интервью Проха-

нова¹, где эти идеи выражены вполне ясно. Замечу только, это «проходной» текст, не вызывающий у привычного читателя ни малейшего удивления, — это именно что *общее место*.

«[...] Вторая важная технология — это вброс в народ, сырой, обездоленный, обесмысленный, безработный, рассечённый народ, вброс в него общего дела. Народ должен быть нагружен имперской работой, народу опять необходимо дать имперское “домашнее задание”. Ведь все эти годы, пятнадцать лет, народ был разгружен, он был лишён этой огромной задачи, имперской задачи, той задачи, в недрах которой и формировался этот народ. Наш народ формировался не на дискотеках, не в ночных клубах, не на “днях города”, не на мыльных операх, он формировался в гигантской имперской работе, включавшей в себя строительство, войны, оборону, заселение пространств, добывание руд, создание новых технологий, новых идеологий, выработку новых элит. И в этой работе, к которой он привык, этот народ размножился, строил семьи, строил супергорода, совершал суперисторические подвиги, создавал великую цивилизацию. А когда народ разгрузили, народ почувствовал себя брошенным, оставленным, он перестал рожать, он перестал трудиться, он перестал любить, он перестал видеть солнце, он перестал радоваться блеску оружия, он перестал радоваться красоте женщин. Одним словом, народ должен быть опять нагружен большой имперской работой. Это, конечно, работа и по строительству суперстанций и марсианских проектов, но и работа по написанию книг, по созданию новой элиты, по созданию государственности.

Сама государственность и есть та общая работа, то общее дело, частью

¹ Опубликовано в Русском Журнале 14 сентября 2006 г. Приводится по: <http://www.pravaya.ru/leftright/473/8875>

которого является кораблестроительство, создание флота, оживление Северного пути, прокладка новых магистралей, создание новых силиконовых долин и прочее, прочее. Как только это общее дело будет вброшено в народ, для реализации общего дела потребуются колоссальное количество работников.

[...] Народ, брошенный на это общее дело, на эту верфь, он, в контакте с этим общим делом, вернёт себе утраченную пассионарность. Эта пассионарность и будет той самой энергией, включающей в себя энергию предшествующих исторических эпох, она будет питать пассионарность, наполняя ее конкретным сегодняшним содержанием».

Тут всё сказано. Sapienti sat.

4

В настоящее время самым адекватным выражением патриотического дискурса стоит признать так называемое «имперство», то есть представление о том, что самым подходящим строем для России является *автархический автократический режим консервативно-социалистического типа*, соединяющий в себе черты всех российских автократий, от Грозного до Сталина. Один мыслитель почвенного толка удачно назвал соответствующий идеал *православным монархо-большевизмом*. Но, естественно, «возможны варианты».

Так или иначе, с данным комплексом представлений знакомы — и используют его в своих целях — разные люди с очень сильно отличающимися воззрениями, начиная от кабинетных мыслителей и кончая политиками первого уровня. Более того, при обсуждении этих вопросов многие идейные разногласия отступают на второй план: практически все люди, хоть каким-то образом причастные к «русскому направлению», разделяют представления и даже симпатии, свойственные комплексу в целом.

Убедиться в этом несложно. Если побеседовать с каким-нибудь национал-сталинистом, искренне уверенным, что советский строй выражал чаяния русского народа, он, скорее всего, признается в симпатиях к московским царям «покруче», к Ивану Грозному или Петру Первому. А яростный антикоммунист, почитающий Николая Второго святым мучеником, а Ленина и Троцкого — дьяволами во плоти, скорее всего, легко согласится с тем, что современный Запад загнивает, а какой-нибудь «народный социализм» с православным уклоном — вполне приемлемый вариант развития.

Это отлично понимается и политиками. Опять же, чтобы не копаться в примерах, позволю себе характерную цитату из интервью Александра Лукашенко, данное в те времена, когда он демонстративно «дружил» с Россией:

«Все народы, составляющие Россию, и те, что желают дружить с Россией, развиваются в рамках одной цивилизации, для которой характерны уважение к человеку, соборность, общинность, духовность. Все мы отвергаем крайний индивидуализм и алчность, служение “жёлтому дьяволу”. Все мы не приемлем диктата чужой воли, разделения людей по имущественному признаку и разграбления общественного достояния».

Понятно, что реальные убеждения белорусского лидера, как минимум, сложнее. Но он прекрасно понимает, какие именно слова нужно произнести, чтобы произвести впечатление на людей «русских взглядов».

Самое же интересное, что данную систему представлений разделяют и даже принимают и те, кто считает себя её идейным противником — например, большинство российских либералов. Правда, они относятся ко всем этим «общинностям» и «соборностям» с отвращением, но это не мешает им видеть в них «традиционные русские ценности» — из чего обычно делают русофобские выводы.

5

Остановимся на этом. И спросим себя: почему русский патриотизм приобрёл такую странную форму? Почему русские патриоты, по сути, отрицают базовые интересы того народа, именем которого они клянутся и за чьё счастье борются?

Чтобы ответить на этот вопрос, напомним один распространённый в русских сказках сюжет. Какой-нибудь Иван-Царевич идёт по лесу и натывается, скажем, на медведя. Он может его убить и даже собирается это сделать, но мишка падает перед ним ниц и молит: «не губи меня, Иван, я тебе ещё пригожусь!» Иван убирает оружие — а мишка впоследствии отрабатывает верным служением.

Если всё ещё непонятно, приведу пример из классики советского кинематографа. В знаменитом фильме «Белое солнце пустыни» красноармейцу Сухову предлагают — «тебя как, сразу кончить, или желаешь помучиться?» На что Сухов отвечает — «лучше, конечно, *помучиться*».

Я уйду от вопроса, почему и как случилось, что российское государство — и более того, Россия как таковая — воспринимается русским народом именно как «человек с ружьём», который предлагает выбирать между «умереть» или «помучиться». Факт тот, что такое восприятие является определяющим для нашего внутреннего мироощущения.

Соответственно, появились и идеологии, которые выражают готовность умереть или готовность помучиться. Первая ведёт своё начало от «западников» и сейчас развилась до российского «либерализма». Вторая — это «русский патриотизм» в описанном выше виде.

Нетрудно доказать, что российское «западничество» никогда не было иде-

ологией модернизации. Западническая программа всегда сводилась к идее уничтожения России и русского народа тем или иным способом. Самые гуманные варианты предполагали, что русские должны отказаться от идентичности, «содрать с себя шкуру» и стать другим народом, после чего, может быть, обретут свободу. Самые жёсткие — как, например, современный российский «либерализм» — предполагает, что русским лучше просто вымереть. Но, так или иначе, «западничество» предлагает русским *смерть* как избавление от вечных мучений и страха перед направленным на народ стволом «вертикали власти». «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

Патриотизм, напротив, начинается с согласия на «помучиться». Жить, любой ценой жить — а для этого нужно постоянно «пригождаться» тому, кто держит тебя на мушке. Причём не просто выполнять его приказания, а проявлять инициативу, предлагать всё новые услуги, мало кушать и много кувыраться — потому что «Иван-Царевичу» всё это может и надоест, и он спустит курок. Так что нужно постоянно угождать мучителю, ластиться к нему, а ещё лучше — искренне его полюбить.

Теперь ответим на простой вопрос: отвечает ли такая форма патриотизма *интересам* русского народа?

Если принять, что единственной альтернативой является уничтожение русских как народа, то да: «лучше такая жизнь, чем никакая». Если же считать, что есть и другие варианты — например, отобрать у мучителя «вертикалку», сломать о колено и *уйти на волю*, то ситуация меняется. Появляется шанс на настоящую жизнь.

Националисты — это те, кто стремится на волю. И считают, что рискнуть — стоит.

Что России делать с Кавказом?

Круглый стол «Вопросов национализма»

Андрей Епифанцев, политолог:

— Я благодарю редакцию «Вопросов национализма» за представившуюся возможность выступить и поговорить на тему Северного Кавказа. Прежде чем начать, я хотел бы сказать две вещи, которые попрошу иметь в виду, пока я буду говорить. Это как раз те важные, на мой взгляд, вещи, ошибки в которых допускают многие, включая профессиональное сообщество. Во-первых, это то, что единого монолитного понятия «Кавказ» не существует. И когда все говорят «Кавказ», «кавказцы», то если быть точными в оценках, из этого обобщения нужно делать большие исключения. Ситуация в Ингушетии совсем не похожа на ситуацию в Северной Осетии, ситуация в Адыгее не похожа на ситуацию в Дагестане, это верно с точки зрения этнической, с политической, экономической, какой угодно. *Монолитного понятия «Кавказ» не существует.*

Второе. *Корни кавказских проблем не находятся на Кавказе*, как бы это ни выглядело странным на первый взгляд. Где же они находятся? Вот на этот вопрос я и отвечу в дальнейшем. Но сначала я дам краткий исторический экскурс, который поможет в дальнейшем понять, откуда, почему мы имеем такую проблему Северного Кавказа.

Истоки нынешней ситуации на Кавказе уходят в XVIII–XIX вв., когда Россия присоединила Кавказ, и это присоединение не было бескровным. У нас существуют целенаправленно насаждаемые иллюзии о добровольном присоединении Кабарды, добровольном присоединении Адыгеи и т.д. — это присоединение не

было добровольным, это была колониальная война. Абсолютно реальная война, немного странная на наш взгляд, сопровождаемая жестокостями, зверствами и, наоборот, какими-то гуманными поступками — это был тип войны, который тогда вели фактически все крупные государства, все супердержавы того времени. В результате к концу XIX в. весь земной шар полностью оказался поделен вот этими 10–12 сверхгосударствами того времени. И если бы не Россия пришла на Северный Кавказ, то все равно туда пришла бы какая-то другая держава — Англия, возможно, Франция, Турция, конечно же.

Хочу отдельно подчеркнуть тот тезис, который сейчас часто выдвигают северокавказские ученые, историки, политики и т.д., — о кровавом присоединении Кавказа. Конечно, как и во всякой войне, там были и жертвы, и ужасы, и какие-то страшные вещи, которые, исходя из гуманистических норм современности, мы не можем принять или оправдать; но тогда, в то время, этих норм не было и люди жили по законам своего времени. Жестокости совершали решительно все стороны — и русские, и горцы, и я уверен, что по сравнению с другими великими государствами того времени Россия действовала наиболее гуманно из всех государств. Мы можем видеть это хотя бы из того, что во время Кавказской войны Россия старалась инкорпорировать горцев, вобрать их в себя, давала им равные права; у нас были кавказцы — генералы, писатели, ученые, художники. Комендантом третьей по величине столицы империи — Варшавы — был кавказец Хан-Гирей.

В то же время Запад шел по пути от-деления себя от аборигенов, создания резерваций, там не было и не могло быть генералов-негров, писателей — аборигенов Австралии, индейцев — губернаторов Нью-Йорка. Не было этого. Отношение России к покоряемым народам было совершенно иным, она присоединяла их гораздо мягче, чем это делали другие государства.

В результате присоединения Кавказа Россия получила земли, населенные народами, которые с точки зрения общественно-экономического, социального развития стояли ниже нее. Ниже или даже намного ниже. Этот тезис отвергают сегодняшние кавказские этноисторики, общественные деятели, но, на мой взгляд, это очевидно. Что еще более важно — у этих народов, в их подавляющем большинстве, не было традиции жизни в государстве. До государства тогда многие из них еще не дошли. Посмотрите на чеченцев — к моменту прихода России на Кавказ они еще не дошли до феодализма и никогда в своей истории не имели государства. Были некие исключения в плане микроскопических дагестанских ханств, но тем не менее в массе своей эти народы находились на догосударственной стадии своего развития, и отношения между ними регулировались собственными сложными общественными договорами и системами неписаных моральных норм и обычаев, которые во многом основывались на поддержке разнообразных кланов. Этот тезис очень важен. *Все то время, когда русские уже тысячу лет жили в государстве и по законам государства, кавказские народы жили по клановым законам.* Восприятие государственных законов и государственного порядка у представителей многих из них еще не сложились просто на подсознательном уровне. Это не плохо и не хорошо, это просто констатация факта.

Далее, при Российской и при советской империях Россия представляла

собой очень сильное и жесткое государство, и кавказские народы органично жили его жизнью и по его законам. Тогда не было такого самоотдаления, национализма, «непослушания» и отдельных этнических проектов. Причин этого было две: а) был некий единый общероссийский или общесоветский проект с единой системой ценностей, единым общеисторическим видением процесса, наличием надэтнической общности — «советский», российский народ, наличием равноправия и т.д. и б) была и другая сторона медали — способность государства сильной рукой навязать эти процессы и обеспечить себе монополию на применение насилия; кавказские народы знали, что случае бунта наказание последует неотвратимо.

Пока Россия была сильна, подобная формула действовала, но как только она слабела (а здесь можно говорить как минимум о двух периодах — 1917 г. и 1941–1945 гг.) — на Северном Кавказе очень быстро появлялись силы, которые опять вводили народы в феодализм, клановость и вообще в традиционные догосударственные формы саморегуляции. Сейчас Россия ослабела опять, и совершенно естественно, что мы видим такую же реакцию кавказских народов.

Россия ослабела — уменьшилась или исчезла совсем сила закона, ушло равноправие, государство потеряло монополию на насилие, ухудшилась экономическая ситуация, руководители перестали руководствоваться интересами страны и стали заботиться в основном о своих личных интересах и т.д. В этих условиях *кавказские народы моментально вернулись к своим клановым традициям, клановым догосударственным устоям.* Конечно же, это — архаика. С точки зрения общественного прогресса они представляют собой гораздо более архаичную формацию, чем те нормы и правила, которыми сейчас в большинстве своем руководствуются люди. Но

у кавказцев нет другого выхода, это их защитная реакция, и она доказала свою эффективность в нашем современном государстве с нашими порочными методами управления Кавказом. У Дмитрия Быкова есть очень хорошее четверостишие, которое прекрасно характеризует этот процесс перехода к более архаичным нормам:

И джунгли завоюют заново
Тебя, крикетная площадка,
Пришла пора давно желанного
И вождеденного упадка.

Те законы, по которым сейчас живут многие кавказские народы, — это, конечно же, упадок — упадок для них желанный и вождеденный. Это средство выживания. Посмотрите на абхазов. Нация, которая гораздо менее конкурентоспособна, чем окружающие ее нации, как русские, так и грузины. Что же они делают для решения собственного этнического вопроса, да и материального вопроса тоже? Они изгоняют грузин, отбирают у них их собственность, находят нишу для договора с российскими властями, договариваются с ними, отбирают собственность у оставшихся не-абхазов, в том числе и у многих и многих абхазских русских; закрываются, как в коконе, устанавливают доминирование абхазского этноса, свои патриархальные архаичные порядки, где у них отсутствует конкуренция, не проводят никаких реформ и т.д. Посмотрите, абхазы до сих пор — за 18 лет — не провели даже несчастного земельного кадастра. Потому что если сделать его, то сразу будет ясно, кто чей дом захватил. Причем Россия даже предлагала дать деньги на проведение кадастра — все равно отказываются. Зачем им показывать, кто захватил эту быковскую крикетную площадку?

В отношении самоорганизации этноса во время ослабления России у кавказских народов существует огромная разница с русскими. Если

Кавказ моментально самоорганизуется, становится более дисциплинированным, люди начинают поддерживать друг друга и т.д., то русские демонстрируют абсолютно иные тенденции, абсолютно другие нормы поведения — мы расслаиваемся, атомизируемся, глупеем, становимся трусливее и проявляем еще многие самые отвратительные черты русского человека. Там, где кавказец берет в руки оружие и начинает бороться, русские начинают спиваться и уходить из общественной жизни.

Почему так происходит? Моя точка зрения такова, что на протяжении последней тысячи лет мы, русские, являемся людьми государственными. Помните, как у нас называют туляков? «Казюки», то есть люди казны, это пошло еще с тех времен, когда там были петровские казенные заводы по производству металла, оружия и так далее. Мы — люди казны, люди государства. Русский человек подсознательно живет в государственных рамках и по государственным законам. За тысячу лет российской государственности у него атрофировались клановые понятия. В отличие от кавказца, ему нельзя к ним вернуться — некуда! Со времен Ольги и Гостомысла племенные законы забылись! В служении государству русский человек проявляет свои лучшие черты, но он и сам ждет помощи от государства — постановки цели, создания благоприятных условий, защиты наконец. И если он оказывается в условиях, когда государство его фактически бросило, когда государство не поддерживает его, а поддерживает кого-то другого, а чиновники работают «себе на карман» — наши люди разваливаются, начинается пьянство, начинается наркомания, мы деградируем, и это, к сожалению, чистая правда.

То есть русские люди видят себя в государстве. Как же реагирует наше государство? Мы видим, что в последнее время, особенно с приходом

В.В. Путина, особенно после 2004 г., в стране сложилась ситуация, когда у нас выстроена совершенно специфическая вертикаль власти. Эта вертикаль власти характеризуется опорой на региональные элиты. Москва выбирает самого сильного мальчика во дворе — в каком-нибудь рязанском, тульском, пензенском или кабардинском дворе — и предлагает ему встать у руля и заключить с ней договор. Когда это происходит в Рязани, Туле, Пензе — это, в принципе, работает. Там тоже есть огромное количество просчетов и ошибок, но это все равно работает. Во многом потому, что с обеих сторон люди говорят на одном и том же языке и находятся примерно в равных условиях.

Но Кавказ — он иной, он стоит особняком. Кавказ — это некая резонирующая труба, в которой слово, сказанное в начале трубы, в ее конце звучит гораздо сильнее. Поэтому и ошибки, которые имеются в начале процесса, в его конце становятся намного страшнее и разрушительнее. Те проблемы, которые есть у нас в государственном управлении, в стране в целом, очень сильно максимизируются именно на Кавказе — потому что там меньше ресурсов, меньше денег, меньше возможностей заработать, там все та же клановость, большое количество национальностей и т.д.

И вот, представьте, в этих совершенно непростых условиях Кремль выбирает самого сильного мальчика в кавказском дворе и говорит ему: «Давай заключим договор. Я буду давать тебе деньги — много денег! — буду закрывать глаза на то, как ты их тратишь, и дам тебе почти полную свободу действий у тебя во дворе. Ты в ответ будешь “держат” свой двор, продемонстрировать мне лояльность, хотя бы внешне, чтобы я мог это показывать всем партнерам и говорить, что я — хороший руководитель, ну и на выборах будешь делать так, чтобы в твоём дворе я выиграл в любом слу-

чае». Именно в этом заключается договор нашей федеральной элиты с региональными кавказскими элитами.

Что происходит в этом случае? *Кавказский руководитель, имеющий свой особый менталитет, живущий в своих особых условиях и говорящий со слабой Россией, начинает действовать не в интересах всего своего региона, а в своих собственных интересах и интересах своего клана.* Как говорят в Карачаево-Черкесии: «Приходит к власти Хубиев — во власти все Хубиевы до последнего человека, приходит к власти Эбзеев — во власти все Эбзеевы, приходит Батдыев — Батдыевы». Такая же ситуация наблюдается практически везде — в Чечне власть передается от отца к сыну, в Адыгее президент Тхакушинов ввел чуть ли не половину своих родственников во власть и т.д. Это нормально. Как пел Высоцкий: «Мы давно так живем».

Но что происходит дальше? Когда один клан или узкая группа кланов начинает руководить всем, то сразу происходит узурпация всех активов. Их сразу замыкают на себя и используют только или почти только для своего клана, своего этноса, своей «группы поддержки». С учетом того, что на Кавказе уже в значительной степени произошла деиндустриализация, что там наступил развал производства, то этими активами в массе своей становятся денежные транши из центра — не секрет, что во многом северокавказские республики живут именно за счет федеральных дотаций.

В этих условиях одна — малая часть населения — имеет все, а другая — большая — ничего. Обычные люди на Кавказе, люди, не имеющие отношения к власти, обделены так же, как и наши граждане в любом другом регионе России или, может быть, даже больше. В условиях господства одного клана у них нет доступа к активам, нет возможности открыть нормальный бизнес, получить достойную работу, дать детям образование и т.д. Они

удивляются, когда им говорят, что центр платит им высокие дотации, — они их просто не видят, т.к. все оседает в руках правящей элиты! Именно той элиты, на которую делает ставку Москва!

В результате общество на Кавказе в огромной степени поляризуется — кто-то имеет все, а кто-то — ничего. При этом тот, кто лишен всего, в условиях кавказского менталитета и возврата к догосударственным нормам поведения зачастую начинает выступать против существующего положения вещей с оружием в руках, и тогда происходит то, что мы сейчас предпочитаем очень удобно называть «терроризмом». Именно в этом в значительной степени заключается причина радикализации народа в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Ингушетии.

Но и с правящими кланами и с правящими элитами все тоже не так просто!

Существующая формула взаимоотношений с Кавказом, формула элит, внешне выглядит привлекательной, т.к. ретуширует огромные проблемы, которые она в себе заключает. Но внутри нее идут очень сильные разрушительные процессы, они разрывают Кавказ, отрывают его от России, ведут к значительным потрясениям и, может быть, к расколу уже в среднесрочном периоде.

Получив свободу действий при слабой Москве, элиты начинают проводить ярко выраженную этническую политику, направленную на доминирование титульной национальности над всеми иными. В течение десятилетий идет усиленная идеологическая обработка населения в духе превосходства одного народа над другим и объяснения всех бед одного этноса действиями другого этноса. Обеспечивается разный доступ к законности и к активам, зачастую совершенно явное физическое насилие над представителями другого этноса, выдаваемое за хулиганские действия на бытовой

почве. В результате мы имеем моноэтнизацию Чечни и Ингушетии, схватки этнических кланов в Дагестане, кабардинизацию в КБР и ее зеркальное отражение в КЧР, неравный доступ к власти и активам в Адыгее и многое-многое другое. При этом все этнические элиты сходятся в одном — они выдавливают русское население Кавказа. Подобная политика раскалывает республики Северного Кавказа, отрывает их от России. Россия уже не воспринимается в роли естественного арбитра и лидера мнения. Лояльность ей теряет свою сакральность и безусловность, начинает обставляться финансовыми и иными условиями, выдаваться в качестве товара, имеющего свою цену.

При этом в политической жизни очень сильным и важным элементом становится некий шантаж, шантаж самой же России, шантаж ее кровавым прошлым или военным будущим.

В плане прошлого на щит поднимаются теории «кровавого» завоевания Россией Кавказа. Так, например, адыгская элита выдумала целую теорию геноцида адыгов во время Кавказской войны. По их мнению, Россия теперь должна глубоко раскаяться и выполнить целый ряд политических и иных условий.

В плане будущего это, конечно же, шантаж войной. Совершенно понятно, что существующая формула — та ее часть, которая закрывает глаза на беспредел и воровство кавказских элит, — исходит из политики улаживания представителей региональных элит и отвращения их от ведения боевых действий — *если кавказский лидер не будет воровать, то он будет воевать*. Помните у Бродского: «Пусть воруют, воруяга мне милее кровопийцы»... Кавказские лидеры, некоторые или все, это прекрасно понимают и прямо или исподволь шантажируют войной.

Именно этим объясняется заявление чеченского омбудсмена Нурди

Нухаджиева о том, что если Россия не изменит отношения к чеченцам, то с Олимпиадой у нее будут большие проблемы. Именно это находится в основе требования Чечни о выплате ей почти полутриллиона рублей дотаций. Раньше, во времена Крымского ханства, подобное называлось «драть ясак», и если чеченцы его не сдерут с Москвы завтра, то послезавтра будет война!

И вот здесь поставьте себя на место нынешних кремлевских властей. Им не позавидуешь! *Кремль боится Кавказа, он не знает и не понимает его. Среди наших высших чиновников нет ни одного или почти ни одного, кто бы разобрался в кавказских реалиях.* Нашим полубогам легче не выправлять дела на Кавказе, а откупиться от него, откупиться, особенно если в результате откупа они сами еще получат какие-либо дивиденды.

У нашей федеральной элиты на носу очень жаркое время — двое крайне важных выборов и Олимпиада. Ее собственное положение довольно шатко и без Кавказа — поддержка со стороны народа падает резкими темпами, достижений нет, вокруг коррупция, степень легитимации власти низка и т.д. Если в этих условиях в том или ином ракурсе поднимется еще вопрос Кавказа (а он уже поднимается!), то Боливар российской политики может не вынести не только двоих, но даже и одного.

В этих условиях для соблюдения интересов федеральной, правящей элиты никакое изменение формулы, которое неизбежно приведет к обострению кавказского вопроса, невозможно по определению. Наши власти сами стали заложником собственной же политики и теперь не имеют возможности изменить ее. В коротком периоде это будет означать консервацию нынешнего положения с его внешней приемлемостью и с внутренней противоречивостью и разрывом. Это будет означать, что мы не улучша-

ем положение, не исправляем его, но в интересах узкой элитарной группы лидеров страны мы замораживаем ситуацию и позволяем разрушительным процессам течь дальше.

Это неминуемо приведет к ухудшению положения России на Кавказе и усилит вероятность потери каких-то кавказских территорий в будущем. Раскол России, ее уход с Кавказа уже идет. Но идет он не потому, что россияне начинают ставить перед собой такой вопрос, а российская интеллигенция начинает его обсуждать публично, а потому, что иного выхода существующая формула отношений элит не дает. Чем дальше мы живем по ней, тем более неоднозначным будет будущее России на Кавказе.

И последнее. Говоря о «желательности» ухода России с Кавказа. В последнее время эта тема приобретает все большую и большую популярность и остроту. Я считаю, что сама постановка вопроса в таком ключе неверна и очень опасна.

Проблема России — не в Кавказе. Она — в слабости России, в причинах, которые привели ее к слабости, и в сговоре элит, в результате которого сами элиты в Кремле или на Кавказе получают немалые выгоды, а интересы людей — без различия их национальной принадлежности — и интересы нашего общего государства — России — страдают. Бороться надо не с Кавказом, а с корыстолюбцами, жуликами и ворами, которые довели нас до нынешнего положения.

Мы не можем отделить Кавказ, ибо там живут наши люди и они сами не хотят отделяться. Все, что они в массе своей хотят, — это возможность жить по закону и иметь равные права и обязанности со всеми. В существующих условиях они этого лишены.

Отделение Кавказа не устранил и не может устранить наши проблемы. Так отделение Грузии не помогло избежать конфликта на Кавказе, а отделение Средней Азии не помогло оста-

новить поток наркотиков, идущий оттуда. Отделение только усугубит наши проблемы, ибо в усеченном виде нам будет тяжелее выживать в современном мире.

Нельзя отрезать части тела, если нет гангрены. У нас пока (слава Богу!) гангрены нет, но то, что мы остро нуждаемся в лечении, — это чистая правда.

И напоследок я хочу процитировать слова Петра Аркадьевича Столыпина, который произнес их в одной из дискуссий по поводу того, стоит ли России строить Амурскую железную дорогу и прирастать Дальним Востоком, если мы в основном ощущаем себя страной европейской. Тогда, в тот момент, он сказал фразу, которая сохраняет свою актуальность и сейчас и может быть отнесена не только к Амуру, но и к Кавказу.

«Наш орел, византийское наследство — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, а заставите только его истечь кровью». Так вот, отсечение от нас кавказской головы не превратит нас в сильного орла. Мы только истечем кровью.

**Андрей Тривайло, аспирант
Дипломатической академии
Министерства иностранных дел РФ,
юрист:**

— Моя малая родина — Ставропольский край, за жизнью которого я слежу очень пристально и внимательно, мои близкие, мои родные все там. Тем более то, что происходит на Кавказе, как уже говорил Андрей Епифанцев, — это часть процессов, происходящих в стране, это проблема не только Кавказа, это проблема всей страны, всей системы государства. Ставропольский край стал такой территорией, где относительно других регионов Северного Кавказа — спо-

койно, но напряженнее, чем в других регионах России. Это такая перемычка, ворота на Северный Кавказ, где сходятся все пути. Мы последний серьезный, реальный оплот России в Северо-Кавказском федеральном округе.

Что творится на Ставрополье? К сожалению, для нас конфликт между народностями Кавказа и России был актуален испокон веков, наверное, со времен присоединения Кавказа Россией. В той или иной степени он полыхал всегда. В 90-е годы у нас был большой поток беженцев из Чечни, у карабахских армян — из Карабаха, что давало и напряженность, и рост конфликтов. Потом как-то все притихло, все сжились с теми, кто пришел, они приняли наши законы, мы частично приняли их обычаи, и ситуация была долгое время вполне спокойной — до 2000-х годов, и даже больше — до второй половины 2000-х годов. Особенно острой проблема стала после отделения Северо-Кавказского федерального округа от Южного федерального округа и включение в него Ставропольского края. Для местного населения это стало большой проблемой. Ставропольский край стал центром интересов всего Кавказа. Несмотря на то что там сейчас заседает вся верхушка Северо-Кавказского федерального округа, порядка там больше не стало, а наоборот, стало только хуже.

Чтобы оценить нынешнюю ситуацию на Ставрополье, необходимо край разделить на определенные зоны. Зону восточного Ставрополья, где идет активная дагестанизация районов; зону Кавказских Минеральных Вод, особенно беспокойную на Ставрополье, и западную и центральную часть, более стабильную. Кавказские Минеральные Воды активно заселяются чеченцами, отчасти мы где-то и сами виноваты, мы оставляем пустые территории — сейчас отток русских со Ставрополья очень большой. Сравнительно с другими российскими ре-

гионами на Ставрополье громадная коррупция, слабый социальный лифтинг, кумовство и другие проблемы, заставляющие мигрировать большое количество людей в поисках лучшей жизни. Но относительно кавказских республик у нас еще остался шанс и получить лучшее образование, и найти какую-либо работу. И получается такая ситуация, что русские из Ставрополья едут в Центральную Россию за лучшей жизнью, а Кавказ едет к нам, ведь свято место пусто не бывает. Многие села уже стали чеченскими, многие дагестанскими, а русские уезжают, потому что, откровенно говоря, тяжело с ними жить рядом. Приезжие не приемлют наши законы, они стараются насадить свои понятия, свой образ жизни — силой, деньгами, массой.

Вернуть к восточному Ставрополью, Кавказским Минеральным Водам, где наиболее часты конфликты. Восточное Ставрополье активно дагестанизируется, тот поток, который идет с Кавказа на восток края, просто немыслим. Приезжие занимаются в основном животноводством, торговлей, реже высокоинтеллектуальной работой. А вот местное население, и в большей мере высокоинтеллектуальная масса, уезжает, что, конечно же, влияет и на развитие районов в целом. После включения Ставропольского края в СКФО с центром в Пятигорске, как мне известно, есть программы, благодаря которым чеченцы получают льготные кредиты и ипотеки от властей Чеченской республики на покупку жилья и развитие бизнеса на КМВ. Думаю, понятно, для чего все это делается. Тем более с их амбициями, с их нравами. Интересно то, с чем столкнулись на Кавказских Минеральных Водах чеченцы, — это те народности, которые там уже жили вместе с русскими: армяне, которые там составляют 50% населения Пятигорска; греки в Эссентуках; карачаевцы в Кисловодске — эти народности уже

давно имеют свой серьезный бизнес в регионе, свое влияние и уже наладили отношения с русскими и между собой. И тут приходит Чечня — приходит с большими деньгами, с большой силой, и начинается конфликт. За последние года два, после присоединения Ставрополья, произошло значительное количество массовых драк. То, что освещает Москва, и доли не показывают того, что происходит там. Большое преимущество, которым в такой ситуации владеют чеченцы: если со стороны конгломерата народностей на разборки приезжают обычные мужики, то со стороны чеченцев приезжают чаще матерые боевики, которые стараются очень быстро решить вопрос.

И власть боится чеченцев. Множество случаев, когда приезжают вооруженные люди, с корочками спецслужб, охраны Кадырова, отдыхают с шумом и весельем, и их просто некому утихомиривать, потому что это кончается применением оружия либо последующими разборками, когда на защиту «обиженных» бросаются делегации чеченских силовиков, правозащитников, советников руководства республики. Об этом, кстати, уже не раз говорил наш губернатор и премьер-министру, и президенту.

Самое негативное. Помимо того, что чеченцам выделяют деньги на развитие собственного бизнеса, они не стыдятся еще и захватывать бизнес. Когда Чечня приехала на Камминводы, она попыталась было наскоком захватить самую главную экономическую точку Пятигорска — рынок. Это нечто подобие «Черкизона», но только для Кавказа. Наскоком не получилось. Сейчас пытаются это делать постепенно, методично выкупая, забирая точечно. Много показывали по ТВ-новостям, как во Франции машины горят, арабы буянят. Но никто не показывал, как в прошлом году очень много машин сгорело из 95-го региона (ЧР) в Пятигорске, когда чеченцы наскоком пытались взять рынки и Пя-

тигорск под свою руку. Много машин сожгли. После этого чеченцы начали ставить номера ставропольские. Кавказское рейдерство происходит и в Кисловодске, где много заводов легкой промышленности, от тапочек до спортивных костюмов под маркой «Адидас», что опять же вызвало столкновения. И я полагаю, что ситуация будет только усугубляться.

Как уже говорил Андрей Епифанцев, русское население не может выстоять против обычаев и нравов кавказских народов в хаосе, русские не могут сплотиться и развиваться в отсутствие системы и движущей силы, это реальная проблема русских не только для Кавказа, но и для всей страны.

В Ставрополе, конечно, чувствуется приток кавказцев, много молодежи, студентов со ста баллами ЕГЭ, так легко получаемыми в республиках Северного Кавказа, чувствуется, какие они интеллектуалы с пальцами и шапками на макушке, но тем не менее в Ставрополе ситуация держится еще более-менее нормально. Когда я в последний раз был там в январе, спрашивал близких о ситуации, они говорят: «Да вроде нормально, терпимо, уже привыкли». Конечно, были случаи, когда расстреливали лезгинки, массовые драки в парках, но они уже настолько обыденными стали, что привыкли все — постоянный фон. «Манежкой» там не удивили никого.

Александр Храмов:

— Вопрос Андрею Тривайло по Ставрополю. Я там был в прошлом году, в Пятигорске, разговаривал с местными активистами русского движения, там сложилось такое ощущение, что они достаточно немногочисленны, казачество — это сила несерьезная. В связи с этим практический вопрос: возможна ли на Ставрополе какое-то осмысленное русское движение, с четкой целью выхода Ставрополя из Северо-Кавказского

федерального округа? Есть ли какие-то люди, активисты?

А.Т.:

— Я начну с последнего вопроса по поводу выхода. Попытки такие были, в прошлом году собирали подписи, несколько тысяч собрали. Люди обсуждали это, люди готовы были бы подписаться, если бы им дали документ. Но как только власти увидели, что подписавшихся несколько тысяч только в Интернете, на небольших ресурсах, сразу прекратили все попытки документального подтверждения подписей. То есть если завтра пойдет лист бумаги для подписей по всему Кавказу, большинство выскажется против того, чтобы оставаться в Северо-Кавказском округе.

А.Х.:

— Это что-нибудь изменит?

А.Т.:

— Это ничего не изменит.

Андрей Епифанцев:

— Это не пройдет. У нас закон о референдуме составлен таким образом, что без поддержки властей референдум на низовом уровне провести невозможно.

А.Х.:

— Но чисто практически провести митинг в Ставрополе за выход Ставропольского края из Северо-Кавказского федерального округа — есть такие ресурсы, потенциально хотя бы?

А.Т.:

— Есть у нас одна такая организация — Славянский союз Ставрополья. Хорошие ребята, они активно помогают в конфликтах с кавказцами — где силой, где финансами, где каким-то влиянием, только я не вижу их перспективы в нынешней ситуации. Потому что как только они выйдут на чуть

более высокий уровень, их сразу же объявят, подобно Славянскому союзу России, вне закона, поэтому они не будут особо светиться.

Валерий Соловей, доктор исторических наук, профессор:

— Несмотря на усилия весьма уважаемого мною г-на Елифанцева доказать гетерогенность Северного Кавказа, в результате его выступления я убедился скорее в гомогенности этой территории (имея в виду, конечно, ее нерусскую, горную часть). Что объединяет все (или почти все) нерусские этнические группы Северного Кавказа? Масштабная и уже далеко зашедшая архаизация социальной жизни; иждивенческое отношение к России, которая должна-де платить этим этническим группам за их лояльность. К сему можно добавить массовую агрессивную русофобию кавказцев, нехарактерную лишь для осетин. Что же мы получаем в итоге? *Тотально враждебный России и русским, но существующий исключительно за их счет регион.*

По крайней мере так видит Кавказ и кавказцев современное русское массовое сознание, и, честно признаюсь, с ним невозможно не согласиться. Существует устойчивая презумпция негативного отношения русских к Северному Кавказу, причем негативная динамика нарастает. Это — одна из двух базовых предпосылок, которая в конечном счете и предопределяет русскую политику в отношении Северного Кавказа. Вторая предпосылка — *абсолютное нежелание русских хоть чем-то жертвовать для этих территорий и их населения.* Русские более не хотят платить за сохранение чужих и враждебных народов в составе России ни кровью, ни деньгами, ни малейшими усилиями. Отчуждение Северного Кавказа от России еще не произошло окончательно, но уже зашло столь далеко, чтобы принять не-обратимый характер.

С этой наблюдательной позиции — позиции массовой психологии и культуры — *сепарация России и Северного Кавказа выглядит предрешенной.* Хотя, конечно, это будет процесс, а не разовый акт. Но процесс, который займет не десятилетия, а всего лишь годы. Возможно даже, его интеллектуальная проработка и законодательная подготовка начнется уже через пару-тройку лет.

Русским националистам нет нужды выдвигать лозунг отделения Северного Кавказа, а надо просто ожидать, пока плод упадет сам собой. В скором времени общественное мнение будет столь накалено, что никакой альтернативы, кроме выпихивания Кавказа из российского пространства, оно просто не увидит. Причем причиной этой культурной и ментальной ярости будет отнюдь не агитация и пропаганда русских националистов, а безумная политика Кремля, поощряющая антирусские практики.

Задача русских националистов состоит в том, чтобы подчеркивать неразрывную связь и даже тождество антирусской политики Кремля, с одной стороны, и кавказской русофобии и паразитизма — с другой: они друг друга взаимно обуславливают, поддерживают и питают. Выбьешь одно — тут же падет другое.

Юрий Сошин, политолог:

— Современная ситуация на Северном Кавказе практически всеми политическими силами оценивается как катастрофическая.

Говорится о «цивилизационном разломе», «конфликте цивилизаций» и т.п. Но тут надо сделать серьезные уточнения. Если с со стороны России можно говорить о сложившейся самодостаточной цивилизационной традиции как части европейско-христианского мира, то со стороны нового для Северного Кавказа салафизма (ваххабизма) можно говорить лишь о некой «цивилизационной по-

тенции», о заявке на «новую цивилизацию». Современный салафизм Северного Кавказа не является возвратом к традиции, он с реальной традицией расходится не менее радикально, чем с российско-европейской.

Появление радикального модернистского исламизма есть следствие, прежде всего, кризиса социально-экономического и духовно-идейного комплекса, создаваемого на Северном Кавказе в советское и досоветское время. Те формы общественного устройства и духовно-идейные конструкции, которые веками насаждала Россия на Кавказе, подверглись разрушению и стали отторгаться кавказским социумом. Надо сказать, что в «дороссийские» времена кавказский социум не был статичным, он постоянно был в состоянии трансформации. Попытка создания особого социально-политического устройства, предпринятая имамом Шамилем и его предшественниками, так же как и современный северокавказский салафизм, — была модернистским проектом, конфронтирующим как с российско-имперским «новым порядком», так и с адатным традиционализмом.

В то время Россия смогла найти и предложить Кавказу определенные формы общественного устройства, которые были приняты всем кавказским социумом (кроме вайнахов, Россия их переломить так и не смогла). Но с кризисом российско-имперских, в том числе советских, форм социальности Кавказ начал выпадать из российского цивилизационного поля («Русского мира»).

Кризис России как государства, имевшего особый цивилизационный проект, для Кавказа стал более разрушительным, чем для собственно России. Кавказ оказался более «беззащитен» в духовном и социальном плане.

В этом плане «защитной реакцией» на процессы социального, экономического и политического кризиса ста-

ла «псевдоархаизация» кавказского социума. Если с распадом советской системы хозяйства произошла естественная архаизация экономики, то в плане социального бытия «возврат к традиции» не произошел, ибо «традиция», как самодостаточное явление, за десятилетия и даже столетия пребывания Северного Кавказа в российском политико-культурном пространстве во многом оказалась утраченной.

«Псевдоархаизация» кавказского социума на практике является банальным социальным одичанием. По мере естественного уменьшения активности, сформированной в советском духовном поле части социума, и уменьшения значения «доставшихся в наследство» социализирующих институтов (школа, армия, светские формы искусства: литература, театр, музыка), происходит все более радикальное глубинное отмежевание молодой части социума от цивилизованности как таковой. На социальном поле начинает царить «новый дикарь», не имеющий минимального культурно-образовательного багажа, чьи животнов-этологические формы поведения лишь в некоторой степени сдерживаются традиционной этикой. Но и эти формы поведенческого контроля, как, к примеру, уважение к старшим, исчезают, зачастую (особенно в случаях социальной миграции, в частности по линии «село—город» или «Кавказ—Россия») с катастрофической быстротой.

Наступление эпохи «освобожденных от всего» «новых дикарей» уже во многих местах на Кавказе превращает обыденную, повседневную жизнь людей в ад. Особенно для не защищенных традиционной этикой частей населения, прежде всего северокавказских русских.

В этом плане «салафистская реконкиста» является своеобразной попыткой наиболее думающей и совестливой части кавказского общества противостоять «приходу дикости»,

способом создать хоть какую-то нравственную и социальную замену исчезающим квазисоветским и российско-квазихристианско-европейским цивилизационным конструктам. В ряде случаев (ваххабитские села и даже районы в Дагестане) попытки создать «альтернативный социум» достаточно успешны.

Но в целом вряд ли ваххабизм сможет стать достойной альтернативой. Наступает эпоха масштабного духовно-социального кризиса Северного Кавказа. Этот кризис будет сопровождаться углублением процессов социораспада в собственно Северокавказском регионе. Кавказский кризис будет лишь частью грядущего тотального общероссийского социально-политического кризиса. Отгородиться, как предлагают многие, от Кавказа для России нереально, слишком глубоки взаимные связи, нет ни механизмов, ни сил для подобного «отделения». Попытки же «откупиться» от Кавказа лишь приводят к усугублению кризисных явлений. «Кавказская зона нестабильности» неизбежно будет кошмаром России.

Олег Неменский, историк, политолог:

— Что такое Северный Кавказ для современной России?

В первую очередь это *единственная собственно имперская территория РФ*. То есть территория, военное покорение которой и война с народами которой находится в актуальной памяти русского народа: там шли войны и в XIX, и в XX веке, там и сейчас обстановка конфликта. Кавказ и сегодня приходится подчинять и удерживать.

Все остальные инородческие страны, составлявшие Российскую империю и оставшиеся в современной РФ, статус имперских территорий уже так или иначе потеряли. Одни из них были подчинены в результате довольно мирной колонизации и давно уже стали русскими, другие присоединены

дипломатически либо их завоевание было чем-то вроде далёких колониальных войн. О самых старых покорённых землях, по сей день входящих в состав России, можно сказать, что сам факт их завоевания уже столь далёк исторически, что о нём узнают только из учебников истории. В том же Поволжье сожителство с иными народами стало столь привычным и мирным, что утверждение «Волга — великая русская река» воспринимается уже скорее как аксиома национального самосознания, чем как выражение имперских притязаний.

Единственная территория русского покорения, актуальная в таком статусе, — это Северный Кавказ. И так получилось, что именно он остался в составе РФ после распада СССР. И именно он определяет имперский компонент в русском сознании. Можно даже сказать, что именно он делает современную Россию всё же империей. Поясню, что под Северным Кавказом я подразумеваю именно горные регионы, объединённые в национальные автономии. Речь не идёт о равнинном Ставрополье или о других преимущественно русских регионах к северу от горных областей.

Однако РФ — государство не национальное, но и не империя. Это, скорее, отрывок империи. Настоящая империя всегда представляет собой мощную государственность, силой и принуждением управляющую подчинёнными народами. А РФ таковой, мягко говоря, не является. Поэтому реально РФ не столько управляет этой территорией и этими народами, сколько пытается сохранить над ними контроль, откупаясь от них.

И вот эта ситуация уже напоминает не столько империю, сколько те далёкие времена, когда Москва платила дань Крыму.

Мы удерживаем горный Северный Кавказ не потому, что пользуемся им, извлекаем из него выгоды, и не потому, что там живут «наши братские на-

роды». И, конечно, не из-за русских его жителей: отношение к ним официальная Москва демонстрировала уже не раз (особенно ярко в случае с беженцами из Чечни). Организовать переезд в Ставрополье всех желающих представителей нетитульных наций из национальных республик было бы гораздо дешевле и легче, чем контролировать эти республики ради благополучия их русских жителей. Впрочем, и благополучия никакого нет — русские там живут в ужасных социальных условиях, они бегут оттуда по мере возможности, а государственная власть не делает никаких потуг к облегчению их положения. И дело здесь, к сожалению, не только в отсутствии доброй воли в Кремле, но и в реальных его возможностях.

На самом деле мы удерживаем Северный Кавказ только потому, что мы его боимся. Мы боимся, что если его отпустить, ненавидящие нас местные народы, почуввав волю, тут же пойдут на нас войной. И это страх вполне разумный, потому что всё и вправду может быть именно так. Поэтому мы предпочитаем платить им дань в обмен на сдерживание конфликтных тенденций, откупаться от них.

Сам метод откупки плох уже тем, что неизбежно обуславливает политику повышения цены, то есть сам вызывает к жизни сепаратистские настроения местных элит и усиление конфликтной составляющей. Дороже всего сейчас откупаются от Чечни — только потому, что она смогла учинить федеральному центру больше всего проблем. То есть весь этот механизм в принципе губительный. Вероятно, его можно было бы принять как временную модель сожительства слабого государства с нелояльно настроенными окраинами, если бы Северный Кавказ был бы для нас просто одной беспокойной окраиной. Но ситуация в последнее время изменилась принципиально. Можно даже сказать, что это исторический перелом в жизни

России — смена контекста её развития, господствовавшего сотни лет.

Культурный и государственный облик России исторически определяла в первую очередь великая Равнина. Этим наша страна принципиально отлична от остальной Европы. Равнина эта на самом деле не русская, и даже не восточноевропейская. Она действительно многонародная и евроазиатская. И действительно, как писал Георгий Вернадский, большую часть истории России (до XIX в. уж точно) мы можем описывать через внутривосточные конфликты — в первую очередь между Лесом и Степью.

Но теперь (и уже с XIX в.) Россия вышла за пределы равнинного исторического контекста. И причиной здесь не только её выход на широкую арену международных отношений, но и то, что у нас появились горы. Настоящие горы. Да, в давние века были у нас Карпаты, однако они были населены тем же равнинным восточнославянским народом и отличались лишь в ландшафтном плане. Урал был далеко на востоке, и даже когда мы пришли в Сибирь, он был актуален только как источник камня. А вот Кавказ — это настоящие Горы со специфически горными народами, специфически горной культурой. Это как особая часть света со своими нормами международной жизни, нам чужими и чуждыми.

Но мы сами туда пришли, и с тех пор значимость для внутренней жизни России этой «горной вставки» только увеличивалась. А уж если говорить про постсоветское время, то всю историю РФ последних двадцати лет можно описывать через кавказский вопрос. Он важнейший и для всей нашей политики на постсоветском пространстве, и для отношений с мировым сообществом, и для внутриполитического развития, а особенно для развития социальных настроений, особенно русского самосознания.

Так вот, *если раньше Россия была страной равнинной, то теперь она*

стала страной подгорной. Для неё важнее всего взаимоотношения равнинного населения с горцами, она вся живёт в контексте горской проблемы. Это выглядит даже смешно: Кавказ — далеко на юге и, казалось бы, не такой уж и большой, чтобы иметь такую значимость для огромной России. Но тем не менее это факт, который просто ещё не вполне вошёл в сознание. Вся Россия сейчас лежит у подножья Кавказских гор. И главная проблема жизни в русских городах — это взаимоотношение со спускающимися с гор представителями горских народов. Даже далёкая северная Карелия с её маленькими «кондопогами» — и то превратилась в подгорный регион со специфическими для подгорных жителей проблемами.

В этой ситуации есть и свои негативные, и свои позитивные стороны. Например, вполне возможно, что русское национальное самосознание было бы сейчас в ещё гораздо худшем состоянии, если бы не кавказская проблема — *представители народов Кавказа, как никто другой, напоминают русским, что они именно русские и что это что-то всё-таки значит. Этническое самосознание просыпается в состоянии конфликта.* Когда-то равнинная страна, ставшая подгорной, современная Россия обречена на актуализацию этнической идентичности и рост этнического корпоративизма. Это главный мотор социальной жизни в современной РФ, тот механизм её развития, от которого она в своих нынешних формах никуда не денется — сами эти формы определяют такие процессы. Как и то, что рост социального проникновения культурно чуждых элементов будет постоянно требовать и расширения контроля над обществом, усиления государственной власти и её карательных функций, хотя последние всё равно будут отставать от роста социальной напряжённости. Хорошо это или плохо — здесь оценки разнятся. Но всё же надо при-

знать, что никто такой ситуацией не удовлетворён и всем понятно, что она временная — так или иначе её надо менять.

Я не берусь давать рецепты исправления ситуации. Но мне представляется, что любой такой рецепт должен исходить из двух постулатов: а) *Кавказ надо отделять*, б) *Кавказ надо удерживать. Противоречие этих двух требований и задаёт форму и рамки дальнейших политических и социальных преобразований в этой области. Отделить, но удержать.*

Поясню. Наличествующая форма политического единства основана на фиктивных построениях «единой российской нации» и на деле работает только как печка, разогревающая конфликт. Печка, разгоняющая наш российский паровоз в сторону пропасти — масштабной внутренней войны. Единственный способ остановить действие этого механизма — граница, то есть политическое разделение. Однако страх, что эта граница окажется быстро сметена панкавказской войной, вполне оправдан. Как и то, что эта война приведёт в регион военные силы наших геополитических конкурентов.

А значит, задача «не отпускать» актуальности не теряет. Нам нельзя отпустить Кавказ, просто потому, что потерять мы его уже не сможем. Мы обречены на то, чтобы быть в той или иной форме с ним, обречены на большую значимость кавказского фактора в нашей внутренней жизни. Но любой рецепт улучшения ситуации должен исходить из требования уменьшения значимости этого фактора.

Несомненно, что это вопрос переустройства именно государственной системы. Вполне возможны варианты сосуществования республик Северного Кавказа в единой федерации или более свободном политическом и военном союзе с Русским государством — при условии его суверенитета над союзными органами. Модель

вполне реальная и имеющая свои исторические прецеденты. Впрочем, если она окажется лишь продолжительной переходной формой к полному политическому обособлению — это могло бы быть и неплохо. Ведь интерес России не в том, чтобы «контролировать как можно большую территорию», а в том, чтобы иметь культурно цельное и политически сплочённое гражданское общество, спокойные границы и добрых соседей — таких, которых бы не надо было бы бояться и с которыми можно было бы сотрудничать. А территориальные задачи у России иные — собирать русские земли.

Кстати, именно этой важнейшей геополитической цели России нынешняя система отношений с Кавказом особенно вредит. Не секрет, что Чеченские войны были для населения Украины и Белоруссии важнейшим аргументом в пользу раздельного существования с Россией. Теперь пришло представление о Кавказе как о постоянной болевой точке, источнике опасности, и знания об обострении славяно-кавказских отношений по всей России. Сколь бы ни были расположены русскоязычные жители славянских государств к России и к идеям нашей общности, иметь у себя дома те же проблемы они не хотят, и их нетрудно понять. Политическая независимость от Москвы для них сейчас — это залог того, что они по-прежнему будут жить у себя дома, на своей старой уютной равнине, а не в подгорных областях. Украинский и белорусский национальные проекты в наши дни — это во многом способ отделения русских от Кавказа. И Россия, как и весь русский народ, невероятно много теряет на этом вопросе. Возможно, теряет последний шанс на возрождение, на будущее сильной и цельной страны.

России надо перестать быть подгорной страной. Это состояние для неё просто неестественно, а в перспективе губительно.

Михаил Ремизов, президент

Института национальной стратегии:

— Олег Неменский хорошо продвинул нашу дискуссию, сказав, что формально-юридическое отделение части Кавказского региона не освободит Москву от необходимости выстраивать определенную модель контроля над этим регионом. Точно так же и заклинания властей о том, что уход с Кавказа недопустим, не отрицают того факта, что этот уход уже происходит.

Разве то, что мы наблюдали в последние годы и о чем сегодня нам напомнил Андрей Епифанцев — эта попытка откупиться от проблем, отдав контроль над ситуацией местным кланам, ослабляя, скажем мягко, действие российских законов в отношении Кавказа и кавказцев, допуская создание личных армий и так далее — *разве все это не является попыткой фактического ухода федерального центра с Кавказа?* Целые территории и категории населения, по сути, выведены из юрисдикции российского правосудия. Чеченская республика и ее экстерриториальные «граждане» — наиболее выразительный пример. На этом фоне обвинения в адрес русских националистов, которые якобы нарушают единство государства, выглядят бледно. Поэтому нет никакого смысла принимать на себя эти обвинения.

Сегодня для нас требовать отделения Кавказа — значит принимать на себя ответственность за провалы официальной политики. Нагнетание сепаратистской угрозы, теперь уже с русской стороны, позволяет представлять существующую политику как, пусть скверную, но единственно реальную альтернативу территориальному распаду и всем сопутствующим гипотетическим ужасам.

Гораздо эффективнее для националистов сделать акцент именно на слабостях существующей политики. Потому что *кавказский вопрос — это точка уязвимости существующей*

системы власти. С одной стороны, это показная success story Путина как лидера, якобы «закрывшего» вопрос с Чечней. С другой стороны — это основная точка напряжения, социального, этнического, международного. И главное — *это демонстрация бессилия власти.* Бессилие не в смысле отсутствия сил и средств — таковые как раз наличествуют, — а в смысле отсутствия их правильного применения. Можно удвоить или утроить количество денег, которые вливаются в Северный Кавказ, или количество «силовики», которые там орудуют. Но тем самым будет только удвоен и утроен масштаб существующих проблем.

Каким образом можно использовать эту уязвимость в политическом смысле? То есть в том смысле, в каком оппозиция использует уязвимость действующей власти.

Во-первых, необходимо фиксировать и объяснять: то, что происходит на Кавказе или то, что выплескивается с Кавказа в другие регионы страны в виде политического и бытового террора, — это не «стихийное бедствие». Это результат определенной политики, которая исчерпала себе и продолжение которой просто опасно.

Например, бессмысленно и опасно заливать кавказский пожар деньгами, в виде неподконтрольных бюджетных субсидий или инвестиций в «туристический кластер». Все эти инвестиции подпитывают подполье.

Можно сказать, они подпитывают его дважды: а) политически, поскольку, будучи присвоены местными кланами, они усиливают неравенство, коррупцию, ненависть населения к местным элитам, и б) финансово, поскольку один из источников финансирования подполья — рэкет в отношении местного бизнеса, в том числе связанного с административными структурами.

Поэтому мира в обмен на инвестиции и свободу рук для местных элит не получится.

Во-вторых, нужно напоминать обществу, что неэффективная кавказская политика федерального центра — не столько результат безвыходного положения, сколько результат грубого лоббизма, граничащего с шантажом. Прежде всего, со стороны северокавказских элит.

Пакт с северокавказскими элитами, в соответствии с которым они получали полную свободу рук, привилегии и денежные вливания, а обещали стабильность и лояльность, себя полностью исчерпал. Стабильности нет, а лояльность — только в виде гротескных заявлений о любви «мужчины к мужчине».

В-третьих, необходимо создавать ощущение альтернативы, ощущение того, что существующая политика — не единственно возможная в сложившихся обстоятельствах.

И это действительно так. Думаю, альтернатива, которая нуждается в первоочередной проработке со стороны национального движения, — это повестка реального возвращения российского государства на Кавказ. Если уж власть так озабочена сохранением Кавказа в составе России, то давайте поговорим, при каких условиях это возможно.

Эти условия, вероятно, предполагают:

— введение особого режима управления беспокойными регионами, с условным «генерал-губернаторством», стягивающим финансовые и силовые рычаги управления;

— опору на русское население, организованное и вооруженное по модели «казачества» (не как этнографического общества ряженных, а как социальной технологии, технологии фронтального выживания, доказавшей свою эффективность в истории);

— ограничение привилегий местных элит, как сверху, от имени центра, так и снизу, от имени социальной справедливости;

— зачистка этнической организо-

ванной преступности и каких бы то ни было этнических лоббистских структур по всей России, и так далее.

При выполнении этих условий не помешают и инвестиции в социальную и производственную инфраструктуру.

Мне вряд ли хватит времени для того, чтобы говорить об этом более обстоятельно и подробно. В данном случае моя цель — зафиксировать, что *национально ответственная альтернатива существующему курсу может и должна быть представлена как повестка контроля над Кавказом, а не повестка бегства*. И если власть неспособна ее реализовать, то тем хуже для власти. Это может стать фатальным не только для государства, но и для нее самой.

**Александр Севастьянов,
политический публицист:**

— Мое выступление будет кратким: один эпиграф, одна преамбула, три тезиса и один вопрос.

Эпиграф такой: *«Когда страна была едина, / Никто не думал, как сейчас, / Что рана в сердце — Украина, / А шило в заднице — Кавказ»*.

Преамбула состоит в том, что я не согласен со всеми предыдущими ораторами, поскольку в их выступлениях была так или иначе озвучена концепция геополитического подхода к проблеме. Я стою на позициях этнополитики, а не геополитики, поскольку считаю, что геополитика есть проекция этнополитики на географическую карту, и не более того. Поэтому с этих позиций я и буду выдвигать свои тезисы.

А тезисы у меня такие. *Безусловно, нерв сегодняшней проблемы — как и что нужно отделить на Кавказе*. Как соблюсти при этом баланс геополитических выгод и этнополитических угроз. Вот это и есть ключ к проблеме Кавказа — взвешенно подойти и посмотреть, в каком именно регионе Кавказа геополитические выгоды

превалируют над этнополитическими угрозами, как, например, в Дагестане (ибо Дагестан — это единственный регион Кавказа, которым стоит дорожить с точки зрения геополитики), а в каких регионах этнополитические угрозы превалируют над геополитическими выгодами — например, Чечня и Ингушетия.

Правильно прозвучал тезис Андрея Епифанцева, что единого Кавказа нет, ни о какой, конечно, панкавказской войне не может быть и речи, никогда не поделят главнокомандование руководители кавказских республик, об этом даже смешно и думать. Поэтому заслуживает внимания прециозный подход, с учетом всех тонкостей этнополитики. Ну, скажем, та же Осетия — стоит ли ее отделять, если для Осетии являются смертельными врагами и грузины с одного бока, и ингуши с другого бока, если 70% осетин — православные христиане, если это для нас удобный выход, в случае конфликта какого-то, на Грузию и в Закавказье. Зачем ее отделять? Не мешает. Кабардино-Балкария — то же самое. Карачаево-Черкесия — то же самое.

Но самое главное, когда мы рассуждаем о проблеме отделения Кавказа — я еще раз хочу подчеркнуть, что стою на позициях этнополитики, поэтому самый главный критерий, отделять или не отделять ту или иную республику, — это наличие русского контингента в той или иной республике. Я занимал пост замдиректора по науке Института стран СНГ и курировал, в том числе, проблему русских диаспор во вновь образовавшихся республиках, которые все стали не просто национальными государствами, а этнократиями — по всему периметру нынешней кургузой России. Я знаю, как несладко живется русским и на Украине, и в Молдавии, и в Средней Азии, и в Закавказье (за исключением, может быть, Азербайджана), в Прибалтике и так далее.

Я не хочу, чтобы этот сценарий повторился на Северном Кавказе. Поэтому я призываю к тому, и в этом, собственно, мой третий тезис, *чтобы при рассуждении об отделении Кавказа мы не упускали из виду русский фактор*. В Карачаево-Черкесии 40% русских, в Кабардино-Балкарии примерно то же самое. Мы их что, отдаем на съедение местным элитам при отделении Северного Кавказа? Я думаю, что это было бы неправильно.

И, наконец, последнее, что я собирался сегодня озвучить, — это мой вопрос к основному докладчику, который, я надеюсь, будет освещен в конце: с 1991 года, даже с 1990-го, когда началась русско-чеченская война, когда чеченцы начали выбрасывать русских, грабить, убивать, насиловать их и прочее — с 1990-го года я задаю этот вопрос всем действующим политикам: *зачем русскому чеченцы?* Мне до сих пор никто на этот вопрос ответить не мог. Спасибо.

**Александр Храмов, координатор
Русского гражданского союза:**

— Я тоже постараюсь быть краток, тут уже было много сказано, я попытаюсь кое-что из этого обобщить. Андрей Епифанцев в своем выступлении отметил, что присоединение Кавказа носило характер колониальной войны, причем Россия вела себя во многом как нестандартная империя, ведь выходцы с Кавказа, например, имели возможность интегрироваться в имперскую элиту. Я считаю, что такая толерантность — это не достоинство Российской империи, а недостаток, и типичные колониальные империи в этом смысле поступали более эгоистично, действовали в интересах собственной метрополии, в отличие от империи Российской. И Олег Неменский высказал второй тезис, что Кавказ остается последней точкой имперского напряжения, имперского измерения России. И это действительно так — если смотреть на проблему

с этой точки зрения, можно обратиться к опыту других империй, других стран, которые имели колонии.

Мне кажется, наиболее близкая аналогия с российским опытом — это отношения Алжира и Франции. Алжир был присоединен примерно тогда же, когда и Кавказ. Там применялись похожие методы: и силовой, и дипломатический, — пытались договариваться с вождями, была масштабная французская колонизация по приморскому побережью. И все равно Франция в итоге столкнулась с необходимостью с Алжиром что-то делать и Алжир отделять — несмотря на то что там к 1950-м годам жило больше французов, чем сейчас русских на Кавказе. Основной вектор развития колониальных империй — в том, что с определенного момента удержание колоний становится очень невыгодным и очень дорогим. Поэтому все европейские страны в определенный момент поспешили сбросить колонии с себя, ведь постоянно там воевать, армию содержать, вкладываться в здравоохранение и образование — это очень большие деньги, а бонусы, которые от этих колоний проистекают, они очень незначительные. И с определенного момента становится выгодным уйти, но не полностью уйти, а определенным, теневым образом остаться. Европа до сих пор осталась в той же Африке, европейцы там качают ресурсы, но по косвенным, «левым» схемам, через негосударственные компании, сняв с себя всякую ответственность за происходящее.

В случае России, есть, конечно, нюансы, Россия была континентальной империей, нас не отделяет от Кавказа море. Но, как ни крутить, рано или поздно мы тоже в эту общеевропейскую, общемировую логику развития колониальных, имперских институций впишемся, и сейчас вопрос: как быстро это произойдет и какой ценой. Мы можем еще 30 лет этот Кавказ удерживать, финансировать его, но

тогда отделится уже не только Кавказ, как он есть сейчас, — отделится и Ставрополье, как уже указывали ранее на этом «круглом столе», там идет дагестанизация и чеченизация. Сейчас вопрос Кавказа — это вопрос времени. Чем дольше Кавказ будет в составе России, тем он отделится, грубо говоря, в более широких границах. Сейчас мы еще можем повлиять на какие-то сценарии, повлиять в свою пользу, но общий тренд исторического развития переломить уже невозможно.

**Антон Сусов, координатор
Русского гражданского союза:**

— Выступая девятым, сложно сказать что-то новое, но три аспекта стоит углубить.

Во-первых, это вопросы, связанные с нынешним режимом в РФ. Допустим, не было бы у России Северного Кавказа, что бы тогда изменилось? Вот было бы у нас примерно 80 субъектов федерации минус Северный Кавказ. По сути, не изменилось бы ничего, у нас была бы точно такая же диктатура олигархии и бюрократии. Поэтому я хочу сказать, *как здорово, что у нас есть Северный Кавказ, как здорово, что у нынешней власти есть вот этот больной зуб*. Кавказская проблема обнажает те глубинные, системные проблемы, которые существуют сегодня в России, — коррупция, отсутствие гражданского общества, неразвитая демократия. Когда мы говорим, что Северный Кавказ — это гангрена или больной зуб, то это больной зуб для кого — для правящего режима или для русского народа? Валерий Соловей акцентировал внимание на том, что северокавказская проблематика может быть использована определенными политическими силами, в частности, русскими националистами, могу сказать — да, именно эту проблематику нам сейчас надо активно задействовать.

Многие эксперты уже говорят о том, что осенью будет достаточно се-

рьезный политический кризис, сопоставимый с концом 80-х, и одним из центральных пунктов этого кризиса будет неразрешенная кавказская проблема. Поэтому русские националисты именно как политические националисты, чтобы оставаться самостоятельным политическим субъектом, не должны предлагать окончательное решение кавказской проблемы, потому что если мы посмотрим на программу «Единой России», она может быть и программой социалистов, и консерваторов, и либералов — они у всех политических сил тащат лозунги. Если мы предложим готовый рецепт, его обязательно у нас украдут и извратят. Так же, как Ельцин использовал русские националистические лозунги для борьбы с Горбачевым, но, как показало время, далеко не в русских интересах. Нам выгоднее, чтобы кавказский вопрос стоял в формулировке: *«отделить нельзя оставить»*. И запятую ни в коем случае нельзя ставить, должен стоять сам вопрос — это раздражающий фактор, и это здорово.

Второй момент: *Северный Кавказ полезен в составе России, потому что помогает складываться русской политической гражданской нации*. Мы сегодня видим, что показатели кавказофобии у тех же, допустим, татар, гораздо выше, чем у русских. Взять для сравнения тех же поляков и чеченцев, для которых образ русских — это вечный враг. По сути, мы помогли возникнуть многим нациям, потому что были для них раздражающим и объединяющим фактором. Сейчас у нас самих на повестке дня стоит вопрос о строительстве русской нации. И такой раздражающий фактор, как Северный Кавказ, в ближайшие годы может помочь становлению русской нации, поскольку помогает русским, татарам, карелам и многим другим почувствовать себя единым целым, объединиться вокруг русского этнического ядра и европейских ценностей в противовес экспансии сред-

невекового феодализма и радикального исламизма. Однако если Кавказ будет отделен, но сохранится нынешний режим, мы прекрасно понимаем, что никакой русской нации нам создать не дадут, будь в России хоть 99% русских. Напротив, чем глубже будет кавказская проблема, чем больше нынешняя власть будет бояться эскалации насилия, тем скорее она придет к необходимости появления некоего русского субъекта — либо с экстерриториальным статусом, либо с постепенным приобретением субъектами РФ русского статуса. Например, если происходит ситуация, подобная описанному конфликту на Ставрополье, когда из Чечни приезжает кадыровская братва отмазывать своих, пусть тогда, например, Тверская область будет русским субъектом — и с нашей стороны будет приезжать тверская братва и будет защищать там русских. То есть русские субъекты должны накапливать авторитет, влияние. Русское возрождение вполне может начаться из регионов.

И третий момент, на котором я хотел бы остановиться, — у нас действительно есть проблема с имперским наследием. Россия, к сожалению, хотя она вела типичные колониальные войны на том же Кавказе, но нормальную практику обращения с колониями, которая была у большинства колониальных империй, мы перенять не смогли. Но лучше поздно, чем никогда. Мы видели, когда был конфликт в Киргизии, многие эксперты говорили, что мол как же так, Россия ушла из Средней Азии, но это бывшее советское пространство все равно надо кому-то курировать, свои государственные традиции там неразвиты. Поэтому России на примере Северного Кавказа нужно тренироваться, нужно учиться колониальной политике, учиться быть нормальной европейской метрополией, контролировать территории не в ущерб собственному народу, а во благо. Как говорилось в одном замеча-

тельном фильме про Кавказ: *кто нам мешает, тот нам поможет*. Северный Кавказ поможет нам похоронить эту неудачную имперскую традицию и занять достойное место в числе европейских наций.

Максим Брусиловский, публицист:

— Я хотел бы сказать, что мы здесь не этнографическое общество, которое обсуждает интереснейшие аспекты жизни на Кавказе — многоженство, шариат, война всех со всеми и прочие интересные подробности. Говоря о Кавказе и о кавказцах, мы говорим в первую очередь о России и русских, мы говорим о себе и о своих проблемах. Так вот, в первую очередь несколько слов о русских. Вряд ли кто-то будет спорить с тем тезисом, что русский народ сейчас находится в фазе надлома, в фазе тяжелейших проблем и сложностей, и из этой фазы можно выйти двумя способами. Первый вариант: учтя ошибки, сложности и проблемы — консолидироваться и выйти обновленными и более сильными, и далее развивать Россию во многом в тех традициях многосотлетней империи, когда все развивалось по большинству аспектов достаточно хорошо. Да, нужно учесть ошибки, империя все-таки пала, но нужно сохранить базовый опыт, его использовать и в дальнейшем развивать с учетом современных требований.

Второй вариант — это выход из фазы надлома в ослабление, выход вниз, в деградацию, к дальнейшему исчезновению. Россия имеет специфический характер — она не остается статичной. Тот же территориальный вопрос всегда развивался следующим образом: или страна расширяется, или она сжимается, почти нет статичного варианта. Поэтому любое планирование как «давайте мы вот этот неудобный кусочекотрежем» и на этом остановимся — это позиция крайне неудобная, отрезать-то можно, но будет проблема: как на этом остано-

виться? Отрезая, придется отрезать и дальше.

В этом аспекте любые вопросы и любые рассказы об отделении Кавказа — это пораженческая позиция, это сигнал для всех внутри и снаружи о том, что русский народ слабеет. Он слабеет, от него можно откусывать кусочки и, откусив кусок, можно кусать дальше. При том, что нынешняя ситуация на Кавказе, как здесь уже говорилось, для русского движения во многом выгодна — это левая точка современной власти, сам Кавказ при этом не отваливается и, в общем, особо позывов к этому не делает — и странно было бы, если бы они это делали, сидя на русских деньгах. Ситуация во многом статична, и ее можно использовать для укола существующей системы. Тем не менее эта ситуация еще может какое-то время длиться. Длиться с надеждой на то, что русские смогут сорганизоваться и таким образом вернуть себе былую силу и былые возможности. И задача русского движения — дать людям волю к власти и к усилению собственного народа. Русский народ должен понимать, что лидеры русского движения готовы показать многомиллионному народу направление движения, что эти люди верят в народ и поддерживают его. Что у них нет даже мысли о поражении, что они всегда поведут русский народ вперед. Вот это действительно наша задача. И использовать для нее Кавказ мы можем и должны.

Владимир Тор, исполнительный директор Фонда поддержки и развития гражданского общества «РОД»:

— Уважаемое собрание, мне хотелось бы кратко остановиться на следующих тезисах.

Во-первых, я согласен с Михаилом Ремизовым о том, что основное, что сейчас стоит на повестке дня, — это создание на первом этапе риторической альтернативы русских нацио-

налистов по кавказскому вопросу. Понятно, что предлагать реальную альтернативу на государственном уровне можно только будучи в кресле государственного игрока. Понятно, что у нас на настоящий момент нет возможностей вести реальную игру даже за господина Хлопонина — хотя и он на самом деле далеко не в первом десятке политических игроков по Кавказу в России. Тем не менее — вменяемая риторическая альтернатива совершенно необходима.

Я совершенно согласен с Антоном Сусовым, когда он говорит: слава Богу, что Кавказ есть, потому что это во многом мобилизующий фактор, раздражающий, активизирующий национализм русский и это то, что дает нам шанс в конце концов оказаться не только на месте Хлопонина, но и много выше.

У Лао Цзы есть афоризм, звучащий примерно так: «То, что тяжело удерживать, невозможно удержать». Для разумной политики на Кавказе не стоит забывать эту стратегию.

На уровне риторики мы подчас попадаем в некоторые ловушки. Получаются ложные дихотомии. Уйти с Кавказа — не уйти с Кавказа. Национальное государство — или империя. Ни в коем случае нельзя обижать кавказцев — потому что иное означает войну.

«Уходить ли с Кавказа — или не уходить с Кавказа» — на самом деле в обоих случаях стратегия и практические действия все равно будут одинаковыми. Все равно на промежуточном этапе это будет протекторат, это будут военные базы, эту будет хитрая имперская политика. Когда мы говорим, что империя, надо понимать, что фраза Наполеона III: «империя — это мир» — лукавство. Империя на самом деле — это война. И имперская политика на Кавказе — это отнюдь не гарантия мира. Наоборот — это неизбежно политика войны.

Необходимо быть разумными диа-

лектиками. Надо ли нам воевать своими руками на Кавказе? Нет, своими руками воевать не надо. Но есть такая замечательная штука, как гражданская война местных князьков. Мы хотим удержать Кавказ в своем государстве? Замечательно — пусть Осетия воюет с Ингушетией. Мы хотим, чтобы наши интересы на Каспийском море в районе Дагестана были удержаны в зоне реального контроля России? Замечательно — у нас есть лезгины, у нас есть аварцы, у нас есть чеченцы, у нас есть даргинцы, у нас есть море противоречий между этими силами, и исключительно война между этими силами позволит нам сохранить контроль над регионом.

Мы хотим уйти с Кавказа — но тогда мы там должны остаться для его контроля. Мы хотим контролировать Кавказ? Единственный способ его контролировать — уйти оттуда. Нет возможности контролировать Кавказ, кроме как дистанцироваться оттуда и несколько отойти в сторону от местных конфликтов, хотя бы до границы Ставропольского края. Мне очень хотелось бы сохранить Ставропольский край — откуда родом мои предки — в составе России. Именно поэтому задачу надо формулировать не как «давайте восстановим конституционный порядок РФ в Чечне» — не вижу ни особого смысла в этом для практически отсутствующих там русских, ни практической возможности. «Давайте восстановим конституционный порядок в Ставрополье» — на самом деле это более актуальная задача. Это действительно актуальный рубеж, который необходимо защищать и за который имеет смысл бороться.

Как бы ни декларировали, как бы ни поступали: отделять или, наоборот, удерживать Кавказ — все равно России это обойдется очень дорого. Вряд ли можно затратить меньше деньги на Кавказе, чем тратятся сейчас, при том или ином сценарии. Вопрос в том, куда эти деньги вливать. Я

убежден, что единственная точка для вливания денег — это не режим Кадырова, это не масхадовщина, дудаевщина и прочие кавказские режимы той или иной степени декларационной лояльности по отношению к России. Единственная точка, куда можно и нужно вливать деньги, — это русская община на Кавказе. Единственный повод для того, чтобы вливать эти деньги — это создание укрепрайонов, это обустройство русских анклавов, это обеспечение инфраструктуры для мирного и успешного проживания на Кавказе именно русских.

Именно русские должны быть и получателями бюджетных дотаций, их бенефициарами, генеральными подрядчиками и работодателями по всем политическими, экономическим и военным процессам на Кавказе. Именно их непосредственный интерес должен быть критерием эффективности государственной политики РФ на Кавказе. Всё остальное — от лукавого.

Михаил Ремизов:

— У меня вопрос к Андрею Епифанцеву о казачестве. Меня интересует — эта социальная технология, она применима сейчас? Есть ли признаки ее активации спонтанной и может ли быть ее основой, матрицей, формальное уже институционализированное казачество — либо нет.

А.Е.:

— Вопрос реально очень интересный, я сейчас в принципе готовлюсь написать что-то на эту тему. Нынешнее казачество казачеством не является, и в современной системе это действительно, как вы говорите, ряженые. При данных условиях никакого действительного, подлинного возрождения казачества быть не может. Я сам наполовину казак — я периодически приезжаю и смотрю на современных казаков — это дискредитация: полуалкоголики, люди, навесившие на себя дешевые побрякуш-

ки и считающие, что если они будут петь старинные песни, то это делает их казаками.

Главное, чего сейчас нет в казачестве, — нет функции. В свое время казачество всегда исполняло исторически определенные функции, за что получало блага, привилегии, свободы. Сейчас эта функция потерялась — без нее казачество не сможет действовать.

Какова может быть эта функция? Либо это помощь в охране и обороне — но тогда зачем нужна милиция? Тогда по факту у нас получается задвоение. Охрана? Но как современное казачество — необученное и невооруженное — будет охранять, допустим, от чеченских боевиков? Это невозможно. Тут, кстати, есть еще другой вопрос, на который тоже нужно ответить: казачество — это сословие; как строить сословие в бессословном обществе? Это серьезный вопрос, и мы должны отдавать себе отчет в том, что если делать это — действительно возрождать казачество с присущими ему функциями, вооружать его и т.д., то сразу же возникнут протесты от кавказских народов, они скажут: «давайте и нам тогда наши вооруженные формирования».

Возможна еще функция — колонизации, одна из главнейших и наиболее важных традиционных функций казачества. Если сейчас такая функция будет найдена, а она не найдена, то на ваш вопрос, может ли организоваться казачество или не может, будет дан ответ. Но проблема еще и в том, что в таком случае, возможно, главными противниками такого казачества будут сами казаки, а вернее, потомки казаков, потому, что с подобным они будут не согласны. Сейчас потомки казаков, по крайней мере социально активные, видят свою функцию — в этом уходе в историю, в нагайках, в лампасах, в лошадях. По сути реконструкторское движение. Они не видят будущего, поэтому уходят в прошлое.

Можно ли найти функцию для современного казачества? Я считаю, можно. И ответы здесь нужно искать у народа. Очень важным является то, что народ в тяжелый период в том же Ставрополье начинает сам прибегать к казачеству. В тяжелый период казачество востребовано. Посмотрите на Зеленокумск, известные события, когда там пытались девочку изнасиловать, кто были эти ребята, которые за нее заступились? Это были казаки. Причем, что интересно, это были не родовые казаки, это были русские, но не исконные казаки, люди, которые вступили в казачество. То есть сейчас в определенных случаях казачество становится востребовано и начинает получать влияние. Что интересно, власти боятся этого влияния и дают его, в то время как безопасных бездельников в черкесках с псевдонаградами и нагайками они приближают. Тех, кто заступает за народ и, значит, может быть опасен им самим, — дают.

Я лично считаю, что функция у казачества теоретически может существовать. Во-первых, это охранная функция: давайте выделим территорию, тот же самый Северный Кавказ, выстроим ту же самую линию; такая же функция — в том же Калининграде, там тоже можно что-то сделать. И колонизаторски-охранная функция, как я вижу, на Дальнем Востоке. Собрать «охотников», дать им привилегии, дать им средства. Есть же в Израиле очень близкий аналог классического казачества — Войска территориальной обороны «Нохал». И не нужно бояться, что люди, которые поедут туда, будут не чистые родовые казаки. Родовых казаков выбили еще после революции, но сама история казачества говорит о том, что в нужный момент, когда нужно было государству, оно либо оказывало людей, давая им казачью функцию и средства, либо расказачивало.

Надежда Шалимова, шеф-редактор журнала «Вопросы национализма»:

— У меня вопрос к Андрею Епифанцеву. Каковы, на ваш взгляд, для местного населения три или две меры, которые могли бы хоть как-то изменить ситуацию на Кавказе?

А.Е.:

— Во-первых, я хочу еще раз подтвердить свой тезис, что *без изменения правил игры, без изменения нашей вертикали власти не изменится ничего*. Этого быть не может по определению, дважды два всегда четыре. Без гражданского общества, я все время на него назираю, без отчетности власти не перед Путиным, а перед обществом, ничего быть не может.

Во-вторых, *нужно прекратить систему кавказского иждивенчества*. В свое время, в 2005 г., у Козака была прекрасная идея — ограничить полномочия местных властителей в зависимости от уровня дотационности региона. В результате все враждующие между собой руководители регионов объединились и не дали Козаку провалить свою идею в Москве.

И третье. Все-таки я считаю очень важным присутствие на Кавказе русских. Возьмем, к примеру, Чечню. В условиях того, что в Чечне уже нет русских, я в принципе не понимаю, зачем нам удерживать эту территорию. Русские на Кавказе сейчас задавлены, забиты, запуганы, дезориентированы.

Они понимают, что если что-то случится, их тут же сдадут той же самой местной власти. *Без усиления русского фактора ничего быть не может*. Более того, я могу сказать, что с ослаблением русского фактора в самих республиках ухудшается ситуация и для горского населения. Для самих же кавказцев. Посмотрите — Дагестан в свое время был республикой, где был очень мощный элемент ВПК. Ушли русские — некому стало работать, положение ухудшилось, и теперь уже титульные народы начинают оттуда уезжать. В результате там остается какое-то количество людей, как сейчас в Южной Осетии — двадцать тысяч человек из шестидесяти осталось, частичка малая жирует на откатах, на траншах, а другие уезжают в Россию. С уходом русских сами кавказские народы начинают ссоры за территорию. Ссоры, которых раньше не было. Я как-то уже приводил пример одного красивого высказывания, которое не помню где прочитал: *«Кавказ — это прекрасный кусок янтаря с застывшими в нем науками. Янтарь — это русские, если они уйдут, науки вцепятся друг другу в горло»*. И именно это, как мы видим, происходит.

Так что вот эти три элемента, которые я бы назвал: *изменение власти, экономическая самостоятельность и усиление русского фактора*. Спасибо.

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

От «СУВЕРЕННЫХ РЕСПУБЛИК» — К «НАРОДАМ-КОРПОРАЦИЯМ»

Роль национальных республик в составе России крайне велика. Прежде всего потому, что они играют роль сдерживающей силы по отношению к русскому народу. Последний, будучи самым большим народом России, полностью лишен даже подобия государственности. Напомним, что Конституция Российской Федерации 1993 г. о русском народе вообще не упоминает. В ней лишь содержится констатация, что государственным языком РФ является русский. И это несмотря на то, что русские составляют около 80% населения России. Подобное положение дел является результатом «ленинской национальной политики». Пришедшие к власти большевики постарались разделить единый русский народ, который состоял из трех ветвей: великороссов, малороссов и белорусов — на три отдельных народа, каждый из которых получил собственную республику. При этом самая крупная республика, РСФСР, теоретически рассматривалась как национальный очаг русских. Но в ней самой было образовано великое множество разнообразных национальных автономий. Только число автономных республик в составе РСФСР доходило до 16, а ведь были еще автономные области и автономные округа (последние — в составе русских регионов).

В период перестройки подобная национальная политика привела к угрозе ликвидации РСФСР как таковой, поскольку союзное руководство во главе с Горбачевым стало усиленно предлагать автономным республикам статус

союзных. Это означало бы, что из состава России выйдут такие огромные с точки зрения территории регионы, как Якутия, а в перспективе — и национальные округа вроде Ямало-Ненецкого.

Подобное решение означало бы зримое воплощение сдерживания русского народа коммунистическим руководством, поскольку 120 млн. русским предлагалось ютиться на сравнительно небольшой территории краев и областей, в то время как прочим, численно незначительным, народам были бы «отписаны» громадные территории, полные полезных ископаемых. 10 апреля 1990 г. был принят Закон СССР «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик», согласно которому «союзные и автономные республики на своих территориях с соблюдением законодательства СССР: владеют, пользуются и распоряжаются землей, другими природными ресурсами в своих интересах и интересах Союза ССР; принимают законы и другие нормативные акты, регулирующие условия хозяйственной деятельности на территории республик; решают вопросы налогообложения и осуществляют бюджетную деятельность». Подготовка союзного руководства к предоставлению автономным республикам статуса союзных была одной из причин Беловежского соглашения.

По сути дела, бывшие автономные республики приступили в начале 90-х годов к собственному национальному и государственному строительству, игнорируя существование российского

руководства. Об этом свидетельствуют тексты Деклараций о государственном суверенитете республик, принятых в тот период. Например, в Декларации «О государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики» говорилось, что Верховный совет республики: «реализуя неотъемлемое право татарской нации, всего народа республики на самоопределение... 1. Провозглашает государственный суверенитет Татарии и преобразует ее в Татарскую Советскую Социалистическую Республику — Республику Татарстан... Конституция и законы Татарской ССР обладают верховенством на всей территории Татарской ССР».

Как видим, Верховный совет выступает от имени татарской нации и говорит о праве на самоопределение, а также о верховенстве законов Татарстана над законами России. Тут важно отметить, что с точки зрения многих специалистов по конституционному праву, отличие нации от народа заключается в праве нации на самоопределение. Провозглашая некий народ нацией, вы тем самым официально требуете для него целого пакета прав, включая и право на отделение от государства, если оно чем-то не устраивает лидеров национального движения.

Поэтому Декларации о суверенитете превратили Россию в государственное образование, скорее похожее на конфедерацию, чем на федерацию. Реальные права и полномочия национальных республик стали предметом торга между федеральным руководством и главами новых «суверенных государств».

Результатом «парада суверенитетов» было заключение 31 марта 1992 г. Федеративного договора. В нем было сказано, что «Республики (государства) в составе Российской Федерации обладают всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые

переданы (отнесены) в ведение федеральных органов государственной власти Российской Федерации в соответствии с настоящим Договором». Федеративный договор был включен в качестве составной части в действовавшую на тот момент Конституцию РСФСР 1978 г.

Таким образом, было официально признано, что республики являются государствами, да к тому же суверенными (об этом упомянуто в преамбуле к Договору). Республики приняли конституции, где говорилось о принадлежащем им суверенитете, источником которого признавался в лучшем случае народ республики, но часто — титульный этнос. Это означало, что республики превращаются в национальные государства бывших «автономных народов». Единственное, чего им не хватало, — признания независимости на международном уровне. Остальные атрибуты суверенных независимых государств у них уже были.

Вопиющих примеров такого положения дел множество. Например, для жителей республик устанавливалось двойное гражданство — республики и Российской Федерации в целом. Но Дагестан пошел дальше. В Конституции Дагестана говорилось: «Соотечественникам, проживающим за пределами Республики Дагестан, предоставляется право приобретения гражданства Республики Дагестан, если это не противоречит законам страны проживания. Приобретение гражданства Республики Дагестан соотечественниками не влечет приобретения ими гражданства Российской Федерации, если это не предусмотрено законодательством Российской Федерации».

Таким образом, для проживающих за рубежом представителей этносов Дагестана существовала возможность приобрести гражданство этой республики, не становясь гражданами России. Согласно распространенной мировой практике, национальные государства часто представляют гражд-

данство подданным других стран, если они принадлежат к титульным этносам. Подобное положение дел существует для евреев в Израиле, для немцев в Германии, украинцев на Украине и представителей многих других государств. Присвоение Дагестаном себе подобных прав свидетельствовало, что республика считает себя национальным государством в составе России.

Тыва закрепила в своей Конституции право на выход из состава России. Все республики за редкими исключениями провозгласили своих глав президентами. Это был весьма важный статусный жест. В современных федеративных государствах не допускается, чтобы руководители субъектов федерации назывались так же, как и руководители федерации в целом. Например, в США на федеральном уровне существуют президент и вице-президент, а на уровне штатов — губернатор и лейтенант-губернатор. В Германии на уровне федерации глава правительства называется канцлер, а на уровне земли — министр-председатель. Да и в самой России руководители областей и краев назывались — губернаторы или главы администраций, но никак не президенты. Президентское достоинство руководителей республик подчеркивало их статус в качестве лидеров национальных государств в составе России.

Нельзя не отметить, что федеративное государство понимало проблему. Принятие Конституции 1993 г. остановило парад суверенитетов и понизило статус республик, провозгласив равными все субъекты федерации, в том числе не только республики, но также края и области. Носителем суверенитета был провозглашен «многонациональный народ Российской Федерации». Впрочем, это слабо сказалось на положении дел в самих республиках, которые по-прежнему провозглашали свой суверенитет и не обращали внимания на федеративное законодательство.

С приходом к власти Владимира Путина федеральное руководство развернуло широкое наступление на права республик. В Определении Конституционного суда РФ от 6 декабря 2001 г. № 250-О «По запросу Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан о толковании ряда положений статей 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 и 78 Конституции Российской Федерации» говорится:

«Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Суверенитет Российской Федерации, в силу Конституции Российской Федерации, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т.е. не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации». Кроме того, «по смыслу... Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи, республики как субъекты Российской Федерации не имеют статуса суверенного государства и решить этот вопрос иначе в своих конституциях они не могут, а потому не вправе наделять себя свойствами суверенного государства».

Таким образом, Конституционный суд потребовал от республик отменить те положения их Конституций, в которых говорилось о суверенитете, а также высказывались претензии на независимую государственность, связанную с Россией лишь особыми договорами. Но несмотря на то, что процесс пересмотра Конституций республик инициирован 10 лет назад, идет он и по сей день. Республиканское руководство шло на разнообразные уловки. Например, утверждалось, что поскольку решения Конституционного суда

имеют прямое действие, верховенство над решениями прочих органов государственной власти, то вносить изменения в конституции республик не нужно. Поэтому их законодательство оставалось в прежнем виде, поскольку отмененные КС статьи с претензиями на суверенитет будто бы не действовали. Федеральные власти перестали смотреть сквозь пальцы на эти факты лишь несколько лет назад. Но и по сей день в конституциях многих республик сохраняются положения, противоречащие российскому законодательству. Например, ст. 21 Конституции Татарстана гласит, что республика имеет свое гражданство, хотя федеральные законы утверждают, что в России существует единое гражданство, а Конституционный суд неоднократно отмечал, что утверждения двойного гражданства в форме гражданства федерации и национальной республики в России незаконны.

Процесс унификации законодательства национальных республик с общедоказательным постепенно идет. Однако рано торжествовать победу. В последние годы в России ярко проявился новый феномен суверенизации национальных республик, который не имел места раньше.

Речь идет о феномене Чечни и других кавказских республик. Правители автономий начала 90-х годов, такие как Шаймиев и Рахимов, добивались для своих регионов формального признания суверенитета. Для них крайне важно было правильно оформить бумаги, в которых подтверждалось бы, что они являются руководителями независимых государств.

Современная Чечня, пережившая кровопролитную войну с Россией в 90-е годы, пошла иным путем. На уровне формально-юридическом полностью признается верховенство российских законов и Конституции. Чечня является передовиком и отличником в деле унификации своего законодательства с федеральным. В частности,

именно президент Чечни Рамзан Кадыров вместе с лидерами ряда кавказских республик выступил с инициативой об отмене должностей президентов. В большинстве национальных регионов ныне эта должность переименована в «главу республики». Сопrotивлялись нововведению только такие гранды регионального сепаратизма, как Татарстан и Башкирия.

Тем не менее Чечня и многие другие кавказские республики получили преференции на неформальном, не прописанном в законе уровне. Речь идет о фактическом праве руководства этих республик устанавливать на территории своих регионов те порядки, которые они сочтут нужными. Одновременно жителям этих регионов предоставлена фактическая экстерриториальность в других регионах. Милиция, как правило, отпускает «горячих кавказских парней», что бы они ни сделали, что уже привело к беспорядкам на Манежной площади в конце прошлого года. Одновременно в кавказские республики осуществляются массивные финансовые вливания.

Прежние национальные республики во главе с такими лидерами, как Шаймиев и Рахимов, можно сравнить с феодальными княжествами. Их руководители стремились закрепить за собой территорию и оформить на нее «бумаги» в виде конституций, гарантировавших национальным регионам суверенитет, а их лидерам — пожизненное правление.

«Чеченский» вариант независимости подразумевает существования своеобразного «народа-корпорации», занятого хозяйственным освоением территории России в целом, но при этом сохраняющего национальный анклав в качестве убежища для совершивших преступления на территории остальной части страны. При этом глава Чечни позиционируется и как лидер народа в целом, возглавляя Конгресс чеченского народа в должности генерального секретаря.

Конечно, процесс преобразования территориальных «суверенных республик» в экстерриториальные «народы-корпорации» могут осилить далеко не все национальности. Скорее всего, речь идет только о жителях Северного Кавказа. Но ситуация, когда вся Россия становится объектом колониального освоения, не может не вызывать тревоги. «Суверенные республики» были изолированы от остальной территории страны и не лезли в дела других регионов. Модель «народа-корпорации» предусматривает нечто иное. А именно — отказ федерального центра от вмешательства в дела республики при активном вмешательстве республики как в дела федерального центра, так и других регионов.

Иначе говоря, на Кавказе выработана новая, гораздо более опасная для России версия суверенизации. Формально работая на единство России, фактически «народ-корпорация» вызывает противоречия такого уровня, которого в нашей стране доселе не знали.

Поэтому не следует тешить себя иллюзией, что проблемы с национальными республиками решены. Они лишь перешли в новую форму. Тем более, что руководство некавказских регионов всего лишь затаилось и ждет возможности реванша, вовсе не отказываясь от тех претензий на суверенитет, которые были выдвинуты в начале 90-х годов.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет новую книгу**

Константина Крылова «Прогнать чертей»

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

Запрещенный в официальных СМИ, он сумел завоевать популярность и внимание читателей благодаря электронным сетям. Личный интернет-дневник www.krylov.livejournal.com — один из самых популярных блогов Рунета.

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА С

«ВОСКРЕСАЮЩИМИ МЕРТВЕЦАМИ»

Польский вопрос и русский национализм в XIX — начале XX в.

В 1915 г. в Совет министров Российской империи поступила записка «По поводу “Воззвания” Верховного главнокомандующего к польскому народу», подписанная видными русскими националистами славянофильского толка — В.А. Кожевниковым, Ф.Д. Самариным, Л.А. Тихомировым, Д.А. Хомяковым и др. В ней говорилось, что «мысль об отречении от Польши и создании из Польши самостоятельного государства вовсе не чужда русскому политическому сознанию». Справедливость этой меры обусловлена тем, что *«никаким великодушием, мы не можем привлечь к себе сердца народа, который не хочет от нас ни казни, ни милости, ни гнева, ни великодушия, а только независимости и свободы»* (Курсив мой. — С.С.). Поэтому «представляется нежелательным и опасным включение в состав Русского государства как полноправных и привилегированных граждан многомиллионного польского населения, чуждого нам во всех отношениях». Авторы записки призывали «образовать из Польши в этнографических ее границах совершенно самостоятельное государство; это решение, наименее опасное с русской государственной точки зрения, вероятно, удовлетворило бы поляков

Благодарю А.В. Ефремова и О.Б. Неменского, любезно согласившихся ознакомиться с рукописью работы и сделавших ряд ценных замечаний по её поводу.

более чем политическая автономия или уния»¹.

В записке была использована цитата из статьи патриарха славянофильства И.С. Аксакова (февраль 1863 г.): «Неужели ещё можно оболящаться надеждою — тронуть великодушием нацию, *которая не хочет от нас ни казни, ни милости, ни гнева, ни великодушия, а только независимости и свободы?* (Курсив мой. — С.С.)»². То есть пятьдесят с лишним лет, прошедших между появлением этих двух текстов, нимало не смягчили остроту польской проблемы. Впрочем, эта острота была осознана русскими националистами гораздо раньше, в лице декабристов, начавших искать выход из русско-польского тупика практически сразу же после образования Царства Польского в составе Российской империи. Таким образом, польский вопрос оказался «вечным», точнее, *вековым* (1815–1915) спутником русского национализма XIX — начала XX в., в некоторых отношениях заметно повлиявшим на его становление.

«Больное место России»

Это хлётское словцо по поводу Польши «сделалось афоризмом в Европе»³,

¹ Цит. по: Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 63–64.

² Аксаков И.С. Соч. Т. 3. М., 1886. С. 28.

³ Гильфердинг А.Ф. Россия и славянство. М., 2009. С. 194.

русским ничего не оставалось, как с ним согласиться: «в Царстве Польском <...> многие патриоты склонны видеть нечто вроде чужеродного тела в организме, нечто вроде рака, который надобно не оставлять в организме, а скорее выделить из него»⁴.

Здесь не место для рассказа о том, как территории Речи Посполитой становились частями Российской империи — в конце XVIII в., в результате её разделов, и в начале XIX в., по условиям Венского трактата. Важно то, что к 1815 г. под скипетром Романовых оказались как принадлежавшие Польше в течение несколько веков бывшие земли Киевской Руси (Правобережная Украина, Белоруссия), так и Литва и значительная часть собственно «этнографической Польши». Если последняя, «по манию руки» Александра I, образовала автономное Царство Польское, то первые сделались губерниями империи, составившими её Западный край.

Ещё более важно то, что империя, проглотив столь аппетитный кусок, никак не могла его переварить, ибо в этом случае имела дело с осколками пусть деградировавшего и расчленённого, но всё же великого государства, обладавшего многовековыми имперскими же традициями, развитой исторической памятью и национальной культурой. Дело не столько в том, что поляки не хотели становиться русскими (от них, в общем, этого и не требовали), а в том, что они не могли даже и мысли допустить, чтобы русскими сделались их бывшие украинские и белорусские «хлопы». То, что русскими воспринималось как колыбель их государственности и культуры, было для поляков важнейшим геополитическим трофеем, обеспечившим золотой век Речи Посполитой: «...вся Западная Русь (состоящая ныне из Украины и Белоруссии) — это пространство, которое

привыкли считать своей национальной территорией и русские, и поляки»⁵.

Идея восстановления Польши «в границах 1772 года» (т.е. до её разделов) властно владела умами практически всей польской социальной и интеллектуальной элиты: «...границы 1772 года — это есть пункт помешательства у поляков! Самые лучшие, самые расположенные к России, самые умеренные, живущие, служащие в России в продолжение всей своей жизни не могут согласиться, чтобы это не была (Курсив автора. — С.С.) Польша, а Россия. Недавно случилось мне встретиться с одним старым знакомым [поляком]. <...> Мы обнялись как братья. Но лишь коснулся разговор до западных губерний, он никак не хотел назвать их *возвращённым краем*, а всё называл *забранным* (Курсив мой. — С.С.)»⁶. Правда это или хорошо придуманная байка, но якобы комендант Варшавы генерал Круковецкий в 1831 г. на переговорах об условиях капитуляции выставил в качестве *sine qua non*... всё те же «границы 1772 года»!⁷

При всём внешнем безумии этой архетипической польской мечты нельзя сказать, чтобы под ней не было никакой реальной почвы. Поляки в Российской империи — не только жертва русского национального проекта, «русификации», но и проводник собственного национального проекта, «полонизации», нацеленной на ассимиляцию славянского и балтского населения Западного края. И далеко не всегда второй

⁵ *Неменский О.Б.* Поляки и русские: народ разных веков и разных пространств // Вопросы национализма. 2010. № 3. С. 26.

⁶ *Погодин М.П.* Вечное начало. Русский дух. М., 2011. С. 634.

⁷ *Гильфердинг А.Ф.* Указ. соч. С. 183–184. У Ф.М. Достоевского в «Братьях Карамазовых» пан Врублевский соглашается пить с Митей Карамазовым только «за Россию в пределах до семьсот семьдесят второго года» (*Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 9. Л., 1991. С. 474).

проект находился в состоянии обороны, до 1831 г. он точно наступал и лидировал, опираясь на весьма серьёзные социальные, культурные и даже политические ресурсы.

Во-первых, существовал некий прообраз польской государственности в виде автономного Царства Польского с собственной армией, сеймом и практически стопроцентной польской администрацией: «До штурма Варшавы в 1831 г. русские, в особенности гражданские служащие, считались в ЦП на единицы. <...> Даже в столь скромном масштабе русское присутствие вызвало недовольство влиятельного А. Чарторыйского, и как таковая проблема русского чиновника на западной окраине правительством ещё не ставилась. <...> ни в 30-е гг., ни в последующие два десятилетия сколь-нибудь значительных изменений в национальном составе чиновничества ЦП не произошло»⁸. Но и после мятежа 1863 г. и последовавшего за ним упразднения ЦП и переименования его в Привислинский край поляки сохранили очень весомые позиции в местной администрации: 80% — в конце 60-х гг., 50% — в конце 90-х. «Тотальная деполонизация управления не была исполнимой задачей: в конечном счёте, Привислинский край оставался польским культурным миром, польскоязычной в большинстве своём средой, а знавших польский язык русских чиновников было слишком мало»⁹.

Если не удалось «обрусить» даже чиновничество «этнографической Польши», что уж говорить о её населении в целом. Генерал Р.А. Фадеев полагал в 1869 г., что «на обрусение Царства Польского, при нынешнем состоянии России, едва ли есть надежда; над ним можно только поставить русскую

вывеску»¹⁰. «...Наши обрусители не успели даже добиться достаточного распространения русского языка в Польском крае, — сокрушался в 1910 г. (!) русский публицист-панславист, — и до сих пор, к стыду нашему, количество поляков, совершенно не знающих порусски, исчисляется миллионами»¹¹. Доля русских в населении Польши составляла менее 3%¹². «Денационализация русской Польши недоступна ни русскому народу, ни русскому государству, — констатировал в 1908 г. П.Б. Струве. — Между русскими и поляками на территории Царства Польского никакой культурной или политической борьбы быть не может: русский элемент в Царстве Польском представлен только чиновничеством и войсками»¹³. Не снималась проблема интеграции польских земель в империю и хозяйственными (не слишком сильными) связями: Польша «стояла в ряду окраин, которые были лишь внешне и частично инкорпорированы в имперский финансово-экономический строй»¹⁴.

Во-вторых, в Западном крае польское присутствие было тоже весьма внушительным. Накануне мятежа 1863 г. только в Юго-Западном крае (т.е. на Правобережной Украине) число чиновников-поляков превышало полторы тысячи человек: «Даже начальниками канцелярий губернаторов, в том числе и после 1863 г., часто служили поляки, порой делавшие своим подчинённым выговоры за незнание польского языка, на котором большинство чиновников и общалось

¹⁰ Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003. С. 404

¹¹ Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003. С. 101.

¹² Каппелеф Андреас. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 214.

¹³ Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 58.

¹⁴ Западные окраины... С. 401.

⁸ Горизонтов А.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999. С. 158–159.

⁹ Западные окраины Российской империи. М., 2007. С. 193

между собой»¹⁵. В Виленской и Гродненской губерниях среди старших чиновников православные (в том числе бывшие униаты) составляли менее шестой части, а в «низшем слое» и того меньше¹⁶. После масштабной деполонизации управленческого аппарата ЗК в 60-х гг., к началу 80-х в большинстве присутственных мест той же Виленской губернии поляки, тем не менее, составляли около трети чиновников¹⁷.

Но ещё важнее то, что практически вся социальная верхушка ЗК — шляхта — была либо польской, либо полонизированной. Несмотря на количественную ничтожность (максимум — 5%), она являлась главным землевладельцем и культуртрегером этих мест, а украинцы и белорусы (которые воспринимались русскими как ветви единой Большой русской нации) — бесправными и безземельными «хлопами» (причём православными крепостными владели не только светские магнаты, но и католическая церковь)¹⁸. По на-

блюдениям некоторых современников, польское влияние распространялось из ЗК на соседние русские губернии (например, на Смоленскую)¹⁹.

В начале 60-х гг. католики составляли в Северо-Западном крае (Белоруссия и Литва) 94%, а в Юго-Западном — 90% всех землевладельцев²⁰. После нескольких десятилетий целенаправленной правительственной политики по борьбе с польским землевладением ситуация существенно изменилась, но говорить о полной победе не приходилось. К началу 80-х гг., по завышенным официальным данным, русские поместья относились к польским в ЮЗК как 2:3, а в СЗК как 1:3. Соотношение русских и польских землевладельцев в СЗК составляло 4:25. На Правобережной Украине лишь к 1896 г. совокупная площадь русских имений превысила 50-процентную отметку, и то не во всех губерниях. На рубеже веков рост их количества остановился, а после 1905 г., когда были отменены запреты на покупку земель поляками, снова стало наблюдаться увеличение удельного веса польского землевладения. В СЗК польские имения были многочисленнее, а отпор правительственному курсу сильнее²¹. Автор фундаментального исследования о шляхте ЮЗК французский историк-славист Д. Бовуа подводит неутешительные итоги деполонизации Правобережной Украины: «...российской власти не удалось, несмотря на все русификаторские усилия, элиминировать поляков из этого региона. <...> крупные польские землевладельцы сохранили не только свое высокое положение, влияние на народ, но и задавали тон экономическому развитию Юго-Западного края»²².

лась его государственная жизнь и его просвещение!» (Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 200).

¹⁹ См.: Горизонтов Л.Е. Указ. соч. С. 61, 64.

²⁰ Западные окраины... С. 292.

²¹ Горизонтов Л.Е. Указ. соч. С. 147.

²² Бовуа Д. Гордиев узел Российской импе-

¹⁵ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вт. пол. XIX в.). СПб., 2000. С. 143–144.

¹⁶ Горизонтов Л.Е. Указ. соч. С. 161–162.

¹⁷ Западные окраины... С. 266.

¹⁸ А.Ф. Гильфердинг возмущался: «...где видела история пример, чтобы народность, господствующая в государстве, народность, его создавшая, была в одной части этого государства подавлена другой, покорённой народностью? Чтобы народность, завоёванная и потому играющая в официальной жизни государства и перед лицом других стран роль жертвы, на самом деле попирала народность господствующего в государстве племени? Такого диковинного явления не сыскать в летописях древнего и нового мира, его дано было осуществить России, которая в течение трёх поколений могла сносить, чтобы под её властью, в пространных областях её державы, русская народность была подавляема, преследуема и даже уничтожаема меньшинством иноземцев. И это она допускала в тех самых странах, где началось гражданское развитие русского народа, где так долго сосредотачива-

Характерна зарисовка в мемуарах В.В. Шульгина о выборах в Государственную думу на Воыни: «...в городе Остроге созвали некое собрание. Польские помещики явились породистые, изящно одетые, уверенные в себе. Русские перед ними показались мне какими-то мерюхрюдками. Они робко жались к стенам, жался и я, должно быть». На следующем этапе выборов, в Житомире польские делегаты символично поселились в «более шикарную» гостиницу, а русские — в «более скромную»²³. И это в 1906 г., «после сорокалетнего невыносимого гнёта», как выразился один из польских делегатов! Легко представить, как вели себя ясновельможные паны до 1830 года...

В системе образования ЗК, созданной при прямом покровительстве Александра I и долгое время курировавшейся А. Чарторыйским, до начала 30-х гг., а отчасти и до начала 60-х, безраздельно доминировали польский язык и польская культура, оказывавшие «полонизирующее воздействие на местных восточных славян и литовцев»²⁴. Виленский университет был «не интегрированным в общероссийский образовательный процесс вплоть до своего закрытия в 1832 г.» и «в полном смысле этого слова польским», все предметы там преподавались на польском языке, а русский относился к предметам второстепенным. Ничего не изменилось даже после войны 1812 г., когда учёная корпорация университета «приветствовала вступление наполеоновских войск в Вильно, некоторые преподаватели служили в оккупационных учреждениях, а студенты вступали добровольцами в сражавшуюся на стороне французов местную “гвардию”». Позднее под университетской крышей

свивали гнездо польские молодёжные общества. В Виленском университете преподавал Иоахим Лелевель, учились Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий. Сменивший Чарторыйского на месте попечителя Виленского учебного округа Н.Н. Новосильцев после ревизии университета пришёл к выводу, что вся система образования последнего имела целью внушать юношеству «надежду на восстановление прежней Польши»²⁵. В Кременце с 1803 по 1831 г. действовала великолепная польская гимназия, призванная «воспитать истинную шляхетскую элиту», с явным прицелом на будущий университет. В то же время единственную русскую гимназию в Киве удалось открыть только в 1811 г., с огромным трудом преодолев сопротивление школьного инспектора ЮЗК графа Тадеуша Чацкого²⁶. В 30-х и особенно в 60-х гг. «полонизм» в учебных заведениях ЗК был ликвидирован. Однако эффективной русификаторской системы образования взамен создать не получилось: «...11% государственного участия в расходах на начальную школу означало приговор любому ассимиляторскому проекту»²⁷.

Столь малая эффективность русификаторской (как в социально-политическом, так и в культурном аспектах) политики самодержавия в ЦП и ЗК выводит нас на третий (и самый важный) уровень проблемы. *Нерешённость польского вопроса (во всяком случае, в ЗК) есть прямое следствие природы Российской империи, которая «не была национальным государством русских, а представляла собой самодержавно-династическую сословную многонациональную империю»*²⁸. Польская аристократия была

рии: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011. С. 928, 939.

²³ Шульгин В.В. Последний очевидец. М., 2002. С. 33, 52.

²⁴ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 66.

²⁵ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. М., 2002. С. 240–241.

²⁶ Бовуа Д. Указ. соч. С. 254–258.

²⁷ Миллер А.И. «Украинский вопрос»... С. 151.

²⁸ Кантелер Андреас. Указ. соч. С. 177. См.

одной из неотъемлемых составляющих этого сложного социума, и в количественном, и в качественном отношении. В конце 50-х гг. польское шляхетство составляло более половины всего потомственного российского дворянства²⁹. Даже в 1897 г., во время переписи населения, после десятилетней планомерной правительственной политики деклассирования безземельных шляхтичей, польский язык назвали родным около трети потомственных дворян империи³⁰. Поляки играли заметную роль не только в администрации западных окраин, но и в высшей бюрократии: в 50-х гг. их доля «среди чиновников центрального аппарата достигала 6%, причём больше всего их было в ведомствах, требующих специальной компетентности или технических знаний, — министерствах финансов и государственных имуществ, Управлении путей сообщения, <...> Военном министерстве»³¹. Многие русские аристократы (а иногда и особы царствующего Дома) были связаны с польской шляхтой семейными или романтическими узами.

Если реальная русификация ЦП, означавшая устранение всей его элиты, попросту была невозможна в рамках тех средств, которые были дозволены эпохой («для этого была бы нужна политика Тамерлана»³²), то

также: *Соловей Т.Д., Соловей В.Д.* Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М., 2009. С. 36–49; *Сергеев Сергей.* Пришествие нации. М., 2010. С. 174–188.

²⁹ *Пайнс Ричард.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 233; Западные окраины... С. 104.

³⁰ *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 49.

³¹ Западные окраины... С. 106.

³² *Катков М.Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864 г. М., 1887. С. 646.

выдавливание польского элемента из ЗК нельзя назвать задачей, в принципе невыполнимой: «Западный край можно и должно обрусить вполне и в самое непродолжительное время...»³³. Однако в рамках сословной империи она оказалась невероятно сложной. Борьба с поляками, по сути, равнялась борьбе с дворянской корпорацией ЗК, а следовательно, подразумевала опору на местное крестьянство и радикальную демократизацию социально-политических практик, что объективно подрывало сам фундамент империи. Поэтому русификаторский пыл бюрократов-националистов, вроде братьев Н.А. и Д.А. Милютиных, постоянно сталкивался с компромиссной линией в отношении польской аристократии, которую проводил, например, П.А. Валуев (резко возражавший против националистической «страсти к оплебейанию России»³⁴ «тех русофилов, которые хотят под предлогом обрусения посадить мужика в барские хоромы, в виде представителя русской народности»³⁵) и которая была гораз-

³³ *Фадеев Р.А.* Указ. соч. С. 404. Но показательно, что В.П. Платонову, фактическому министру-статс-секретарю в 60-х гг., даже сосредоточение всех поляков в пределах ЦП, предусматривающее массовое переселение поляков из ЗК, казалось «мерю беспримерною в истории просвещённых народов» (см.: *Горизонтов А.Е.* Указ. соч. С. 56).

³⁴ *Миллер А.И.* «Украинский вопрос»... С. 146.

³⁵ *Мещерский В.П.* Воспоминания. М., 2001. С. 174. Колоритный эпизод, ярко иллюстрирующий позицию Валуева. В.П. Мещерский в 1864 г., находясь в ЮЗК с официальным поручением самого шефа МВД, оказался свидетелем того, как на одной из почтовых станций «два польских пана самым бесцеремонным образом на дворе станции ругали по-польски станционного зрителя при ямщике. Между тем по всему краю было объявлено предписание генерал-губернатора в публичных местах по-польски не говорить». Мещерский сделал полякам замечание, каково же было

до ближе сознанию большинства российских самодержцев (характерно, что Александр II в начале царствования мог именовать ЗК «злосчастными польскими (!) губерниями»³⁶). Д. Милютин сетовал, что до 1863 г. «правительство наше не только не принимало мер для противодействия польской работы в Западном крае, но даже помогало ей в некоторых отношениях, вследствие ложной системы покровительства польской аристократии, составляющей будто бы консервативный элемент в крае, опору самодержавия! Система эта заставляла местные власти оказывать польским помещикам поддержку против крестьян и часто принимать очень крутые меры в случаях вопиющей несправедливости и притеснений со стороны первых. Чрез это угнетённое, забитое крестьянское население, разумеется, отдавалось вполне в руки польских панов и дворовой их челяди»³⁷.

его изумление, когда по возвращении в Петербург на аудиенции у Валуева «оказалось, первое, о чём он заговорил, был этот эпизод с двумя поляками на станции. Два этих нахала оказались какими-то ясновельможными панами, которые не только признавали себя вправе ругать русского чиновника и нарушать распоряжение генерал-губернатора, но вломились в амбицию на меня, что я *смел* им сделать замечание, и пожаловались Валуеву. Валуев, к изумлению моему, принял их сторону и высказал при этом, что он находит распоряжение генерал-губернатора относительно польского языка *варварством и насиллием*. Как бы мелок ни был этот эпизод, но он весьма характерно и живописно иллюстрирует тогдашние политические нравы: министр внутренних дел называет варварством распоряжение генерал-губернатора в двух краях и культ польского пана доводит до признания за ним права, на другой год после мятежа, на польском языке ругать русского станционного зрителя» (Там же. С. 177–178).

³⁶ Западные окраины... С. 132.

³⁷ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 332–333.

Опираясь при подавлении польских восстаний на настроенное резко антипольски/антипански украинское и белорусское крестьянство, правительство и местная бюрократия в то же время опасались, как бы низовая полнофобия/панофобия не вышла из берегов, и в ЗК не случилась бы «жакерия» или не повторилась, не дай бог, гораздо более близкая во времени и пространстве «галицийская резня». Поэтому поощрение патриотического рвения крестьян довольно быстро сменялось присылкой карательных отрядов для подавления народных бунтов против тех самых панов-мятежников, бороться с которыми совсем недавно призывали правительственные агенты³⁸. То же касается старообрядцев СЗК, столь хорошо себя зарекомендовавших в 1863 г.: с начала 70-х гг. «правительство уже не брало под защиту арендаторов-старообрядцев в их тяжбах с землевладельцами»³⁹.

Мемуары М.Н. Муравьёва, жёстко и продуманно проводившего политику «русского дела» в СЗК, переполнены жалобами на интриги «польской партии» при дворе и на непонимание «большинством высших лиц» национально-исторического смысла русско-польского соперничества: «Они не знали ни истории края, ни настоящего его положения, <...> они не могли понять мысли об окончательном слитии того края с Россией, они считали его польским, ставя ни во что всё русское, господствующее

³⁸ См. примеры: Бовуа Д. Указ. соч. С. 309–312, 338–339. К.П. Победоносцев в сентябре 1864 г. с гневом писал А.Ф. Тютчевой о том, «как русское правительство в Киеве засекает русских крестьян за неисправность перед польскими панами, и крестьяне, собирая окровавленные обрывки розог, кладут их к образам в передний угол» (цит. по: Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 73).

³⁹ Западные окраины... С. 245.

там числом население»; предшественники Муравьёва, с его точки зрения, управляли СЗК, «не усматривая в нём никаких русских начал, ибо в виду их были только дворянство и римско-католическое духовенство»⁴⁰.

Самодержавие, напуганное размахом мятежа 1863 г., воспользовалось политикой «русского дела» в качестве «радикального лекарства», но после того как ситуация стабилизировалась, уже «с конца 60-х гг. задача сохранения социальной иерархии старого порядка получает в политике властей решительное преобладание над попытками опереться на низшие слои против более или менее непокорных элит империи» и «давление на крупных польских землевладельцев в Западном крае было смягчено»; главный идеолог «русского дела» Катков под давлением властей «с 1871 по 1882 г. <...> вынуждено вообще перестал касаться национального вопроса»⁴¹. Боязнь «оплебеяния» империи сохранилась и в начале XX в., что видно по реакции аристократического большинства Государственного совета на инициативу П.А. Столыпина о создании русских национальных курий в земствах ЗК⁴².

⁴⁰ «Готов собой жертвовать...». Записки графа Михаила Николаевича Муравьёва об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа. 1863–1866. М., 2008. С. 169–170, 145. Муравьёву вторит Д. Милютин: «Ополячиванию Западного края способствовали чрезмерная доверчивость и близорукость начальства местного и центрального. Правительство привыкло само считать этот край польским» (Милютин Д.А. Указ. соч. С. 53). О политике «русского дела» в ЗК см.: Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.

⁴¹ Миллер А.И. «Украинский вопрос...» С. 148.

⁴² П.Б. Струве критиковал идею национальных курий, наоборот, с последовательно демократических позиций, акцентируя противоречие между столыпинским нацио-

славянофильствующий генерал А.А. Киреев, близкий ко двору, печально заметил в своём дневнике, что в 1910 г. он повторяет Николаю II ровно те же самые рецепты деполонизации ЗК, которые он предлагал полвека назад его деду⁴³.

Следует также заметить, что неким внутренним важным ограничителем русификаторских мер против поляков было восприятие их как европейского народа, по культуре своей стоящего ближе к Европе, чем сами русские, что при европоцентристской ориентации верхов порождало неуверенность в эффективности (да и нужности) подобных практик. Даже в начале XX в. генерал П.Г. Курлов, говоря о «тщетности всех попыток» ассимилировать Польшу, в качестве главной причины называл следующую: «Нельзя подчинить себе народности с высшей культурой, при условии, что государство, желающее этого подчинения, стоит на низшей»⁴⁴.

нализмом и сословным характером империи: «Для демократической России поляки не страшны ни в малейшей степени, но Россия, в которой властвует земельное дворянство и бюрократия, должна защищаться от поляков искусственными мероприятиями, загородками “национальных курий”. Официальный национализм вынужден прибегать к этим методам в стране, где существует несомненное русское большинство, потому что дворянская и бюрократическая Россия не может прикоснуться к земле и черпать силы из русской крестьянской демократии» (Струве П.Б. Указ. соч. С. 168).

⁴³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 126. К. 1. Л. 222.

⁴⁴ Цит. по: Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М., 2004. С. 69. Там же приводится сходное по смыслу высказывание другого видного русского чиновника той эпохи С.Е. Крыжановского.

Всё вышеперечисленное делало политику самодержавия в отношении Польши и поляков крайне непоследовательной: «Правительственная политика в области российско-польского урегулирования полна парадоксов. Локализация в своеобразной “черте оседлости” или рассеяние поляков. Насильственное привлечение на государственную службу или жёсткое ограничение приёма на неё. “Затирание” невидимой, но всё ещё небезопасной, границы 1772 г. и меры против ее перемещения под давлением “польской экспансии”. Разработка детального антипольского свода ограничений и неумение добиться его целенаправленного применения, в частности, из-за конкуренции национального и конфессионального признаков в процедуре “обнаружения” поляков. Поощрение русской колонизации и боязнь за политическую лояльность переселенцев и их стойкость к ассимиляции. Использование для решения проблем окраин социальных носителей (чиновники, семинаристы, раскольники) острейших внутрироссийских проблем. Столкновение мотивов сближения и отчуждения в законодательстве о “разноверных” браках. Наделение значительными привилегиями православной церкви как опоры режима и бедственное положение духовного сословия»⁴⁵.

Правительство понимало, что репрессии не могут дать какого-либо долговременного положительного эффекта, но как только оно шло на уступки, поляки, руководствовавшиеся, в отличие от Петербурга, не сословно-династической, а националистической логикой (если точнее, то, как минимум, до 1863 г. — *сословно-националистической*, понимая под нацией шляхту и отчасти горожан), снова поднимали голову и начинали бороться за независимость. Это был подлинный «бесконечный тупик».

⁴⁵ *Горизонтов А.Е.* Парадоксы имперской политики... С. 218–219.

Истоки и образы русской пологофобии

Для русских националистов, стремившихся «национализировать» империю, Польша и поляки являлись настоящим камнем преткновения, цивилизационным вызовом, опасным конкурентом в деле ассимиляции славян ЗК, которых предполагалось включить в состав Большой русской нации, вообще опасным примером альтернативного русскому националистическому проекту внутри империи, подрывавшего его гегемонию⁴⁶. Остроты этому спору добавляло то, что он решался не только на газетных листах, но и на кровавых полях сражений. Несколько поколений русских националистов были свидетелями русско-польских «схваток боевых» 1794, 1830–1831, 1863–1864 гг. Поляки представляли как союзник врагов России в наполеоновской армии и в отрядах мятежных горцев... Услужливая историческая память подсказывала примеры из XVII (поляки в Кремле) и даже XI в. (Болеслав Храбрый, вместе со Святополком Окаянным захватывающий Киев). А.С. Пушкин задолго до «Клеветников России» отразил это настроение в стихотворном наброске 1824 г. «Графу Олизару», обращённом к польскому аристократу и поэту, получившему принципиальный отказ на своё сватовство к М.Н. Раевской:

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена:
То наша стонет сторона
То гибнет ваша под грозою.
И вы бывало пировали
Кремля позор и плен
И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали
Когда в кровавый прах топтали

⁴⁶ В частности, польский след был явным в идеологии «украинства», грозившей расколом Большой русской нации. См. подробнее: *Неменский О.Б.* «Чтобы быть Руси без Руси». Украинство как национальный проект // Вопросы национализма. 2011. № 5. С. 94–100.

Красу Костюшкиных знамен.
И тот не наш кто с девой вашей
Кольцом заветным сопряжён;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье ваших красных жён;
И наша дева молодая
Привлекши сердце поляка
Отвергнет гордостью пылая
Любовь народного врага.

Кроме того, поляки были единственным славянским народом, который мог бы оспаривать роль лидера славянского мира у России. Вплеталось в конфликт и православно-католическое противостояние.

Таким образом, поляки определились в глазах русских националистов как подлинный *враг*, актуальный сегодня и в то же время виртуально существующий в историческом прошлом — «вековечный». По богатству содержания образ врага-поляка далеко превосходил образ «русского немца»⁴⁷, он мог претендовать на звание главного внутрироссийского врага русского национализма (и был таковым большую часть XIX в.), если бы в начале XX в. его не затмил образ врага-еврея.

Русско-польское соперничество осложнялось совершенно очевидной неуверенностью русской стороны в своём превосходстве, которой она не испытывала, скажем, в отношении народов Сибири, Кавказа или Средней Азии. В отношении последних русские выступали как европейцы-цивилизаторы, а в лице поляков сталкивались также с европейцами, причем такими, каких Европа в гораздо большей степени считает *своими*, чем русских, с развитой национальной культурой, в основе своей сложившейся ещё в XVI в., которой русским ещё трудно

противопоставить нечто безусловно бесспорное, ибо их национальная культура находилась (до 1880-х гг.) в процессе становления. Польская позиция выглядела выигрышнее и в сфере образования. По учебному уставу 1862 г. средних учебных заведений по всей империи (не считая Финляндии и Прибалтики) приходилось одно на 715 000 чел., а в ЦП — одно на 132 000 чел.⁴⁸. Даже к концу XIX в. русских, умеющих читать, было 29,3%, а поляков — 41,8%⁴⁹.

Эта неуверенность неоднократно проговаривалась русскими националистами, в том числе и печатно. Скажем, декабрист Д.И. Завалишин в своих «Записках» активно возражал тем, кто «хотел сделать поляков русскими посредством насилия или каких-нибудь уловок»: «...внутренняя сила русского народа так ещё слаба, так мало ещё развита, что не может даже заставить собственное правительство действовать в национальном духе <...> Сделаемся сами тем, чем хотим сделать других, и только тогда, когда в состоянии будем предлагать большее и лучшее, можем надеяться на успех, всегда несомненный там только, где действует нравственная сила, а не внешнее насилие <...>. Россия <...> усвоила себе племена финские и татарские, единственно влиянием превосходства над ними своей внутренней силы <...>. Но относительно европейцев, что могли бы мы предложить им? Одно только подражание их же внешности, но без сущности, составляющей главное, без которых всё внешнее бывает смешно или бессильно. Поэтому-то поляку, который будет прикидываться русским, я никогда не поверю, пока Россия не представит сама такого устройства и обеспечения, которые могут для всякого сделать желательным быть

⁴⁷ См. об образе немца-врага соответствующий раздел моей работы «Хозяева» против «наёмников». Русско-немецкое противостояние в императорской России // Вопросы национализма. 2010. № 3. С. 52–58.

⁴⁸ Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1864 г. С. 731–732.

⁴⁹ Кантелер Андреас. Указ. соч. С. 229.

русским»⁵⁰. «Чтобы обрусить — надо быть русским, а русских-то между нами и нет. Поляки более поляки, чем мы русские», — с горечью констатировал И.С. Аксаков⁵¹.

Показателен скандал из-за статьи Н.Н. Страхова «Роковой вопрос», в результате которого в 1863 г. был закрыт вполне националистический журнал братьев М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». Страхов в частности написал: «Очевидно, наше дело было бы вполне оправдано, если бы мы могли отвечать полякам так: “Вы ошибаетесь в своем высоком значении; вы ослеплены своею польскою цивилизациею, и в этом ослеплении не хотите или не умеете видеть, что с вами борется и соперничает не азиатское варварство, а другая цивилизация, более крепкая и твердая, наша русская цивилизация” (Здесь и во всех последующих цитатах курсив авторов. — С.С.). Сказать это легко; но спрашивается, чем мы можем доказать это? Кроме нас, русских, никто не поверит нашим притязаниям, потому что мы не можем их ясно оправдать, не можем выставить никаких очевидных и для всех убедительных признаков, проявлений, результатов, которые заставили бы признать действительность нашей русской цивилизации. Всё у нас только в зародыше, в зачатке; всё в первичных, неясных формах; всё чревато будущим, но неопределённо и хаотично в настоящем. Вместо фактов мы должны оправдываться предположениями, вместо результатов надеждами, вместо того, что есть, тем, что будет или может быть»⁵². Эти слова были встречены бурей возмущения (даже со стороны людей, которых нельзя заподозрить в квасном патриотизме)⁵³, восприняты

как пощечина русскому общественному мнению, несмотря на то что исходили из уст правоверного националиста: Страхов задел больное место.

Стереотипный образ поляков как народа, «стоящего на высшей степени цивилизации сравнительно с Россией», был, по свидетельству Д.А. Милютина, весьма распространён в русском обществе⁵⁴. Современники неоднократно фиксировали проявления русского комплекса неполноценности по отношению к полякам в быту, во всяком случае, в ЗК. Даже такой классический ксенофоб, как Ф.Ф. Вигель, в детстве воспринимал поляков в качестве людей «более образованных», чем русские, и потому в русско-польских ссорах, возникавших на дворянских балах в Киеве, «внутренне был <...> за поляков»⁵⁵. Генерал М.А. Домонтович писал о ситуации в Киеве в начале 60-х гг.: «Совершенно особняком держалось польское общество, намеренно избегая бывать в русских домах, которые, кстати заметить, чисто русской окраски тогда не имели и как бы заискивали тогда перед поляками...». В местном кадетском корпусе «кадеты даже с чисто русски-

---

прос» статьёй «самого непозволительного свойства»: «Статья эта не только противна национальному нашему чувству, но и состоит из лжей» (Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. М., 1955. С. 335); В.Ф. Одоевский вообще решил, что автор статьи (подписанной псевдонимом) — поляк, ибо она пропагандирует «понятия польские» (см.: Горизонтов А.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»... С. 65).

⁵⁴ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 322. Коллега Милютина, шеф МВД П.А. Валуев, по свидетельству В.П. Мещерского, обосновывал свою снисходительность к полякам именно уровнем их цивилизованности: «Избытком цивилизации мы хвастаться не можем, а потому, мне кажется, что везде, где она есть, её надо уважать» (Мещерский В.П. Указ. соч. С. 174).

⁵⁵ Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 1. М., 2003. С. 189–190.

⁵⁰ Завалишин Д.И. Воспоминания. М., 2003. С. 191–192.

⁵¹ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живётся в России? М., 2002. С. 189.

⁵² Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М., 2010. С. 45.

⁵³ А.В. Никитенко назвал «Роковой во-

ми фамилиями, как, например, Нечаев, Богданов, Смородинов и др., говорили с явным польским акцентом и не прочь были вести речь по-польски, с своим же русским товарищем»⁵⁶.

Существовал и ещё один русский комплекс по отношению к полякам, который также ослаблял необходимую в борьбе уверенность в себе: ощущение *неправоты* России, лишившей поляков государственности и насильно удерживавшей их в своём составе. «Мы не можем допустить отторжения русского края, случайно присоединённого к Польше и впоследствии возвращённого России, каким бы путём ни совершилось это возвращение. Но столь же мало имеем мы право держать под своим гнётом чисто польский край и лишать отечества братское нам население. <...> Отнять у людей самое дорогое, что есть на свете, — отечество всегда составляет преступление против высших нравственных требований...» (Б.Н. Чичерин)⁵⁷. Это противоречило исповедуемому русскими националистами «принципу народности», согласно которому всякий народ, достигший известной степени цивилизованности, имеет право на политическую независимость. Такая позиция роняла престиж России в «славянском деле», компрометируя её образ бескорыстного радетеля за судьбы угнетённых славянских народов. «...Польша ставит Россию в

постоянное внутреннее противоречие с самой собой и тем отнимает у неё свободу действия, — сокрушался А.Ф. Гильфердинг. — <...> русский народ, по своему характеру, не есть народ, склонный к угнетению чужих племён, и в славянской России другие, неславянские народности, вошедшие в состав нашего государства, не поставлены в худшее положение, нежели русские, а иногда пользуются лучшим положением. <...> а между тем единственная славянская народность, которую славянская Россия присоединила к своему государству, играет в нём роль жертвы, взывает на всю Европу о своём угнетении, приглашает все неславянские народы освободить её от русской власти! <...> вместо того, чтобы быть “носителями правды и бескровного суда”, мы видим, что нас считают палачами <...>. Мы порываемся верить, что прямое, священное призвание России есть покровительство славянским народам, заступничество за них перед Европой, содействие их освобождению. И опять мы должны оглянуться на Польшу, или если бы мы хотели забыть про неё, нам укажут на неё наши недруги и напомним с укоризною: “*врачу, исцелися сам*”. Мы тяготимся преданиями “священного союза”, мы рвёмся на простор иной политической системы, мы видим себе природную точку опоры и надёжных союзников в живых силах воскресающих или развивающихся народностей. И опять-таки мы спотыкаемся о Польшу; опять-таки должны сворачивать к старым преданиям “священного союза”, отступаемся от принципа народностей, опасаясь его применения к Польше. Везде, на всех путях, Польша заставляет Россию противоречить самой себе, своему призванию, своим политическим преданиям и надеждам»⁵⁸.

⁵⁶ Цит. по: Бовуа Д. Указ. соч. С. 571. А.И. Деникин упоминает схожую ситуацию, вспоминая о времени учёбы (80-е гг.) во Влоцком реальном училище (Варшавская губерния). Для десятилетнего мальчика (кстати, мать у него была полькой) стало неким вопросом принципа говорить с соучениками-поляками по-польски, а с русскими — только по-русски. Многие его русские товарищи «действительно ополчились», и он «не раз подтрунивал над ними, поругивал их, а иногда в серьёзных случаях и поколачивал» (Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 14–15).

⁵⁷ Чичерин Б.Н. Воспоминания. [Т. 2.] М., 2010. С. 89, 69.

⁵⁸ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 194–195. В близком славянофилу Гильфердингу духе высказывался и западник Б.Н. Чичерин: «...когда в Европе поднимется славянский вопрос <...> судьба поляков ляжет веским эле-

Ну и, наконец, поляки — славяне, какие-никакие, а братья. Поэтому даже праведная ненависть к ним не могла не иметь неких благопристойных пределов. Ф.И. Тютчев заканчивает стихотворение, посвящённое подавлению мятежа 1830–1831 гг., призывом к русско-польскому братству:

Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орёл одноплеменный,
На очистительный костёр!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережём,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нём.

Схожий настрой и в написанном по аналогичному поводу стихотворении А.С. Хомякова «Ода»:

Да будут прокляты сраженья,
Одноплеменных раздор
И перешедший в поколенья
Вражды бессмысленный позор...

Очень характерны постоянные оговорки ведущих русских националистических публицистов: «мы не питаем ни малейшей ненависти к полякам»⁵⁹; «мы совершенно свободны от чувства ненависти к полякам»⁶⁰, «прошу прощения у поляков, которых всё-таки люблю от души»⁶¹, «к полякам у меня никогда не было ни малейшей ненависти»⁶² и т.д. Даже в разгар мятежа 1863 г. тональность их печатных выступлений удивляет относительной сдержанностью, отсутствием антипольской истерии.

ментом в его решении. Тогда Россия увидит, какую фальшивую роль она играет, выступая освободителем одних братьев и угнетая других» (*Чичерин Б.Н.* Указ. соч. С. 89).

⁵⁹ *Аксаков И.С.* Соч. Т. 3. С. 582.

⁶⁰ *Катков М.Н.* Собрание статей по польскому вопросу. Вып. 1. С. 163.

⁶¹ *Погодин М.П.* Указ. соч. С. 603.

⁶² *Суворин А.С.* В ожидании века XX. Маленькие письма (1889–1903). М., 2005. С. 579.

Последнюю, правда, в избытке извергали печатные издания ЗК (в особенности «Вестник Западной России»), но это естественно, они находились, что называется, «на линии огня». Яростная полонофобия была присуща публицистике ведущего автора суворинского «Нового времени» в начале XX в. М.О. Меньшикова⁶³, но любопытно, что хозяин газеты этого настроения не разделял: с его одобрения в 1896 г. в ней печатались «примирительные» корреспонденции из Польши А.В. Амфитеатрова⁶⁴, да и сам А.С. Суворин в своих «Маленьких письмах» нередко допускал «примирительные» интонации⁶⁵. Либеральному национализму

---

⁶³ См., напр.: «Что такое поляки в России? Кроме немногих обрусевших польских фамилий, среди которых встречаются иногда пламенные русские патриоты, огромное большинство поляков представляют как бы тайный политический орден, вроде иезуитов и масонов. Цель этого ордена явная: “отбуживание ойчизны”, возвеличивание Польши и унижение России» (*Меньшиков М.О.* Письма к ближним. 1910 год. СПб., 1910. С. 325).

⁶⁴ См.: *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 1. М., 2004. С. 475.

⁶⁵ В частности, в отличие от того же Меньшикова, видевшего чуть ли не в каждом поляке на русской службе потенциального диверсанта, Суворин относился к работающим в России полякам весьма благосклонно, полагая в них залог дальнейшего русско-польского сближения: «...у нас им, культурным людям, так хорошо, что нередко через одно, два поколения они становятся русскими. Часто уже дети смешанных браков прямо бравируют русским чувством и желают быть русскими. <...> необходимость работы, браки, русский язык делают дело сближения помимо всяких политических партий, помимо вражды и исторической ненависти, и идущие к нам поляки — примирённые. Историю нельзя отмахнуть как докучливую муху, но история тем хороша, что она идёт и идёт непрерывно и что-то неведомое таит в своих недрах» (*Суворин А.С.* Указ. соч. С. 582).

П.Б. Струве полонофобия и вовсе была чужда.

Главная претензия русских националистов к полякам — обвинение последних в предательстве «славянского дела» (Польша — «главная препона панславизма» (А.А. Киреев)⁶⁶, «Иуда» славянства (Ф.И. Тютчев)⁶⁷), предательстве не только политическом, но и религиозно-культурно-историческом, историософском. Поляки продали своё славянское первородство, став частью Западной цивилизации, более того, передовым отрядом католицизма в борьбе против центра Славянской цивилизации — православной России. «Польша, оставаясь славянской, сделалась вполне членом латиногерманской семьи народов, единственной славянской страной, вступившею в эту семью всецело и свободно, не в силу материального завоевания, а добровольным принятием западноевропейских стихий в основу своей собственной, славянской жизни»⁶⁸. «Ни одно из племён славянских не отдавало

себя на службу латинству так беззаветно, как польское»⁶⁹. Тем не менее националисты-славянофилы выражали надежду, что Польша ещё способна переродиться и вернуться к своему славянскому естеству: «Далее самоубийства ни отдельное лицо, ни народ идти не может. Польша дошла до этого предела, но переродиться в племя неславянское, изменить свою природу или променять её на другую, она всё-таки не смогла. <...> Как две души, заключённые в одном теле, славянство и латинство вели и доселе ведут внутри самой Польши борьбу непримиримую, на жизнь и смерть. <...> Окончательное разрешение польского вопроса <...> *немыслимо без коренного, духовного их возрождения*. Нужно, чтобы Польша отреклась от своего союза с латинством и, наконец, помирилась бы с мыслью быть *только собою*, то есть одним из племён славянских, служащим одному с ними историческому призванию; нужно, с другой стороны, чтобы Россия решилась и сумела сделаться вполне *сама собою*, то есть историческим представителем православно-славянской стихии. Иными словами: нужно торжество не военное и не дипломатическое, а торжество, свободно признанное, одного просветительного начала над другим»⁷⁰.

Освободительная борьба поляков с точки зрения русских националистов — дело заведомо проигрышное, ведь Польша, как национально-государственное целое, давно мертва и не может воскреснуть. Катков настаивал на том, что «польские притязания клонятся к невозможному <...> умершие организмы не воскресают, особенно если они и при жизни своей походили на живых мертвецов»⁷¹. Тютчев в стихотворении «Ужасный сон отяготел

⁶⁶ НИОР РГБ. Ф. 126. К. 1. Л. 234 об.

⁶⁷ В стихотворении «Славянам» («Привет вам задушевный, братья...»), посвящённом открытию Славянского съезда 1867 г., проходившего в Петербурге и в Москве, поэт указывает на Польшу как на единственное исключение из правила европейской славянофобии, обусловленное её предательством:

А между нас — позор немалый, —
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушёл от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Честят лобзанием своим.

В статье 1848 г. «Россия и революция» Тютчев назвал Польшу «фанатичной приспешницей Запада и всегдашней предательницей своих» (Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Письма: В 6 т. Т. 3. М., 2003. С. 153).

⁶⁸ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 173.

⁶⁹ Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М., 2008. С. 342.

⁷⁰ Там же. С. 349, 351, 354.

⁷¹ Катков М.Н. Собрание статей по польскому вопросу. Т. 1. С. 224.

над нами...» (1863) именовал польских мятежников «мертвецами, воскресшими для новых похорон». Даже сдержанный А.В. Никитенко записал в дневнике в то же время: «Одни те народы могут служить человечеству, которые не прожили всего капитала своих нравственных сил, а Польша, кажется, уже это сделала. У России же есть будущее»⁷². Поляки — олицетворение реакции, Россия — представитель прогресса. Гильфердинг остроумно сравнивал «Январское восстание» с практически одновременным мятежом американского рабовладельческого Юга⁷³. В дискурсе русского национализма Польша превращалась в «хронотоп дремучего Средневековья»⁷⁴. Пожалуй, стихотворец-графоман отставной подпоручик А. Квашнин-Самарин выразил это видение наиболее исчерпывающе:

О! Призраки веков протекших,
Фантомы рыцарей, Ягелл,
Зачем восстали для насмешки,
Из ваших дедовских могил?
В век просвещенья и прогресса,
Дорог железных и машин
Турниры вздумали среди леса
Давать без всяких нам причин!⁷⁵

В своей обречённой на поражение борьбе против России поляки не гнушаются никакими средствами, они неблагодарны, коварны, лицемерны, живы⁷⁶. «Иезуитская двуличность,

вкрадчивость и вероломство» — вот, по мнению Д. Милютина, «отличительные черты польского характера, которые особенно антипатичны для нас, русских»⁷⁷. «Поляки крайне старательно протираются во все ткани русского общества, они очень цепко — почти с еврейской жадностью — захватывают общественные и казённые должности <...>, — рисует пугающую картину М.О. Меньшиков. — Целые ведомства, при том столь важные, как путей сообщения, финансов, внутренних дел и пр., наводнены поляками. <...> Поляки-чиновники бойко говорят по-русски, носят русские мундиры и ордена, кричат, когда надо, “ура” и прикладываются даже к руке православного священника, но между собою и дома они говорят по-польски, детей воспитывают по-польски, читают польские газеты и книги — совершенно как иностранцы, живущие временно в России»⁷⁸. А главное, по мнению Меньшикова, поляки занимаются тайным

при малейшей для них надежде оказывают всю ненависть и презрение к русским, но едва скроется луч её, как становятся к ним почтительны, ласковы и учтивы до унижения. Но я скажу, что это есть естественное следствие состояния народа, в котором он находится. Как им не ненавидеть лишивших их отечества и как не унижаться притом перед ними, когда многие из их соотечественников за твёрдость, непреклонность характера и за привязанность к своим правам погибли без пользы» (Цит. по: Бокова В.М., Филатова Н.М. Польское восстание 1830–1831 гг.: взгляд с двух сторон // Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 гг. М., 2005. С. 10). См. также у Б. Чичерина: «Говорят о ненависти к нам поляков; но разве поляк, сохранивший искру любви к отечеству, может любить Россию? Я чувствую, что если бы я был поляк, я бы ото всей души ненавидел русских» (Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 89).

⁷⁷ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 147.

⁷⁸ Меньшиков М.О. Указ. соч. С. 325.

⁷² Никитенко А.В. Указ. соч. С. 324–325.

⁷³ См.: Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 202–212.

⁷⁴ Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. М., 2005. С. 163.

⁷⁵ Там же. С. 165.

⁷⁶ Трезво мыслящий С.А. Тучков очень точно объяснил происхождение этих якобы природных польских свойств; как и везде, обман — оружие слабых: «Многие называют то подлостью и низостью в поляках, что они

вредительством: «Гибельная их роль в подготовке Цусимы, в постройке негодных пушек и лафетов для кораблей слишком памятна. <...> Громадные железнодорожные линии коренной России в руках поляков, и всеобщая железнодорожная забастовка 1905 г., проделанная главным образом польскими инженерами, прошла для них безнаказанно. Один из превосходительных польских инженеров пытался — и чуть было не успел — разобщить маньчжурскую армию с Россией...»⁷⁹. В качестве доказательства польского коварства националистические публицисты и даже государственные деятели ссылались на так называемый «Польский катехизис», якобы подлинную памятку польского патриота с указаниями, как и чем вредить России⁸⁰. С лёгкой руки Каткова они искали в русском революционном движении и даже в крестьянских волнениях следы «польской интриги»⁸¹.

⁷⁹ Там же. С. 361.

⁸⁰ М.Д. Долбилов отмечает, что пока никак не доказана подложность этого текста, не обнаружено никаких конкретных свидетельств о его изготовлении «кем-либо из русских чиновников, публицистов или просто добровольных помощников властей в подавлении мятежа» (Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 838).

⁸¹ «Я не имею никакого сомнения, — писал в 1879 г. К. Победоносцев Е.Ф. Тютчевой, — что весь нынешний террор того же происхождения, как и террор 1862 г.: тот же польский заговор, только придуманный искуснее прежнего, а наши безумные, как всегда идут, как стадо баранов...» (цит. по: Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 173). Предельно далёкий по своим идейно-политическим предпочтениям от Победоносцева Д. Милютин полагал, что «агенты польской крамолы везде действовали на учащееся юношество, возбуждая среди него беспорядки и смуты, стараясь подорвать в нём всякое уважение к начальству, ко всему государственному

В предельно сгущённом образе польское двуличие обрисовано, например, в «Наставлении русского своему сыну перед отправлением его на службу в Юго-Западные русские области» («Вестник Западной России», 1865 г.): «Поляки и полякующие <...> обладают неподражаемым искусством ослеплять своей лестию <...> лиц, стоящих на высших степенях администрации. Поэтому в продолжение твоей службы берегись всемерно поляков и полякующих, служащих в одном с тобою ведомстве, вкравшихся своим угодничеством и лестию в доверие твоих начальников — тем более, что такие поляки и полякующие, приблизившись к высшим степеням управления, обыкновенно выведывают государственные тайны, сообщают их тёмными путями врагам России, даже передают в самых верных копиях иностранным журналистам тайные правительственные постановления, а для отклонения от себя подозрения в столь подлой измене отечеству, помрачив прежде злословием и клеветами пред начальством талантливых и ревностных русских чиновников, — на них наводят подозрение в этой измене. В обращении с поляками и полякующими опытное благоразумие требует сдержанности во всех отношениях: оно внушает не входить с ними в искренние связи, не верить им даже тогда, когда они пред русскими браignent своих братий. Как ласкательство, лезть и мнимая их откровенность, так и порицание ими своих соотичей, не более как искусство выведать от русских задушевные тайны, похожие на обольщения, коими блудница Далила выведала от Самсона тайну непреодолимой его силы телесной»⁸². Коварство и ложь — пороки, преимущественно приписываемые слабому полу, и поэтому образ «блудницы Далилы» прямо

строю» (Милютин Д.А. Воспоминания. 1861–1862. С. 52).

⁸² Цит. по: Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики... С. 258.

миком ведёт автора «Наставления...» к теме «обольстительных полячек»: «...с женою полькою ты поселишь в твоём доме ад. Прежде всего, посредством угождения твоему вкусу, твоим склонностям и увлечениям, жена полячка овладеет тобою до того, что ты пристрастишься к ней до безумия, затем экзальтированная ксендзами до фанатизма, подстрекаемая и руководимая ими в деле пропаганды, не даст тебе ни минуты покоя, усиливаясь совратить тебя с пути чести, веры и долга, умертвить в тебе веру и чистые истины православного учения церкви, сделать тебя равнодушным, индифферентным к нему, и постепенно, всеми женскими хитростями доведёт тебя не только до проступков, упущений и пристрастий по службе, но даже до лихоимства и измены государственным интересам. Она будет шпионкою всех твоих действий, всех порученностей, возлагаемых на тебя начальством, будет передавать об этом сведения ксендзам и своим соотичам — тайным врагам России. Если пойдут у тебя дети, то жена полячка то насмешками над одеждою православных священников и над обрядами, то конфетами и лакомствами, то гневом и бранью, то прельщениями и хитростью будет стараться совратить детей твоих в иезуитский папизм, поселить в них ненависть против православной церкви и всего русского и сделает их, если не явными, то тайными папистами»⁸³. Здесь в утрированном виде выражено повсеместно распространённое (как среди русских, так и среди поляков) убеждение, что именно женщины являются главной нравственной силой «полонизма»⁸⁴.

⁸³ Там же. С. 260.

⁸⁴ Типичное на сей счёт высказывание Д.В. Давыдова: «Низкопоклонная, невежественная шляхта, искони подстрекаемая и руководимая женщинами...» (Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982. С. 15). В совершенно ином контексте эта же тема неожиданно звучит у Н.А. Бердяева: «В польской душе есть страш-

Более мягкий вариант русской критики польского характера подчёркивал свойственные ему «кичливость», «мечтательность», «нетерпеливость», «безрассудство», склонность к анархии и т.д. — это практически всеобщие штампы русской публицистики и даже научно-популярной литературы, призванные обосновать невозможность для поляков политической самостоятельности⁸⁵. Сочувственными сетованиями: «мы же вам добра желаем!», «вы же без нас пропадёте!» буквально переполнены сочинения мэтров русского национализма (например, И. Аксакова и М. Погодина), но, пожалуй, наиболее простодушно их высказал Ф. Смит в книге с говорящим названием «Ключ к разрешению польского вопроса, или Почему Польша не может существовать как самостоятельное государство» (1866): поляки — «ни дать, взять, как дети, которые, если предоставить им свободу, могут надеть себе много вреда»⁸⁶. Надо ли говорить, что подобное «сочувствие» слишком напоминает колониальный дискурс?

В противовес образу «кичливого» и «безрассудного» «ляха» формировался образ «верного», «терпеливого» «росса»: если качества первого предопределили утрату Польшей независимости, то качества второго обеспечили России её государственное могущество.

ная зависимость от женщины, зависимость, нередко принимающая отталкивающую форму...» (Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 164.)

⁸⁵ См. подробнее о стереотипе «польского нрава» в русской культуре: Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке вт. пол. XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 195–241.

⁸⁶ Цит. по: Фалькович С. Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 53–54.

Важно отметить, что полонофобия в её открытой форме не проникала в язык официоза или научной литературы, не являлась она и сколь-либо значимым элементом народной культуры, оставаясь достоянием ангажированной публицистики и беллетристики (образы поляков у Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, И.С. Тургенева и др.⁸⁷) и даже среди националистов часто смягчалась панславистскими иллюзиями. «Абсолютным» врагом для русских поляки так и не сделались⁸⁸.

«Что нам делать с Польшей?»

Этот вопрос, поставленный в заглавии одной из основополагающих статей Каткова по польскому вопросу 1863 г., задавали себе русские националисты начиная с 1815 г. Ответы на него, в сущности, сводились к трём вариантам: 1) полное размежевание, 2) автономия в составе империи, 3) полное слияние с империей. Разумеется, во всех трёх случаях ни о каком восстановлении «границ 1772 года» не было и речи.

Все эти варианты присутствуют уже у декабристов. П.И. Пестель в «Русской Правде» планировал предоставить Польше независимость и даже уступить ей некоторую часть СЗК, с тем, однако, чтобы она стала верным сателлитом России. М.С. Лунин во «Взгляде на польские дела г-на Иванова, члена Тайного общества Соединённых славян» предлагал проект широкой польской автономии при отказе поляков от претензий на ЗК и при еди-

нении обоих народов на почве «славянского дела». Программные документы ранней декабристской организации Ордена русских рыцарей предусматривали «обращение Польши в губернии Российские»⁸⁹.

К последнему решению во время мятежа 1830–1831 гг. склонялся А.С. Пушкин: «...мы получим Варшавскую губернию, что должно было случиться 33 года назад»⁹⁰. Приятель Пушкина П.В. Нащокин в письме к нему предлагал ещё более радикальные меры: «Поляков я всегда не жаловал и для меня большая радость будет, когда их не будет <...>, ни одного поляка в Польше, да и только. Оставшихся в высылку в степи»⁹¹. Другой человек пушкинского круга, П.А. Вяземский в том же 1831 г. видел будущее Польши совершенно иначе: «Польшу нельзя расстрелять, нельзя повесить её, следовательно, силою ничего прочного, ничего окончательного сделать нельзя. При первой войне, при первом движении в России, Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке. Есть одно средство: бросить царство Польское... Пускай Польша выбирает себе род жизни. До победы нам нельзя было так поступить, но по победе очень можно. <...> Польское дело такая болезнь, что показала нам порок нашего сложения. Мало того, что излечить болезнь, должно искоренить порок. Какая выгода России быть внутренней стражей Польши? Гораздо легче при случае иметь её явным врагом. К тому же я уверен, что одно средство сохранить нам польские

⁸⁷ См. подробнее: *Хорев В.А.* Польша и поляки глазами русских литераторов. М., 2005.

⁸⁸ У того же Достоевского Митя Карамазов оговаривается по поводу малосимпатичного пана Врублевского: «Если я ему сказал подлеца, не значит, что я всей Польше сказал подлеца. Не составляет один лайдак Польши» (*Достоевский Ф.М.* Указ. соч. С. 492). На это я обратил внимание благодаря указанию С.М. Фалькович (см.: *Фалькович С.* Указ. соч. С. 51).

⁸⁹ Я писал подробно о польском вопросе у декабристов в работе «Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов» // Вопросы национализма. 2010. № 2. С. 83–87, 99–101.

⁹⁰ Из письма к Е.М. Хитрово от 21 янв. 1831 г. // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 9. М., 1954. С. 190.

⁹¹ Цит. по: *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики... С. 38.

губернии есть развязаться с царством Польским»⁹². П.Я. Чаадаев в написанной по свежим следам «Ноябрьского восстания» статье «Несколько слов о польском вопросе», напротив, полагал, что «народ польский, славянский по племени, должен разделить судьбы братского [русского] народа, который способен внести в жизнь обоих народов так много силы и благоденствия»⁹³.

В преддверии и в начале Великих реформ славянофилы и близкий к ним М.П. Погодин выступали за предоставление Польше широкой автономии, видя «необходимость и пользу для самой России в существовании самобытного государственного Польского центра, который бы оттянул к себе всё польское из русских областей»⁹⁴, с одновременной масштабной русификацией ЗК⁹⁵. Погодин во второй половине

1850-х гг. в ряде сочинений («Записка о Польше», «Польша и Россия») выдвинул достаточно смелый проект решения польского вопроса. В осуществлении этого проекта он видел средство выхода России из положения «второклассных» и «третьеклассных» государств, в которое она попала после Крымской войны: «Польша была для России самую уязвимою, опасною пяткою: Польша должна сделаться крепкою ее рукою. Польша отдала от нас весь Славянский мир: Польша должна привлечь его к нам. Польшею мы поссорились с лучшею Европейскою публикою: Польшею мы должны и примириться с нею». ЦП необходимо дать особое, собственное управление: «Оставаясь в нераздельном владении с империей Российской, под скипетром одного с нею Государя, с его наместником, пусть управляется Польша сама собой, как ей угодно, соответственно с её историей, религией, народным характером, настоящими обстоятельствами». Погодин планировал восстановление «несчастной Польши в пределах её родного языка» («язык — вот естественная граница народов»), то есть без ЗК, но с Познанью, западной частью Галиции и частями Силезии, где осталось «польское начало». Взамен отчуждения Польши Погодин предполагал присоединение к Российской империи Восточной Галиции. Историк видел в своём проекте очевидные внешнеполитические выгоды: «...Россия, ограждённая дружественной, одну судьбу с ней разделяющей, Польшей, становится уже безопасною от всяких западных нападений, и вспомоществуемая усердно пятью миллионами

⁹² *Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1992. С. 152–153.

⁹³ *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 515.

⁹⁴ *Аксаков И.С.* Собр. соч. Т. 3. С. 21.

⁹⁵ А.А. Киреев в июле 1862 г. так излагал программу этой русификации: «Для истребления влияния тех 720 000 поляков, которые денационализируют русский элемент, необходимо: 1) поддержать органы полемиической литературы в Западном крае (“День” etc.). 2) Образовать духовенство, могущее бороться с латинским (необходимы академии), поднять изучение русского языка и латышского, и литовского в народных школах; преподавать всё на сих языках, а в университете в Вильно (который необходимо открыть) преподавать по-русски. <...> 3) Стараться поднять крестьян (эмансипации недостаточно ещё) на такую степень, чтобы их голос имел влияние на судьбы всего края. 4) Восстановить братства православных, которые существовали прежде и которые чрезвычайно сильно <...> поддерживали русский православный элемент. <...> 5) Образование ни в коем случае не вверять полякам. 6) Даже чиновников (в особенности мировых посредников) лучше бы выбирать из русских (нам, правда, это трудно, но австрийцы это с успехом делают в Венгрии. Мы, к со-

жалению, для этого недовольно образованы). 7) Прусское правительство давало (даёт?) немцам деньги займы по 2(?) процента, чтобы они покупали земли в Познани, в городах. Они совершенно оттеснили поляков <...>. У нашего правительства денег нет, но мы могли бы употребить с успехом систему конфискации при первом политическом движении» (НИОР РГБ. Ф. 126. К. 1. Л. 104–105).

преданного, восторженного племени, с собственными бесконечными силами, коими получит возможность располагать без всякого опасения и развлечения, сделается опять страшною Западу, вместо того, что теперь страшен ей Запад». Кроме того, пример Польши привлечёт к России и другие славянские народы. Единственная, сколько-нибудь возможная форма будущего бытия Польши, как и других славянских государств, считал Михаил Петрович, — в Славянском союзе, «при покровительстве России, с взаимной помощью всех Славянских племён». Погодин выдвигал и совершенно конкретные меры для привлечения симпатий поляков к России: приглашение польских эмигрантов в отечество без всяких ограничений; возвращение поляков, сосланных за политические преступления; подготовка учреждения университета в Варшаве или пяти факультетов в разных польских городах; устройство железных дорог; установление свободы книгопечатания и т.д. Русские чиновники должны будут постепенно покинуть Польшу, а польские Россию, «чтобы впредь все места, как там, так и здесь, замещались туземными чиновниками»⁹⁶.

«Январское восстание» и полный провал автономистской «системы Велепольского» и «примирительной политики» великого князя Константина Николаевича⁹⁷ заставили славянофилов и Погодина кардинально пересмотреть свои взгляды. Ю.Ф. Самарин уже в сентябре 1863 г. констатировал, что «все промежуточные комбинации» русско-польских взаимоотношений «осуждены опытом», и остаётся только два пути: «нераздельное сочетание Польши с Россией учреждением в первой — власти, в русских руках со-

средоточенной и настолько сильной, чтобы убедить поляков в безнадежности всякого восстания» или «добровольное и полное отречение России от Польского Царства», подчёркивая при этом, что второй исход «сам по себе не заключает ничего ни невозможного, ни безусловно противного интересам России»⁹⁸. И. Аксаков ещё в августе 1863 г. продолжал считать, что было бы полезным «учреждение какого-нибудь политического Польского центра, который бы сосредоточил в себе, в видимом осязательном образе невидимую польскую общественную стихию, и упразднил её чрезмерное развитие...»⁹⁹. Но с 1864 г. лидер славянофильства отказался от этого проекта (во всяком случае, отложил его на неопределённое будущее) и пришёл к идее «перевоспитания» поляков в рамках империи без предоставления им политической самостоятельности: «...Россия требует от Польского края только одного: теснейшей, нерасторжимой, государственной связи с Империей — единственного условия, при котором возможно спокойствие России и *самоё сохранение польской национальности*. Ибо обрусение польского народа в грубом смысле этого слова никогда не входило и не могло входить в задачу правительства. Нелепость такого замысла слишком очевидна: нельзя же насильственно извратить этнографический факт, представляемый пятимиллионным народом с тысячью лет истории... <...> Мы требуем от них [поляков] только отрезвления, вразумления, погашения бесцельной злобы и ненависти, искреннего, здравомысленного убеждения в том, что нет иного спасительного исхода для польской национальности, как в прямодушном, честном, нерасторжимом союзе с Россией»¹⁰⁰. То же мнение стал отстаивать и Погодин: «...единственное спасе-

⁹⁶ См. подробнее: *Ширинянец А.А.* Русский хранитель. Политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008. С. 149–156.

⁹⁷ См. о ней: *Воронин В.Е.* Польское восстание 1863 года: Опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008.

⁹⁸ *Самарин Ю.Ф.* Указ. соч. С. 357–358.

⁹⁹ *Аксаков И.С.* Собр. соч. Т. 3. С. 168.

¹⁰⁰ Там же. С. 579–580, 583.

ние для польской национальности, для польского имени заключается только в соединении Польши и России. И если Россия убедится в вашем [польском] перерождении, вашем совлечении ветхого польского человека, в искреннем обращении ваших взглядов с запада на восток, тогда весь образ действия русского правительства <...>, наверное, изменится к общему удовольствию, — и вы, и мы вздохнём спокойно»¹⁰¹.

Эволюция славянофилов и Погодина связана с тем, что они поддержали проект правительственных реформ в Польше, которыми с конца октября 1863 г. руководил Н.А. Милютин¹⁰². Среди важнейших сотрудников «западника»-националиста Милютина оказались националисты-славянофилы Самарин, В.А. Черкасский и А. Гильфердинг, последний и являлся их главным идеологом. Речь шла не просто о том, чтобы, наделив землёй по русскому образцу польское крестьянство, окончательно подорвать социальную базу мятежа, но и о чём-то большем — о пересоздании самой польской национальной идентичности путём радикального ослабления шляхты и костёла и выдвижения в качестве

ведущей социальной силы крестьянства. Гильфердинг доказывал, что «в Польше существуют собственно два народа» — «обыватели» (шляхта, к которой примыкают духовенство и «городской люд») и «сельский народ», последний «чужд тех преданий и понятий, выработанных католицизмом и шляхетством, которые составляют историческое достояние городского люда, ксендзов и шляхты, вообще всех *обывателей* и которые именно ставят поляков в антагонизм с Россией»¹⁰³. Для обновления Польши «нужно не то, чтобы крестьянство вступило в общественную сферу обывательских классов, а напротив, чтобы крестьянство могло получить самостоятельное развитие, самостоятельное влияние на польскую жизнь»¹⁰⁴. Гильфердинг, наряду с социальными реформами, разрабатывал и реформы культурные — прежде всего проект школьной реформы, предусматривавшей переход в польских начальных школах на кириллицу и замену польского языка на национальные языки (преподаваемые также на основе кириллицы) в начальных школах для непольского населения западных окраин империи (литовцев, украинцев, белорусов, немцев, евреев). Филологом С.П. Микуцким были даже созданы соответствующие учебники.

В то же время, по свидетельству хорошо осведомлённого Б. Чичерина, Н. Милютин не считал свою политику неким «окончательным решением» польского вопроса: «Он <...> нисколько не обманывал себя насчёт успеха своего предприятия. “Я нимало не воображаю, — говорил он, — что этим Польша привяжется к России. Таких мечтаний я не питаю. Но на двадцать пять лет хватит, а это всё, что может предположить себе государственный человек”»¹⁰⁵.

¹⁰¹ Погодин М.П. Указ. соч. С. 696.

¹⁰² Который переживал польский вопрос чрезвычайно остро. В 1863–1864 гг. «он только и говорил, что о Польше; польский вопрос не сходил у него с языка; некоторые из его приятелей даже жаловались, что беседа с ним постоянно вертится на одном и том же предмете, что нет никакой возможности направить её в другую сторону». На одном из светских вечеров в Павловске «оркестр Штрауса заиграл мазурку из “Жизни за царя”, исполнена была эта пьеса с таким совершенством, что публика два раза сряду требовала её повторения. Милютин вскочил с места вне себя. “Хорошо общество, — воскликнул он, — которое восторгается польским танцем, ведь это не случайность, а умышленная демонстрация...”» (Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 215).

¹⁰³ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 238, 241.

¹⁰⁴ Там же. С. 246.

¹⁰⁵ Чичерин Б.Н. Указ. соч. [Т. 1.] М., 2010. С. 235–236.

И. Аксаков и особенно Погодин с энтузиазмом высказывались в поддержку реформ Милютина–Гильфердинга. Погодин тоном библейского пророка провозглашал: «Шляхта нынешняя, как древние Евреи, изведённые из Египта, должна погибнуть в сорокалетнем странствии по пустыне Европейской, а новая Польша с освобождёнными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую историю, в соединении с Россиею»¹⁰⁶. Как особый его вклад в дело нужно отметить выдвинутую им гипотезу о неславянском, кельтском происхождении польской шляхты, отсюда, дескать, и происходят такие прискорбные её черты, как «совершенное отчуждение от прочих славянских племён» и «презрение к собственным подданным, то есть крестьянам»¹⁰⁷.

Однако к чаемым славянофилами результатам процесс «дешляхетизации» ЦП не привёл. Радикальная демократизация Польши (как и любая другая радикальная демократизация) не входила в планы верхушки сословно-династической империи¹⁰⁸. «...За це-

¹⁰⁶ Цит. по: *Шифриянец А.А.* Указ. соч. С. 198.

¹⁰⁷ *Погодин М.П.* Указ. соч. С. 644.

¹⁰⁸ Б. Чичерин отмечал двусмысленную позицию по отношению к Н. Милютину и его помощникам даже самого Александра II: «...пославший их государь, которого волю они честно и усердно исполняли, одною рукою поддерживал их, а другою давал оружие их злейшим врагам, подставлявшим им бесчисленные препятствия на их пути»; «нельзя без боли и негодования вспоминать о том невыносимом положении, в которое русская самодержавная власть ставила доверенных своих людей, которых она посылала поддерживать русские интересы в усмирённом крае. Это был целый ряд ежедневных мелких неприятностей, которые сыпались со всех сторон и заставляли человека, заваленного работой, постоянно быть настороже, не против чужих, а против своих, действовавших у него за спиною с авторитетом и власти, и

рых полвека не удалось ни отказаться от военного положения, ни в полной мере распространить на окраины российские реформы, ни сделать польское крестьянство надёжной опорой владычества самодержавия над Польшей. Можно говорить о колебаниях и об отсутствии политической воли: пользуясь характеристикой Н.Х. Бунге, “по временам за дело принимались с лихорадочной поспешностью, которая сменялась полной апатией”¹⁰⁹. Захлебнулась и лингвистическая русификация начальных школ: «Эксперимент с учебниками на основе русской азбуки был прекращён в 1870-х гг. После отстранения окружения Н.А. Милютина и Гильфердинга от руководства политики в отношении Царства Польского он был заменён традиционной моделью административной русификации»¹¹⁰.

Катков прекрасно осознавал все минусы пребывания Польши внутри империи: «Зло извне, действительно, менее опасно, чем зло внутри. Если мы положительно считаем неспособными уладить дело с Польшею, так, чтобы она не могла иметь враждебных против Русского государства притязаний, то русским людям, конечно, не остаётся желать ничего иного, как полного отделения её, хотя бы то было сопряжено с ущербом государственному достоинству и силе России. Из двух зол надо выбирать меньшее»¹¹¹. Но он никогда после 1863 г. не выступал в поддержку отделения Польши или её автономии (к которой склонялся до мятежа), а,

положения» (*Чичерин Б.Н.* Указ. соч. [Т. 2.] С. 85; [Т. 1.] С. 332).

¹⁰⁹ *Горизонтов А.Е.* Парадоксы имперской политики... С. 185.

¹¹⁰ *Глембоцкий Хенрык.* Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // *Ab Imperio.* 2005. № 2. С. 148–149.

¹¹¹ *Катков М.Н.* Собрание статей по польскому вопросу. Т. 2. М., 1887. С. 227.

наоборот, неустанно подчёркивал, что «Царство Польское не только не может быть отделено от России, но напротив должно теснее, чем когда-либо, соединено с нею»¹¹². Правда, в письмах к Александру II и Александру III Михаил Никифорович неоднократно рассуждал о благе предоставления Польше независимости в «её этнографических границах», из чего А.И. Миллер делает вывод, что Катков «при определённых условиях готов был бы пожертвовать частью имперских территорий для создания более благоприятных условий реализации русского националистического проекта»¹¹³. В своей публицистике издатель «Московских ведомостей», как и славянофилы, поддерживал реформы Милютина. Однако он совершенно не верил в возможность создания из польского крестьянства социальной и культурной основы новой Польши, прозорливо полагая, что оно сможет «вскоре после прекращения всех счётов с панами, легко к ним примкнуть»¹¹⁴. Зато возлагал большие надежды на кириллизацию польской начальной школы, которая должна заставить крестьян почувствовать себя «преданными России и настоящими подданными Русского Царя»¹¹⁵.

Другой стороной решения польского вопроса, по Каткову, должна быть радикальная деполонизация ЗК: «Польская национальность будет терять свои вредные и для поляков, и для России свойства лишь по мере того, как будет исчезать в этом крае всякая возможность здравомысленно надеяться на восстановление старой Польши, а ближайшее средство к тому — способствовать введению значительного числа русских элементов в тамошние

землевладельческие классы»¹¹⁶. В этом с ним были полностью солидарны славянофилы: «...необходимо локализовать политический вопрос о Польше в пределах Царства, подрезав в наших западных губерниях и на Украине все корни полонизма и обеспечив преобладание русской и православной стихии над латино-польской»¹¹⁷. Погодин предлагал польским помещикам ЗК следующий выбор: или «располячиться» — «переходить в Православие и делаться русскими» (ведь их предки, в большинстве случаев, были некогда православными; следовательно, они просто «после временной разлуки опять породнятся со своими братьями»), или «пусть продают земли и идут в своё отечество в Польшу»¹¹⁸.

Если кратко суммировать общую позицию большинства русских националистов по польской проблеме в 60–80-х гг., то она заключалась в следующем: *Польшу можно отпустить вовсе или дать ей широкую автономию только тогда, когда ЗК будет окончательно деполонизирован и русифицирован и, следовательно, у поляков уже не будет возможности вернуть его себе.*

К началу XX в. в русской националистической публицистике вопрос «Что нам делать с Польшей?» оставался дис-

¹¹⁶ Он же. Собрание статей по польскому вопросу. Т. 2. С. 724.

¹¹⁷ Самарин Ю.Ф. Указ. соч. С. 356.

¹¹⁸ Погодин М.П. Указ. соч. С. 689. В другом месте Погодин выражался более радикально: «Из западных русских областей должны быть выжиты поляки, во что бы то ни стало, выкурены, высланы, выпроважены по казенной надобности, с деньгами, с заёмными на нас письмами, с ксендзами, со всем скарбом и трауром, со всем движимым имуществом», причём не обязательно в Польшу, их можно расселить и «во внутренних русских губерниях, на Кавказе, на Амуре, в Минусинском округе, в Оренбургской стороне» (Цит. по: Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики... С. 56).

¹¹² Там же. С. 1289.

¹¹³ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. С. 161.

¹¹⁴ Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1864 год. С. 646.

¹¹⁵ Там же. С. 948.

куссионным. П.Б. Струве, отрицавший возможность русификации Привислинского края и не видевший «принудительных хозяйственных мотивов» для его пребывания в империи, тем не менее выступал за его сохранение в составе последней, ибо «обладание Царством Польским есть для России вопрос <...> политического могущества»: «...мы должны воспользоваться её [Польши] принадлежностью к Империи, для того, чтобы через неё скрепить наши естественные связи с славянством вообще и западным в частности». Поэтому Струве рекомендовал в польском вопросе «либеральную политику»¹¹⁹. Панславист И.И. Дусинский ратовал за «сохранение польской нации и национально-политической автономии её» в составе грядущей «всеславянской союзной державы»¹²⁰. М.О. Меньшиков, напротив, призывал в идеале к полному отторжению Польши от России, а как минимум — к её автономии «в пределах племени своего»¹²¹, но без представительства в Думе и вообще без всякого влияния на российскую жизнь, в первую очередь в ЗК.

Таким образом, накануне Первой мировой войны польский вопрос был далёк от разрешения и практически, и теоретически. Конечно, поляки были уже неспособны на вооружённые восстания, но с другой стороны, интеграция ЦП в империю продолжала оставаться головной болью правительства и русских националистов. Даже проблема ЗК считалась весьма острой: в 1910 г. всё ещё актуальным казался призыв: «...в пределах русского Западного края все наши усилия должны быть направлены <...> к полному возвращению этому краю его исконного русского облика»¹²². Видный киевский националистический публицист

Д.В. Скрынченко в 1907 г. печатал статьи с говорящими названиями: «Как ополячивается наш белорус» и «Обрусение или полонизация»¹²³.

Из трёх вариантов решения польского вопроса, названных в начале этой главы, безусловно отпал, как совершенно утопический, вариант полного слияния ЦП с империей. Хотя мечта Пушкина сбылась и на карте России появилась Варшавская губерния, тем не менее было понятно, что это нечто качественно другое, чем губерния Рязанская. Полному отделению Польши, во всяком случае публично, сочувствовали немногие (даже Меньшиков делал здесь оговорки). Очевидно, что на закате империи большинство русских националистов склонялось к той или иной форме польской автономии. Война внесла свои коррективы, и мысль о независимости Польши не только стала достоянием общественного мнения, но и правительства. 12 февраля 1917 г. Особое совещание Совета министров по Польше приняло решение о даровании ей прав независимого государства¹²⁴. Николай II не успел (или не за-

¹²³ См.: *Скрынченко Д.В.* Минувшее и настоящее. Избранная публицистика. Воронеж, 2009. С. 101, 107.

¹²⁴ См.: *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 74. Тем не менее некоторые русские националисты-панслависты даже в 1921 г. (год Рижского мира!) продолжали лелеять надежду о русско-польском единстве, причём даже польский католицизм им уже не казался преградой для союза, а, напротив, его важнейшей предпосылкой. П.П. Перцов в неопубликованном сочинении «Куда идёт Россия?» писал: «Только объединение Всеславянства возвращает нам наши надежды и смысл русской истории. Это есть прежде всего — соединение православных (византийских) и католических (зап[адно]-европейских) элементов в одно целое <...>. То есть здесь фактическое и невольное объединение Востока и Запада, античности и европеизма, т.е. рождение 3-го типа Арийства — Славянского <...>. В одной России не может быть преодоления Европы:

¹¹⁹ *Струве П.Б.* Указ. соч. С. 58.

¹²⁰ *Дусинский И.И.* Указ. соч. С. 110.

¹²¹ *Меньшиков М.О.* Письма к ближним. 1910 год. СПб., 1910. С. 321.

¹²² *Дусинский И.И.* Указ. соч. С. 116.

хотел) утвердить этот документ, но от него уже немного зависело...

«Благодетельный мятеж»

Так назвал события 1863 г. И. Аксаков¹²⁵. Польское влияние — прямое и косвенное — на генезис русского национализма обширно и разнообразно, «польский след» легко различим на первых же страницах его истории (достаточно упомянуть резкую радикализацию декабризма после появления слухов о том, что Александр I в пользу Польши «намеревается отторгнуть некоторые земли от России» и даже «ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву»)¹²⁶. И всё же «Январское восстание» занимает здесь особое, уникальное место.

М.Д. Долбилов, сравнивая мятежи 1830 и 1863 гг., верно отметил принципиальную разницу реакции русского общественного мнения на эти события: во втором случае она оказалась неизмеримо сильнее и содержательно насыщеннее, при том, что «военно-стратегическая угроза, которой подверглась Российская империя со стороны восставших поляков в 1831 г., была страшнее, чем в 1863 г. Это соотношение не слишком изменится, если принять в расчет опасность вмешательства западноевропейских держав: в 1863 г.

мы слишком византийцы для этого. Но мы + Польша преодолеваем ее. Только Всеславянство <...> соборно создаст свое исповедание христианства. Софианство есть Восток + Запад. И Царьград будет дан всему Славянству, а не России только» (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 5–5 об.). Следует добавить, что Перцов дожил до 1947 г. Так что он мог вполне прийти к выводу, что его мечта о России как объединителе «Славии» начинает сбываться...

¹²⁵ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 3. С. 111.

¹²⁶ Якушкин И.Д. Записки, статьи и письма декабриста И.Д. Якушкина. М., 1951. С. 17. Подробнее см.: *Сергеев Сергей*. Восстановление свободы... С. 83–84.

эта мрачная перспектива выглядела реалистичнее, чем тридцатью годами ранее, но и тогда подобные страхи в сознании имперской элиты были вполне ощутимы. <...> То, что в литературе именуется польским восстанием 1830–1831 гг., или Ноябрьским восстанием, было по сути настоящей войной, конфронтацией двух армий, с битвами, сопоставимыми по числу потерь со сражениями Отечественной войны 1812 г. <...> В 1863–1864 гг. военная ситуация как таковая была гораздо более благоприятной для имперской власти. Против неё выступила не регулярная армия под командованием опытных генералов, а так называемая «партизанка», боевой единицей которой являлся, как правило, разношёрстный и кое-как вооружённый отряд (по официальной терминологии, шайка или банда). <...> И тем не менее, взрыв антипольских настроений в разнородных слоях русского общества, интенсивность мифотворчества (как профессионального, так и дилетантского) на тему цивилизационной вражды между Россией и Польшей оказались заметнее, чем при Николае I»¹²⁷.

Долбилов совершенно справедливо связывает этот феномен с возросшим национализмом русского общества, с его восприятием Великих реформ, и в особенности Крестьянской реформы, как русского националистического проекта, суть коего виделась в образах романтического мифа: «пробуждение народной массы от векового сна, воссоздание целостности народного тела, мобилизация внутренних сил общественного организма, постижение забытых было традиций»¹²⁸.

Я бы только особенно подчеркнул, что этот проект был делом не только государства, но и общества, которое впервые после «дней Александровых прекрасного начала» почувствова-

¹²⁷ Долбилов М.Д. Полонофобия и русификация... С. 131.

¹²⁸ Там же. С. 135.

ло себя самостоятельной социально-политической силой. Государственные проблемы в начале 60-х гг. были осознаны обществом как *свои*, в 30-х же годах, при жёстком диктате Николая I, общество ощущало их гораздо более отчуждённо. Характерно, что политическая «великодержавная» лирика Пушкина того времени (в том числе и знаменитое «Клеветникам России») воспринималась весьма неоднозначно даже в его ближайшем окружении (П. Вяземский, например, резко осуждал её). В дневнике А.В. Никитенко за 1830–1831 гг. вообще нет упоминания о польском мятеже, зато обличаются «унылый дух притеснения», свирепства цензуры, отсутствие законности и т.д.; меж тем как в записях 1863–1864 гг. польская тема едва ли не основная, и преобладающая тональность её подачи, говоря словами Струве, — «патриотическая тревога»: «здесь дело идёт о том, чтобы быть или не быть»¹²⁹. «...Мерещится всем раздробление и попираание государства. Или я жестоко ошибаюсь — или это настоящая историческая минута в нашей жизни» (П.В. Анненков — И.С. Тургеневу)¹³⁰.

Общество, наконец-то увидевшее в себе «хозяина земли Русской», стало трепетать за целостность империи и опознало в польских инсургентах не «жертв самовластия», а экзистенциальных врагов. Либеральный западник В.П. Боткин писал либеральному западнику И.С. Тургеневу: «Лучше неравный бой, чем добровольное и постыдное отречение от коренных интересов своего отечества. <...> Нам нечего говорить об этом с Европою, там нас не поймут, чужой национальности никто, в сущности, не понимает. Для государственной крепости и значения России она должна владеть Польшей, — это факт, и об этом не стоит говорить. <...> Какова бы ни была Россия, — мы прежде

всего русские и должны стоять за интересы своей родины, как поляки стоят за свои. Прежде всякой гуманности и отвлечённых требований справедливости — идёт желание существовать, не стыдясь своего существования»¹³¹. Будущий проповедник «непротивления злу насилием» и будущий автор обличающего притеснения поляков в России рассказа «За что?» Лев Толстой спрашивал в письме у певца «весны и любви» Афанасия Фета: «Что вы думаете о польских делах? Ведь дело-то плохо, не придётся ли нам с вами <...> снимать опять меч с заржавевшего гвоздя?»; адресат ему отвечал: «...самый мерзкий червяк, гложащий меня червяк, есть поляк. Готов хоть сию минуту тащить с гвоздя саблю и рубить ляха до поту лица»¹³². Толстой и Фет всерьёз думали вернуться в армию.

В 1863 г. русский национализм впервые со времён декабристов выступил как влиятельная общественная и даже политическая сила. Общепризнано, что только благодаря небывалому патриотическому подъёму общества правительство смогло избавиться от колебаний и занять твёрдую позицию в отношении как польского мятежа, так и попыток вмешательства во внутренние дела России европейских держав¹³³.

¹³¹ Боткин В.П. и Тургенев И.С. Неизданная переписка. 1851–1869. М.–Л., 1930. С. 180.

¹³² Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. Т. 1. М., 1978. С. 365, 366.

¹³³ Английский посол лорд Нэпир в одной из депеш на родину сообщал: «В случае вмешательства или угрозы со стороны иностранных держав, воодушевление будет чрезвычайно сильное. Все национальные и религиозные страсти русского народа затронуты польским вопросом. Рекруты спешат стать в ряды войска с небывалым рвением, твёрдо уверенные в неизбежности войны за веру...» (Цит. по: Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. С. 249). «Общество решилось принять войну», — констатировал Анненков, уточняя, что настроение общества «не то,

¹²⁹ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 326

¹³⁰ Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. Т. 1. М., 2005. С. 139.

У многих возникло ощущение подлинного нравственного обновления нации: «Великая перемена совершилась в русском обществе — даже физиономии изменились, — и особенно изменились физиономии солдат — представь — человечески интеллигентными сделались» (Боткин — Тургеневу)¹³⁴. И подъём этот возглавили именно тогдашние лидеры русского национализма — Катков и (в меньшей степени) И. Аксаков. Особая роль Каткова в ту эпоху впоследствии подчёркивалась даже в авторитетных университетских курсах русской истории¹³⁵. Не мудрено,

что в Крымскую кампанию» (*Анненков П.В.* Указ. соч. С. 139.)

¹³⁴ *Боткин В.П. и Тургенев И.С.* Указ. соч. С. 177.

¹³⁵ См.: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 710. Приверженец Каткова Е.М. Феоктистов полагал, что его роль «в событиях 1863 и 1864 годов представляла великое и ещё небывалое у нас зрелище. Это был первый пример в России, чтобы человек без связей и покровительства, единственно силой своего таланта и горячего убеждения, приобрёл неслыханную диктатуру над умами. Кто пережил это время, тот никогда его не забудет. Отрадно было видеть, как под влиянием громовых статей “Московских ведомостей” рассеивался мало-помалу хаос в понятиях общества и как проникалось оно сознательным участием к своим интересам. О Каткове можно без преувеличения сказать, что он создал здоровое общественное мнение <...>. Имя его гремело во всей России, едва ли кто после Пушкина пользовался такой славой» (*Феоктистов Е.М.* Указ. соч. С. 90–91). Яростный недруг Михаила Никифоровича — Б.Н. Чичерин, тем не менее, отдавал ему в этом случае должное: «Это был набат, гремевший во все колокола и призывавший всех на защиту отечества. <...> во время польского восстания он был самым видным органом общих чувств, так же как Сергей Глинка в двенадцатом году» (*Чичерин Б.Н.* Указ. соч. [Т. 2.] С. 69). В.А. Маклаков вспоминал, что его отец, человек умеренно-либеральных воззрений, до конца жизни продолжал оправ-

что оба героя дня вспоминали то время как свой звёздный час. «Дела наши шли усиленным ходом в направлении антинациональном и вели неизбежно к разложению цельного государства. <...> Россия была на волос от гибели <...>. Россия была спасена пробудившимся в ней патриотическим чувством <...>. Впервые явилось русское общественное мнение; с небывалой прежде силой заявило себя общее русское дело, для всех обязательное и своё для всякого, в котором правительство и общество чувствовали себя солидарными»¹³⁶. 1863 г. — «эпизод русской истории, в котором именно русскому обществу пришлось принять самое деятельное участие, а русскому правительству опереться преимущественно на содействие русского общества и русской печати»¹³⁷.

Более того, «польская смута» заставила самодержавие временно отказать от традиционных имперско-сословных ориентиров в национальной политике и взять на вооружение националистические практики, о чём свидетельствует деятельность М.Н. Муравьёва и К.П. Кауфмана в СЗК и Н.А. Милютина в ЦП. Никогда подобные методы и идеи не использовались имперской бюрократией столь масштабно. Несмотря на то что к концу 60-х гг. политика «русского дела» была свёрнута, она явилась важным прецедентом, к которому можно было вернуться как к чему-то опробованному и доказавшему свою эффективность (во всяком случае, в СЗК).

дывать Каткова «как политика; напоминал, что Катков всегда стоял за интересы России. <...> Патриотический подъём общества в ответ на нападение Польши, очевидно, переживал вместе с другими 25-летний отец. Этого чувства он терять не хотел и за это многое Каткову прощал» (*Маклаков В.А.* Воспоминания. М., 2006. С. 22).

¹³⁶ *Катков М.Н.* Имперское слово. М., 2002. С. 259.

¹³⁷ *Аксаков И.С.* Собр. соч. Т. 3. С. 658.

События 1863 г. актуализировали для русского общества проблему построения Большой русской нации, включающей в себя как великороссов, так и малороссов и белорусов, вообще открыли для широкой публики национально-государственное значение ЗК. Именно с этого времени в фокус столичной публицистики попадает украинофильство и начинает обсуждаться его опасность для России. Белоруссию же и вовсе тогда открывали «словно Америку»¹³⁸. Проблема противостояния «полонизму» в ЗК инициировала чрезвычайно важную полемику Каткова и Аксакова о главных критерии национальной идентичности: язык или религия?

Наконец, польский мятеж косвенным образом «убил» одну из своеобразных ветвей русского национализма — «левый» национализм Герцена–Бакунина–Огарёва. Пропагандистская поддержка повстанцев и даже, в случае с Бакуниным, непосредственное участие в их акциях радикально подрубило авторитет этой группы: тираж «Колокола» упал с 3 тыс. экземпляров до 500, «существование его стало едва заметным»¹³⁹.

Герцен отнюдь не был безусловным сторонником восстания, считая его преждевременным. И уж конечно не сочувствовал лозунгу «Польша от можа до можа». Более того, он не желал полного отторжения Польши от России, в перспективе надеясь на свободную социалистическую федерацию обеих стран. Вопрос о принадлежности ЗК решался им в работе «Россия и Польша» (1859) на основе лингвистических, конфессиональных и социокультурных критериев, близких к славянофильским: «Там, где народ исповедует православие или унию, говорит языком, более близким русскому, чем к польскому, там, где он сохранил русский крестьянский быт, мир, сход-

ку, общинное владение землёй, — там он, вероятно, захочет быть русским. Там, где народ исповедует католицизм или унию, там, где он утратил общину и общинное владение землёй, там, вероятно, сочувствие с Польшей сильнее и он пойдёт с ней»¹⁴⁰. Вполне в духе славянофилов и Каткова Александр Иванович отрицает польский характер ЗК: «...я не верю, чтоб дворянство выражало народность того края»¹⁴¹. Позднее «Колокол» пропагандировал проект переселения крестьян из Центральной России в Польшу с целью создания там опорных точек русского землевладения, что вызвало негативную реакцию радикалов типа А.А. Серно-Соловьевича¹⁴².

Но вынужденный из соображений политической тактики поддержать мятеж, Герцен вступил в резкий диссонанс с русским общественным мнением. Соответственно и его версия национализма была отвергнута как выступавшими ранее в союзе с ним по ряду вопросов славянофилами, так и потенциальной «почвенной» силой «левого» национализма — старообрядцами, оживлённые контакты с которыми резко оборвались по инициативе последних именно в 1863 г., в связи с позицией «Колокола» по польскому вопросу¹⁴³. «Социалистический» национализм стал символом национальной измены, что, с одной стороны, отвратило от него даже либеральных националистов, с другой — укрепило отторжение от национализма среди социалистов, наоборот, признавших «пораженчество» Герцена единственно возможной позицией и примером для подражания в сходных ситуациях. Кто же не помнит ленинскую аполо-

¹⁴⁰ Герцен А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М., 1958. С. 193.

¹⁴¹ Там же. С. 207.

¹⁴² См.: Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики... С. 141.

¹⁴³ См. подробнее: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М., 2006. С. 516–521.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 25.

гию Герцена, якобы спасшего «честь русской демократии»?

1863 г. косвенно способствовал росту консервативных настроений в русском обществе вообще¹⁴⁴ и, в частности, эволюции русского национализма от либерализма (преобладавшего в нём в начале Великих реформ) к консерватизму. Н.И. Тургенев ещё в 1847 г. прозорливо называл польскую проблему, наряду с крепостным правом, одним из двух главных препятствий «для прогресса в России»: «Во всех событиях, сулящих русским некий про-

гресс, поляки ищут только средство для достижений своей цели, которая не может совпадать с интересами России, ибо если русские хотят свободы и цивилизации, то полякам сначала нужна независимость, без которой нельзя и мечтать о других благах»¹⁴⁵. Либерализация России неизбежно вызвала угрозу польского сепаратизма и потери западных окраин, с которой общество, при всём своём возросшем влиянии, справиться, естественно, не могло. Поэтому националистам сила самодержавия для «русского дела» стала казаться важнее его ограничения. В этом настроении одна из важнейших причин перехода признанного лидера русского национализма М.Н. Каткова с либеральных на охранительные позиции.

¹⁴⁴ См., напр., о смене политических ориентиров среди русского офицерства: *Айфанетов Олег. Утраченные иллюзии // Родина. 1994. № 12. С. 56–59. Определяющим считает влияние событий 1863 г. на окончательный отказ К.П. Победоносцева от либеральных увлечений молодости его современный биограф (см.: Полунув А.Ю. Указ. соч. С. 72–73).*

¹⁴⁵ *Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001. С. 367.*

Открылся сайт журнала «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»: <http://vnatio.org/>

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
- Анонсы новых материалов
- Интервью с авторами, статьи и рецензии
- Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала

Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
- Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
- Сообщество читателей журнала
- Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

АЛЕКСЕЙ ТЕРЕЩЕНКО

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И СЕПАРАТИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ЮЖНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

I. Горячие южные парни

Государственные границы в Западной Европе — плод тысячелетней борьбы между государствами, образовавшимися на обломках империи Карла Великого. Каждый метр государственной границы здесь обильно полит кровью.

В пределах же своих границ каждое государство, пользуясь своим суверенитетом, начинало политику ассимиляции всех меньшинств, нередко весьма репрессивную, в той или иной степени удачную.

В конце XIX в., на волне общего подъёма национализма в Европе, на юге континента возникли мощнейшие региональные движения, многие из них существуют и по сей день.

* * *

В Италии множество региональных движений, но серьёзной базой обладают на сегодняшний день лишь два из них.

Первое — движение Северной лиги. Основная её база — это Ломбардия, Венето и Пьемонт, крупные регионы Северной Италии.

В каждом из этих регионов возникли

свои собственные автономистские движения. В первую очередь — в Венето, области, вошедшей в состав Италии в 1866 г. Там никогда не утихали голоса, утверждавшие, что Венеция — вполне самостоятельная цивилизация и в Италии не нуждается. Это движение носит название венецизма.

В 1980-е гг. несколько разрозненных региональных движений на Севере Италии объединились в Северную лигу во главе с Умберто Босси. Лига выступает за автономию или полную независимость Падании.

Хотя слово «Падания» означает долину реки По, под этим названием понимается Северная и Средняя Италия (вплоть до Тосканы и Умбрии), которая противопоставляется Югу вместе с Римом, представляемым как царство коррупции, мафии и бездельников. Уже в первой половине века на Севере не любили неаполитанцев и сицилийцев, а теперь ещё боятся иностранных иммигрантов (в первую очередь из арабских стран и из стран Восточной Европы). Настоящий успех пришёл к Лиге после коррупционных скандалов 90-х гг., в которых было замешано римское правительство. В 1996 г. Лига набрала 10,1% голосов (а в Венето — 30%). После этого был даже учреждён альтернативный парламент в Мантуе и проведены выборы.

Затем, правда, большинство итальянцев разочаровалось в Лиге. Мало кто хотел полного разрыва с Римом —

Данная статья, как и следующие за ней статьи О. Неменского и Г. Энгельгардта, основаны на докладах их авторов на «круглом столе» Лиги консервативной журналистики «Соединенные волости Европы. Косово как перенец европейской глокализации».

их вполне устраивал федерализм, то есть, попросту, большая возможность тратить свои налоги у себя и большая независимость местного регионального правительства.

Поэтому с 2000 г. Лига даже заключила союз с правительственной партией Берлускони «Вперёд, Италия!». Однако у Лиги сложилась довольно жёсткая и последовательная идеология. Она отказывается от какого-либо родства с другими итальянцами, считая своими предками цизальпинских галлов — вот так работает в Италии кельтский миф, речь о котором пойдёт ниже.

Символ Лиги — легендарный воин, сражавшийся против императора Фридриха Барбароссы. Гимн Лиги — *Va Pensiero* из оперы Джузеппе Верди «Навуходоносор»: хор еврейских изгнанников, плачущих по родной земле.

Северная Лига — партия консервативная в общественном плане и либеральная в экономических вопросах, рассчитанная в первую очередь на средний класс. На выборах в 2006 г. она набрала 4,6%, что очень немало, учитывая, что это данные по всей Италии. На выборах 2008 г. — уже 8,3%. Среди итальянцев, живущих к северу от реки По, более половины считают отделение от Южной Италии выгодным, а 20% — желательным.

У Лиги яркие лозунги и плакаты. Особенно мне запомнился плакат, на котором изображён североамериканский индеец и рядом надпись: «*Они не смогли ограничить иммиграцию, а теперь живут в резервациях*».

За исключением Лиги, единственное по-настоящему мощное сепаратистское движение в Италии находится в Трентино-Альто Адидже (Южном Тироле), на территории, отторгнутой от Австрии и присоединённой к Италии в 1920 г. Большинство населения — немцы.

В настоящий момент идёт постепенное выживание итальянцев из края, потому что всем заправляет немецкое большинство, фактически превратив-

шая в привилегированный класс. Очень затруднена иммиграция итальянцев в Южный Тироль, потому что там чрезвычайно высоки налоги, а государственные субсидии предоставляются не сразу. Но даже те итальянцы, которые там жили, потихоньку уезжают.

Тем временем правящая партия Южного Тироля пытается уговорить Австрию внести законопроект о необходимости самоопределения Южного Тироля, с целью воссоединить его с Северным. Экстремистская деятельность сегодня затихла, но за 50–80-е гг. было совершено более трёхсот террористических актов.

В остальной Италии продолжает господствовать официальный миф о Рисорджименто, объединении итальянских земель в XIX в., в котором итальянское единство преподносится как высшая ценность и единственное условие процветания страны. *Однако почти в каждом регионе есть своя сепаратистская партия.*

Про венецизм я уже говорил выше. **Лигурийское автономистское движение** требует самоопределения для Лигурии, «незаконно присоединённой» к Пьемонту «после 700 лет независимости». В отличие от других движений Севера Италии, лигурийское прославляет космополитичность — славное наследие Генуэзской республики.

Сепаратистские движения есть на Сардинии («**Нация Сардиния**») и на Сицилии, но они не набирают больше 2–3% голосов местных избирателей.

Свергнутая династия Бурбонов продолжает претендовать на Королевство Обеих Сицилий, разоблачая итальянцев-северян, ведущих себя на Юге Италии как «колонизаторы». Регионалистские движения существуют также в Валь д'Аосте, где большинство говорит на франко-провансальском (арпиганском) языке, и в Фриули-Венеции-Джулии, где несколько пограничных деревень говорят на словенском.

Наконец, несмотря на поражение во Второй мировой войне, ещё жив итальянский ирредентизм — стремление воссоединить с Италией все земли, так или иначе связанные с итальянской историей и культурой. Нередко в речах крупных государственных чиновников и партийных лидеров Италии проскакивают намёки на то, что Истрия, а также Далмация и Корсика — исконно итальянские земли.

* * *

Движение басков в Испании превосходит по размаху любую сепаратистскую деятельность в Италии. Спектр баскского сепаратизма очень широк, объединяя политические силы от крайне правых до крайне левых. Это связано с особенностями истории басков.

В XIX в. в Испании шла борьба между карлистами (абсолютистами) и либералами. Поскольку либералы стремились к униформизации страны, парадоксальным образом получилось так, что именно абсолютисты защищали старинные привилегии басков, Каталонии и других земель Испании. Поэтому баски поддержали карлистов и после того, как карлизм ушёл в небытие (а это произошло лишь в XX в.), правая часть баскского национального движения унаследовала от него тесные связи с католическим духовенством. Левая часть баскского политического спектра возникла в городах, ставших в начале XX в. индустриальными центрами — в первую очередь из Бильбао. Именно благодаря своему левому крылу баскские националисты, известные также как аберцале, выступили в Гражданскую войну на стороне Республики. А в 50-е гг. была создана печально знаменитая баскская террористическая организация ЭТА, в результате деятельности которой погибло больше восьмисот человек.

Страна Басков получила автономию лишь в 1978 г., после смерти Франко. Автономия эта очень широка — например, Страна Басков имеет свои поли-

цейские силы, известные как эрзайнца. Однако среди них столь велик процент сочувствующих террористам, что МВД Испании не допускает их к базам данных Интерпола. В настоящее время ЭТА, как и многие другие нелегальные организации, продолжает действовать. Визитная карточка баскских аберцале — городские погромы (кале боррока) с разбиванием витрин, поджогом машин и нападениями на полицию. Существует также множество организаций, балансирующих на грани легальности и нелегальности. Некоторые из них — например, Батасуна — были запрещены, поскольку воспринимались как легальное крыло ЭТА.

В Испании, где традиционно очень значимо понятие «чистоты крови», баски, считающиеся потомками доиндоевропейского населения Европы, автоматически оказываются «самыми чистокровными». Кроме Страны Басков, баски претендуют также на Наварру и два французских департамента. В Наварре, однако они составляют не более трети населения, а баскская партия набрала в области 23%.

Баскские сепаратисты по-разному восприняли косовскую независимость. Если правые баски радостно поддерживали косоваров, то левые баски заклеямили признание Косова как фальшивое и фашистское.

Каталонии по этому вопросу царилло большее единодушие. Каталонское правительство единодушно поддержало независимость Косова и потребовало признания его от Испании.

В настоящий момент Каталония — самая высокоразвитая провинция Испании, что дополнительно влияет на популярность идей о независимости, которые разделяет около трети населения (около половины населения — против). Каталонский язык понемногу оттесняет испанский на задний план. Однако каталонское движение куда более мирное, чем баскское, — в настоящий момент каталонских террористических организаций нет.

Как и движение басков, каталонское уходит своими корнями в Средневековье. В настоящее время идёт смена научных доктрин — пишутся новые серьёзные труды, в которых полностью пересматривается история Пиренейского полуострова. Каталонская цивилизация рассматривается как равноправная кастильской, но угнетённая тираническими соседями. В монографиях речь идёт о каталонской дуге — от Валенсии до Сицилии. Однако каталонские националисты не претендуют на все эти земли. Их претензии простираются на «Каталонские страны» — земли собственно Каталонии, Валенсии, некоторых пограничных районов Арагона, где говорят по-каталонски, Северной Каталонии, то есть французского Руссильона, а также на Балеарские острова и город Альгер на Сардинии, где до сих пор говорят на каталонском диалекте.

В «Каталонских странах» эти идеи воспринимаются по-разному. Если на Балеарских островах их в целом разделяют (хотя в 70-е гг. существовало движение, призывавшее к независимости Балеарских островов), то в Валенсии каталонские притязания вызывают возмущение. Постоянные стычки между каталонскими и валенсийскими политиками привели к тому, что когда испанское правительство издало текст Европейской Конституции для референдума, то он был опубликован на испанском языке и языках автономных регионов: галисийском, баскском, каталонском и валенсийском. При этом переводы на каталонский и валенсийский языки были идентичными, но в начале одного было написано «каталонский язык», а в начале другого — «валенсийский».

Других серьёзных сепаратистских движений в Испании нет — а вот автономистские есть практически в каждом регионе.

Самое серьёзное из них — безусловно, **галисийское**. Интересно оно тем, что претендует на генетическое род-

ство с кельтским миром — ещё более последовательно, чем Падания. Несмотря на то что говорят галисийцы на романском языке, они участвуют во всех манифестациях, посвящённых кельтской культуре. Идёт активное развитие галисийского языка и самосознания. Многие приходят к выводу, что северные португальцы им ближе, чем испанцы. Действительно, культура Северной Португалии, как и галисийская, созвучна кельтскому миру. Вместе с тем за отделение от Испании выступает не более 1% галисийцев.

Региональные движения в Арагоне и Астурии сводятся к попыткам вновь заговорить на своих диалектах и осознать свою особость в культурном плане. В пяти кастильских регионах (Кантабрия, Кастилия-и-Леон, Мадрид, Ла-Риоха и Кастилия-ла-Манча) нарастает движение за объединение их в Великую Кастилию, которая могла бы составить монолитное ядро Испании. В Леоне наличествует даже сепаратистское движение, которое призывает к объединению земель средневекового королевства Леон (с присоединением к области Леон Саморы, Саламанки и даже португальской области Браганца). Однако на Астурию леонские сепаратисты не претендуют, хотя она тоже входила в королевство Леон — поскольку они предпочитают не ссориться с астурийцами.

Сильное автономистское движение имеется в Андалусии, где признание автономии Страны Басков и Каталонии вызвало массовые уличные протесты и демонстрации, которые привели в конце концов к признанию автономии Андалусии. Однако серьёзного движения за независимость в Андалусии нет.

В конце 70-х гг. существовало заметное сепаратистское движение на Канарских островах, которое поддерживалось из Алжира и основывалось на идеях о берберском единстве (большинство населения островов — этнические берберы). Однако в последние

двадцать лет это движение никакой поддержкой среди местного населения не пользуется.

Испания претендует на Гибралтар, который с XVIII в. принадлежит Великобритании. Однако гибралтарцы большинством свыше 90% отвергли не только передачу Гибралтара Испании, но даже совместный англо-испанский сюзеренитет над спорной территорией. В свою очередь, Марокко претендует на испанские анклавы Сеуту и Мелилью, которые тоже предпочитают оставаться под испанской властью. Наконец, существует неразрешённый конфликт между Испанией и Португалией из-за города Оливенса, захваченного испанцами в эпоху наполеоновских войн. Впрочем, с момента вступления обеих государств в Евросоюз и Шенгенское пространство вопрос о принадлежности г. Оливенса потерял былую актуальность.

* * *

Во Франции проблема сепаратизма стоит значительно менее остро, нежели в Италии или Испании.

Долгие годы жёстко унитарного государства сделали своё дело — из конгломерата самых разных народов население Франции превратилось во французов, которых объединяют единые язык и культура. Тем не менее в последние пятьдесят лет во многих регионах Франции развились автономистские движения.

Единственная область Франции с заметным сепаратистским движением — это **Корсика**. Странники независимости на острове чтут память Паоли, создателя первого современного демократического государства в мире, а французское владычество воспринимают как колониальное.

Но среди корсиканцев далеко не все хотят независимости, а те, кто её хочет, раздираемы конфликтами. Большинство жителей острова готовы довольствоваться большей автономией, особыми правами для корсиканского

языка и освобождением от ряда национальных налогов. Террористическая угроза есть — корсиканцы нападают на административные, военные и туристические объекты, представляющиеся символами французского господства. Однако нападения направлены против зданий, а не против людей.

Во Франции, как и в Испании, действуют **баскские организации** (в районе городов Байонна, Англе и Биарриц) и каталонские (в Руссильоне или Северной Каталонии). Как правило, баски сосредоточивались на войне против Испании, используя французские земли как базу для отступления. Тем не менее в 70–80-е гг. во Франции действовала террористическая баскская организация. В Руссильоне каталонское движение почти незаметно — местное население практически утратило свои традиции и ассимилировалось.

Из остальных региональных движений во Франции наиболее могущественное — **бретонское**. Бретань использует по максимуму свою принадлежность к кельтскому миру, чтобы обозначить свои различия с французами. Самая почитаемая в Бретани героиня — последняя герцогиня Анна Бретонская, которая сделала всё, чтобы бретонцы сохранили свою независимость от Франции. С бретонским языком связано множество культурных мероприятий, его учат в школе, на нём поют песенные ансамбли.

Странники независимости в Бретани в абсолютном меньшинстве. Идея, что Бретань может стать независимой, кажется столь невероятной, что большинству бретонцев нравится с ней играть. Главное требование бретонцев — это воссоединение с Бретанью её исторической столицы — Нанта, который находится сейчас в департаменте Луар-Атлантис. В Нанте бретонцев меньшинство, но нигде в Бретани не увидишь столько яростных антифранцузских лозунгов, как там.

Как и в случае с басками, бывают бретонские националисты любых

убеждений, от ультралевых (Эмганн, близкие к анархистам) до ультраправых (Адсав, требующие высылки из Европы иммигрантов). Бретонцы издавна поддерживают связи с басками, и ЭТА помогала в организации террористической группы — Бретонской революционной армии. Впрочем, на счету бретонских террористов немного покушений и почти нет жертв.

На юге Франции во второй половине XIX в. зародилось мощнейшее **окситанское движение**, опиравшееся на провансальский (окситанский) язык, ставший литературным ещё в эпоху трубадуров. Однако *Окситания, которая потенциально могла стать французской Украиной, так и не состоялась*. Сейчас от неё не осталось ничего, кроме осознания культурной особенности и специфического акцента во французском языке. Единственная часть Окситании, где существует сепаратистское движение, — Ницца, которая вошла в состав Франции в 1860 г. по договору с Сардинским королевством. Сторонники независимости утверждают, что из Ниццы могло бы получиться второе Монако, и указывают на то, что договор, по которому Ницца находится в составе Франции, многократно нарушался, а в 1940 г. вообще был отменён.

Ещё одно заметное сепаратистское движение действует в **Савойе**. Подобно «Движению за независимость Ниццы», оно началось вскоре после празднования столетнего юбилея присоединения Савойи и Ниццы к Франции. Небольшой «Клуб савояров Савойи» постепенно вырос в «Савойскую лигу», которая является членом «Европейского свободного альянса».

В Эльзасе, несмотря на очень сильную региональную идентичность, сепаратистского движения нет. История края сыграла свою роль — *стремление к независимости от Франции превратилось в абсолютное табу*. В Эльзасе есть довольно крупная регионалистская партия «Прежде всего Эльзас» и

примыкающее к ней молодёжное движение «Молодой Эльзас», имеющее связи с молодёжными националистическими движениями Фландрии («Фламсе Беланг») и Падании. Но деятели этих партий и не думают подвергать сомнению то, что они французы. Это крайне правые движения, резко выступающие против потери своей идентичности, которую они определяют как двойную — французскую и эльзасскую, — идентичности, которой, с их точки зрения, угрожают иммигранты из стран третьего мира.

Ещё один регион, принадлежность которого может быть подвергнута сомнению в случае достижения независимости Фландрией — Южная Фландрия (район городов Лилль, Дуэ и Дюнкерк). Но до обретения фламандской независимости этот вопрос точно не встанет.

* * *

Как мы видим, в Италии, и в особенности в Испании, существует серьёзная опасность того, что региональные движения потребуют перекройки государственных границ — или, как минимум, большей федерализации с фактической независимостью от центра.

Во Франции региональный сепаратизм пока меньше даёт о себе знать, однако если пойдёт речь о создании новой парадигмы внутриевропейских отношений, он тоже может сыграть свою роль.

Даже при сохранении нынешней динамики сепаратистские движения на Юге Европы становятся с каждым годом всё активнее. Правда, в последние годы они в основном отказались от вооружённой борьбы — но это может быть связано и с надеждами получить свою независимость мирным путём.

Что же касается пограничных споров между Испанией и Португалией или Испанией и Великобританией, то после вхождения этих государств в Европейский союз они в целом утратили актуальность.

Вместе с тем в Эльзасе и Падании довольно силён евроскептицизм, связанный в первую очередь с желанием отгородиться от иммигрантов из стран третьего мира. Будущее покажет, сможет ли он сочетаться с «Европой регионов».

II. Кельтский бунт?

Многое из того, что излагалось в отношении Южной Европы, равно применимо и к Северной. Здесь наблюдается большое разнообразие форм управления — унитарные государства (Швеция), федеративные (Германия, Нидерланды), федеративные с унитарным прошлым (Бельгия, Великобритания) и даже конфедерация (Швейцария). Соответственно, в каждом государстве — свои проблемы, более или менее серьёзные, с национальными меньшинствами, которые помнят о былых притеснениях и борются за большую самостоятельность. Кроме того, государственные границы подвергались изменениям в 1870–1918 гг. и это породило несколько случаев, когда представители того или иного народа оказались за пределами своих титульных государств (немцы района Эйпен-Мальмеди в Бельгии, датчане Голштинии).

* * *

В Швейцарии сепаратистских конфликтов нет. Несмотря на трения между франкоязычными и немецкоязычными, ни разу не встал вопрос о чём-либо, кроме культурной автономии Романдии (франкоязычной Швейцарии).

Зато несколько десятилетий длился конфликт на социальной, религиозной и языковой основе в протестантском кантоне Берн. В 1979 г. северо-западная часть кантона отделилась, и возник новый католический кантон Юра. Однако борьба продолжается, потому что католиков граница между кантонами не устроила. Несмотря на то что все участники конфликта были

лояльны по отношению к Швейцарской Конфедерации, *налицо факт пересмотра границ.*

В Австрии единственное меньшинство, заявляющее о себе, — словенцы, живущие на юго-востоке Каринтии. Их партия, «Этнона Листа», принимает участие в Свободном Европейском альянсе. Однако процент словенского населения в Каринтии слишком незначителен, чтобы они играли какую-либо заметную роль.

Германия, несмотря на своё трудное прошлое, достаточно монолитная страна. Единственный регион, в котором есть заметное сепаратистское движение, — Бавария, самая богатая земля Германии. Однако Баварская партия не избиралась в парламент с 1962 г.

Алеманнский сепаратизм был заметным движением после Второй мировой войны. Речь шла об отделении от Германии алеманнов — части населения Бадена, Вюртемберга и соседних земель, и, возможно, объединении их с братьями по языку — немецкоязычной Швейцарией и австрийской областью Форарльберг. Однако в настоящее время от алеманнского движения осталась лишь культурная составляющая.

Дания претендует на город Фленсбург, находящийся на территории Германии, но населённый датчанами. Это остаток тех земель Шлезвига, которые были завоёваны Бисмарком и частично возвращены Дании после Первой мировой войны. После вступления обоих государств в Евросоюз и Шенгенское пространство конфликт поутих, но остаётся актуальным.

Единственное региональное движение в Нидерландах — на территории провинции Фрисландия. Однако речь идёт лишь о *культурной автономии*. Недавно фризы были признаны национальным меньшинством и в Германии — в области Дитмарш, где, как и в Фрисландии, до сих пор многие владеют фризским языком.

* * *

На сегодняшний момент *ни в одной стране Европы нет такой тяжёлой ситуации в плане сепаратизма, как в Бельгии*. Большинство бельгийцев считает весьма вероятным распад страны на Фландрию и франкоязычную Валлонию.

Это обусловлено в первую очередь сложной историей Бельгии.

Когда в 1830 г. Бельгия получила независимость от Нидерландов, всё нидерландское было подвергнуто репрессиям. При этом руководители государства не приняли во внимание тот факт, что половина населения, а именно фламандцы, говорила на варианте нидерландского языка. На сотню лет французский язык стал единственным государственным языком Бельгии. Франкоязычное население заняло господствующие позиции как в политике, так и в экономике — Южная Бельгия с её залежами железной руды стала самым индустриально развитым районом в Европе. В результате к концу XIX в. этническое противостояние дополнилось социально-политическим: если в рабочей Валлонии на выборах побеждали социалисты, то патриархальная Фландрия всегда проявляла свой консерватизм. Самое интересное, что такое разделение сохранилось и по сей день.

Накопленные взаимные обиды, усугубившиеся массовым коллаборационизмом фламандцев во Вторую мировую войну, — всё это привело к тому, что вопрос о целостности Бельгии был поднят уже в 40-е годы.

Тогда именно консерватизм фламандцев позволил Бельгии сохранить короля — главного гаранта бельгийского единства. Нидерландский язык был уравнен в статусе с французским.

Однако вскоре политическая и экономическая ситуация сильно изменилась. Важность тяжёлой промышленности упала, и бельгийская экономика в большой степени переориентировалась на транзит, что привело к отставанию Южной Бельгии и процветанию

портов, находящихся на территории Фландрии. В настоящее время Фландрия значительно богаче, чем Валлония, и одним из главных аргументов сепаратистов (наряду с памятью о притеснениях со стороны франкоязычных) служит нежелание кормить «валлонских дармоедов». В то время как в Валлонии всего 12% высказывается за разделение Бельгии, во Фландрии сторонников независимости около 40%. Существует целый ряд партий, выступающих за независимость Фландрии.

Все эти партии — правого или крайне правого толка. Одна из самых влиятельных партий — «Флаамсе Беланг», крайне правая партия, призывающая к независимости Фландрии и созданию федерации с Нидерландами и Французской Фландрией. Другие цели, которые она перед собой ставит, — полная и безусловная амнистия всем, кого обвиняли в сотрудничестве с Гитлером, ограничение иммиграции, лишение французского языка особого статуса и целый пакет законопроектов, либеральных в экономике и консервативных в социальной жизни (например, запрет на аборт).

В Валлонии, в свою очередь, существует партия, выступающая за отделение от Бельгии и присоединение к Франции. Но число её сторонников невелико.

Наверное, основные факторы, которые сдерживают Бельгию от распада, — это король и Брюссель. Короля называют «единственным бельгийцем в стране валлонов и фламандцев», а франкоязычный Брюссель находится на фламандской территории. Совершенно непонятно, что делать с Брюсселем в случае распада Бельгии — скорее всего, столица Европы в этом случае превратится в валлонский анклав или станет «вольным городом».

На фоне валлонско-фламандских противоречий обычно забывают про наличие в Бельгии ещё одной национальной группы, а именно *немецкоязычных* бельгийцев.

В 1918 г. по итогам Первой мировой войны к Бельгии был присоединён район Эйпен-Мальмеди, в котором большинство населения — немцы. Сейчас их не более 5% от населения Бельгии, но они хотят, чтобы их признали равноправным четвёртым регионом Бельгии. У них напряжённые отношения как с фламандцами, так и с валлонами.

* * *

В последнее десятилетие *неожиданно обострились проблемы сепаратизма в Великобритании.*

В течение многих веков англосаксы доминировали на Британских островах, всячески подчиняя и подавляя кельтов. В настоящее время идёт мощное возрождение кельтской культуры — одной из самых популярных среди современной молодёжи. За единство кельтского мира борется Кельтская лига, объединяющая «шесть наций» — Ирландию, Шотландию, Уэльс, Бретань, Корнуолл и остров Мэн. Её цель — развитие кельтских языков, налаживание сотрудничества кельтских народов и борьба за их политическое, культурное, социальное и экономическое освобождение.

В число приоритетов Кельтской лиги входят объединение Ирландии, возвращение Бретани департамента Луар-Атлантик и независимость Шотландии. Задействованы также кельтские диаспоры в Канаде, Патагонии и Австралии.

Кельтский мир выглядит столь привлекательно, что, как я уже замечал, Галисия и Падания также стремятся найти связь с кельтами.

Великобритания оказалась в тяжёлом положении, потому что *все сепаратистские движения на её территории — кельтские.*

Самое давнее и самое известное из них — **ольстерское**. В 1921 г., когда Ирландия получила независимость, шесть из девяти графств Ольстера остались под властью англичан. Постепенно Ольстер разбился на два непримиримых

лагеря — националистов-католиков и унионистов («оранжистов») — протестантов, которые в конечном итоге превратились в две замкнутые и враждебные друг другу общины. В 60–90-е гг. Временная Ирландская Республиканская армия вела террористические действия с целью добиться независимости. В результате погибло около 4 тыс. человек. Соглашение о прекращении огня было достигнуто в 1997 г. По достигнутому тогда же компромиссу, ольстерцы могут выбрать британское или ирландское гражданство. В 1998 г. Северная Ирландия получила своё Законодательное собрание. Тем не менее регион далёк от спокойствия, и многие продолжают выступать за отделение от Великобритании и присоединение к Ирландии. Впрочем, в последние два десятилетия появился ряд движений, выступающих за *полную* независимость Ольстера, «третий путь» для него.

Однако на сегодняшний день гораздо более серьёзной выглядит ситуация в **Шотландии**.

Сепаратистская Шотландская национальная партия набрала на выборах в шотландский парламент 37% голосов, что показывает, насколько популярна в обществе идеи независимости. Движение «Independence First» требует проведения референдума и создания независимого шотландского государства. Свою роль играет и наличие нефтяного шельфа в Северном море рядом с берегами Шотландии.

Противники же отделения подчёркивают роль, которую сыграли шотландцы в становлении Британской империи и Содружества и влияние, которое шотландцы могут сейчас иметь на мировые дела, участвуя в управлении великой державой.

В Уэльсе идея независимости пока привлекает не более 12% электората, но эта доля постепенно растёт.

В 50–60-е гг. в Уэльсе существовало даже несколько террористических организаций, взрывавших водопроводы

и линии электропередач. Сейчас уэльское движение остаётся в конституционных рамках.

Наверное, самое удивительное в нынешней Великобритании сепаратистское движение — это движение за независимость Англии от Соединённого Королевства. Оно получило толчок после 1998 г., когда Шотландия, Северная Ирландия и Уэльс получили свои Законодательные собрания. Англичане чувствуют себя несправедливо обойдёнными — и это подпитывает желание избавиться от соседей, которые свои внутренние решения принимают сами, а на решения общebritанского парламента могут повлиять.

Последние годы большой размах приобретает автономистское движение в Корнуолле, где кельтское население, так до конца и не ассимилированное, начинает возрождение своей культуры и языка. В 2001 г. 7% населения Корнуолла определили себя не британцами, а корнуоллцами. О независимости Корнуолла речи не идёт, но местное население требует признания себя пятым коренным народом Британских островов и собственного Законодательного собрания. Существуют отдельные террористические группы, которые угрожают всему «английскому», но пока ещё не привели свои угрозы в действие.

Сепаратистское движение существует и на острове Мэн, который не состоит в Евросоюзе и добился того, что для въезда на остров нужна отдельная виза. Есть сепаратисты и на острове Уайт, оспаривающие конституционность продажи острова английскому королю в 1293 г. Впрочем, их популярность минимальна.

* * *

На территории Скандинавских стран два заметных сепаратистских региона. Это Фарерские и Аландские острова.

В отличие от Исландии, Фарерские острова не сумели добиться независимости от Дании. Хотя на референдуме

1946 г. большинство фарерцев высказалось за независимость, датский король наложил своё вето, сославшись на то, что в референдуме участвовало лишь 2/3 населения островов. Тем не менее фарерцам удалось добиться признания своего языка и своего флага.

Фарерские острова отказались вступать в Европейский союз, избежав таким образом квот на рыбную ловлю. В настоящее время доля сторонников независимости среди фарерцев — около половины населения. Остальные тоже не являются датскими патриотами, просто фарерская экономика, всецело зависящая от рыбной ловли, менее надёжна, чем датская. Любые моряки, приплывающие на Фарерские острова, знают, что надо избегать датских флагов и лучше говорить на английском языке, чем на датском.

Аландские острова — территория Финляндии, населённая преимущественно шведами. У них широкая автономия, собственные почтовые марки и полиция. Популярность сепаратистской партии «Будущее Аландских островов» понемногу растёт — на последних выборах они получили 8% голосов.

Вопрос о независимости не стоит для Гренландии, которую вполне устраивает предоставленная ей широкая автономия (она также не состоит в Европейском союзе).

Закончу я свой рассказ упоминанием о двух региональных движениях, которые носят скорее культурно-просветительский характер.

Одно из них — это Скания, включающая в себя Халланд, Блекинге и Сконе, три провинции Южной Швеции, вплоть до XVII в. оставшиеся под датской властью, а также датский остров Борнхольм. Борьба идёт за восстановление региональной культурной идентичности.

Другое движение — этническое. Речь идёт о саамах, населяющих северные области Норвегии, Швеции, Фин-

ляндии и России. В 80-е гг. были созданы национальный флаг и гимн народа саамов, а в 1989 г. в Норвегии появился первый саамский парламент.

Вместе с тем на настоящий момент возможности саамов сильно ограничены просто в силу крайней их малочисленности.

* * *

Как мы видим, *на Севере Европы лишь два государства подвергаются угрозе скорого распада: Великобритания и Бельгия.* В большинстве госу-

дарств Севера региональные движения носят откровенно этнографический характер.

Однако в Нидерландах, Германии и Швейцарии это, возможно, связано в первую очередь с тем, что в рамках существующей политической системы регионы уже обладают достаточно широкими правами и не видят необходимости в борьбе за дальнейшее расширение автономии. Что не мешает *согласиться* на более значительную автономию, если в рамках «Европы регионов» им её предложат.

Фонд поддержки и развития гражданского общества «РОД»
создан в марте 2009 г. решением активистов
Русского общественного движения.

Президент Фонда — известный публицист,
деятель русского национального движения К.А. Крылов.

Дата государственной регистрации Фонда «РОД» — 15 мая 2009 г.

Свою деятельность Фонд осуществляет на основе

Федерального закона РФ «О некоммерческих организациях».

Целью деятельности Фонда «РОД» является содействие развитию русского гражданского общества, поддержка русского национального движения, привлечение на благотворительной основе средств для финансирования общественно значимых программ и проектов.

Реквизиты Фонда развития и поддержки гражданского общества «РОД»

Полное наименование: Фонд развития и поддержки гражданского общества «РОД». Сокращенное наименование: Фонд «РОД»

ОГРН 1097799008977, ИНН 7705043648, КПП 770501001

Юридический адрес: 115093, Москва, ул. Б. Серпуховская, д. 44, ком.19

Банковские реквизиты : КБ «Интеркоммерц» (ООО) г. Москва

Р/с: 4070 3810 7000 0000 3564

К/с: 3010 1810 5000 0000 0684

БИК: 044552684

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И СЕПАРАТИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Центральная Европа традиционно рассматривается как регион «между немцами и русскими». Однако это и регион исторической немецкой колонизации: его городская жизнь формировалась под сильнейшим влиянием немецкой культуры и при значительном немецком присутствии, которому только в середине XX в. был положен конец: появилась чёткая граница между центральноевропейскими народами и немцами. Это, наряду с резким сокращением традиционно очень многочисленного здесь еврейского населения, сделало местные нации замкнутыми на своих государственных проблемах и довольно разобщёнными, чему кроме того способствовало как советское доминирование, так и политика Евросоюза в 1990–2000-х гг. Попытки создания единых региональных организаций, общего политического присутствия на международной арене (активность в которых проявляла главным образом Польша), так и остались малозначимыми. И уже теперь, когда весь регион вошёл в состав основных западных организаций, стали всё сильнее проявляться внутрирегиональные противоречия, так или иначе связанные с частичной незавершённостью процессов национального размежевания. Заметно обострил эти проблемы и т.н. «косовский прецедент».

Процесс признания независимости Косова шёл под заверения всех и вся о непрецедентности этого события. Од-

нако вряд ли признание его таковым (или нет) со стороны «старых наций» имеет действительно серьёзное значение. Это прецедент не для них, а для малых народов, для регионов, для оторванных от материнских наций *этнией*. Произошедшее важно уже тем, что ясно продемонстрировало всю глубину и серьёзность кризисных процессов в современной системе международных отношений. Впервые за послевоенное время страны евроатлантического сообщества пошли на признание односторонне провозглашённой независимости со стороны края, заявляющего о своей не национальной, а региональной идентичности. Впервые мировое сообщество посчитало возможным не учитывать суверенные права на свою территорию представленной в ООН национальной государственности. Впервые в качестве главного аргумента для столь серьёзного вмешательства во внутренние дела другого государства было использовано обвинение в нарушении прав человека.

Процесс образования наций в регионе Центральной Европы шёл с некоторым опозданием, так как был обусловлен антиимперской борьбой. Ранние его проявления во время Весны народов (1848) дали толчок для культурно-просветительской работы, но не дали независимости. Только крушение Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской империй в результате Первой мировой войны открыло

путь для национального бытия. Однако границы новых наций были проведены всё же не ими. Уже после Второй мировой их чертили из Москвы, Вашингтона и Лондона. Понятно, что по-своему обижены оказались все, и это те раны, которые теперь дают о себе знать. Активная переселенческая политика была проведена не до конца — внутри новых национальных государств остались большие иноэтничные анклав. С другой стороны, проведённые масштабные переселения помогли стереть этнокультурные особенности некоторых регионов, сломав традиционный быт и историческую память их жителей. Молодые центральноевропейские нации ещё озабочены самоутверждением, ещё не вполне смирились со своими границами и испытывают ностальгию по старым — межвоенным — проектам своих великих государственностей.

Перед нациями этой части Европы по-новому встала проблема этнокультурных меньшинств. Политическая этика и право Европейского союза требуют проведения обширной программы по защите их прав и свобод. Идущие процессы встраивания в европейский и глобальный рынок и сопутствующая им глокализация подчас вызывают к жизни те стороны локальной и национальной жизни, которые вполне обоснованно рассматриваются в столицах как угрожающие столь недавно и с таким трудом достигнутому национальному единству. Отношения центра и сохранивших (либо возрождающих) свою идентичность регионов, а также малых (суб)этнических общностей ещё только складываются. Однако перспективы этого процесса определяются опять же не в самой Центральной Европе. Куда пойдёт Евросоюз — в сторону «Европы наций» или в сторону «Европы регионов» — решается опять же на Западе. Признание Косова стало большим шагом именно в сторону второго сценария. При этом полноценное проведение в жизнь косовского прецедента на деле способно взорвать

кажущееся благополучие центрально-европейских наций и ввергнуть регион в хаос, подобный балканскому.

* * *

Региональные проблемы Центральной Европы можно разделить на три группы. Наиболее часто представленная на Западе ситуация *этнического сепаратизма малых регионов* здесь встречается редко. Имеющиеся этнические движения малочисленны и борются пока что за расширение культурной автономии, а то и вовсе за признание своего существования. И тем не менее именно они предстают носителями региональной идентичности и потому имеют довольно заманчивые перспективы становления в новых условиях усиления процессов регионализации.

Вторая группа — *движения изгнанных*, то, что Западной Европе почти не знакомо. Корни этой проблемы лежат в переселенческой политике послевоенных лет (второй половины 1940-х — начала 1950-х), когда сотни тысяч людей переселялись семьями по этническому признаку с обжитых земель на новые, часто перед тем освобождаемые другими переселенцами. Теперь, в новых условиях Европейского союза, переселённые и их потомки ставят вопрос о восстановлении в правах на прежних территориях.

Третья группа — это те части наций, которые не были в своё время переселены в пределы своих национальных государств и так и остались компактно проживать на положении нацменьшинств в приграничных (и не только) районах. Их естественное стремление воссоединиться на своей земле со своей нацией и связанные с этим сепаратистские настроения находят поддержку в родных для них странах и возвращают к жизни идеи исторического реванша, создания новых великих государственностей.

Все эти три группы проблем, пересекаясь, составляют большой клубок противоречий, который, при проведе-

нии в жизнь «косовских принципов», может сильнейшим образом изменить политическую и этническую карту Центральной Европы.

* * *

Понятие «Центральная Европа» не раз меняло свои очертания, следуя логике геополитического расклада сил и идеологическим трендам, а потому требует дополнительного уточнения. Традиционно под ним понималась территория на восток от Эльбы и до русских земель, а также на юг от Балтики и до османских пределов. Сейчас восточнонемецкие и австрийские земли всё чаще рассматриваются как часть Европы Западной (хотя и как её «новая» часть), а собственно центрально-европейская идентичность закреплена за странами Вышеградской группы — за Польшей, Чехией, Словакией и Венгрией. Сложнее с Прибалтикой: если Литва склонна и исторически, и политически быть частью этого же региона, то Эстония и Латвия чаще рассматриваются как часть Северной Европы, Балто-Скандинавского региона. Этому способствует ряд особенностей позиционирования указанных стран в современном Евросоюзе, их экономической политики. Однако общность трёх стран Балтии также ещё не ушла в прошлое, что позволяет иногда расширять понятие Центральной Европы и на все три прибалтийские государства. Особой частью региона является и Калининградская область России, применительно к которой процессы регионализации выражаются в перспективах смены статуса и изменениях этнического состава её жителей. В восточные пределы региона исторически и культурологически часто включают традиционную зону польского и литовского влияния — Западную Белоруссию и Западную Украину. Однако в наши дни эти страны определённо относятся к Европе Восточной, и рассматривать их западные регионы отдельно не слишком продуктивно. Сложнее

с Румынией: по ряду свойств она относится и к Центральной Европе (по крайней мере, трансильванской своей частью), а по другому ряду — к Балканам. Для нашей темы трудно, говоря о Венгрии, не обсудить ситуацию в Румынии, поэтому она (особенно в плане венгерской проблемы) тоже будет рассмотрена как часть центрально-европейского региона.

* * *

В трёх прибалтийских странах, несмотря на их относительно малую величину, можно найти примеры всех трёх типов региональных проблем, которые имеются в рассматриваемом регионе. Наиболее этнически своеобразный регион — это Жемайтия в Литве, или, как она традиционно называется по-русски, — **Жмудь**. Это западная приморская часть государства, которая обладает весьма сильной исторической, языковой и культурной спецификой. Она не участвовала в ранней истории литовской государственности, христианство здесь появилось не ранее XV в. Остаётся спорным вопрос, считать ли жмудский особым балтским языком. Официальная версия называет его нижнелитовским наречием, противопоставляя верхнелитовскому — аукшайтскому, на основе которого сформировалась литовская литературная норма. Тем не менее он обладает собственной письменностью и своей молодой литературной традицией. На жмудском языке ведётся радиовещание, издаётся газета. В 1997 г. за ним был закреплён местный статус, и есть движение за признание его официального статуса на общегосударственном уровне. Формированию жмудского самосознания немало помешал тот факт, что литовское национальное возрождение в XIX в. происходило в основном как раз на жмудских землях, что сильно сблизило их население с собственно литовским (аукшайтским) национальным проектом. Однако в первой половине XX в. всё же появилась жмудская

письменность, первые попытки литературного творчества. Идея отделения края от Литвы иногда высказывается в среде радикальных активистов, однако в целом трудно ещё говорить о заметном местном сепаратизме. И тем не менее уже в послесоветские годы Жмудь продемонстрировала довольно сильное региональное самосознание и склонность к получению более высокого статуса для местной культурной и языковой традиции.

В отличие от этнически весьма однородной Жмуди, юг Литовского государства, и в первую очередь **Виленщина**, характеризуется своей многонациональностью. Здесь стоит напомнить, что ещё по переписи 1897 г. литовцев — жителей Вильны числилось всего 2,1%, тогда как русских (с белорусами) — почти четверть, а наибольшими долями было представлено еврейское и польское население (40% и 30,9% соответственно). Сейчас, конечно, ситуация несколько иная, однако в целом многонациональный лик города сохранён. Литовцы представлены более чем половиной жителей, но почти каждый пятый — поляк, каждый шестой-седьмой — русский. Схожий характер имеет и весь регион. При этом надо учитывать тот факт, что как минимум два других народа, помимо литовцев, склонны считать Виленщину своей исторической землёй — речь идёт о белорусах и поляках. В послесоветское время, когда политика культурной унификации Литвы заметно усилилась, появилась идея культивирования многонациональности как исторического своеобразия региона. Это имеет выражение и в политической жизни Вильнюсского уезда, да и всей юго-восточной Литвы (Дзукии). Например, здесь действует целый ряд польских и русских партий и общественных движений. Весьма влиятельна Избирательная акция поляков в Литве (*Akcja Wyborcza Polaków na Litwie*) — партия, которую активно поддерживает Польша. Кстати, здесь польское

движение нередко выступает в союзе с более слабым русским (слабым — из-за отсутствия поддержки от материнской державы), что касается целого ряда требований к властям и совместного участия в выборах (*AWPL*, например, на нескольких последних выборах выступала вместе с «Русским альянсом»). Последнее время вопрос о правах польского нацменьшинства в Литве стал столь заметным, что во многом определяет отношения двух стран. Постепенно поднимают головы и русские образования. Тем не менее столичный статус Вильнюса вряд ли оставляет этим идеям значительный шанс на будущее. Стоит также отметить, что в историческое понятие региона Дзукии литовцы включают фактически всю Чёрную Русь, то есть большую часть Подляшского воеводства Польши и всю Гродненскую область Белоруссии, что является одной из идейных основ для трансграничного сотрудничества.

Гораздо большие возможности для становления полиэтнической региональной идентичности сложились в соседней Латвии. **Латгалия** — это очень своеобразный регион, занимающий примерно четверть территории Латвии и расположенный в её восточной части. Исторически Латгалия часто находилась в составе иных государственных образований и потому сохранила преобладание католической веры, в отличие от преимущественно лютеранской на остальной территории Латвии. Здесь же большое влияние получило православие и особенно старообрядчество, имеющее на этих землях древние корни и своеобразную местную традицию. По поводу латгальского языка ведутся споры, наподобие тех, которые были описаны выше в отношении жмудского: наречие это латышского (верхнелатышское) или же самостоятельный балтский язык. Впрочем, латгальский стал письменным языком уже в XVIII в., когда были сделаны и первые попытки литературного творчества на нём. Сейчас его носителями считается

около 150 тыс. человек, хотя латгальскую идентичность разделяет, по некоторым подсчётам, гораздо большее число — около 400 тыс., т.е. примерно 20% населения Латвии. В 1919 г. советским правительством П.И. Стучки латгальский язык был провозглашён официальным региональным языком. В 1934 г. Карлис Улманис его фактически запретил, потом, в 1940 г., он был опять разрешён, но с 1959 по 1989 г. оказался снова фактически вне закона. Сейчас запреты на использование латгальского языка сняты, однако национальности «латгальцы» в Латвии по-прежнему не существует.

Ситуация с Латгалией сильно отличается от того, что можно наблюдать в Жмуди. Так же, как и на Виленщине, важным свойством современной Латгалии является многонациональный состав её населения. Здесь очень значительный процент составляют русские, а также (в основном, правда, тоже русскоязычные) поляки. Основной язык края — русский. Его центральный город — Даугавпилс (Двинск) — почти чисто русскоязычный. Большое значение имеет деятельность русских общественных и политических организаций, берущихся отстаивать права и других национальных меньшинств. В 2005 г. представленная в общелатвийском сейме партия русскоязычного меньшинства «За права человека в единой Латвии» смогла фактически прийти к власти в двух крупнейших городах Латгалии — в Двинске (Даугавпилсе) и в Режице (Резекне). Успех, правда, оказался временным. Но в результате последнее время формируется новый имидж Латгалии — как региона нацменьшинств, требующих своего признания и своих прав. На основе латгальской традиции формируется особая региональная идентичность, постулирующая многоэтничность как важнейшее свойство края, противопоставляемое официально проводимой линии латышизации. Вот это свойство — *политическая региональная идентич-*

ность на основе представлений об особом историческом пути региона — является одним из самых значимых и распространённых явлений для процессов регионализации в Центральной Европе, о чём здесь ещё не раз будет сказано.

В ином положении русскоязычное население оказалось в северо-восточной Эстонии, где оно составляет большинство населения. Главным образом это касается уезда **Ида-Вирумаа**, являющегося самым большим уездом в Эстонии (7,4% территории страны). Русские составляют 70,8% его населения, эстонцы — меньше 20%, хотя в центральном городе — Йыхви — их процент несколько больший — 37% (кстати, это примерно столько же, сколько русских в Таллине). В самом большом городе уезда (и третьим по величине в Эстонии) — Нарве — русские составляют 88% населения. Такое положение, особенно в условиях очень жёсткой национальной политики официальной власти, неизбежно приводит к выдвижению идей объёма Русской автономии, а иногда даже и отделения от Эстонии для последующего присоединения к России. Популярность автономистских идей имеет волнообразный характер, но никаких существенных успехов они пока что не достигли. Ситуация с Ида-Вирумаа во многом напоминает ряд других региональных проблем в Центральной Европе, где границы современных государств не совпадают с границами преобладающего этнического расселения их народов. Особенно это касается венгерской проблемы, о которой будет сказано ниже.

* * *

На фоне других государств Европы Польша выглядит довольно монолитным по этнотерриториальному критерию образованием. Этому способствовала и традиционно крайне жёсткая политика польских властей в отношении этнических и религиозных мень-

шинств, и политика этнических чисток времён Второй мировой войны, и послевоенные операции по переселению народов в новые национальные границы. Тем не менее и здесь есть свои региональные движения и значительные особенности самосознания.

Весьма заметным этническим и историческим своеобразием обладает **Кашубия** (Кашубщина). Это территория расселения кашубов — западнославянского народа, представляющего сохранившуюся до наших дней часть в целом давно уже уничтоженных поморских славян. Исторической территорией кашубов принято считать всё Поморье (на запад от Гданьска и до Щецина), однако в наши дни ареал их расселения — несколько гмин в Поморском воеводстве на запад и юг от Гданьска с центром в г. Картузы. По переписи 2002 г. кашубами себя назвали только 5100 человек (правда, родным языком кашубский назвали в десять раз большее количество людей). Общие оценки их численности гораздо большие — около 300 тыс. (по версии же некоторых кашубских деятелей, эта цифра должна превышать полмиллиона). Кашубский язык сохранил свои письменные памятники ещё с XV—XVI вв., хотя современная кашубская письменность была создана во второй половине XIX в.

Ещё сравнительно недавно — в середине XX в., во время Второй мировой войны и после неё — происходили польско-кашубские конфликты. Тогда этому поспособствовало то, что Берлин был склонен видеть в кашубах славянизированных немцев, а поэтому предоставлял им бóльшие права и свободы, чем полякам. После войны новая власть поначалу склонялась к выселению кашубов вместе с немцами в германские земли, однако эти шаги были приостановлены. Послевоенная политика направлялась на слияние кашубов с поляками, что дало немалые результаты. Большинство кашубов в наше время совмещает кашубскую и

польскую идентичность. Лидер одной из двух сильнейших партий в стране («Гражданской платформы») Дональд Туск является кашубом и немало сделал для развития образования и культурного возрождения своего народа. Тем не менее его кашубское происхождение не мешает ни ему, ни другим полякам видеть в нём польского патриота. Следует отметить, что численность кашубов продолжает сокращаться. Только в последние годы можно наблюдать притормаживание этого процесса и начала восстановления этнорегиональной идентичности Кашубщины.

В наше время кашубским языком пользуются в быту около 50 тыс. человек. Действует несколько десятков школ с кашубским языком преподавания, есть кашубские радио- и телеканалы, газеты и журналы. Кашубское национальное движение (представленное главным образом «Кашубско-Поморским союзом») дистанцируется от обвинений в сепаратизме, тем более что главной задачей сейчас является признание особой кашубской национальности Польшей. Официально кашубы признаются этнической группой польского народа, кашубский язык — наречием. Бывшее прежде онемечивание сменилось ополячиванием.

Другой крупный регион Польши, имеющий свою сильную этническую и историческую специфику, — **Силезия**. Впрочем, регион этот транснациональный — включающий в себя главным образом Нижнесилезское, Силезское и Опольское воеводства в Польше, а также север Силезско-Моравской области в Чехии. В Польше и Чехии силезцы признаны этническим меньшинством, но не имеют статуса национального меньшинства, зато таковыми силезцы признаны в Словакии. По польской переписи 2002 г., силезцами себя признали более 173 тыс. чел. В Чехии в 2001 г. таковых нашлось всего 10 878 человек, хотя ещё в 1991 г. их было гораздо больше — 44,5 тыс. Число носителей

силезского языка — более 70 000 чел. Своей литературной традиции язык не имеет, хотя выделялся как особый ещё славистами XIX в. В 1930-е гг. группой литераторов во главе с Ондрой Лысогорским был разработан для Силезии т.н. ляшский язык, на котором тогда и в послевоенное время было написано несколько поэтических и прозаических произведений. Ляшский язык оказался ближе к чешскому и поэтому многими филологами рассматривается как явление внутри чешского языка. Впрочем, распространения он так и не получил.

Те или иные попытки кодификации силезского языка принесли определённые успехи уже в наши дни: силезский язык зарегистрирован в Международной организации по стандартизации. Летом 2007 г. Библиотека Конгресса США внесла силезский язык в реестр языков мира. 6 сентября 2007 г. 23 депутата Сейма внесли законопроект о придании силезскому языку статуса регионального. Однако официальная Польша по-прежнему не признаёт силезцев особым народом, а язык считает диалектом польского или переходными диалектами между польским и чешским языками.

В последнее время силезское национальное движение представлено в основном в Польше, где можно наблюдать его явное оживление. Число носителей силезского языка здесь оценивается примерно в 60–70 тыс. человек. В 2003 г. историком Дариушом Ерчинским была издана «История силезского народа» — попытка синтеза силезской национальной истории. В 1990 г. было создано Движение за автономию Силезии. Его лидер Ежи Гожелик придерживается довольно радикальных позиций («Я силезец, а не поляк!»). Однако политическая программа движения довольно умеренная: оно борется за признание Варшавой силезской национальности и за автономный статус двух регионов — Верхней и Нижней Силезии.

Большой резонанс весной 2011 г. получили слова экс-премьера и лидера партии «Право и Справедливость» Ярослава Качинского. Он среди прочего заявил, что «силезскость» означает «отмежевание от польскости» и «закамуфлированную немецкую опцию», то есть, по сути, отказал силезцам в оригинальной идентичности, рассматривая их как «криптонемцев». Продолжительный скандал, который разгорелся после этих слов в обществе и на высоком политическом уровне, довольно ясно высветлил актуальность силезской проблемы для современной Польши и при этом отсутствие согласованного мнения о ней в самом польском политикуме.

Впрочем, реальная доля силезцев в населении Силезии довольно невелика, и это сказывается и на политических требованиях силезских автономистов. Силезия уже много сотен лет носит многоэтничный характер. Значительную долю его населения традиционно составляли немцы. После Второй мировой войны большая часть немцев была выселена, но многие из них остались. В Верхней Силезии проживает 92% всех немцев Польши — почти 140 тыс. человек, это самое большое нацменьшинство в стране. В Опольском воеводстве их около 10% и есть даже гмины с преобладающим немецким населением. Помимо этого на состав населения Силезии большое влияние оказала послевоенная переселенческая политика: сюда переселили большое число поляков с Западной Украины. Эти люди имеют общепольское самосознание и не склонны изучать своеобразную силезскую речь. Однако в целом в силезских воеводствах живёт почти 70% всех граждан Польши, которым свойственно непольское самосознание. В результате ситуация с силезским движением здесь напоминает то, что было описано выше касательно латгальского движения в Латвии. Одним из основных требований стало сохранение многокультурности региона, права местных

жителей на непольскую идентичность, а также развитие трансграничных экономических связей и контактов в рамках еврорегиона «Силезия». Думается, что именно у такой полиэтничной региональной идентичности Силезии есть будущее.

В Германии, по соседству с Силезией, расположена историческая область **Лужицы**, обладающая ещё большим этнокультурным своеобразием. Лужичане (лужицкие сербы/сорбы) — одно из четырёх официально признанных меньшинств Германии (наряду с цыганами, фризами и датчанами). Их около 60 тыс., из которых 20 тыс. живёт в Нижней Лужице (земля Бранденбург), а 40 тыс. — в Верхней Лужице (земля Саксония). Лужичане — потомки почти исчезнувшей полабской ветви западнославянских народов, обладают довольно значимым своеобразием языка и культуры. Также как и у поморцев-кашубов, большую часть истории лужичан составляет постепенный процесс их германизации. Серболужицкая письменность появилась ещё в XVI в., а за вторую половину XVIII — первую половину XIX в. сложилась и особая литературная традиция. Кодифицированы два варианта лужицкого языка, но сейчас нижнелужицкий уже совсем близок к исчезновению, тогда как верхнелужицкий ещё сохраняет своё значение (впрочем, лужицкие деятели утверждают, что и он может исчезнуть уже через два-три поколения).

Верхние и Нижние Лужицы обладают значительным культурным своеобразием: например, в Верхних Лужицах преобладание имеет католицизм, а в Нижних — протестантизм. Хотя к началу XX в. лужичан насчитывалось более 150 тыс., после Первой мировой войны их требования о предоставлении автономных прав учтены не были. Во времена Третьего рейха лужичане подвергались геноциду (более 20 тыс. убитых плюс большое число выселенных). Уже после войны (как и после Первой мировой) активно выдвигались идеи

создания Серболужицкого (Лужичанского) государства (самостоятельного или в составе Чехословакии), однако и они не получили своего воплощения. В 1989–1990 гг., в период объединения Германии, лужицкие деятели настаивали на формировании лужицкой автономии, но и на этот раз их требования не были удовлетворены. Сейчас лужичане являются очень быстро ассимилирующимся народом. Лужицкие школы всё более уступают место немецким, а язык выходит из употребления. Говорить даже о перспективах формирования на этой основе местного регионального самосознания в будущем уже довольно трудно.

Возвращаясь в Польшу, можно сказать, что ещё целый ряд областей имеет своё явное историческое и этническое своеобразие, которое не раз играло значительную роль в том, как пролегли границы, но после активной политики по их полонизации в XX в. они уже вряд ли могут серьёзно заявить о себе. Это касается в первую очередь восточных областей государства. Польское самосознание ещё столетия назад не было закреплено среди мазуров — жителей **Мазурии**, составлявшей ранее часть Восточной Пруссии. Они обладают довольно сильными диалектными особенностями, однако их участие в современной польской нации уже довольно определёнno. Иначе обстоит дело с **Подляшьем** (часть Подляшского воеводства), **Холмщиной** (часть Люблинского воеводства) и **Надсяньем** (часть Подкарпатского воеводства) — исторически восточнославянскими землями, на которых ещё в начале XX в. преобладало православное население. По сей день белорусы и украинцы считают их своими этническими территориями. Дважды за XX в. (перед Первой мировой войной и после Второй мировой) они включались в состав русских (или украинских и белорусских) административных образований, однако в результате были всё же закреплены за Польшей. Благодаря

переселению сотен тысяч восточных славян во второй половине 1940-х гг. (на Украину, в Белоруссию и на западные земли Польши — по операции «Висла») этнический состав жителей этих территорий был кардинально изменён.

Несмотря на ополяченность населения, по сей день значительную роль в регионе играет православная и в целом восточнославянская традиция. Белосток является центром Польской Автокефальной Православной Церкви, насчитывающей, по официальным данным, более 600 тыс. прихожан. Действует ряд белорусских и украинских организаций, однако их внимание концентрируется на культурно-просветительской деятельности. Сохранившаяся инфраструктура православной церкви и активность сотрудничества регионов с соседними Белоруссией и Украиной помогает частично сохранять их исторический облик, а в последние годы намечаются явные процессы местного культурного возрождения, особенно на церковно-религиозной основе.

Заметная деятельность развёрнута на других древнерусских землях в составе Польши — на **Лемковщине** (Лемковине), приграничной территории в Подкарпатском и Малопольском воеводстве. Здесь восточнославянское население также имеет остаточный характер после двух волн депортаций, и тем не менее оно смогло сохранить свою идентичность до наших дней. По переписи 2002 г. лемков насчитали 6 тыс., однако собственные подсчёты лемковских организаций говорят о 60 тыс. человек. Недавно была кодифицирована и лемковская норма русинского языка (признана в 2000 г.), хотя письменность на местном диалекте (в том числе и издание газет и журналов) существовала ещё с конца XIX — начала XX в. Несмотря на послевоенную политику, признававшей лемков украинцами, они не подверглись полной украинизации. В настоя-

щее время преобладающим течением среди них является ориентация на русинский национальный проект¹ (общий с Закарпатской областью Украины и Пряшевской Русью в Словакии), хотя немалую роль по-прежнему играет и украинофильское течение. У лемков издаются свои журналы, ведётся активная культурная и образовательная деятельность.

* * *

В соседней Словакии, на **Пряшевщине**, русинское движение также весьма заметно. После 1989 г. вновь стали издаваться русиноязычные журналы и газеты, словари и пособия. Город Пряшев стал одним из главных центров русинского национального движения. За 1990-е гг. количество русинов увеличилось более чем на 40% (по переписям 1991 и 2001 гг. — сейчас их около 25 тыс.), а реальное их число в Словакии, согласно сведениям Карпато-русинского аналитического центра, находится в районе 130 тыс. В 1999 г. открылось Отделение русинского языка и культуры Института национальных меньшинств и иностранных языков Пряшевского университета. Ведётся и радиовещание на русинском языке. При этом местные русинские организации придерживаются более умеренных позиций, чем русины в украинском Закарпатье, и не выступают с призывами к созданию своей автономии. Общность русинского национального проекта в Словакии с Закарпатьем и Лемковщиной, общая задача сопротивления процессам украинизации/словакизации/полонизации и заметная активизация этого движения в последние два десятилетия — всё это делает русинство довольно заметным факто-

¹ См. о нём подробнее: *Неменский О.Б.* Восточнославянский этнический сепаратизм: русины и казаки // Актуальные проблемы Европы. Сб. науч. трудов ИНИОН РАН. 2009. № 3; Сепаратизм в современной Европе. М., 2009.

ром, формирующим трансграничную региональную идентичность.

В Чехии заметное место занимает этнополитическое движение в **Моравии**. До начала XIX в. можно говорить о процессе формирования национального самосознания среди моравян, однако позднее местное движение стало частью чешского национального возрождения. Попытки создать особый моравский язык предпринимались в 1820–1830-х гг. (издание грамматик), но они не имели серьёзных продолжений. Тем не менее культурное своеобразие Моравии сохранялось. В 1945 г. Моравии была предоставлена автономия, вскоре, правда, упразднённая (в 1949 г.). В 1968 г. в центральном моравском городе Брно возникло «Общество Моравии и Силезии», боровшееся за восстановление автономного статуса для региона. В 1989 году было создано «Моравское гражданское движение», которое требовало «признания существования моравского народа, равноправного чешскому и словацкому».

1990-е гг. стали временем активного возрождения моравской идентичности. Перепись 1991 г. зафиксировала в Чехословакии 1 млн. 360 тыс. моравян. В конце 1990 г. была образована Моравская национальная партия. К концу 1990-х — началу 2000-х популярность моравского национализма пошла на спад, и тем не менее он остаётся значимой формой регионального самосознания. За автономизацию Моравии в наше время борется целый ряд политических организаций: Моравская национальная партия, Союз Моравии и Силезии, Моравская демократическая партия и др. В новых условиях Европейского союза моравская тема вновь оживает.

* * *

Для центральноевропейского региона очень важна и **проблема переселенцев**. Огромные массы людей, переселённых после Второй мировой войны на новые для себя земли, сохраняют

память об утраченной родине и образуют многочисленные «союзы изгнанных», ведущих борьбу за осуждение переселенческой политики и признание своего права на возвращение. Эти организации сохраняют идентичность уже несуществующих регионов: польских «Восточных Кресов», Пруссии, Судетов и т.д. Их реальный этнографический облик уже принципиально иной, и говорить о старых региональных движениях их жителей можно только как о фантомной боли.

Однако нельзя отрицать вероятность того, что указанные союзы всё же частично добьются своего: события последних двух десятков лет наталкивают на мысль о реалистичности пересмотра итогов той войны. Об этом свидетельствует и косовский прецедент, ведь независимость Косова является ступенькой к возрождению Великой Албании, существовавшей под протекторатом фашистской Италии и нацистской Германии. В случае реального допуска изгнанных на старые земли (с некоторой компенсацией материального ущерба) могут произойти заметные изменения в этническом составе довольно однородных ныне областей, причём это будет касаться как раз самых активных слоёв населения. Речь идёт в первую очередь о возвращении на прежние территории больших групп немецкого, польского, венгерского и украинского населения. Репатрианты, несомненно, принесут с собой и старые региональные идеологии, которые по-новому осветят будущность этих регионов. Однако пока что старт этим процессам не дан, а потому указанные идентичности и основанные на них сепаратизмы в настоящей работе специально рассматриваться не будут.

Хотя есть у этого процесса ещё одна сторона, которая уже начала претворяться в жизнь: возвращение к старым идентичностям той части населения, которая после войны была иначе идентифицирована. Например, объявленная весной 2008 г. Польшей програм-

ма по выдаче зарубежным полякам особых легитимаций, по некоторым подсчётам, может серьёзно изменить этническую ситуацию на Западной Украине, где вернуться к польской идентичности захочет до полутора миллиона человек. На том же основании идут процессы роста венгерских и румынских национальных меньшинств. Всё больше людей обнаруживают и свои немецкие корни. И всё же стоит отметить, что от такой «интеллектуальной репатриации» до формирования действительно значимых региональных идентичностей и основанных на них движений — не один шаг. Сколь далеко смогут зайти эти процессы — вопрос будущего.

* * *

Более значимыми для настоящего времени являются регионы, которые после Второй мировой войны были включены в новые национальные государства, но из которых не было переселено местное иноэтничное население. В первую очередь речь идёт о венграх, которые ныне составляют весьма заметные национальные меньшинства в целом ряде соседних с Венгрией стран. В **Словакии** венгерское меньшинство составляет примерно 10% населения и населяет широкую полосу на юге вдоль границы с Венгрией. «Партия венгерской коалиции», представляющая словацких венгров, играет очень заметную роль в политической жизни Словакии, однако находится на лояльных словацкой государственности позициях. Этого нельзя сказать о ряде венгерских общественных организаций и отдельных деятелях, которые постоянно поднимают вопрос о венгерской автономии или даже о возвращении на своих территориях в состав Венгрии.

Меньшее значение имеет венгерское нацменьшинство в **Закарпатской области Украины**, где оно также населяет полосу вдоль границы с Венгрией. Однако и там оно весьма активно.

Большую роль в жизни края играют

также венгры **Воеводины** (их там 14%), которые во многом контролируют её экономику и сильно влияют на отношения края с Белградом.

Наибольшее значение венгерская активность имеет в румынской **Трансильвании**, где она направлена на признание автономных прав с официальным венгерским языком для всего региона. Венгерский автономный округ уже существовал на части Трансильвании с 1952 по 1967 г. Сейчас количество венгров в Румынии составляет около 1,5 млн. человек, при этом оно имеет тенденцию к росту. В конце марта 2007 г. в трёх трансильванских уездах (Харгита, Ковасна и Муреш) прошли референдумы, на которых население высказалось за максимальную автономию от Бухареста и за особые отношения с Венгрией. Тогдашний президент Венгрии Ласло Шойом после этого открыто заявил о возможности создания в Трансильвании венгерской территориальной автономии. 5 сентября 2009 г. съезд представителей трёх уездов провозгласил Секуйскую автономию, а 12 марта 2010 г. новый съезд придал венгерскому языку официальный статус в регионе. Впрочем, официальная Румыния не признала законность всех этих действий. Весной 2011 г. Секуйский край открыл своё представительство при Европейском парламенте (этому немало поспособствовало то, что заместитель председателя Европарламента Ласло Токеш является одним из лидеров венгров Трансильвании). Впрочем, местные венгры во многом отличаются от «материнской нации». Они в большинстве своём протестанты, у них своё самосознание (секеи) и представление об особом этногенезе.

Для будущего Румынии большое значение имеет также перспектива присоединения к ней **Республики Молдова** (Бессарабии). Сейчас Румыния — унитарное государство, лишь исторически разделённое на три части — Валахию, Молдову и Трансильванию. В отличие

от Трансильвании, в регионе Молдовы автономистское движение довольно слабое и более концентрирующееся на развитии местного самосознания. Однако в случае включения в состав государства Бессарабии (которая, скорее всего, тогда получит права автономии) движение за повышение статуса румынской Молдовы, несомненно, усилится. Возможно, станет по-новому актуальной и идеология молдавенизма, теперь уже в панмолдавском ключе, на основе которой и может произойти воссоединение исторической Молдовы. Предоставление прав автономии такому региону неизбежно приведёт к федерализации всей Румынии. Если дальнейшее развитие Европы пойдёт и дальше в сторону «Европы регионов», то целостное восприятие Румынии в будущем может оказаться уже неактуальным. Впрочем, не стоит недооценивать и обратный фактор: румынский национализм сейчас очень силён и популярен и в румынской Молдове, и в Трансильвании.

* * *

Как видим, процессы роста региональных идентичностей и автономистских движений в Центральной Европе весьма заметны. Однако сильных сепаратистских настроений, сравнимых, например, с баскским движением, здесь нет. Все эти идентичности могут остаться на уровне этнографиче-

ских коллективов и интеллектуальных кружков, если развитие единой Европы пойдёт по пути конфедерации сильных национальных государств. Однако переформатирование Евросоюза (согласно с идеями интегрального регионализма) в федерацию автономных регионов, как и связанная с этим актуализация даже очень слабых региональных идентичностей, найдёт себе здесь очень благодатную почву.

Ещё более значимые региональные процессы могут начаться в этой части Европы, если международное сообщество пойдёт на частичный пересмотр итогов Второй мировой войны и осудит послевоенную переселенческую политику. Определённые и довольно значимые шаги в эту сторону уже сделаны, и связаны они с ситуацией вокруг албанского вопроса на территории бывшей Югославии. Это обуславливает ещё одну специфику региона, отличающую его от Западной Европы: здесь процессы регионализации могут проходить через формирование целого ряда новых горячих точек и серьёзного ухудшения гуманитарной ситуации. По некоторым вопросам можно предположить и военное столкновение соседних государств. Всё это делает ход процессов регионализации в Центральной Европе особенно значимым для будущего всей Европы и новой системы международных отношений.

Георгий Энгельгардт

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И СЕПАРАТИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ЮГО-ЗАПАДНЫХ БАЛКАН

Усилия ведущих стран Запада по отделению Косова и Метохии от Сербии вызвали глобальную дискуссию, в том числе о возможных последствиях «косовского казуса» для этнотерриториальных и межгосударственных споров в других регионах мира. Одни ожидали и ожидают немедленного обострения всех актуальных и теоретических очагов конфликтов, другие — уверены в способности США, ЕС и НАТО удерживать все под контролем и обеспечить длительное, мирное и стабильное соцветие народов Старого Света вообще, а его бывшей пороховой бочки — в частности.

Понять воздействие создания «Республики Косово» на положение на самих Балканах невозможно без хотя бы схематичного описания существующих потенциальных очагов сепаратизма и вызовов существующим границам.

Рассмотрим положение на юго-западе Балкан, регионе, включающем в себя постъюгославское пространство вместе с Албанией и Грецией, плюс такие страны как Албания и Греция. Основным предметом рассмотрения будет не столько сепаратизм как таковой, сколько создаваемые конкретными его формами вызовы существующим границам.

Исторически трагедией Балкан был конфликт между «великими идеями» населявших их народов. Албанцы и греки, болгары и сербы, хорваты и румыны — все имели свой идеал того, как

именно должны выглядеть границы их государства. Полуостров же слишком мал, поэтому очень велики зоны пересечения национальных стремлений. Это создавало и создаёт почву для конфликтов, постоянную напряжённость в региональных отношениях, делая регион крайне привлекательным для внешнего вмешательства.

Косовский диктат США и Евросоюза продолжает этот порочный балканский круг.

* * *

Вызовы современным балканским границам можно ранжировать следующим образом.

Сильные вызовы

В первую очередь это албанская и сербская проблемы.

«Великая Албания»

Албанские иррендентисты в своём стремлении к созданию на Балканах «Великой Албании» оспаривают территорию четырёх стран региона: Черногории, Сербии, Македонии и Греции. По переписи 2003 г. в Черногории албанцы составляли 5% населения¹, перепись 2011 г. показала по Косово и Метохии результаты заметно ниже

¹ Monstat Crna Gora Zavod za Statistiku. Crna Gora u brojka. Podgorica 2010. S. 11 // <http://www.monstat.org/userfiles/file/publikacije/cgubrojka2010.zip>

ожидавшихся — 1,8 млн. человек (при неучастии большей части сербской общины)², перепись 2002 г. зафиксировала на юге Сербии (вне пределов Косова) не менее 62 тыс. албанцев (1% общего населения), а в Македонии по переписи 2002 г. их было 509 тыс., или 25% от 2 022 547 жителей республики³.

За последние двадцать лет албанцы достигли существенных успехов в реализации своей национальной программы, установив контроль над автономным краем Косово и Метохия (кроме его северной части), получив высокую степень автономии в Македонии и закрепив своё политическое влияние в районе Прешевской долины на юге Сербии. Все эти успехи были достигнуты албанцами в первую очередь благодаря установлению стратегического сотрудничества с США и ЕС. Эскалация политических амбиций албанцев остаётся, как минимум, весьма вероятной безотносительно к тому, что предпримут США и Евросоюз.

Сами албанцы сейчас являются восходящим региональным фактором. Из всех народов Балкан на начало XXI в. только им удаётся последовательно строить своё «великое государство», и в ближайшем будущем нет оснований ожидать прекращения их региональной экспансии.

Сербский вызов

Сербы до сих пор являются крупнейшим народом Западных Балкан (на территории бывшей СФРЮ их на начало XXI в. их было около 7,9 миллиона), разделённым границами четырёх государств и одной квазигосударственной территории. Помимо самой Сербии, это Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория и Косово. За последние

двадцать лет они пережили череду исторических поражений и унижений, возможно, самых тяжёлых в их новой и новейшей истории. Исчезли целые области исторического расселения этого народа, в первую очередь в Хорватии и Косово, а региональные споры последовательно решались Западом без учёта их интересов и за их счёт. Более того, есть все основания полагать, что тенденция сохранится и в обозримом будущем. Так, целью политики США и ЕС является ограничение автономии Республики Сербской в Боснии в пользу центрального правительства, поддержка автономистских и сепаратистских тенденций в Воеводине и Санджаке (на территории собственно Сербии).

Примечательно, что в случаях стремления сербов отделиться от новосозданных государств региона их действия пресекались под лозунгом защиты территориальной целостности этих государств (Хорватия, Босния и Герцеговина), что не помешало США и их союзникам поддержать отделение от Сербии Косова, обоснованное правом наций на самоопределение. Неизбежным следствием недовольства сербов этой несправедливостью является фрустрация и реваншизм.

На ближайшие двадцать–тридцать лет (то есть до 2030–2040 гг.) стремление к пересмотру навязанных внешним диктатом границ останется значимым фактором сербской политической жизни.

Это не значит, что Белград немедленно пойдёт войной против Хорватии, против Косова, против Боснии и Герцеговины, тем более что сокращённая после военной реформы до 28 тыс. человек нынешняя сербская армия никак к этому не готова, но то, что на сербской политической сцене всегда будут силы, которые будут так или иначе эту возможность рассматривать, можно считать аксиомой современной сербской политической жизни.

² Kosovo's Census: Unexpected Results APRIL 23, 2011 11:56AM // http://open.salon.com/blog/kosovo/2011/04/23/kosovos_unexpected_results_1

³ <http://pop-stat.mashke.org/macedonia-ethnic2002new.htm>

Промежуточные вызовы — санджакский и венгерский

Речь идет о крупных региональных меньшинствах в Сербии и Черногории, мусульманах Санджака, разделённых границей Сербии и Черногории, но при этом тяготеющих к мусульманской части Боснии, и о венгерской общине в автономной области Воеводина (север Сербии), которая тяготеет к Венгрии.

Слабые вызовы

Хорватская община в Боснии и Герцеговине, которая стремится повысить свой статус в рамках мусульmano-хорватской федерации, а как максимум — объединиться с Хорватией. И истрийское регионалистское движение собственно в Хорватии.

Если рассматривать Западные Балканы последовательно с севера на юг региона, то Словения — практически моноэтническое государство без компактно проживающих национальных меньшинств, тяготеющих к пересмотру границ. У неё есть только один межгосударственный спор — спор вокруг водного разграничения в Пиранском заливе с Хорватией. Тянется он пятнадцать лет, может тянуться ещё крайне долго и скорее может быть отнесен к местной экзотике.

Хорватия

После войны 1991–1995 гг. и этнической чистки сербского населения государство стало практически мононациональным. Доля сербов, крупнейшего этнического меньшинства, сократилась с 12% до 4,5% по данным последней переписи населения⁴.

Более того — если раньше сербы имели в Хорватии области компактного проживания, известные под общим названием Краина, то сейчас именно эти места подверглись тотальной этнической чистке. Сербское население, оставшееся в Хорватии, это городские

жители, дисперсно распределённые по всей территории, у них практически нет единых зон компактного проживания. Единственным исключением является Восточная Славония (регион Вуковара), переданная под контроль Загреба в конце 1996 г. без войны, почему там и смогла сохраниться локальная сербская община. Однако этот регион является периферией страны и не может претендовать на роль центра притяжения для сербов Загреба или Далмации.

В парламенте сербы представлены этнической партией СНС (Сербский национальный совет), но политическим влиянием она не пользуется и служит скорее витриной этнической толерантности Загреба. Районы традиционного сербского расселения до сих пор в значительной степени пусты, причем беженцы из Краины предпочитают возвращению денежные компенсации, средства на которые выделяет Евросоюз, за отказ от прав собственности. Гипотетическая попытка сербского реванша в обозримом будущем остаётся крайне маловероятной, в первую очередь из-за качественной деградации военного потенциала Белграда.

На настоящий момент более заметной проблемой остаётся другое меньшинство — истрийцы (итальянцы и италянизированное население Далмации, в первую очередь — полуострова Истрия). Их численность — около 200 тыс., они расселены компактно и потенциально могут опереться на поддержку соседней Италии, влиятельного члена ЕС, в который так стремится Загреб.

Речь здесь идет о региональной идентичности, а с 1994 г. соседние области Италии, Словении и Хорватии сотрудничают в рамках еврорегиона «Истрия». На протяжении 1990-х местную власть удерживала региональная партия Истрийский демократический сабор (ИДС), требования которого в основном сводились к большей регио-

⁴ <http://pop-stat.mashke.org/croatia-ethnic-2001.htm>

нальной автономии и культурным вопросам.

Босния и Герцеговина

Эта страна качественно отличается от своих соседей, будучи абсолютно искусственным государственным образованием, существующим исключительно за счёт постоянного внешнего управления (сейчас его осуществляет Управление Высокого Представителя, а в перспективе — Уполномоченного Евросоюза) и за счёт контролируемого НАТО и ЕС миротворческого контингента. Он постоянно уменьшается, но тем не менее присутствует.

Формально речь идет о конфедерации, которую внешние управители последовательно трансформируют в федерацию при параллельном переносе полномочий от субъектов конфедерации к центральному правительству. Однако несмотря на 13-летние усилия БиГ по-прежнему остаётся совокупностью двух частей — Республики Сербской и Федерации Боснии-Герцеговины (в русском обиходе — мусульманохорватской федерацией).

Сербы БиГ постоянно препятствуют процессу централизации власти в стране и переносу полномочий центральному правительству. Важно, что это продолжается несмотря на смену политических элит, произведённую под нажимом Запада в постдейтонский период. Так, Союз независимых социал-демократов Милорада Додика, сменивший Сербскую демократическую партию в качестве прозападной оппозиционной силы, сейчас столь же последовательно борется за сохранение государственности боснийских сербов. Причины этого — как сохраняющаяся напряженность и конфликтность в отношениях боснийских общин, так и сформировавшаяся в последние пятнадцать лет привычка местных сербских элит к наличию собственного государства и заинтересованность в его сохранении. Население РС — около 1,5 млн. (треть четырёхмиллионной

БиГ), территория — 49% общегосударственной.

Каковы в таком случае шансы на отделение Республики Сербской от большой Боснии? На настоящий момент они невысоки, так как этому активно противодействуют Евросоюз и НАТО.

В момент подготовки провозглашения независимости Косова было много дискуссий о том, последуют ли боснийские сербы примеру Приштины. Эта возможность вызывала некоторое беспокойство ЕС и США. Но под очень сильным давлением высокого представителя М. Лайчака реакция боснийских сербов была сведена к крайне умеренному формату. Они помешали Боснии признать независимость Косова, но не решились провозгласить отделение самой РС. В декларации республиканской Скупщины лишь упоминалась возможность вынесения такого вопроса на референдум. Сложность положения РС показала попытка республиканской скупщины назначить референдум по такому частному вопросу, как деятельность общепоснийских суда и прокуратуры. Это привело к острейшему после Дейтона кризису.

Помимо республики Сербской, существует очень серьёзный потенциал для сепаратизма и внутри мусульманохорватской федерации. Она устроена крайне сложно: 10 кантонов — мусульманские, хорватские, смешанные; там очень сложная система межобщинного распределения постов в каждом из этих кантонов плюс на федеральном уровне. Очевидно, что такая «гиперливанская» структура власти может существовать, только если параллельно существует властная вертикаль высокого представителя (международного губернатора), который принимает все решения. Здесь основное недовольство исходит от хорватов, которым в середине 1990-х гг. под давлением Вашингтона и Брюсселя пришлось отказаться от собственной государственной структуры (Герцег-Босна). Так, провозглашение независимости Косова

вызвало к жизни движение за создание «3-го региона», собравшее до 100 тыс. подписей. В последний раз хорватские партии выступили с таким требованием в апреле 2011 г., после того как одна из бошняцких партий (социал-демократы) провела на хорватское место в Президиуме БиГ своего ставленника.

Хотя хорватская община, по крайней мере часть её, имеет выраженную территориальную локализацию, но проявление широких политических амбиций возможно для неё только при помощи метрополии — Хорватии, власти которой на данный момент не заинтересованы в новом обострении региональных кризисов и в обострении своих отношений с Евросоюзом. Позиция Евросоюза ясна и понятна — Брюссель выступает против дальнейшей фрагментации Боснии, соответственно эта хорватская инициатива остаётся пока висящей угрозой.

Босния сегодня — крайне нестабильное образование, которое обречено на распад, возможно, на распад насильственный, в случае какого-либо ослабления внешнего военно-политического присутствия в регионе.

Черногория

Самое малое из новых балканских государств (население около 620 тыс.) стоит перед целым рядом угроз своей стабильности: албанское население южной части (5%) и мусульмане-санджакли на востоке (15%). Все это усугубляется разделением собственно черногорцев, около половины которых тяготеют к соседней Сербии и считают себя сербами. Неслучайно исход референдума о независимости в мае 2006 г. был определён позицией албанского и санджакского меньшинств. Следует учесть, что число выходцев из Черногории в Сербии достигает, по разным оценкам, как минимум миллиона человек. Все это делает новое государство крайне уязвимым к любым этнополитическим обострениям в регионе.

Сербия

Помимо отторжения Косова и Метохии, совершённого в результате как военной агрессии США и их союзников по НАТО в 1999 г., так и политического давления Запада, Сербия стоит перед рядом потенциальных этнотерриториальных угроз, являясь одновременно и субъектом ирредентизма (стремление к воссоединению с РС, Черногорией, восстановлению суверенитета над Косово), и объектом сепаратизма.

Степень напряжённости этих угроз нарастает с севера на юг.

Воеводина — в этой автономной области на севере страны проживает значительное венгерское меньшинство 290 тыс. (до 14%), исторически тяготеющее к соседней Венгрии. До сих пор отношения сербов и венгров не отягощены конфликтами (несравнимы с сербо-албанскими). Эта напряженность носит потенциальный характер, так как наличие национального меньшинства объективно создает условия для вмешательства ЕС, членом которого является Будапешт. Следует учитывать и распространённость «автономистских» настроений также среди части сербской общины края, стремящейся ослабить влияние Белграда на свои дела. Воеводина является наиболее плодородной и самой экономически развитой частью Сербии.

В 2009 г. под давлением автономистов Скупщина Сербии приняла Статут Воеводины, предоставивший региону значительные полномочия: правительство, региональный парламент, фактическую возможность внешних контактов. Помимо собственного флага Воеводина получила такие статусные учреждения, как собственную Академию наук и СМИ, в первую очередь электронные. После принятия Статута приоритетом автономистов стала реализация заложенных в нём полномочий и максимальный выход за их пределы — увеличение доли оставляемых в крае налогов, создание собственной полицейской службы, перевод под свой

контроль собственности общегосударственных корпораций в крае (лесной, инфраструктурных и др.), создание Банка развития Воеводины как прообраза собственного Центрального банка. Особое значение имело открытие представительства края в Брюсселе. Череда успехов автономистов объясняется тем, что правящая коалиция опирается в Скупщине Сербии и на их голоса. Наряду с неявной, но реальной поддержкой ЕС и США это служит причиной крайне странного, на первый взгляд, непротивления официального Белграда ускоренному строительству нового государства на части территории страны. Отделение края нанесёт удар и по энергетической экспансии РФ на Балканы, так как именно в Воеводине находятся основные объекты купленной «Газпромом» национальной нефтяной компании НИС (Нафтна индустрија Србије), в частности ведущий НПЗ в Панчево. Там же планируется проведение трассы газопровода «Южный поток» и сооружение подземного газохранилища «Банатский двор».

Санджак — историческая, а не административная, область, включающая смежные районы Сербии и Черногории, бывший Новопазарский санджак Османской империи. Большинство населения Санджака составляют исламизированные сербы, пользующиеся самоназванием «бошняки» и/или «санджаклии» — 140 тыс., или 2% населения всей страны. Хотя на настоящий момент некоторые санджакские лидеры (Расим Ляич) вполне интегрированы в белградскую правящую элиту, будучи партнёрами Демократической партии, нельзя исключать эскалации напряжённости в регионе. Тем более что в последние годы в сербском Санджаке растёт активность ваххабитов (самоназвание «вехабие»), стремящихся установить контроль над исламскими структурами района. Периодически активность ваххабитов приводит к вооружённым стычкам с полицией (на-

пример, задержание группы И. Прентича в марте 2007 г.), что при наличии заинтересованности может быть использовано как повод для внешнего вмешательства. Исторически Санджак является своего рода «серой зоной», где развиты производство контрафактной продукции (текстиль, джинсы, сигареты) и контрабанда. Географически регион представляет собой своеобразный коридор, соединяющий албанские районы Косова с Боснией, что вызывает опасения превращения его в элемент «зелёной вертикали» — цепочки исламских территорий на Балканах от Турции до Боснии.

В последние годы на политической сцене Санджака возшла фигура одного из местных муфтиев Муамера Зукорлича, главы Исламского сообщества Сербии. Муфтий попутно создал собственную политическую структуру — Бошняцкий культурный совет, который взял 15 из 32 голосов на выборах в Бошняцкое национальное вече — национальную автономию по сербскому законодательству. Ещё два депутата перешли к нему из других партий, что привело к затяжному политическому кризису, так как правительство Сербии не утвердило состав БНВ, назначив перевыборы. Тонкий политик, Зукорлич действует в нескольких направлениях. Начав свою деятельность с реисламизации мусульман в фундаменталистском духе, для чего он использовал ваххабитские группы, затем он конвертировал религиозные позиции в политическое влияние, стремясь монополизировать представительство общины.

Тем не менее лейтмотивом деятельности М. Зукорлича является получение Санджаком официального статуса автономии и цементирование противостояния бошняков с центральным правительством как политической основы для дальнейшего государственного строительства.

Сепаратизм Зукорлича получает дополнительную опору в политике

неоосманизма, проводимой современной Турцией. Правительство Бориса Тадича идет на активное сближение с Анкарой, поощряются турецкие инвестиции, в том числе и в крупные инфраструктурные проекты в общинах Санджака, турецкие дипломаты и политики визитируют регион и постепенно берут на себя роль посредников в отношениях Белграда и местных политиков.

Южная Сербия

Прешевская долина на крайнем юге Сербии или регион «Прешево-Буяновац-Медведжа» — регион, населённый албанцами (до 60 тыс. человек) за пределами собственно Косова. В 2000–2001 гг. Прешевская долина уже становилась зоной столкновений базировавшихся в Косове албанских боевиков с сербской полицией за контроль над регионом. Конфликт был остановлен за счёт вмешательства сил НАТО, настоявших на достижении компромисса о создании в регионе смешанной полиции и расширении политического представительства албанцев.

В ходе косовского кризиса и продолжающихся попыток его урегулирования постоянно упоминается вариант обмена Прешевской долины на сербские анклавы

В случае одновременной реализации всех сепаратистских намерений (Воеводина, Санджак, Прешевская долина) Сербии угрожает потеря наиболее развитой и плодородной части страны и сведение к границам 1912 г.

Македония

С середины XIX в. одним из главных предметов спора между формирующимися независимыми балканскими государствами был македонский вопрос, в котором сталкивались Болгария, Греция и Сербия. Новое измерение это противостояние получило в результате создания в рамках титовской Югославии отдельной Социалистической Республики Македония и форсиро-

ванного развития соответствующей национальной идентичности. В результате развала СФРЮ эта республика получила в 1992 г. государственную независимость и удачно избежала участия в войнах 1991–1999 гг. за югославское наследство.

Если до 1999 г. главной проблемой македонской государственности был спор о названии государства с Грецией, то с момента передачи сопредельного Косова под смешанный контроль НАТО и УЧК на первый план вышли растущие притязания албанской общины.

На сегодняшний день Македония является де-факто разделённой страной. Албанцы, составляющие по переписи 2004 г. 25% из около двух миллионов жителей государства, контролируют западные районы страны, примыкающие к Косову. В соответствии с Охридским соглашением августа 2001 года, албанская община, помимо фактического контроля над западной частью страны, получила расширенное представительство и в республиканских органах власти. Реальное политическое влияние албанской общины существенно превышает его долю в населении, отражением чего являются часто звучащие на протяжении последних пятнадцати лет оценки доли албанцев в 40–50% населения. На протяжении последних десятилетий македонские албанцы ориентировались на своих косовских соплеменников: многие их лидеры являются выпускниками Приштинского университета, а в восстании 2001 г. самое активное участие принимали боевики УЧК с обеих сторон косовско-македонской границы.

К исходу первого десятилетия XXI в. единственной гарантией неприкосновенности границ Македонии является добрая воля ЕС и НАТО. Если Брюссель сочтет необходимым в рамках своих отношений с албанцами пойти на пересмотр конституции или границ республики Скопье, скорее всего маке-

донцы будут принуждены смириться с этим.

Дальнейшая консолидация албанских позиций в Македонии чревата общерегиональным кризисом, так как исторически эта территория была яблоком раздора между Болгарией, Грецией и Сербией, и пересмотр её статуса и/или границ с высокой вероятностью может вовлечь и другие сопредельные страны.

Греция

Основные территориальные угрозы находятся для этой страны на севере: речь идет об албанских притязаниях на часть Северной Греции (Чамерия) и пятнадцатилетний спор с Македонией о названии последней. Иррациональное в своём упорстве на первый взгляд нежелание Греции признать название соседнего государства (до сих пор выступающего в международных организациях под именем Бывшей Югославской Республики Македония)

вызвано в первую очередь опасением возможных претензий на греческую часть исторической Македонии (регион Фессалоники).

Несмотря на внешнюю необоснованность таких страхов (небольшая, слабая экономически Македония вряд ли сможет решиться на агрессию против своего южного соседа), Афины предпочитают не рисковать и требуют от Скопье модифицировать название государства. Причём спор, похоже, будет продолжаться ещё долго.

* * *

Итак, спектр споров на Балканах весьма широкий, и как минимум, в южной части западных Балкан потенциал для дальнейшей перекройки границ на ближайшие 20–30 лет существует абсолютно реальный.

Наделение Западом косовских албанцев собственной государственностью стал важнейшим катализатором этого процесса.

Фонд Поддержки и Развития Гражданского Общества «РОД» представляет

Ростислав Антонов

ПРИМОРСКИЕ ПАРТИЗАНЫ: ПАЦАНЫ С КИРОВКИ

Документальное расследование Ростислава Антонова посвящено одному из самых громких и неоднозначных уголовных дел последних месяцев — истории «приморских партизан».

Что заставило нескольких молодых людей с оружием в руках выйти на тропу «войны с ментами»? Каковы истинные обстоятельства их недолгого взлета и кровавого поражения? Наконец, что происходит с ними сейчас? Ведь «дело приморских партизан» еще далеко не закончено...

Книга готовится к печати.

Заявки на приобретение книги «Приморские партизаны: пацаны с Кировки» можно направлять по адресу: nat.holmogorova@gmail.com

КЕВИН МАКДОНАЛЬД

Синдром Вилдерса: евреи, Израиль и европейские правые

Канцлер Германии Ангела Меркель недавно вызвала сенсацию, откровенно заявив, что интеграция мусульман «не удалась». Несмотря на поднявшийся в СМИ шторм, Меркель всего лишь сформулировала то, что уже является достаточно широким транснациональным консенсусом в Европе. Например, в Германии недавний опрос показал, что 55% респондентов считают, что мусульмане — это ярмо на экономике, а примерно одна треть верит, что мусульмане «ошеломят и переполнят страну» в будущем. По всей Европе мусульмане живут фактически в параллельных обществах, и мечта о гармоничном мультикультурном будущем представляется весьма безосновательной. Тило Саррацин в своей знаменитой книге «Самоубийство Германии» указал на множество недостатков иммигрантов (включая низкий интеллект и малообразованность) и конкретно обвинил мусульман в неудаче интеграции.

Общественное мнение все больше склоняется на сторону партий, выступающих за резкое уменьшение иммиграции, особенно мусульманской. Восход европейских националистических партий — это один из наиболее ободряющих процессов для защитников белых. Времена меняются.

Тем не менее партии, занимающиеся этими вопросами, до сих пор имеют серьезные проблемы с легитимностью. По сути, оппозиция иммиграции яв-

ляется камнем преткновения современной политики в западных странах, встречая яростное сопротивление властей предрезающих.

Можно без преувеличения сказать, что сопротивление иммиграции и мультикультурализму на протяжении нескольких десятилетий представляло собой «запретную зону» за рамками легитимного политического дискурса. «Крайне правые» партии, бросающие вызов политическому истеблишменту по этим вопросам, традиционно рассматриваются элитными СМИ и политиками сквозь призму общепринятого послевоенного морализма — как последователи национал-социалистических идей расового превосходства и сепаратизма. В рамках подобного мировоззрения оппозиция иммиграции и мультикультуризму немедленно топится в риторике Холокоста, ставшего культурным эталоном Западной цивилизации по меньшей мере с 1970-х.

Поскольку Холокост и еврейская обидчивость являются центральными аспектами нынешнего *zeitgeist'a* (духа времени), содействующего иммиграции и мультикультурализму, то представляется небезынтересным, что некоторые из этих «крайне правых» партий пытаются открыто заручиться поддержкой евреев. Они не просто провозглашают свою произраильскую позицию, но и выражают солидарность с наиболее правыми элементами в самом Израиле — с движением поселенцев, за которым стоит все более значительный и влиятельный контингент религиозных и этнонационалистических евреев.

Перевод Романа Фролова.

Статья была опубликована в декабре 2010 г. в вебзине «Альтернативные Правые».

Недавно делегация из 35 европейских антимусульманских политиков из Австрии, Италии, Германии, Бельгии, Швейцарии, Британии и Швеции посетила Западный Берег реки Иордан и провела несколько собраний в гостях у лидеров израильского движения поселенцев. В делегацию вошли выдающиеся австрийцы — Хайнц-Кристиан Штрахе, лидер австрийской Партии Свободы и, вполне возможно, следующий канцлер Австрии, и Клаус Панди, главный редактор крупнейшей австрийской газеты «Кроне Зейтунг». Также среди делегатов были Филип Девинтер, спикер бельгийской партии Влаамс Беланг и член фламандского парламента, и Рене Стадткевич, бывший член христианско-демократического союза Ангелы Меркель, недавно создавший открыто антимусульманскую и произраильскую Партию Свободы в Германии.

Среди делегатов не было Герта Вилдерса, лидера датской Партии Свободы, хотя в это время он также находился в Израиле и распространял аналогичные идеи: незыблемую поддержку еврейского государства и убеждение в необходимости переселения палестинцев в Иорданию. Без сомнения, Вилдерс представляет собой наиболее яркий пример этого антимусульманского, филосемитского и произраильского феномена. Он начал речь в Тель-Авиве такими словами: «Для меня Израиль является колоссальным источником вдохновения... Я благодарен Израилю. Ваша страна — это колыбель Западной цивилизации. Недаром мы называем ее иудео-христианской цивилизацией». В его глазах Израиль является передовым бастионом на пути разрушения Запада мусульманами: «Без Иудеи и Самарии [то есть без Западного Берега реки Иордан] Израиль не в состоянии защитить Иерусалим. Будущее мира зависит от Иерусалима. Если Иерусалим падет, то вслед за ним падут Афины и Рим, а потом — Париж, Лондон и Вашингтон».

Вилдерс хочет остановить мусульманскую иммиграцию в Европу и запретить Коран за содержащиеся там подстрекательства к насилию. Фильм «Фитна», выпущенный Вилдерсом в 2008 году, изображает ислам как силу, стремящуюся к покорению мира через насильственный джихад против Запада. Он изображает ислам как антиеврейскую религию, нетерпимую к современным западным взглядам на сексуальность, демократию и личную свободу.

Вилдерс презентует себя как классического либерала, «либертарианца» в американском сленге, считающего Маргарет Тэтчер примером для подражания в политике. Он является решительным защитником свободы слова и полагает, что столь часто озвучиваемая на Западе забота об оскорблении мусульманской чувствительности повсеместно душит традиционный либерализм: «Сегодня под категорию “подозрительной речи” попадают и темы, часто и открыто обсуждаемые вне связи с исламом: подчинение женщин, насилие, детские браки, криминализация гомосексуальности и жестокость к животным. Мы верим, что наша страна основана на христианстве, на иудаизме, на гуманизме, и верим, что чем больше ислам укореняется среди нас, тем сильнее он будет ставить под угрозу не только наши культуру и идентичность, но и наши ценности и свободу».

Обратите внимание, что Вилдерс называет иудаизм одним из столпов Западной культуры. Вилдерс отвергает любое мало-мальски откровенное апеллирование к расе и дистанцируется от политиков, ассоциируемых с расалистскими и антиеврейскими взглядами. В интервью «Шпигелю» он отметил, что «нас не беспокоят ни люди с иным цветом кожи, ни мусульмане. Нас беспокоит ислам. Я не верю в генетическую предрасположенность, я чрезвычайно далек от этого. Я убежден, что все, кто принимает наши ценности, наши законы и нашу конститу-

цию, являются полноценными членами нашего общества. Я готов даже утверждать, что большинство мусульман в Европе — такие же люди как вы и я; они ведут обычную жизнь, трудятся и желают наилучшего для своих детей. Однако я не приемлю растущего влияния идеологии, которая в конечном счете будет стоять нам свободы».

Отсюда неудивительно, что он полностью отвергает «неправильных» политиков: «Мои союзники — не Ле Пен и не Хайдер... Мы никогда не объединимся с фашистами и муссолинистами Италии. Я чрезвычайно обеспокоен тем, что меня связывают с неправильными правыми фашистскими группами».

Соответственно, он крайне аккуратно описывает мусульман исключительно как пленников своей культуры, а отнюдь не как расовых чужаков. Запад — это «культура гражданского контракта», посвященная индивидуальной свободе, тогда как ислам сковывает своих последователей цепями фаталистического мировоззрения, ставящего женщин в полное страха подчинение своим мужьям. С его точки зрения, ислам продвигает политическую культуру страха и деспотизма и экономическую культуру застоя. Следовательно, Вилдерс верит, что небелая иммиграция — это вполне нормально до тех пор, пока иммигранты ассимилируются в либеральную европейскую культуру. То есть с мусульманами не было бы проблем, если бы они отказались от своей религии:

«Ислам лишает мусульман свободы. Это позор, ибо свободные люди, как показывает история, способны на великие вещи. Арабский, турецкий, иранский, индийский и индонезийский народы обладают колоссальным потенциалом. Если бы только они не были пленниками ислама, если бы они смогли освободиться от его ярма, если бы они перестали воспринимать Магомета в качестве примера для подражания и избавились бы от зловредного Корана,

то они могли бы вершить великие дела, на пользу себе и всему миру».

Очевидно, здесь Вилдерс рассуждает точно так же, как и те, кто верит, что субсахарная Африка быстро станет экономическим гигантом, стоит ей лишь принять либеральную демократию, капитализм или какую-нибудь еще панацею. Вилдерс, без сомнения, отнюдь не IQ-реалист. И его принципиальной оппозиции исламу будет недостаточно для недопущения в Европу сотен миллионов немусульман, желающих туда переехать.

В принципе, произраильские и филосемитские настроения Вилдерса могут быть лишь циничной тактикой с целью заручиться еврейской поддержкой. Однако они кажутся весьма искренними и прочувствованными. Просто-напросто он любит Израиль; недаром же он постоянно изображает иудаизм как часть Запада. Он посетил Израиль более сорока раз, начиная с того времени, когда он работал в кибуце в молодости. Его второй женой была венгерская дипломат еврейского происхождения Криштина Марфай. У самого Вилдерса есть определенная еврейская наследственность. Его дедушка по отцу был колониальным офицером на Яве, женившимся на Джоанне Мейер из «знаменитой еврейско-индийской семьи».

Тем не менее было бы упрощением полагать, что взгляды Вилдерса происходят исключительно из оппортунизма или его родословной. В своей непоколебимой вере, что любой народ может стать «западным» путем простого заимствования общепринятых либеральных идей и что Европа от этого только выиграет, Вилдерс далеко не одинок среди западных политиков. Подобные взгляды на расу, конечно же, являются одной из главных интеллектуальных слабостей и американских консерваторов.

Однако факт заключается в том, что не Вилдерс, ни представители других движений со сходными взглядами до сих пор не смогли заручиться поддерж-

кой лидеров еврейства, а ведь именно оно является ведущей силой, поддерживающей и продвигающей иммиграцию и мультикультурализм в качестве императивов по всему Западу. Недавняя статья Еврейского Телеграфного агентства («Как насчет Вилдерса? Европейские еврейские лидеры обеспокоены популистскими антиисламскими заявлениями») в очередной раз демонстрирует, что организованное еврейство желает европейцам мультикультурного будущего (в Европе и повсеместно) и что ислам является совершенно приемлемым компонентом этой мультикультурной смеси.

С точки зрения еврейских лидеров, главная проблема популистов, подобных Вилдерсу, заключается в том, что они «желают Швецию для шведов, Францию для французов и Израиль для евреев», как сказал Серж Квейгенбаум, генеральный секретарь Европейского еврейского конгресса. Но это — ложный аргумент из категории «скользкого склона», потому что Вилдерс отнюдь не желает депортации европейских евреев в Израиль, особенно учитывая, что он рассматривает иудаизм как одно из оснований европейской культуры. Действительно, именно таким ложным аргументом являются недавние слова президента Официального Совета еврейских общин в Швеции Лены Познер: «Мы весьма огорчены, что теперь [в парламенте] появилась партия, которая заявляет, что она будет заниматься лишь мусульманами и иммиграцией. История научила нас, к чему может вести подобное, и это не обязательно хорошо для евреев».

Этот псевдоаргумент «скользкого склона» прекрасно увязывается с традиционным еврейским страхом и отвращением перед однородными белыми христианскими культурами. Еврейские лидеры желают всего сразу — и осуществлять стратегию Диаспоры, размывающую власть народо-хозяина, и одновременно утверждать свой еврейский этнонационализм в

Израиле. И действительно, тогда как идея «Швеция для шведов» вызывает глубокое отвращение у еврейских лидеров, Израиль настаивает, что палестинцы должны смириться с идеей, что Израиль — это еврейское государство, и все это при полном молчании Диаспоры. Израиль продолжает вводить новые законы, усиливающие апартеид и этнические чистки — меры, чрезвычайно далекие даже от самых радикальных предложений европейских националистических партий. Например, совсем недавно 300 израильских рабби подписались «под письменным религиозным запретом продавать или арендовать дома, квартиры и земельные участки неевреям, в особенности арабам».

Недавно заместитель исполнительного директора «Хьюман Райтс Вотч» Кэрролл Богерт отметила:

«Палестинцы сталкиваются с систематической дискриминацией исключительно из-за своей расы, этничности и национального происхождения. Их лишают электричества, воды, школ и доступа к дорогам, тогда как еврейские поселенцы по соседству наслаждаются всеми этими благами, обеспечиваемыми государством. Израильские поселения процветают, а палестинцы под контролем Израиля живут в искаженном времени — не просто отдельно и не просто в неравных условиях. Иногда их даже вытесняют со своих земель и домов».

Рефлекторной реакцией либеральных евреев, доминирующих в Диаспоре на Западе, в ответ на попытки ограничить иммиграцию является апелляция к ужасам немецкого национал-социализма. Адар Примор, редактор английского издания либеральной израильской газеты «Га-Арец», является хорошей иллюстрацией данного стиля еврейского мышления. Она агонизирует о «чрезвычайно нечестивом союзе между представителями израильских правых и крайними европейскими националистами и даже антисемитами,

который энергично развивается в Святой Земле.

Организаторы этих мероприятий верят, что они приручили эту кучку экстремистов из Европы, которые заменили демонического еврейского врага на мусульманина-иммигранта и сейчас поют в унисон, что Самария — это еврейская земля. Очень скоро они отпустят бороды и наденут кипы. Но на самом деле они не расстались со своей духовной ДНК, и, в любом случае, они не ищут ничего, кроме еврейского прощения, которое поможет им приблизиться к власти».

Утверждение Примор, что европейцы хотят получить «прощение евреев», весьма многозначительно указывает на очевидную важность еврейской чувствительности для мультикультурного *zeitgeist*'а на Западе. С моей точки зрения, подобный взгляд на еврейское влияние полностью обоснован.

Будучи либералкой левацкого толка, Примор отвергает предложение Вилдерса переселить палестинцев в Иорданию. Но жестче всего она атакует Девинтера и Штрахе, у которых она находит связи с нацистским прошлым. Она поносит Девинтера за то, что он «вращался в антисемитских кругах и связан с европейскими экстремистскими и неонацистскими партиями». Штрахе же принадлежал «к экстремистской организации с запретом участия для евреев, социализировался с неонацистами и участвовал в их военизированных тренировках».

Без сомнения, прошлое этих деятелей будет их преследовать и дальше, несмотря на отказ от антиеврейских сентиментов и провозглашение решительной поддержки Израиля. Аналогично, Мартин Вебстер предположил, что евреи не поддерживают Британскую национальную партию, несмотря на ее произраильскую позицию, из-за прошлых антиеврейских заявлений и связей Ника Гриффина. Во Франции Жан-Мари Ле Пен в прошлом говорил сердившие евреев вещи. Но вот уже

Марина Ле Пен, которая скоро сменит своего отца на посту главы Национального фронта, «демонстративно отказалась вторить своему отцу в его антисемитских взглядах».

Организованное еврейство Диаспоры последовательно поддерживает мусульманскую иммиграцию и активно укрепляет связи с мусульманским сообществом. Например, Антидиффамационная лига решительно поддерживает политические и культурные цели мусульман в Америке. Как и следовало ожидать, Абе Фоксман рассержен отказом Вилдерса поддерживать оба направления еврейской стратегии — мультикультурализм у себя дома и этнонационалистический и апартеидный Израиль за рубежом (несмотря на то, что это очевидным образом противоречит интересам Вилдерса как европейца): «Это напоминает мне христиан-евангелистов.... С одной стороны, они любят и принимают Израиль. Но с другой стороны, их социальная и религиозная политика вызывает у нас дискомфорт».

В любом случае нет доказательств, что европейские евреи собираются активно поддерживать националистические партии. Недавно в статье на датском еврейском сайте было отмечено, что лишь 2% датских евреев, включая молодежь, проголосовали за Вилдерса, тогда как поддержка Вилдерса среди коренных датчан на общих выборах 2010 г. достигла 25%. Большинство евреев (58%) отдали свои голоса либералам и социалистам. Лишь три процента евреев проголосовали за крупнейшую христианскую партию, центристско-правый «Христианско-демократический призыв», четвертую по популярности партию на выборах 2010 г., заручившуюся поддержкой 13,5% избирателей. Очевидно, что евреи находят позицию Вилдерса еще менее удобоваримой, чем позицию партии, посвященной христианской нравственности. Может, Вилдерс и заручится поддержкой радикальных

еврейских колонистов с Западного Берега реки Иордан или некоторых ренегатных израильских генералов, но даже если он и преуспеет в своей антимусульманской кампании, то это произойдет без помощи датских евреев.

На эту ситуацию стоит взглянуть и с перспективы израильских ультранационалистов. Европейские националистические партии отнюдь не одиноки в своем поиске легитимности. Некоторые израильские ультранационалисты воспринимают мир, в котором Израиль все больше и больше отвергается европейскими элитами, которые вполне справедливо рассматривают Израиль как этнонационалистическое государство, склонное к апартеиду и этническим чисткам. Европейский союз весьма сильно критиковал правительство Нетаньяху, поселения и эмбарго в секторе Газа. ЕС предоставляет значительное финансирование для Палестинской Автономии. Израильские ультранационалисты также обеспокоены Движением за бойкот, санкции и вывод инвестиций, которое делает все более заметный прогресс по изоляции Израиля. И даже хваленое израильское лобби в Соединенных Штатах уже, может быть, пережило пик своего могущества, если прав Джош Рюбнер: «Растущая обеспокоенность Капитолия по поводу всех этих “односторонних резолюций” связана с несколькими факторами: умышленным унижением президента Обамы Израилем в вопросе о поселениях; осознанием, что интересы Израиля и США — это не одно и то же; и все еще трудно характеризуемой, но уже ощущаемой усталостью Израиля».

Поселенцы идут на контакт, потому что им нужна помощь. И для того чтобы добиться поддержки европейских националистов, они готовы принять заявляемые европейцами филосемитизм и любовь к Израилю. Дэвид Хаиври, крупный представитель движения поселенцев, заявил, что «если эти европейские лидеры, с их связями с анти-

семитскими группами и с их прошлым, изменят свою позицию и продекларируют, что Израиль имеет неоспоримое право существовать на всех ныне контролируемых территориях и что Европа несет на себе моральные обязательства за прошлые преступления, то тогда, я верю, мы должны принять их дружбу.

Их заявления представляют собой сильнейший из возможных инструментов в войне против антисемитизма. Скинхедам глубоко все равно, что имеет сказать Абе Фоксман [глава Антидиффамационной лиги], но если подобные заявления сделают Филип Девинтер и Хайнц-Кристиан Штрахе, то они окажут реальный эффект. Именно поэтому я размышляю о возможности участия вместе с ними в про-израильских митингах у них дома. Я думаю, что если мы сможем изменить европейские националистические движения, дистанцируя их от их традиционной ненависти к евреям и приближая их к признанию сионизма, то это стоит риска диффамации «Га-Арецом» и ему подобными. Я не думаю, что я наивен, полагая данную ситуацию революционной возможностью».

Тем не менее взгляды Хаиври не пользуются широкой поддержкой среди израильских правых. Ни один член Кнессета, включая и тех, кто разделяет националистические взгляды Хаиври, не встретился с европейской делегацией.

С другой стороны, Вилдерс был в гостях у Арье Эльдада, правого секуляриста и члена Кнессета, представляющего фракцию «Тиква» партии Национального союза. Эльдад является последовательным сторонником движения поселенцев («арабы Западного Берега оккупируют израильскую землю») и бескомпромиссным противником палестинского государства. Подобный прием Вилдерса может указывать на несколько большую поддержку последнего израильскими правыми, но в любом случае эта поддержка чрезвычайно далека от консенсуса.

***

Что же мы можем почерпнуть из всего этого? Евреи Диаспоры на Западе действуют в основном как диаспора, то есть они идентифицируются с мультикультурными, проиммиграционными, антибелыми левацкими силами. Еврейское участие в левацких движениях — это стратегия, направленная на увеличение могущества еврейской элиты, элиты с длительной историей страха и ненависти к белому европейскому большинству Америки. Действительно, организованное еврейство было не только важнейшей силой в борьбе за отмену европейских предпочтений в американской иммиграционной политике, оно упорно и последовательно выстраивало альянсы с небелыми этническими группами, включая негров, латиноамериканцев и разные азиатские группы.

В рамках этого мировосприятия евреи выступают за мусульманскую иммиграцию; однако они желают иметь в западных обществах прирученный ислам, свободный от антисемитизма и без склонности к терроризму — особенно к терроризму, мотивированному антиизраильскими настроениями. Стоит отметить, что даже неоконсерватор Дэниел Пайпс, известный «исламофоб», является значительно менее радикальным по отношению к исламу, чем Вилдерс. Он говорит, что «нашей целью является способствование созданию и помощь развитию умеренного ислама, который, по мнению Вилдерса, не существует и не может существовать. Так что мы союзники, но между нами есть и значительные различия». Другими словами, Пайпс, как и прочие еврейские лидеры, желает иметь на Западе управляемый ислам, одновременно решительно поддерживая этнонационалистический Израиль.

Желание заполучить выдресированный ислам вполне согласуется с длительной историей изображения арабов американскими СМИ в нега-

тивном свете. Книга Джека Шахина «Винновны: вердикт Голливуда арабам после 11 сентября» демонстрирует, что Голливуд, известный еврейский удел, изображает арабов террористами, коррумпированными шейхами или экзотическими примитивными верблюжьими наездниками. Как отмечает Эдмунд Коннели, подобное представление влияет на западную публику, делая ее более покладистой к войнам против мусульманских стран. Интересно, что при этом образы негров и латиноамериканцев, наоборот, в фильмах приукрашиваются. Арабы являются единственной небелой группой, не завоевавшей благосклонного расположения западной прессы.

В Великобритании «Совет депутатов британских евреев», официальная организация британского еврейства, последовательно выстраивает связи с мусульманами. Организованное еврейство осудило «Лигу английской обороны» (ЛАО), которая занимает жесткую антимусульманскую и произраильскую позицию и имеет в своем составе небольшую еврейскую секцию. И снова, иллюстрируя приверженность евреев к псевдоаргументам типа «скользкого склона», президент «Совета депутатов британских евреев» заявил, что «так называемая “поддержка” Израиля со стороны ЛАО является лживой пустышкой. Она зиждется на фундаменте исламофобии и ненависти — всего того, что мы решительно отвергаем. К сожалению, мы слишком хорошо знаем, к чему может привести ненависть ради ненависти. Подавляющее большинство не обманется этой прозрачной попыткой манипулирования напряженным политическим конфликтом».

Несмотря на это, как отмечает Мартин Вебстер, «принадлежащие еврейским средствам массовой информации извергают потоки антимусульманских и антиисламских историй. Обработка публики настолько безостановочна, что для среднего британца слова “му-

сульманин” и “ислам” стали синонимами слова “террорист”».

Другими словами, евреи, вне зависимости от их политической ориентации, в том числе и евреи, занимающие антимусульманские позиции, до сих пор лелеют мечту об утопичном мультикультурном Западе, где иудаизму будет безопасно как одной из множества культур в рамках фрагментированного политического ландшафта. Все крупнейшие еврейские организации занимаются развитием отношений и созданием альянсов с мусульманами, точно так же, как и с другими небелыми группами. Все они находятся в оппозиции Вилдерсу и остальным произраильским, филосемитским националистическим партиям. В свою очередь, мусульманские организации выполняют свою часть сделки, присоединяясь к движению за иммиграцию с очевидным желанием как можно скорее превратить белых в меньшинство.

Недавний документ американского «Мусульманского общественного совета» обрисовал весь спектр пожеланий антибелой коалиции: поддержку законопроекта «ДРИМ» (по легализации значительной части нелегальных иммигрантов в США; был в очередной раз провален в декабре 2010 г. — *Прим. пер.*), облегчение получения гражданства нелегалам и увеличение легальной иммиграции.

Я считаю, что произраильская и филосемитская риторика крупнейших националистических партий Европы является неэффективной. И я полагаю, что она останется неэффективной и в обозримом будущем — правым не удастся привлечь на свою сторону еврейское большинство. Лишь очень немногие евреи голосуют за эти партии, и даже среди израильских евреев-этнонационалистов подавляющее большинство настороженно или в лучшем случае амбивалентно настроено к идее публичного альянса с этими группами.

Мне кажется, что настоящая цель этой риторики правых вполне мо-

жет заключаться в борьбе за голоса избирателей-неевреев у себя дома. Подобные заявления убеждают электорат, что эти партии выступают отнюдь не за национальный социализм, антисемитизм и расиализм. И поскольку большинство белых испытывают ужас от одной мысли об ассоциации с носителями вышеобозначенных идей, то такой подход вполне может быть эффективным и, в дальней перспективе, ослабить психологические блоки, мешающие европейцам выступать за сохранение своих народов и культуры. Успехи этих партий очень обнадеживают и радуют.

Поскольку очевидно, что мусульмане не откажутся от своей религии и не превратятся в добрых либеральных европейцев — успех Вилдерса и аналогичных политических движений будет несомненно огромным шагом в правильном направлении. Успех будет означать, что в конце концов возникнут условия, когда мусульмане захотят или будут вынуждены покинуть Европу, которая, в свою очередь, обретет обновленное чувство культурной идентичности.

От этого останется лишь один шаг до осознания, что некоторые культуры попросту неспособны или не желают принимать современные либеральные европейские ценности. Европейцы будут гораздо ближе к пониманию, что их индивидуалистическая, либертарианская традиция фундаментально противоречит ментальности практически всего остального мира.

Более того, успех этих партий воодушевит антииммигрантские движения по всему Западу, включая такие страны как Соединенные Штаты, чья главная проблема с иммиграцией связана с несостоятельными государствами Латинской Америки, а не с исламом. Можно предположить (пусть и в ключе аргумента «скользящего склона»), что как только европейцы и другие народы Запада придут к выводу, что мусульмане не могут быть ассимилированы,

то подобный же вывод, о неудаче интеграции, будет сделан и в отношении других групп, таких как африканцы, латиноамериканцы и азиаты. Можно легко представить цепную реакцию распространения антииммиграционных движений по мере развития среди европейцев обновленного чувства культурной идентичности и уверенности в себе.

Подобное развитие событий станет анафемой для подавляющего большинства из организованного еврейства и для подавляющего большинства евреев на Западе. Оно не только сокрушит их мечту о кончине доминантной европейской христианской культуры, но и подкрепит их мировоззренческий страх, что преследование любой одной иммигрантской группы непременно обернется еще одним Холокостом. Так что не стоит рассчитывать на массовую еврейскую поддержку. Но по мере нарастания напряженности между мусульманами и европейцами и по мере осознания европейцами, что они должны сделать выбор между изгнанием мусульман и жизнью в непригодном для жизни обществе, может получиться так, что евреи окажутся бессильны остановить окончательный триумф этих партий.

В более общем контексте самоизоляция евреев как просвещенной, прогрессивной группы, длительно преследовавшейся европейцами, начинает разваливаться в результате роста жесткого этнонационализма в Израиле. Как я отметил в «Обособленности и ее разочарованиях», евреи, начиная с эпохи Просвещения, старались выставить себя как приверженцев «наиболее этичной из религий, с уникальной моральной, альтруистической и цивилизационной ролью в истории человечества, то есть предлагали современную версию “светоча наций”, древнейшей темы еврейских религиозных сочине-

ний». Когда большинство американцев размышляют о евреях, им в голову приходит образ доброжелательного доктора по соседству, великолепно-го университетского ученого или же либерального социального активиста, помогающего отверженным и обездоленным. Они думают об Израиле как о «единственной демократической стране Ближнего Востока» и «лояльном союзнике» Америки.

Однако правые этнонационалисты являются ведущей силой в Израиле, и их влияние будет лишь увеличиваться в силу их относительно высокой рождаемости по сравнению с либеральными секулярными евреями. Образ евреев как просвещенных либералов постепенно замещается образом евреев — религиозных фанатиков и расистов, склонных к этническим чисткам и апартеиду.

В длительной перспективе два этих образа не могут сосуществовать. Внимательные наблюдатели на Западе поймут, что поза просвещенного либерализма, терпимости и промультикультурализма — это всего лишь стратегия Диаспоры, направленная на ослабление коренных европейских народов, разновидность той же межэтнической борьбы, что происходит в Израиле, но с учетом специфики Запада, где евреи, будучи меньшинством, вынуждены вступать в альянсы с другими группами.

Когда жители Запада свыкнутся с новой для них реальностью, произойдет метаморфоза политической культуры. Оппозиция организованного еврейства развитию антимусульманского, филосемитского правого движения в Европе будет восприниматься все более интеллектуально-несостоятельной, особенно с учетом происходящего в Израиле. И это, в свою очередь, послужит решительному возрождению европейского этнонационализма.

«...КНИГА ВЗОРВАЛАСЬ, СЛОВНО БОМБА»

Германоязычная пресса о книге Тило Саррацина
«Германия самоликвидируется»

Вольфганг Дворак-Штокер,
исполнительный директор
журнала «*Neu Ordnung*»

О дебатах по поводу книги
Тило Саррацина¹

«Лед тронулся», — констатировал издатель Дитер Штайн в еженедельнике «*Junge Freiheit*» от 10 сентября 2010 года, а публицист Михаэль Паульвиц там же вторил ему: «Ветер переменился». Политики в Германии оторвались от реальности и истинного настроения в народе точно так же, как руководство ГДР в конце 80-х годов. Как подметил в том же издании Торстен Хинц, политический класс отменил реальность средствами государственной власти: через языковую и медийную политику, через уголовный кодекс, через неформальное принуждение. И тем не менее плотина была постепенно прорвана.

В случае Саррацина уже не помогли те механизмы доносительства, что еще полностью сработали в случае Мартина Хомана² и по крайней мере частично —

¹ Перевод с сокращениями с оригинала: *Mag. Wolfgang Dvorak-Stocker. Zur Sarrazin-Debatte*, in: *Neu Ordnung*, № 3/10 (III Quartal), S. 2. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Депутат бундестага от Христианско-демократического союза Мартин Хоманн (Martin Hohmann) лишился политической карьеры из-за фразы, прозвучавшей в День немецкого единства 3 октября 2003 г.: «С учетом миллионов убитых в первую фазу (русской) революции можно с полным основанием задавать вопрос о “преступлениях” евреев. Евреи были в большом числе представлены

в случае Евы Херман³. Ни обвинения его в безумии, ни в разжигании ненависти, ни в политическом экстремизме, возможном лишь для члена крайне правой партии NPD. Даже не помогла попытка перевести дебаты на боковой путь: на его неясную формулировку относительно «еврейского гена», которая неточна, но в целом затрагивает существо дела, как подтвердила газета «*Jerusalem Post*» 04.06.10: «Один народ! Как показали новейшие исследования, евреи по всему миру имеют генетические связи, восходящие к древним временам». Народы потому и существуют, что они отличаются друг от друга также относительно своей наследственности и вытекающих отсюда последствий.

Давление общественности, подлинного общественного мнения, прорвавшегося в письмах читателей и в Интернете, вынудило важнейшие немецкие СМИ,

---

как в руководстве, так и в расстрельных командах ЧК. Поэтому с определенной обоснованностью можно назвать евреев “народом преступников”. Это может прозвучать ужасающе, но именно по этой логике народом преступников называют немцев».

³ Известная немецкая журналистка и публицистка Ева Херман (Eva Hermann) была уволена в 2007 г. с государственного канала ARD за фразу о национал-социализме: «...это было жестокое время. Это был совершенно безумный, чрезвычайно опасный политик, погубивший немецкий народ, что знаем все мы. Но тогда же существовало и хорошее: это такие ценности, как детство, материнство, семья, взаимная поддержка».

которые до сих пор во всех кампаниях становились инструментом политической корректности, дать задний ход. Впервые немецкие журналисты совершенно свободно писали о том, что до сих пор осмеливались говорить, лишь озираясь по сторонам. А политический класс (и прежде всего бундесканцлер Меркель), попытавшийся заткнуть рот Саррацину, вконец осрамился.

Впрочем, не все СМИ позволяют себе неприукрашенный взгляд на реальность. Но это уже не будет помехой, когда давление ситуации столь возрастает. Уже давно стал бессмертным позор золотых перьев немецкого журнализма, например, когда издание «Die Zeit» в большой серии репортажей пыталось донести до западных немцев то, насколько любим и почитаем Хонеккер среди простого народа ГДР — всего лишь за год до падения Берлинской стены.

Что отсюда следует? Привели ли дебаты вокруг Саррацина к окончательной гласности и перестройке? Или они вновь завязнут в песке, как только ослабнет общественный интерес? Вернется ли опять господство в СМИ к придворным советникам успокоения с их мантрами: «Больше денег, больше социальных программ в поддержку интеграции!»? В таком случае мы приближаемся к началу гражданских войн, которые американские исследование прогнозируют для Европы в следующем десятилетии.

Др. Ханс-Дитрих Зандер,

теоретик немецких «новых правых»

Разрушить, ликвидировать, свергнуть⁴

Видимо, дело было в той капле, которая переполнит бочку, — капле, которую невозможно предсказать и поймать.

Бунтарские дебаты вокруг книги Тило Саррацина «Германия самоликвидируется» натолкнулись на взрывоопасную среду. В этой ситуации книга

взорвалась, словно бомба. Уже при подготовке к печати она привела к подлинным изменениям. Во-первых, своей реакцией на книгу себя дискредитировал весь политический класс независимо от партийной принадлежности. Во-вторых, наш народ почти единогласно встал за Саррацином, и, в-третьих, рухнула дискурсивная диктатура в СМИ. Осторожная канцлер, которая обычно выжидает и дает любому делу завершиться самому собой, рванула вперед, словно в дикой панике. Даже не открыв книгу, Меркель потребовала от Бундесбанка уволить члена его правления Саррацина. Не иначе отреагировал и ее партнер по коалиции вице-канцлер Вестервелле. Бундеспрезидент Вульф действовал в том же духе. Руководство СДПГ потребовало исключить Саррацина из партии, как и правящий бургомистр Берлина Воверайт, который в свое время предложил своего бывшего сенатора по финансам в члены правления Бундесбанка. И остальные оппозиционные партии не использовали шанса для борьбы с правительством.

Зато это невиданным до того образом удалось народу. Согласно опросам, свыше 90% немцев, как заявил атакуемый Саррацин, поддерживают его. Их нецензурированные мнения на протяжении многих дней заполняли читательские страницы местных и региональных газет. Они не только солидаризировались с Саррацином, но и атаковали политический класс. Если Саррацин в своей достаточно осторожно написанной книге лишь заклеил злоупотребления, связанные с потоком нежелающих и неспособных интегрироваться мигрантов, то от немецкого народа последовали требования принять необходимые решения. Так, Райнер Бауэр из Пенцберга написал в газету «Münchner Merkur»: «Удивительно то, какие люди занимают какие посты, и то, каким образом они там оказались — с учетом их профиля и горизонта. И еще одно: даже если столь соблазнительно высказываться по поводу иммиграции, следует больше бес-

⁴ Перевод с сокращениями с оригинала: Dr. Hans-Dietrich Sander. Abbauen, abschaffen, abstuerzen, in: Neu Ordnung. № 3/10 (III Quartal). S. 6–8.

покоиться об эмиграции». Днем позже там же высказалась Теа Крамер из Мюнхена: «Для наших высокооплачиваемых политиков недостаточно нежного звонка будильника. Нужно уже стрелять из пушек. Полно тех политиков, которым бундеспрезидент Вульф должен выдать указ об увольнении». Доходило даже до сравнения меркелевской ФРГ с исчезнувшей ГДР с точки зрения «диктатуры в отношении выражения мнений».

Прорыв реальности на сцену СМИ в данной ситуации было невозможно остановить. На радио Берлин-Бранденбург Буркхарт Мюллер-Ульрих говорил о «смене эпохи» и охарактеризовал канцлера лишь как «политический пластилин». В пользу смены эпохи говорит то, что именно издания концерна Шпрингера⁵ — от «Bild» до «Welt» — захватили лидерство в процессе переосмысления. В редакционной статье в газете «Welt» от 1 сентября 2010 года Жак Шустер призвал к «генеральной уборке» и закончил ссылкой на Джона Стюарта Милля, констатировавшего, что подавление свободы мнений приводит к обстановке подавленности: «Не хватает силы для прорыва, уверенности, провокационных призывов остановиться, спросить самого себя и — если необходимо — сменить курс. Но именно это является той плотиной, что оберегает нас от гибели». А 4 сентября в «Welt» сразу три еврея выступили в поддержку Саррацина. Жак Шустер описал в утопической ретроспективе, как все закончилось через 50 лет и почему это произошло — при помощи реформ и мыслительных игр, которые он «коварно» позаимствовал из заключительной главы Саррацина. Ральф Джордано отчаянно защищал книгу в своей рецензии от «объединенной клики про-

фессиональных обличителей, социальных романтиков и апостолов умиротворения», оказавшихся в «диаметральной позиции» относительно общественного мнения. А Хенрик М. Бродер даже защищал Саррацина от Центрального совета евреев и от всех массированных атак в изданиях от «Taz» до «Frankfurter Allgemeine» — как будто сегодня вновь, как в Третьем рейхе, существует Имперская литературная палата⁶. Апофеозом послужило ток-шоу Анны Вилль на канале ARD 5 сентября 2010 года, где социолог медиа Норберт Болъц в качестве «параллельного общества» в Германии наряду с мусульманами назвал политический класс, не поддерживающий контакта с народом. Вывод: демократия в ФРГ является лишь фасадом с красивой болтовней и искаженной статистикой.

Полемика против книги разгорелась не из-за описанного в ней положения. Более того, в ее ходе было прямо заявлено, что все факты давно известны. Раздражение, о которое благоразумно прямо не говорилось, вызывало название книги: «Германия самоликвидируется». Ведь осуществлявший самоликвидацию страны политический класс понимал, что может продолжать делать это лишь тогда, когда никто не тематизирует эту ситуацию. Поэтому полемика концентрировалась на деталях, на вырванном из контекста гене евреев, опуская тот факт, что Саррацин также говорил о генах других народов. Его тут же объявили антисемитом. Впрочем, это не помешало анализу Саррацина дать немцам эпохальное озарение. Этого озарения было бы достаточно, если бы сразу началась генеральная уборка.

К сожалению, по не совсем понятным причинам Саррацин пошел на попят-

⁵ Axel Springer AG — крупная издательская группа правой ориентации, все сотрудники которой обязаны клясться в готовности поддерживать «жизненные права израильского народа», а также солидаризироваться «в ценностном сообществе свободы с Соединенными Штатами Америки».

⁶ Имперская литературная палата (*нем.* Reichsschrifttumskammer) в Третьем рейхе являлась подразделением Имперской палаты культуры — основанного Геббельсом государственного органа, объединявшего и контролировавшего всех работников в сфере культуры.

ную. 10 сентября на лекции в Потсдаме он сообщил, что достиг соглашения с правлением Бундесбанка. Он уходит в отставку, а руководство отзывает ходатайство к бундеспрезиденту о его увольнении. В качестве кукловода был назван бундеспрезидент, который оказался не готов к критике и перед подписанием указа об увольнении направил запрос в адрес министерства финансов. Он надеялся разрешить проблему Саррацина при помощи денег, как это было принято в ФРГ с момента ее основания. Саррацину была обещана полная пенсия.

Тило Саррацин сломался из-за этого? Трудно в это поверить при той поддержке, которую он встретил; и все же не является невероятным то, что он в сущности является таким же, как и его шеф по Бундесбанку Аксель Вебер, решивший его уволить, поскольку не хотел испортить себе шанс стать преемником Трише на посту главы Европейского центрального банка. Или он не выдержал давления? Саррацин говорил, что не сможет дальше сопротивляться, и словно в подтверждение появился на лекции в сопровождении четырех телохранителей. При той поддержке, которую он встретил, в это тоже трудно поверить; во всяком случае, если это давление исходило слева.

Или давление пришло с той стороны Атлантики? Вообще-то маловероятно. В США подобные дебаты разгорелись уже давно. Самуэль Хантингтон, прославившийся благодаря своей книге «Столкновение цивилизаций», уже несколько лет назад в брошюре «Кто мы?» предупреждал об угрозе отчуждения. В газете «Welt» от 6 сентября 2010 года об этом напомнил Хаймо Швильк: «Молодая страна иммигрантов Германия остро нуждается в многовековом американском опыте и существующей в США культуре дебатов». В Вашингтоне может выступать даже голландский критик иммиграции Вилдерс, что не разрешено в Берлине. И все же полностью исключать американское давление не стоит. Ведь, как говорили в античности: «quod

licet Jovi, non licet bovi!». Или Саррацин опасается того, что случилось с Кирстен Хайсиг?⁷

Как бы то ни было, дебаты продолжают. Пока Саррацин своим уходом спас ФРГ, которая ликвидирует Германию. Но то, что отложено, не отменено. На следующий день в редакционной статье в «Welt» можно было прочитать, что политкорректность приобрела средневековую узость, бунт против которой является неизбежным. Два историка современности, Арнульф Баринг и Михаэль Штюмер, которые десятилетиями прославляли ФРГ, словно американские агенты влияния, после отставки Саррацина продолжили дебаты в качестве его сторонников. Так, Штюмер увидел приближение конца существующей системы, а Баринг с дикой яростью набросился на Меркель, поскольку именно она спровоцировала весь нынешний скандал.

Эти голоса истеблишмента говорят мне о том, что моя критика последних двадцати пяти лет все же не осталась без эха. По крайней мере, она нашла свое место в духовной атмосфере нашего отечества.

Др. Ангелика Виллиг,
редактор журнала «Neu Ordnung»
Политическое подведение итогов⁸

«Германия самоликвидируется», книга Тило Саррацина, на протяжении не-

⁷ Кирстен Хайсиг (Kirsten Heisig) — берлинская судья, погибшая при загадочных обстоятельствах в июне 2010 г. Стала известна как инициатор «Модели эффективного и быстрого наказания малолетних преступников» в берлинском районе Нойкельн. Автор книги «Конец терпения», в которой выступила за более жесткое уголовное наказание малолетних преступников, которые в большинстве своем происходят из семей иммигрантов. По слухам, за убийством мог стоять арабский криминальный клан.

⁸ Перевод с сокращениями по изданию: Dr. Angelika Willig. Politische Generalabrechnung, in: Neu Ordnung. № 3/10 (III Quartal). S. 45–46.

дель была распродана и недоступна ни в одном книжном магазине. Ее даже пришлось допечатывать. Когда такое было в последний раз? Успех не объяснить способом написания. Саррацин аргументирует холодно и «без завитушек». У него напрасно искать бранных слов или грубых формулировок, которые вырываются в ходе дискуссии. Вместо этого книга выглядит комплексно, если не сказать сложно. Кроме того, Саррацин совершил ошибку, смешав три различные темы.

Во-первых, существует проблема массовой иммиграции. Здесь автор утверждает и подтверждает посредством статистики о преступности и социальной помощи, что интеграция в значительной мере провалилась. Это признают и основные партии. Причина провала лежит не в отдельных неудачах, но в принципах. Просто невозможно в течение короткого времени переселить огромные массы людей. Подобный процесс разрушает культуру и ведет к всеобщему распаду.

Эта констатация может быть верна без всякого генетического обоснования. Речь идет о действующей культурной идентичности и о цене ложной интеграции. Здесь начинается самообман в Германии и других европейских странах, который Саррацин клеймит без всякой жалости. По его мнению, чтобы иммиграционная политика имела успех, ею следует жестко управлять. Примером этого выступают Канада и Швейцария.

Однако Саррацин идет дальше. Речь идет также о том факте, что иммигранты при нерегулируемой миграции в большинстве своем происходят из низших слоев стран своего происхождения. Соответственно они не годятся для здешнего рынка труда. Более того, они понижают интеллектуальный уровень немецкого населения, если исходить из того, что интеллект в значительной мере наследуется. Для доказательства этого автор привлекает различных авторитетов из области современных исследований интеллекта. Газета «Frankfurter Allgemeine» отправила эти пассажи из

книги для детального анализа соответствующим ученым и не обнаружила никаких значительных ошибок. Таким образом, утверждение, что интеллект наследуется, соответствует нынешнему уровню развития науки. Тем не менее статья в данной газете завершается заявлением о том, что наследственность не играет никакой определяющей роли. Здесь можно видеть то, насколько прочны табу в определенных сферах. Впрочем, это понятно. Ведь подобные результаты в значительной мере ставят под вопрос свободу человека, эту высшую ценность существующего ценностного порядка.

Видимо, Саррацин не вполне осознал, что он не просто высказал политическую критику, но поставил под сомнения основоположения нашего общежития. В еще большей мере это касается третьей линии его аргументации, затрагивающей отношения между демографией и генетикой. До сих пор сожаление по поводу недостатка подрастающего поколения высказывалось лишь относительно проблемы обеспечения старости, здесь же речь идет о «негативном отборе» в результате того, что потомство имеет преимущественно нижний слой. Число детей само по себе не несет никакой экономической пользы, если из него не выходит та квалифицированная рабочая сила, которая понадобится нам в будущем. Однако выводы отсюда очень далеко идущие. Так, поддержка рождаемости в будущем должна ориентироваться на образовательный уровень родителей.

Как бы непривычно ни звучала данная аргументация, в ней нет ничего нового. Уже на протяжении десятилетий некоторые исследователи указывают на опасность генетического упадка. В США на эту тему идет большая дискуссия, причем, это мало что меняет в политической реальности. При этом речь идет не о частном научном вопросе, но о базовых ценностях «свободы, равенства, братства». Поэтому не стоит удивляться тому, что «еретиков» или упорно игнорируют, или же — как сейчас в случае

Саррацина — им мстят от имени общества.

Особенно слабым для защиты является третий уровень, который скрыт в книге, «как в русской матрешке» (Ф. Ширрмахер). Речь идет о различной одаренности различных народов. Следует ясно констатировать, что пока не существуют достаточных познаний в генетике для выведения из кода ДНК определенных умственных способностей. Однако во многих случаях вполне возможно выявить место происхождения. Но что можно сделать с данным высказыванием, если с этим не связаны определенные свойства? Интеллект различных народов можно оценить лишь статистически. Но эта статистика сомнительна с научной точки зрения. Таким образом, утверждение Саррацина о том, что арабы часто женятся внутри одной семьи и потому генетически ущербны, выглядит скорее непрофессиональным. Кроме того, интеллект следует отличать от характера и менталитета. вполне возможно, что хотя одаренность и сопоставима, но отсутствие дисциплины и способности к адаптации изменяют результат. Впрочем, это спекуляции, на которых невозможно выстроить никаких политических решений.

И вообще, встает вопрос, является ли Тило Саррацин подходящим человеком для начала этого сражения. По крайней мере он мог проконсультироваться со специалистом по естественным наукам, что точно поспособствовало бы репутации книги. Саррацин — политик (бывший сенатор Берлина по финансовым вопросам) и экономист (сейчас уже бывший член правления Бундесбанка). Соответственно, книге не хватает философской тонкости. В конце концов ведь встает и такой вопрос: верно ли вообще рассматривать людей в первую очередь как рабочую и управляющую силу, или же и здесь необходимо пересмотреть господствующую картину мира? Походящий человек редко появляется в подходящее время. Но в любом случае под-

ходящее время для принципиального переосмысления уже наступило.

Ян Акермайер,
публицист

Перепуганная нация⁹

Саррацин вызвал давно назревшие дебаты

Книга и выступления — теперь уже добровольно подавшего в отставку члена правления Бундесбанка — Тило Саррацина вызвали в Германии возбуждение как среди ведущих СМИ, так и у добропорядочных людей. Это напоминает ребенка из сказки «Новое платье короля», который при виде голого короля выкрикивает: «Да ведь король голый!». Ведь Саррацин не сделал ничего иного — помимо провокационных формулировок, что было ожидаемо от него. Любой, кто всерьез занимается иммиграцией в Федеративную Республику Германия и ее последствиями и проблемами, должен признать ту неприукрашенную правду, которую возвестил Саррацин. Вместо этого глашатаи безумного «мультикультури» пытаются старым способом бессодержательных обвинений и всегда свежей дубиной подозрений в фашизме заткнуть рот строптивому социал-демократу. По крайней мере им это удалось применительно к его профессиональной деятельности, поскольку под давлением СМИ и осторожных политиков Саррацин был выдвинут из Немецкого Бундесбанка.

Наоборот, единственное обвинение, которое можно предъявить Тило Саррацину, — так это то, что он так поздно взял слово. В качестве многолетнего члена правительства земли Берлин у него было достаточно времени и средств, чтобы работать над изменением ситуации. Вместо этого звучит старая песня: лишь с выходом на пенсию знаменитости решаются произнести ясные слова. Так было в случае генералов бундесвера Шульце-Ронхоффа и Гюнцеля, и так же

⁹ Перевод с сокращениями с оригинала: *Jan Ackermeyer*. Die Aufgeschreckte Nation, in: Der Eckart, Oktober 2010. S. 4–5.

происходит сейчас в случае Саррацина. Тем не менее следует признать его мужество встать под уничтожающий огонь леволиберальных СМИ.

Интересно, что эти самые СМИ пытаются теперь страстно утверждать, что тезисы отставного ныне федерального банкира расколют нацию. Но на деле имеет место обратное: согласно недавним опросам, трое из четырех опрошенных поддерживают позицию Саррацина. Какой шок для мафии «добропорядочных людей» в СМИ и политике, которой постоянно приходится болезненно осознавать разрыв между правящими и подданными. Да и звучавшие ранее требования увольнения Саррацина привели к недовольству среди «незрелой» массы избирателей: каждый второй отклонил планировавшееся увольнение автора нашумевшей книги из Бундесбанка (своей отставкой он опередил увольнение вместе с неизбежно следовавшей за ним лавиной процессов). Даже намеченное исключение из рядов СДПГ встретило отторжение у большинства бундесбюрогеров.

Однако, как всегда бывает в случае неприятной правды, много говорится о персоне и мало о тезисах. Так, лидер Левой партии в бундестаге Гезине Летцш не побоялась заявить: «Крупный чиновник, который разжигает ненависть к людям, неприемлем». Что, впрочем, не мешает криптокоммунистам бывшей СЕПГ разжигать ненависть ко всем, кто имеет иное мнение, нежели темно-красные.

На самом деле вполне понятно вытье собаки, которую пнули, — в данном случае в виде картеля «добропорядочных людей» в ФРГ. Достаточно ознакомиться с — явно полемически сформулированными — высказываниями в книге Саррацина. Наивная, добропорядочная, лживая — так в ней политик из СДПГ описывает немецкую миграционную политику. Неуправляемая иммиграция, согласно Саррацину, может в лю-

бой момент угрожать государственной структуре и подорвать стабильность общества. Поэтому китайская империя имела свою Китайскую стену, а римляне — свой *limes*. Обеспечение безопасности территории и регулирование иммиграции никогда не были тривиальным делом. Возникающие вокруг этого споры часто угрожали самому существованию государств и обществ и наложили на них свой глубокий отпечаток. Они постоянно сопровождались кровавыми оргиями и насилием. В СМИ ФРГ это часто замалчивается, утверждает Саррацин. В них вопросы иммиграции часто обсуждаются с назидательно поднятым указательным пальцем и с настроем, который лучше всего выражается выражением: «Давайте жить дружно!». Тем более печально, что немецкий политический класс позволяет СМИ навязывать ему отношение к вопросам миграции. Тем самым он подвергается опасности как упустить суть проблем, так и отдалиться от народа.

Растущее число членов антииммиграционных движений во многих европейских странах, как и народное голосование о допустимости минаретов в Швейцарии, являются следствием преимущественно неисторической, наивной и оппортунистической миграционной политики европейских государств. Поэтому в землях ФРГ армия уполномоченных по делам интеграции, исследователей ислама, социологов, политологов трудится рука об руку с кучей наивных политиков, пытаясь представлять ситуацию безобидной, обманывать самих себя и отрицать существование проблем.

То, что этот конгломерат современного зловонного духа панически перепугался, когда один из «них» — да еще столь видная фигура! — стал танцевать не в лад, понятно. Это наполняет наблюдателя изрядной долей злорадства.

Переводы Олега Кильдюшова.

Герхард Пендл

Австрия — не Германия?

КАК ОДНА НЕМЕЦКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЗАГРАНИЦЕЙ ДЛЯ НЕМЦЕВ

Вместо введения

Будучи австрийцем, я хотел бы привести небольшой абзац из принципов и постановлений съезда немецких студенческих обществ в замке Вартбург, где 18 октября 1817 года прошел большой праздник страстных патриотов Германии:

«Мы не хотим использовать слово “Отечество” применительно к той земле или к тому уголку, где мы родились. Наше Отечество — Германия; а земля, в которой мы родились, это наша Родина. Все немцы — братья; они должны быть друзьями».

Уже у Вальтера фон дер Фогельвейде мы встречаем:

[Земли] от Эльбы до Рейна
И обратно до Унгерланда
Могут быть только самыми лучшими
из тех,
Что я нашел на всей земле...

Так миннезингер эпохи зрелого Средневековья, вероятно, происшедший из Южного Тироля (в любом случае из Южной Германии), предвосхитил строчки из текста будущего немецкого гимна¹.

Статья написана специально для журнала «Вопросы национализма».

Перевод с немецкого **Олега Кильдюшова**.

¹ Речь идет о первой строфе «Песни немцев» (нем. «Das Lied der Deutschen, Deutschlandlied»), где есть такие слова:

От Мааса до Мемеля,
От Адидже до Бельта

Миф об обособленности исторической «Австрии» от Германии

Эта история началась довольно давно — более тысячи лет назад. На Юго-Восток франкского королевства при Карле Великом, то есть примерно около 800 г., сильное влияние оказали бавары, то есть их племенное герцогство. Из-за борьбы с аварами здесь еще не было устойчивых границ. Эта территория, на которой впоследствии возникла пограничная «Восточная марка» (Ostmark), в сущности охватывает лишь восток сегодняшней Австрии, то есть земли Верхняя и Нижняя Австрия. Остальные же федеральные земли современной Австрии были самостоятельными герцогствами или графствами в составе Священной Римской империи. В 1156 г. это маркграфство было превращено римско-германским императором Фридрихом I Барбароссой в герцогство и стало независимым от Баварии. Подлинность его жалованной грамоты «Privilegium Minus» может вызывать сомнения, но ее посредством невозможно доказать, что уже здесь начинается некая обособленность Австрии от Германии (Эрдман). Более того — наделенные этим герцогством Габсбурги с XIV до начала XIX в. (с коротким перерывом) сами являлись немецкими королями и тем самым избранными римско-германскими императорами. Последний из них, Франц II, сложил с себя имперскую корону в 1806 г. вследствие Заключительного постановле-

---

Германия, Германия превыше всего,
Превыше всего в мире!

(Здесь и далее примечания переводчика).

ния имперской депутации (Reichsdeputationshauptschluss). Позже на развалинах Священной Римской империи возник Германский союз в качестве свободного союза государств во главе опять-таки именно с Австрией. Это образование преимущественно немецкоязычных государств, просуществовавшее до 1866 г., было провозглашено 8 июня 1815 г. на Венском конгрессе. В качестве преемника как Священной Римской империи, так и созданного Наполеоном Рейнского союза он был задуман как свободное объединение отдельных немецких государств, одним из которых и являлось государство Габсбургов. Примечательно, что в Германский союз входили только те части Пруссии и Австрии, что до этого входили в состав Священной Римской империи германской нации. Это постнаполеоновское объединение распалось в 1866 г. после поражения Дунайской монархии Габсбургов и других германских государств в войне с Пруссией. Причиной австро-прусской войны являлась опять-таки борьба Австрии и Пруссии за лидерство в Германии, усугублявшаяся помимо прочего и прусской объединительной политикой. Однако устоявшийся после 1945 г. миф об исторической обособленности габсбургского государства уже не позволяет нынешним немцам описать этот конфликт как братоубийственную войну, поскольку он сознательно конструирует вечное противоборство Австрии с остальной Германией, хотя в 1866 г. именно вся Германия воевала против пруссаков на стороне австрийцев².

В рамках этого мифа сегодня даже пытаются обращаться к частично насильственно присоединенным (ненемецким) землям Дунайской монархии.

² Примечательно, что в немецкой историографии этот конфликт чаще всего именуется «Германская война 1866 года», а изначально и вовсе назывался «Прусско-немецкой войной» (Preußisch-Deutscher Krieg).

Так, в Австрии некоторое время назад (80–90-е годы) пытались «втереться в доверие» к народам Юго-Восточной Европы посредством концепта «Центральная Европа», где габсбургскую монархию заменяет Вена как «культурная метрополия», например в концепциях бывшего австрийского вице-канцлера Эрхарда Бузека. Одновременно это была попытка повернуться спиной к немецкому культурному пространству, неосознанно ища ему замену. В таком духе, основываясь на опыте государства Габсбургов, например, аргументирует историк Фриц Кленнер.

В целом в послевоенной историографии подчеркивается обособленное положение Австрии — уже не являющейся частью немецкой истории. В ее рамках предпринимаются постоянные попытки обнаружить здесь развитие, отличное от Германии, хотя глава последней (т.е. император Священной Римской империи германской нации) на протяжении веков находился именно в Вене!

Quod licet Jovi, pop licet bovi

После окончания Первой мировой войны и краха династически скреплявшейся Дунайской монархии немецкие австрийцы, подобно всем остальным частям населения (вроде проживавших в Австро-Венгрии поляков, румын, югославов и итальянцев), захотели объединиться с соседней страной, единство с языком и историей которой они ощущали. Как известно, в обещании самоопределения в духе президента США Вильсона заключалась приманка для народов Австро-Венгрии позитивно воспринимать Версальский мир. Однако в случае немцев Австрии все вышло иначе. Именно в этом самоопределении им было отказано во время мирных конференций в Сен-Жермене и Версале. «Мирный диктат» победителей не допустил того, чтобы немцы Австрии и Германии могли бы объединиться в одно государство

или немцы Австрии присоединиться к германским собратьям. А ведь именно такое решение было принято австрийским Национальным собранием немецкого «остатка» Дунайской монархии 12 ноября 1918 г. под руководством социалистической партии: «Немецкая Австрия есть составная часть Германской республики». Также не получили право голоса пограничные области немецкого ядра Австро-Венгрии: жители Нижней Штирии в бывшем герцогстве Штирия в Хорватии и судетские немцы в Богемии и Моравии были лишены права высказаться о том, желают ли они присоединиться к остатку Австрии, то есть к немецкой части Дунайской монархии. Начало этой дискриминации было сознательно заложено победителями в Первой мировой войне в 1919 г. в Сен-Жермене, чтобы не допустить восстановления мощи Германии. С этой целью страны Антанты воспрепятствовали присоединению Австрии к Германии.

Между тем в дискуссии об австрийской идентичности часто упускают из виду, что чувство принадлежности к немецкому культурному пространству не зависит от существования границ между государствами, например между Австрией и Германией³. К тому же мало кто из немецко-патриотически настроенных австрийцев ставит сегодня под вопрос существование австрийцев как государственной нации. В статье «Насколько немецкой является Австрия?» в венской ежедневной газете «Die Presse» от 17 октября 2010 г. журналист Дитмар Круг написал: «Кроме пригоршни маргиналов и

лузеров модернизации с бритыми головами на моей родине ни один петух не кукарекает о Германии, которая будет граничить с Венгрией и Италией». Однако этого никогда не требовал ни один вменяемый немецкий патриот в Австрии. Но когда тебя сравнивают с «бритоголовыми» и презрительно называют «лузерами модернизации», тогда сразу становится понятно, что ты имеешь дело с очень своеобразными ревнителями так называемой «политической корректности»...

Языковая идентичность: даешь австрийский язык?

Письменный и устный язык есть средство мышления и самого мировосприятия. Эта дефиниция, впервые предложенная Вильгельмом фон Гумбольдтом, исходит из того, что язык является необходимым при любых комплексных видах деятельности и мыслительных процессах. Тем самым язык есть не просто инструмент для достижения понимания между людьми, но он структурирует своими средствами любое понимание вещей и ситуаций. Таким образом человек живет «в языке» своей культуры, а не просто инструментально «использует» его. Это может звучать несколько академически-абстрактно, однако очевидно, что языковая идентичность является существенным элементом любого культурного пространства. Или, говоря словами Фридриха фон Шиллера, она есть «естественный венец» культурного самопонимания нации. Поэтому задача сохранения общего языка в центре Европы является особенно важной для немецкой (культурной) нации с ее неопределенными границами, поскольку язык стал духовной родиной немцев поверх всех границ (Йордис фон Лохаузен). Так что конструирование собственного «австрийского» языка есть попытка изнасилования языкового ландшафта немецкого культурно-лингвистического пространства. Ведь различия существуют лишь на уровне

³ Для русских читателей ситуация австрийских немцев должна быть хорошо понятна сегодня, после развала единого восточнославянского государства, когда земли исторической Руси (Украина, Белоруссия) оказались за границей РФ как современной формы государственности России, а миллионы русских — нацменьшинствами в новых государствах.

отдельных слов, но никак не на уровне структуры самого языка. В этом смысле другие части немецкого языкового ландшафта могли бы иметь гораздо больше прав считаться «отдельным» языком. В Австрии языковое пространство также не унифицировано. Об этом очень ясно написал в 2001 г. Вальтер Люфтли. Здесь наряду со стандартным (верхненемецким) языком используется множество южнонемецких диалектов (средне- и южнобаварский, а также алеманнские диалекты на западе страны). А поскольку государственные границы Австрии не являются историческими, то и используемые южнонемецкие диалекты имеют много общих свойств с наречиями в Баварии, Баден-Вюртемберге и восточной Швейцарии, образуя «немецкий диалектный континуум». Небольшие отличия одного местного говора от другого постепенно накапливаются и в конечном счете приводят к тому, что носитель диалекта из Фленсбурга лишь с трудом или совсем не понимает носителя диалекта из Берна или Больцано, а венец — жителя Форарльберга, и наоборот. Естественно, это в том случае, если не все владеют литературным немецким как общим надрегиональным стандартным языком.

Таким образом, разговорный идиом в Австрии включает в себя множество близких диалектов южнонемецкого языка, то есть баварского и франкского. Исключение здесь составляют расположенные на западе страны форарльбержцы, которые хотя также говорят на одном из южнонемецких наречий, однако их алеманнский диалект столь же сильно отличается от немецкого литературного языка, что и «швейцарский немецкий», то есть является диалектом немецкого поверх границ государств. Примечательно, что в 1919 г. алеманнские форарльбержцы подавляющим большинством стремились войти в состав Швейцарской конфедерации.

Языковые и иные различия между

отдельными германскими землями или племенами существовали всегда и сохраняются вплоть до сегодняшнего дня, даже внутри одной страны: например, между Баварией и Пруссией или Веней и остальной Австрией. Это обычная ситуация, встречающаяся также у других наций, например, во Франции. Так, на юге Германии, прежде всего в Баварии, часто критикуют северогерманский диалект и даже его отдельные слова как «чуждые»...

Стоит ли говорить, что при этом существует бесконечное число ясных высказываний австрийских писателей о немецкой нации. Например, Гуго фон Гофмансталь так высказывался за немецкое сознание австрийцев: «Все существование Австрии становится понятным, когда охватываешь живым взглядом всю немецкую историю как настоящее».

Однако в духе послевоенного оппортунизма образца 1945 г. обозначение такого школьного предмета, как «немецкий язык», в Австрии поменяли на абстрактный «язык обучения», хотя еще в конституции 1929 г., которая вновь вступила в силу 1 мая 1945 г., в ст. 8(1) говорится: «Немецкий язык является государственным языком республики, не нарушая прав языковых меньшинств, защищаемых федеральным законодательством».

В этом смысле очень характерный для Австрии феномен проявился в одной из венских газет в начале 80-х годов, сообщившей о проходившем тогда в Лейпциге съезде германистов ГДР. На этом филологическом форуме прозвучали требования усилить политическое измерение германистики ГДР, поскольку в ФРГ был принят тезис о единстве немецкой культурной нации на основе общего немецкого родного языка. На этом фоне тут же зазвучали стенания знаменитых австрийцев по поводу австрийского национального сознания, лишённого «всякой духовной субстанции» («Die Presse», 31.10.1980).

После 1945: в поисках различий

Общественное мнение в Австрии после 1945 г. в значительной мере определялось левыми интеллектуалами, контролировавшими ряд ведущих СМИ. Это привело к серьезным последствиям и для обсуждающегося здесь вопроса немецкой культурной и национальной идентичности австрийцев. С одной стороны, партикуляризм всегда был типичен для германских племен, а в XVI в. из состава Священной Германской империи и вовсе вышли Нидерланды и немецкие швейцарцы. С другой стороны, Австрия не просто отвернулась от Германии, а отреклась от немецкости после событий и катастрофических последствий Третьего рейха и проигранной национал-социалистической Германией войны. Ценой этой попытки «выхода» из немецкой истории стала необходимость создавать полностью «собственную» национальную историю и культурно позиционировать себя на противопоставлении с немецким культурным ландшафтом⁴. Прежде всего это объясняется стремлением не иметь ничего общего с преступлениями нацистского режима. А для этого нужно было убедить себя и мир и в том, что австрийцы были «освобождены» в 1945 г. от немецких нацистов. В этой связи примечательно наблюдение, сделанное мною в Музее Великой Отечественной войны в Москве: одна из витрин рассказывает об «освобождении Вены», однако вручавшаяся за него медаль с синеголубой колодкой имеет надпись «За взятие Вены»...⁵

⁴ Вновь напрашивается сравнение с активным «изобретением прошлого» — постсоветскими республиками, например, с активной «исторической политикой» на той же Украине, приобретшей особенно клинические формы при президенте В. Ющенко.

⁵ Подмеченные автором особенности семантики советских медалей, вручавшихся участникам боев за тот или иной населенный пункт, действительно примечательны. Так,

В дискуссиях в Австрии после 1945 г. подчеркивается все то, что разделяет ее с немецким культурным пространством, и замалчивается все то, что объединяет. Поскольку в последние десятилетия о своей приверженности немецкой культуре открыто заявляет лишь Австрийская партия свободы, то любое признание в немецкости тут же диффамируется леволиберальными СМИ как неонацистское и неонацистское. Для борьбы с подобными «неразумными» выступлениями в аудиториях и печати посредством соответствующего законодательства расставляются ловушки, чтобы заткнуть рот инакомыслящим.

Именно во времена благопристойного антирасизма в Австрии отдельному гражданину можно заявить о своей принадлежности к любому народу Европы и всего мира, но только не к немецкому. Такое самоотожествление определяется в австрийской прессе как «постыдное и смехотворное» («Der Standard», 29.5.2003. S. 47: «O du mein sterreich»). По сути, речь идет об избирательном расизме применительно к немцам. Существует бесконечное число примеров подобных мнений и комментариев «новых австрийцев» — преимущественно из левой сцены политической добропорядочности, но подобные голоса также звучат в католическом лагере и среди евангелических теологов. Хотя до Второй мировой войны последние имели очень сильное немецкое сознание.

Итак, после 1945 г. новое самопонимание Австрии проецируется уже и

награды за боевые действия в советских городах носят название «За оборону...» (Кавказа, Киева, Ленинграда, Москвы, Одессы, Севастополя, Советского Заполярья и Сталинграда), что вполне понятно. Что касается европейских городов, то награды за них разделяются на медали «За освобождение...» (Белграда, Варшавы и Праги) и на медали «За взятие...» (Берлина, Будапешта, Вены и Кенигсберга).

на прошлое, несмотря на то что бюсты Лессинга, Гете и Шиллера по-прежнему украшают фронтоны венского Бургтеатра, важнейшего в республике.

Очень типичным для подобного обособления от Германии любыми способами была история с общеевропейским постановлением 1989 г., введшим для автомобильных номеров черные буквы на белом фоне в качестве световозвращающего обозначения автомашин. Тогда Австрия должна была поменять номера, так как до этого на них применялись белые буквы на черном фоне. Однако из страха перед тем, что посредством этих новых номеров случится символический «аншлюс» с Германией, давно использовавшей белые таблички, австрийские ведомства ввели на нижнем или верхнем краю новых номеров маленькие красно-бело-красные полоски, которые к тому же были почти не видимы...

Большой переполох в СМИ вызвала и одна из реплик доктора Йорга Хайдера, тогдашнего председателя немецко-патриотической Австрийской партии свободы, когда он 18 августа 1988 г. констатировал в одной из передач: «Вы знаете так же хорошо, как и я, что австрийская нация являлась выкидышем, идеологическим выкидышем, поскольку этническая принадлежность — это одно, а государственная — это другое». Эта позиция, точно описывающая положение Австрии в 1919 г., после 1945 г. оскорбила чувство собственного достоинства многих, хотя и далеко не всех австрийцев. Однако возмущение по этому поводу также продемонстрировало то, насколько не уверены официальные «австрийцы» относительно их новой нации.

Это неуверенность касается даже такого «национального символа Австрии», как Вольфганг Амадей Моцарт. Куда отнести его? Ведь он родился в княжестве-архиепископстве Зальцбург в составе Священной Римской империи германской нации, еще не относившемся к наследственным

австрийским владениям. Каково же было возмущение австрийцев, когда в немецком телевизионном шоу «Лучшие из нас» (ZDF) в 2003 г. «австриец» Моцарт оказался на 20 месте в рейтинге «великих немцев»⁶.

В самой «официальной» Германии пытаются всячески угодить этой австрийской установке. Так, в Германском историческом музее в Берлине Австрия осознанно вынесена за скобки: «малонемецкое» представление об истории ретроспективно проецируется и на время до 1945 г. Тем самым Австрия удаляется из немецкой истории. Так что в военном отношении Германия потеряла Австрию после войны в 1945 г., а культурно — уже в последующие годы...

Итоговый комментарий

В качестве заключения автор этих строк хотел бы сообщить читателю об одном факте из собственной биографии. Одна публикация о проблеме немецкой Австрии привела автора к переписке с известным немецким историком К.Д. Эрдманном (Киль), который специально занимался обсуждаемой здесь проблематикой. В одном из писем я написал:

«<...> Этим самоедским наушничеством против собственных братьев мы лишь в очередной раз доказываем, сколь бесконечно немецкими являемся мы, австрийцы».

К тому же решением австрийского Конституционного суда от 4 октября 2000 г. было установлено, что большинство населения Австрии относится к немецкому этносу...

⁶ Здесь трудно вновь не заметить параллели с украинской ситуацией, когда в списке «Великие украинцы» (телеканал «Интер») на первом месте оказался древнерусский князь Ярослав Мудрый, а на втором — советский кардиохирург Николай Амосов, родившийся в Вологодской губернии еще Российской империи.

Использованная и рекомендуемая литература

Rudolf Buchner: Deutsche Geschichte im europäischen Rahmen. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 1975.

Erhard Busek: Mitteleuropa: Eine Spurensicherung. Kremayr & Scherian, Wien, 1997.

Karl Dietrich Erdmann: Die Spur Österreichs in der deutschen Geschichte. In: Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (GWU) 1987/10, 597–626. Zeitschrift des Verbandes der Geschichtslehrer Deutschlands, Hsg. K.D. Erdmann, J. Rohfels und H. Bookmann. Friedrich Verlag in Zusammenarbeit mit Ernst Klett Verlag.

Karl Dietrich Erdmann: Die Spur Österreichs in der deutschen Geschichte. Drei Staaten — zwei Nationen — ein Volk? Manesse Verlag, Zürich, 1989.

Norbert Gugerbauer: Wie deutsch

ist Österreich? In: Das Volk ohne Staat. Hsg. Hubert Grosser. Verlag Dietrich Pfaehler, Bad Neustadt a. d. Saale, 1981. S. 47–75.

Hugo von Hofmannsthal: Reden und Aufsätze. Gesammelte Werke, Fischer Tb., 1979. Band 2. S. 392.

Fritz Klenner: Eine Renaissance Mitteleuropas. Die Nationswerdung Österreichs. Europaverlag, Wien, 1978.

Heinrich Jordis von Lobausen: Das Gesetz des Raumes. Die deutsche Frage als Funktion der Geopolitik. In: Andreas Mölzer (Hsg.): Österreich und die deutsche Nation. Aula-Verlag, Graz, 1985.

Walter Lüftl: Die Österreichische Nation und die Deutschen in Österreich. In: Eckhartbote, Wien, Juni 2001. S. 18–19.

Gerhard Pendl: Leserbrief «Wie deutsch wir Österreicher doch sind» an die Zeitung «Frankfurter Allgemeine Zeitung» vom 5. November 1987.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Издательская группа «Скимень»

выпустила в свет книгу

великого русского мыслителя

Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изображение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:

8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

ЕЛЕНА ГАЛКИНА, ЮЛИЯ КОЛИНЕНКО

РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРЕВЕНТИВНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Дьявол — в деталях.

Сразу после «восстания Спартак» 11 декабря 2010 г. появились отзывы, в которых участников событий именуют *новыми декабристами* и предвестниками русской революции. Типичная ошибка наших кабинетных аналитиков в том, что они невольно проецируют на нынешних 15–20-летних «революционеров» свои культурные коды, образы и идеалы. Вряд ли *новые декабристы* вообще помнят о восстании на Сенатской площади, о каких-то конституционных проектах, сочиненных во благо русского народа, и уж точно не хранят под подушкой томик Пестеля.

Сегодня наиболее интеллектуальные читают генерала Краснова, делают татуировки с физиономией атамана Шкуро и носят в нагрудных кармашках портреты Гитлера. Русским народом они считают только себя и тех власть имущих, которые похожи на них; остальных же относят к категории унтерменшей, несмотря на славянское происхождение. Никакой общности с большей частью населения РФ они не чувствуют, и более того — глубоко презирают, не вдаваясь в подробности. В массе же своей современное юношество просто весело *кидает зиги*, сочиняет вирши про *дедушку* и думает, что изгнание *чурок* из России решит все социальные проблемы.

Сформировался этот жуткий коктейль в головах русских мальчиков не

вчера. Он стал результатом реформы образования, которая началась в России вместе с развалом Советского Союза. Сейчас эта реформа вступает в финальную стадию, которая призвана отнять у граждан России даже теоретический шанс бесплатно получить в школе образование, которое давало бы возможность поступить в вуз.

Новые инициативы власти, часть из которых уже получила законодательное оформление, а другая находится в процессе «общественного обсуждения», должны привести к *возвращению России в состояние общества двух культур, с практически непреодолимой пропастью между наследственной элитой и народом*. Уделом последнего будет «синий воротничок» и воспроизводство «национальных ценностей» в том виде, как их преподносит официальная пропаганда¹.

Другого варианта развития событий нет, если реформа будет завершена. Потому что, к примеру, проект образовательного стандарта предполагает, что в старшей школе не будет обязательных бесплатных предметов,

¹ Так, например, Д.А. Медведев сформулировал «русскую традицию и русский характер» как «терпимость, отзывчивость, умение уживаться вместе с соседями, строить совместное государство, уверенность в себе» (Медведев Д.А. Выступление на встрече с руководством Федерального собрания // <http://www.kremlin.ru/transcripts/10087>)

кроме физкультуры, основ безопасности жизнедеятельности (ОБЖ) и новой дисциплины «Россия в мире», призванной воспитывать патриотизм². А физику, химию, биологию можно заменить ознакомительным курсом «естествознание». К этому стандарту и другим подробностям светлого будущего мы ещё вернёмся, а пока вспомним, как страна, когда-то создавшая лучшую в мире систему общедоступного образования, подошла к деградации, сравнимой с заменой трактора на соху.

Единственной идеологией³ нового российского государства в 90-е гг. стал агрессивный и бескомпромиссный антисоветизм. Пока радикальный, по ельцинским временам, проект реформы образования («проект Асмолова») буксовал на законодательном уровне из-за общественных протестов, в школьных программах допускались любые эксперименты, ограничивавшиеся только рамками, которые задавались не столько вертикалью власти, сколько внутренней цензурой авторов стандартов, программ, учебников и самих учителей. Из предметов гуманитарного цикла пропал марксизм. И бог бы с ним, но исчезли не только упоминания об экономических и социальных противоречиях, но и то, на чем базировалось *духовно-нравственное воспитание человека и гражданина*, о котором постоянно ведут речь авторы современных образовательных стандартов⁴. Но может ли, в самом деле, гражданин воспитываться на отрицании? Из литературы тихо исчезли герои Максима Горького и Николая Островского, пятнадцатилетний капитан сдал свои

позиции Рэмбо и Брюсу Ли, которые, в свою очередь, капитулировали перед Нео и Ларой Крофт. С начала 90-х и по сей день ни учебники, ни официальный российский масскульт не предлагают молодым умам образцов для подражания. Поэтому ролевые модели находятся сами.

Откуда в стране, победившей фашизм, как герои всплыли предатели и коллаборационисты, откуда в глазах потомка донских казаков тоска по фюреру? Мы не будем здесь искать первого, кто крикнул «Heil Gitler!» в постсоветской России. Но одной из причин такого чудовищного замещения в исторической памяти является демонтаж советской системы образования, который в «лихие 90-е» проходил достаточно медленно, в основном экономическими методами и через содержание учебных пособий. Уровень зарплат вымывал квалифицированные кадры младше пенсионного возраста из школ и, в меньшей степени, вузов; а профанация экспертизы позволяла авторам учебников вставлять свои любимые сюжеты, тексты и задачи, не заботясь о том, поймут ли их ученики. Одного этого, как видно, вполне хватило, чтобы социально-активная, неравнодушная и неконформная молодёжь увлечённо цитировала русскоязычные агитки Третьего рейха. Но это только начало, потому что процесс реформ набрал крейсерскую скорость только в «нулевых» и лишь к 2010-му добрался до школ. Объекты главных реформ ещё учатся в начальной школе.

* * *

В части вузов лейтмотивом реформы сейчас служит т.н. Болонский процесс, к которому Россия присоединилась в 2003 г. Со ссылкой на него потом и стали проводиться все преобразования, необходимые якобы для интеграции российского интеллектуального потенциала в Европу. Для начала авторы реформы принялись за ликвидацию наследия СССР — пятилетнего обуче-

² Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) общего образования. Среднее (полное) общее образование. Проект / Рук. разработки проекта: Л.П. Кезина, А.М. Кондаков. М., 2010. С. 56 // <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=4100>

³ Если не считать таковой «демократию».

⁴ ФГОС общего образования. Среднее (полное) образование. С. 48, 52.

ния в вузах и замены одного системой из двух ступеней: бакалавриат (4 года) и магистратура (2 года).

Документы Болонского процесса были подписаны В.В. Путиным в ноябре 2003 г., но принципиальное соглашение было достигнуто несколько раньше, на конференции министров высшего образования в Берлине (сентябрь 2003 г.). Присоединение к Болонскому процессу предполагает взаимное признание квалификаций и унификацию степеней, но не отменяет в обязательном порядке *национальную* систему образования. Более того, основным документ Болонского процесса, Лиссабонская «Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе» 11.04.1997 г., даёт право на её частичное подписание⁵, чем и воспользовались Великобритания, Германия, Франция, Испания. Так, например, Германия отстояла существование у себя, в отличие от большинства европейских стран, двух научных степеней — кандидата и доктора наук (в проекте российского закона «Об образовании в РФ» от 2010 г. упоминание о докторантуре уже отсутствует). Вне Болонской системы остаётся большинство платных элитных вузов ЕС, например, Оксфорд, Кембридж, Парижская политехническая школа.

И только Россия принялась за ломку своей высшей школы, хотя могла бы вступить в Болонский процесс практически без реформирования высшего образования. Ведь ранее, окончив

среднюю школу, молодой человек поступал в техникум на 3 года, после чего имел право перевода на 3-й курс профильного вуза. Студент техникума при этом получал не только общие гуманитарные или технические знания, но и конкретную профессию. Более того, до недавнего времени существовало понятие «неполное высшее образование» (3 года вуза), имевшее официальный статус и признававшееся работодателями. Почему же нельзя было приравнять наше неполное высшее к бакалавру? А специалиста к магистру? Все эти возможности предусмотрены Болонским процессом. И в 2010 г. авторы реформы вдруг вспомнили о том, что не обязательно отменять 5-летнее высшее образование и вводить «европейскую» систему оценок. Но перед этим шесть лет министерство и вузы занимали своё время подготовкой нормативно-правовых актов, программ, учебных пособий и миллионов страниц иной документации для перехода на жёсткую систему бакалавриат–магистратура.

Так почему же надо было делать кальку с европейских (и то не везде существующих) степеней? Расхожий ответ — наши специальности в дипломах непонятны европейским университетам и работодателям. Но специальности выпускников МФТИ, МГУ или Бауманского университета европейский работодатель всегда отлично разбирает — тому множество примеров работающих на Западе наших выпускников.

К 2010 г. европейские инициаторы реформы планировали создать «единое европейское пространство высшего образования». Но пока что унификация не приносит ожидаемых плодов, обучение в других странах не стало намного доступнее даже для жителей ЕС, а вот качество заметно снизилось, и студенты стали ощущать себя покупателями в супермаркете, а не учениками и соучастниками создания нового знания. Единая система доступного образования 3-й ступени (т.е. высшего) дей-

⁵ «Любое государство, Святейший престол или Европейское сообщество могут в момент подписания или сдачи на хранение своей ратификационной грамоты, документа о принятии, одобрении или присоединении, заявить, что оно сохраняет за собой право не применять целиком или частично одну или несколько из следующих статей настоящей Конвенции» (Ст. XI.7) // *Касевич В.Б., Светлов Р.В., Петров А.В., Цыб А.В.* Болонский процесс. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 58.

ствительно необходима Европейскому союзу, более того, без неё ЕС будет неконкурентоспособен по сравнению с главными игроками мировой экономики и политики — США и Китаем (качественного массового высшего образования в Европе никогда не было). Но в существующем виде она пока не работает. Более того, экономический кризис, начавшийся в 2008 г., привёл к заметному снижению и доступности, и качества образования, что вызвало миллионные студенческие и преподавательские протесты практически во всех странах ЕС. Скорее всего, грандиозный европейский проект будет отложен на неопределённое время.

Но проблема даже не в самой Болонской системе. Россия, с её массовым высшим образованием, имела возможность вступить в эту систему практически без изменений образовательных традиций, но добровольно отказалась от этого.

Многие сейчас называют Советский Союз самой научной цивилизацией мира. И здесь есть рациональное зерно, как видно хотя бы из отчётов ЦРУ о развитии науки и образования 1950-х гг.⁶ Сколько существует стратифицированное общество, столько на всех континентах бытуют две культуры — элитарная («высокая») и массовая («низкая»). СССР представлял собой первое и по сути единственное в XX в. общество, где высокая культура стала культурой масс. Этот феномен непосредственно связан с всеобщей системой образования, а точнее *просвещения*, и идеологией последовательной общедоступности любого образовательного уровня и направления. Такая система давала возможность

вертикальной мобильности, играя роль социального лифта. И только в начале XXI в. власть отважилась начать демонтаж советской социальной сферы и просвещения как её части.

В конце сентября 2003 г. научно-педагогическая общественность была извещена об этом на заседании Совета по педагогическому образованию. Тогда основные планы, в изложении министра В.М. Филиппова, выглядели следующим образом (курсивом указана степень реализации к концу 2010 г.):

1) для эффективной подготовки учащихся к вузу в старшей школе в обязательном порядке вводится профильное обучение (т.е. по направлениям — гуманитарному, физико-математическому и т.д.), а в 9-х классах — предпрофильное (предполагалось ввести с сентября 2005 г.). В старшей школе предполагается около 10 «профилей»-направлений; в каждом из них около 30% учебного времени будет отводиться узкоспециальным курсам по выбору учащегося (т.н. элективные курсы). Содержание курсов должно было быть подготовлено к сентябрю 2006 г. — *приостановлено в связи с задержкой принятия новых стандартов общего образования, опубликованных в конце 2010 г., но ещё не утверждённых (см. ниже)*;

2) разрабатываются новые стандарты общего образования, учитывающие особенности профильной школы (должны были быть введены с сентября 2006 г., см. п. 1);

3) система высшего образования должна быть приведена в соответствие с «многоуровневой системой» Европы, описанной в документах Болонского процесса — *осуществлено в минимальном количестве вузов; новый проект закона «Об образовании» сохраняет 5-летнюю систему подготовки специалиста, наряду с двухуровневой*;

4) должно быть разработано единое приложение к диплому, т.к. общие дисциплины, изучаемые в вузах Европы, будут одинаковыми — *не осуществлено ни в странах ЕС, ни в РФ*;

⁶ См., напр.: Goals and Attainments of Education in the USSR // Provisional Intelligence Report. CIA/RR PR-16. 24 April 1952; Long-Range Capabilities of the Soviet Union in Major Scientific Fields 1957-67. Monograph I. Summary Estimate // Scientific Intelligence Report. CIA/SI 2-59. 23 January 1959. P. 1-9.

5) вузы, не принявшие требования Болонской конвенции, лишаются государственного финансирования — *не реализовано в связи с тем, что большинство вузов с задачей не справились*;

6) в послевузовском образовании кандидаты приравниваются по статусу к магистрам, а доктора (наши) будут приравнены к европейским докторам наук (PhD) — *по проекту закона «Об образовании» докторантура выведена из системы образования и подготовки научно-педагогических кадров*;

7) форсировать внедрение ЕГЭ как единого критерия для поступления в вуз: полностью — 2005/2006 — *ЕГЭ введён как обязательная форма итоговой аттестации выпускников школ в 2009 г.*

Для реализации этой программы уже в средней школе планировалось создать модульные курсы, ввести «кредитную систему» с набором баллов за элективные курсы. Профильные дисциплины в старшей школе, по примеру европейской системы, собирались преподавать за счёт «непрофильных», которые можно частично усвоить «по выбору». То есть предполагалось заменить систематизированные предметные линии мозаичным набором модулей. На осуществление этих планов были выделены немалые средства, согласно «Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 гг.»⁷.

Перестройка на западный манер есть попытка замены научно-фундаментального подхода к образованию «компетентностным» (или «профильным») — для школы и вузов. В этом случае вместо системного представления о мире молодой специалист с высшим образованием получит набор узкопрофильных знаний, которые дадут ему возможность ориентироваться в *существующем* пространстве своей

профессии, но *не изменить* это пространство.

Именно так и видит цель реформы министр А.А. Фурсенко, который не раз обозначал, что главное — взрастить потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими⁸.

Поэтому предполагается, что в основном государственное финансирование будет идти на программы бакалавриата, и бакалавры на рынке труда должны составить от 70 до 80% всех выпускников. Определять, кто останется в магистратуре, будут по результатам конкурса. Согласно кулуарным разговорам в вузах, прошедших по конкурсу будет не более 10% от выпуска бакалавров. Для остальных магистратура будет платной.

Такое соотношение между количеством бакалавров и магистрантов, с урезанием базовых учебных планов, оттеснением кафедры и научного руководства в магистратуру, неизбежно ведёт к резкому сокращению профессорско-преподавательского состава. За этим логически следует развал большинства российских научных школ. Наиболее квалифицированные и научно активные преподаватели поспешат покинуть страну, воспользовавшись «академической мобильностью». После введения новой системы оплаты труда в бюджетных организациях, одобренной остальными нововведениями, можно с уверенностью сказать, что новая волна «утечки мозгов» не заставит себя ждать.

Впрочем, российские власти к этому готовы. Как заявил однажды Михаил Ковальчук, директор Российского научного центра «Курчатовский институт», благодаря отъезду ученых за рубеж не только «российская наука бесплатно интегрировалась в западную», но и «многие западные институты переориентировались на россий-

⁷ См. официальный сайт программы <http://www.fcpro.ru/>

⁸ См., напр.: Литературная газета, № 32 (6132), 8.08.2007.

скую «идеологию»». Попытаться вернуть российских ученых из-за границы не нужно: «Пусть они сидят там и цементируют нашу связь с мировой наукой. Они являются нашими резидентами»⁹. Взамен в инновационный центр «Сколково» планируется приглашать учёных из-за рубежа и обеспечивать им «такие условия для работы и жизни, которые будут не хуже, чем условия, которые иностранные специалисты имеют в других местах земного шара» (В.Ф. Вексельберг)¹⁰.

Социально-исторический закон гласит, что первая задача новой элиты общества, каким бы ни был социальный строй, — самосохранение и передача власти внутри страты. Современная элита практически не нуждается в реальной легитимации обществом, ибо верует во всеисильность манипуляций с электоратом. Опасность она видит в сохранившейся формально возможности высокой вертикальной мобильности и ротации кадров. После реформы таких опасений будет гораздо меньше.

Болонский процесс в РФ с самого начала не имел иных задач, кроме: 1) переориентации образования в целом с системного на мозаичное, получив которое, человек не будет способен делать самостоятельный анализ того, что творится вокруг; 2) установления практически непреодолимого образовательного барьера между элитой и массой и, таким образом, создания комфортных условий для самовоспроизводства высшей бюрократии.

Но изменения, произошедшие с момента присоединения России к Болонскому процессу, показывают, что и эти задачи осуществляются весьма странным образом.

24 октября 2007 г. был подписан закон о введении двухуровневой в высшей

школе (№ 32-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)»). Согласно этому документу, 31 августа 2009 г. должен был закончиться последний приём в вузы на специалитет, и Россия переходит на систему бакалавриат-магистратура. Этим планам не суждено было сбыться: сначала был утверждён перечень специальностей, по которым сохранялся 5-летний срок обучения¹¹, стандарты бакалавриата до сих пор приняты только частично, а в проекте закона «Об образовании» специалитет возвратился в основную схему высшего образования (п. 3 ст. 112). Специалитет сохраняют специальности лечебные, судебной экспертизы, военные, правоохранительной деятельности МВД, геодезии, ряд специальностей в искусстве, информационной безопасности (при подготовке в ФСБ). Этот перечень, кстати, показывает, что российские власти опасаются введения двухуровневой системы в жизненно важных для них отраслях.

Новые стандарты высшего образования, в отличие от прежних, совершенно не касаются содержательной, предметной стороны обучения. Стандарты написаны в русле компетентностного подхода, согласно которому определяется не содержательное наполнение, а умения и навыки, которые демонстрирует выпускник.

В реализации этого проекта есть одна проблема. Преподаватели вузов, которые занимаются по указанию свыше разработкой программ, не понимают, зачем это нужно. Более того, до издания руководством вузов распоряжений разработать программы и систему оценок, по российской традиции, ко вчерашнему утру, эти преподаватели

⁹ Коммерсант-Власть. № 25 (828). 29.06. 2009.

¹⁰ Анисимов С. «Сколково» на старте // Голос России. 18.12.2010 // <http://rus.ruvr.ru/2010/12/18/37126410.html>

¹¹ Вузы РФ более чем по ста специальностям сохраняют пятилетний срок обучения // РИА Новости // <http://www.rian.ru/society/20090407/167424407.html>.

отказывались верить, что реформа доберётся до их родного вуза. Поэтому документы составляются в спешке и в учебном процессе существуют только на бумаге. Но в законодательство вносятся новые изменения, и скоро придёт время, когда старую программу уже нельзя будет втиснуть в прокрустово ложе сокращённых аудиторных часов и внеаудиторных занятий, не предполагающих проверки преподавателем. Поэтому реально работающие новые программы будут создаваться не одним поколением преподавателей, путём проб и ошибок, и с десятков выпусков можно заранее вычеркнуть: специалистами в своей области студентам ближайших лет стать не суждено.

Но это не единственная новация. Ещё в самом начале радикальной реформы, которую сейчас часто и обоснованно называют «революцией сверху», А.А. Фурсенко говорил, что сейчас в России слишком много вузов (в СССР было всего 600, в РФ на 2005 г. — 3 тыс. вместе с филиалами)¹², а качество образования в них падает. Из этого, по мнению министра, следовало, что, во-первых, число вузов надо сокращать, а во-вторых, выстраивать иерархическую структуру, разделив их на три группы: «В первую должны войти 10–20 общероссийских университетов. Это вузы в каком-то смысле бренды. Они составляют костяк системы высшей школы. Следующая ступень — это 100–150 системообразующих, мощных университетов, которые близки к первой лиге. Третья группа университетов призвана решать важную социальную функцию, готовя квалифицированных специалистов для экономики, при этом позволяя людям изменить свой статус». Сторонники сокращения вузов также часто указывают, что даже в США их около тысячи, а число

ведущих научно-исследовательских университетов не превышает 100–150. В 2010 г. Фурсенко вновь говорит, что «в полной мере соответствуют современному образовательному процессу порядка 100–150 вузов». Причём критерий соответствия таков: «Сегодня в конкурсах, которые связаны с взаимодействием высшей школы и реальным сектором экономики, с развитием инновационной структуры, с привлечением к образованию ведущих ученых, с получением научных грантов, участвует не более трети российских вузов, побеждает ещё меньше»¹³. То есть уровень образования, которое реально даёт вуз, руководство Минобрнауки не интересуется. Современность университета исчисляется количеством полученных грантов и освоенных денег.

Официальная статистика даёт немного иные данные. Всего в России с населением 140 млн. на 2009–2010 гг. (новейшие доступные данные) числится 1114 вузов, из них только 662 государственных¹⁴. Для сравнения: по данным ЮНЕСКО, в США с населением 307 млн. на 2010 г. — 5758 университетов¹⁵. Чуть более тысячи вузов — не так много для преемника государства, занимавшего в 1990 г. 26-е место в мире по индексу развития человеческого потенциала (индекс 0,920) благодаря высокому уровню образования¹⁶. При

¹³ Фурсенко отметил несовременность вузов, а Сергей Иванов предложил сократить их количество // Полит.Ру. 31.08.2010 // <http://www.polit.ru/news/2010/08/31/fursenk.html>

¹⁴ Образовательные учреждения высшего профессионального образования // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.html

¹⁵ Countries with Most Universities // Rankings, Records, Countries of the World // <http://www.aneki.com/universities.html>

¹⁶ Human Development Report 1990. NY, Oxford, 1990. P. 129, 155. США занимали 19-е место с индексом 0,961 при том, что ВВП на душу населения в СССР составлял \$6000, в

¹² Количество вузов в России больше чем в бывшем СССР // РИА Новости. 11.02.2005 // <http://www.rian.ru/society/20050211/26015957.html>

этом на платной основе в государственных вузах обучается 12,2% студентов¹⁷.

Широко известно, какой уровень образования дают негосударственные вузы; также нет секрета, от чего зависит успеваемость студентов-платников в государственных учебных заведениях.

Если реформа была нацелена на изменение ситуации в этой сфере, основное внимание уделялось бы контролю уровня знаний выпускников, раз уж в нашей стране есть такой механизм, как государственная аккредитация. Но вместо этого Минобрнауки принимает совсем другие меры.

Сокращение бюджетных мест в вузах, которое планомерно происходит с 2004 г., ежегодно составляет около 10% (общей статистики в открытом доступе нет) и объясняется официальными лицами «демографической ямой»¹⁸. Сокращение было приостановлено только в 2008/2009 учебном году в связи с кризисом и опасениями, что безработная и неприкаянная молодёжь станет социально-опасной. Но в 2010 г. процесс начался вновь и законодательно утверждается в проекте закона «Об образовании в РФ», где количество бесплатных мест в вузах ставится в зависимость не от численности населения в целом, как раньше, а от количества лиц 17–30 лет на каждые 10 тыс.¹⁹.

Планируется и сокращение профессорско-преподавательского состава. Во-первых, вследствие Болонского процесса, который предполагает увеличение самостоятельной работы студентов. Правда, на Западе профессор проводит гораздо меньше аудиторных занятий и больше оплаченных его жалованием консультаций, но наше министерство убеждено, что количество рабочих аудиторных часов преподавателей должно в ходе реформы не только сохраняться, но и увеличиваться. Проведению этой мысли в жизнь способствует введение с 1 декабря 2008 г. новой системы оплаты труда (НСОТ) взамен тарифной сетки и постепенный переход на нормативно-подушевое финансирование в вузах (по количеству студентов). Возможность самостоятельного распределения части государственных средств руководством вуза совместно с профсоюзом, которую подразумевает НСОТ, вместе с уменьшающимся количеством этих средств приводит к установлению во многих вузах максимально возможной нормы — 900 часов в год — как обязательного минимума.

сти. Образование. 25.07.2010 // http://www.russian.ru/edu_news/20100725/258262060.html

США — \$17 615. Расходы на образование в СССР в 1986 г. составляли 5,2% ВВП, в США — 5,3%. Обе страны относились к категории государств с высоким развитием человеческого потенциала. В 2008 г. США занимали 12-е место с индексом 0,951; РФ находилась на 67-м месте с индексом 0,802, при этом её опережали такие страны б. СССР и социалистического блока, как Беларусь (64), Румыния (60), Болгария (53), Куба (51), Хорватия (47), Латвия (45), Эстония (44), Литва (43), Словакия (42), Польша (37), Венгрия (36), Чехия (32), Словения (27) (Human Development Report 2007–2008. NY, 2008. P. 229–230). В 2005 г. США тратили на образование 5,9% ВВП, Беларусь — 6%, РФ — 3,6% (Там же. P. 266), причём большая часть этих денег была потрачена на реформу.

¹⁷ Распределение обучающихся в высших учебных заведениях по источникам финансирования обучения // Статистика российского образования // http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=v_3&group=okr1001&ttype=0&Field=A2&Field=A4&Field=A6&Field=A8

¹⁸ Бюджетные места в вузах сокращены из-за демографической ситуации // РИА Ново-

сти. Образование. 25.07.2010 // http://www.russian.ru/edu_news/20100725/258262060.html

¹⁹ «За счет средств федерального бюджета финансируется обучение в федеральных государственных образовательных учреждениях высшего образования не менее чем 9% человек на каждые десять тысяч человек в возрасте от 17 до 30 лет, проживающих в Российской Федерации» (п. 1 ст. 79)

Увеличение нормы соотношения преподаватель/студент до 1:10²⁰ в условиях новой системы оплаты труда, сохранения лекционно-семинарской формы работы как основной и увеличения максимума рабочих часов в год до 900 уже приводят к одному: многие преподаватели, не покинувшие вузы даже в 90-е годы, вынуждены увольняться и искать работу в других сферах или государствах. Собственно, этот процесс уже начался после перехода на НСОТ. Также способствуют этой тенденции изменения в ряде вузов системы подсчёта рабочих часов, к которым отныне не относится проверка текущих контрольных работ и домашних заданий, не говоря уже о научной работе, которая почему-то числится в отчётах, но заниматься ею преподаватели должны в неоплачиваемое время.

Таким образом, из абсолютного большинства вузов окончательно исчезнут активные в научно-педагогической деятельности, квалифицированные сотрудники среднего возраста, а адекватная молодёжь просто не будет задерживаться после окончания аспирантуры. Это происходит и сейчас, но не в таких масштабах. Поскольку природа не терпит пустоты, это пространство заполнится — и уже начинает заполняться — малообразованными инертными молодыми людьми, которых не берут даже в офис, а также убогими карьеристами с непомерными амбициями и психическими отклонениями. В новой системе почти не осталось места преподавателям, работающим на полставки, и «почасовикам», среди которых немало весьма успешных людей, занимавшихся преподаванием «для души». То есть уже сейчас ярко можно представить себе, кто через несколько лет — при сохранении нынешних тенденций — будет давать новым поколениям россиян высшее образование. Но

не менее колоритны будут, видимо, и студенты.

* * *

С 2009 г. во всех российских школах обязательной формой выпускного экзамена (а для вуза, соответственно, вступительного) является Единый государственный экзамен (ЕГЭ)²¹.

Поскольку для большинства школьников и их родителей школа рассматривается как допуск к институту, то отсутствие взаимосвязи между оценками в школе и результатами ЕГЭ очень настораживает. Уже сейчас раздаются голоса: зачем в школе нужны оценки, если на выпускных экзаменах 100-бальная система? Кстати сказать, голоса эти раздаются из Министерства образования и науки²².

Более того, если среднее образование можно получить, сдав лишь только математику и русский язык, зачем учить в старшей школе столько предметов, тем более если нет экзаменов? Раньше нерадивых школьников (гуманитариев — физикой, технарей — литературой) пугали: мол, не будешь учиться — не сдашь сочинение, химию, не сдашь экзамены — не получишь среднее образование и т.п. Сейчас этот регулятор отсутствует. И мы понимаем тех школьников, которые не будут прилагать абсолютно никаких усилий к овладению ненужным предметом.

В разряд таких ненужных предметов с отменой сочинения попадает литература. Написание сочинения было обязательным в советской школе, его писали регулярно, практически каждые две-три недели. Нужно ли гово-

²¹ Федеральный закон о внесении изменений в закон Российской Федерации «Об образовании» и федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в части проведения ЕГЭ. 9 февраля 2007 г.

²² Глава Рособрнадзора считает, что оценки в школьных аттестатах можно упразднить // <http://www.zvezda.ru/web/news20338.htm>

²⁰ Установлено Письмом федерального агентства по образованию от 20.11.2006 10-55-8985/10-03.

речь, что отмена экзамена автоматически упраздняет сочинение в школе как таковое. А ведь написание собственного небольшого произведения помогает ребенку разобраться в своих мыслях, учит анализировать, размышлять, структурировать факты, искать доказательную базу. Это своеобразное маленькое исследование, именно сочинение на строго заданную тему. Современные школьники уже сейчас с трудом формулируют свои мысли, а тем более могут изложить их на бумаге. А с упразднением экзаменов и заменой их на игру в «крестики-нолики» наши дети вообще разучатся мыслить.

ЕГЭ по замыслу должно быть оторвано от школы, где обучается школьник. Сдают экзамен в чужих школах или учебно-методических центрах, чтобы исключить возможность подсказки. На самом экзамене присутствуют не учителя-предметники, например, на русском языке — физики, на биологии — историки. Казалось бы, все сделано для исключения коррупции на каждом из этапов поступления в вуз. Однако известиями с махинациями во время ЕГЭ кишит весь Интернет. В сети шутят: ЕГЭ — лучший друг кавказского абитуриента. Наблюдаются казусы: приёмные комиссии осаждают выходцы из национальных республик Северного Кавказа с 90 и большими баллами по русскому языку, которые не в состоянии написать заявление о приёме порусски. А по результатам ЕГЭ 2010 г. знатоков русского языка в республике Дагестан оказалось почти в два раза больше, чем в Санкт-Петербурге²³. При этом продолжается практика целевого приёма в ведущие российские вузы выпускников из данных субъектов федерации. Так, для выпускников из Северной Осетии (население 700 тыс.

чел.) в 2010 г. было зарезервировано 23 бюджетных места, для абитуриентов из Дагестана (2737 тыс.) — 80 мест, а из Чечни (1268 тыс.) — 267 (см. приказы Минобрнауки от 21.05.2010 № 458, 454, 459 соответственно). Целевой приём также осуществляется из Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Калмыкии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии.

Вопросы на ЕГЭ зачастую носят некорректный характер, предполагают варибельность ответов или вообще не имеют такового. Например, в 5–10 предложениях предлагается ответить на вопрос, что сближает роман «Капитанская дочка» с другими произведениями отечественной классики, посвященным крупным событиям русской истории. Какими другими? «Словом о полку Игореве», что ли? Какое отношение к знанию литературы имеет вопрос на знание имени-отчества отца Наташи Ростовской?

В СМИ распространено утверждение, что ЕГЭ вторглось в наши пределы с Запада, где поступление в вузы по сданным заранее письменным экзаменам давно вошло в практику. Мол, и оценки объективнее, ибо сдают экзамен не в своей школе, и стресса у детей меньше, и юные жители отдалённых районов севера, к примеру Ирландии, имеют такие же возможности поступить в Кембридж, как дети столичных олигархов. Вот и возьмём для примера одну из лучших систем образования в мире для сравнения с российской. Аналог ЕГЭ в Великобритании — экзамены на A-level (advanced, т.е. продвинутый уровень). Как и в ЕГЭ, каждая оценка A-level детализируется в 100-балльной системе. На этом сходство заканчивается. Как ни странно, на A-level по английскому языку и литературе дети пишут сочинения, а не отвечают на почти полсотни бессмысленных вопросов типа *«Кто указал Гринёву путь в буряне? Укажите фамилию»*. И в целом по сути британский A-level гораздо ближе к старой советской системе вступительных экзаменов, разве

²³ ЕГЭ по русскому языку на 100 баллов в Дагестане сдали 54 человека, в Санкт-Петербурге — 29 (Статистика ЕГЭ // ЕГЭ–2011. Официальный информационный портал ЕГЭ // <http://www1.ege.edu.ru/statistics-ege>).

что полностью письменный и проводится не в вузах, а в специальных центрах дважды в год. Да и с выпускными в школе она практически никак не связана. Хотелось бы обратить внимание, что A-level совершенно не мешает многим британским вузам участвовать в Болонском процессе.

Очевидно, что сама подготовка к этому тестированию заведомо снижает образовательный уровень абитуриента, который за последний год школы теряет способность системно мыслить, развёрнуто и аргументированно излагать свою точку зрения. И ведь это касается всех детей, обучающихся в российских школах. После ЕГЭ в Оксфорд не возьмут, а количество отпрысков нашей политической и бизнес-элиты явно больше пропускных возможностей английских public schools. Да и вряд ли выпускники этих заведений, не зная реалий, смогут управлять Россией, которая по размерам и военному потенциалу пока значительно превышает Иорданию и даже Саудовскую Аравию. То есть эти реформы ставят крест на воспроизводстве российской интеллектуальной элиты и — в итоге — русской высокой культуры.

* * *

А пока российская интеллигенция недоверчиво читала и слушала тех немногих, кто бил тревогу, обвиняя их в алармизме и конспирологии, пока преподаватели, попытавшись поначалу разобраться в реформах и найти в них нечто прогрессивное, отчаялись и занялись тихим саботажем, а школьники и студенты радовались сошедшей на них с небес халяве, Министерство образования и науки разработывало новый этап реформы, который начал подъём на поверхность в 2010 г. Его три составных части:

— Федеральный закон Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием

правового положения государственных (муниципальных) учреждений»;

— проект Закона «Об образовании в РФ»;

— новый Федеральный государственный образовательный стандарт.

Закон 83-ФЗ от 08.05.2010 обеспечивал правовую механизм коммерциализации всей социальной сферы, включая образование, здравоохранение и культуру. Власть фактически снимала с себя социальные обязательства, преобразуя большинство бюджетных учреждений в «автономные организации», финансирование которым будет выделяться регионами и муниципалитетами под определённый госзаказ. Распределять деньги директор школы может по своему усмотрению; главное, чтобы заказ был выполнен. С другой стороны, автономные организации получали возможность заниматься коммерческой деятельностью по своему профилю. Т.е. школа теперь официально могла сделать платными уроки, не включённые в обязательный компонент образовательного стандарта.

Согласно проекту закона «Об образовании в РФ», с 1 января 2013 года будет гарантирована общедоступность и бесплатность: «дошкольного, общего образования, и среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования в пределах федеральных государственных образовательных стандартов и образовательных стандартов, устанавливаемых университетами, в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом» (п. 3 ст. 8). Однако п. 6 ст. 18 гарантировал преемственность содержания только дошкольного и школьного образования. Это значит, что минимальный уровень, достаточный для поступления в вуз, школа отныне обеспечивать не должна. Проект же стандарта для старшей школы не гарантировал иного содержания, кроме достаточного для сдачи двух обязательных ЕГЭ (русский

и математика) на минимальный балл для получения аттестата.

Обязательными для всех в старших классах становились:

— физкультура,

— ОБЖ,

— неведомый ранее предмет «Россия в мире», который восходит к рыхлому и полному фактическим ошибкам, зато образцово-охранительному пособию под ред. А.В. Полякова²⁴,

— «индивидуальный проект», в наших реалиях означающий *скачать из Интернета и повесить на уши учителю*.

Остальные семь предметов обязательные в рамках профиля, который выбирает сам ученик. Итого: в 40% п. 15 входят всего 10 предметов. (Чем наполнить остальные 60%, решают муниципалитет, школа и родители.)

Каково же было удивление авторов реформы, когда в анабиозном январе дышащее на ладан гражданское общество заметило проект Кондакова. За несколько дней под открытым письмом «старушки Лариной» против стандарта было собрано более 22 тысяч подписей²⁵, и даже дуумвират вынужден был успокаивать общественность.

15 февраля была опубликована вторая редакция проекта, отличавшаяся от первой только парой фраз и введением «русской словесности» в список обязательных предметов. Негативные отклики продолжались, разработчики ушли в подполье, тема сошла со страниц прессы. И вот 15 апреля появилась третья редакция, которая заслуживает более пристального внимания.

²⁴ Обществознание: глобальный мир в XXI веке: 11 кл.: Кн. для учителя / Под ред. А.В. Полякова. М.: Просвещение, 2007. Об этом пособии см.: *Галкина Е.С., Колинченко Ю.В.* Общественные науки в старшей школе: о новых подходах к патриотическому воспитанию // Преподавание истории и обществознания в школе. 2007. № 10. С. 19–26.

²⁵ Открытое письмо о принятии нового образовательного стандарта старшей школы // <http://alterfgos.ru/>

Стандарт стал другим. На этот раз авторы, кажется, действительно *учили мнение общества*. Отмена бесплатного среднего образования, судя по тексту, откладывается на неопределённый срок.

Исчез п. 15 первой редакции, который устанавливал обязательную (бесплатную) часть образовательной программы в размере 40% общего объёма и давал директорам школ простор для перевода всех профильных курсов на коммерческую основу, оставив детям племса только физкультуру, ОБЖ, «Россию в мире» (политинформация) и гибриды типа «естествознания». В новом тексте чётко указано, что обязательны и бесплатны 9–10 предметов, из них 3–4 профильных (п. 17, п. 20.3.1). Вместо чудовищных сорока процентов возникли шестьдесят, которые теперь относятся только к содержательному разделу образовательной программы, т.е. учебного плана не касаются. А в «Общих положениях» даже написано, что стандарт направлен на «обеспечение равных возможностей получения качественного среднего (полного) общего образования» (абз. 3 п. 4).

Так что вроде бы можно успокоиться: правящий тандем не обманул, платное образование никто пока не вводит. Разработчики стандарта как бы неправильно понимали политику правительства, побежали впереди паровоза, а теперь раскаялись.

Но вчитываясь в новую редакцию, осознаёшь, что радоваться нечему. Кроме пересмотра п. 15 и чётких гарантий объёма бесплатного образования, содержательно стандарт стал только хуже.

1) Как не было в нём гарантии минимального уровня знаний, достаточного для поступления в вуз, так и нет (отсутствует эта норма и в проекте закона «Об образовании в РФ»).

2) Сохранился принцип трёхуровневой градации содержания курсов, включая «интегрированные курсы» (естествознание, математика и инфор-

матика), задача которых — передача не систематических знаний, а «общих представлений».

3) ОБЖ, физкультура и «Россия в мире» закрепили свой высокий обязательный статус. Усилиями «старушки Лариной» стали обязательными также курсы «Русский язык и литература» и математика на любом из уровней, но...

4) В первом варианте стандарта русский язык и литература были двумя разными предметами. Теперь это один курс. То есть в учебном плане на него будет выделено в 2 раза меньше часов. Хоть на базовый, хоть на профильный.

5) Раньше из каждой предметной области ученик в обязательном порядке должен был выбрать один предмет. Эта норма вызывала возмущение, потому что при 9-предметном ограничении не давала возможности выбрать одновременно, например, физику, химию и биологию. Теперь такой выбор сделать всё так же невозможно, но для выбора только биологии и химии придётся пожертвовать иностранным языком. Со всем. Потому что обязательных предметов теперь семь:

- ОБЖ;
- физкультура;
- Россия в мире;
- русский язык и литература;
- математика;

— 1 предмет на выбор из области «Общественные науки», помимо «России в мире»;

— курс по выбору, предлагаемый школой (примеры в стандарте: астрономия, искусство, технология, дизайн, история родного края и др. — зависит от возможностей школы, см. п. 12).

Таким образом, естественные науки и иностранные языки оказались *de facto* на положении факультативных предметов. Наверное потому, что в зимней общественной дискуссии не прозвучало голосов их защитников.

Зато не изменилось количество предметов, не дающих систематических знаний, никак не связанных с возможностью продолжения образо-

вания в высшей школе и, следовательно, не способствующих вертикальной мобильности. Напомню, что сейчас таких дисциплин две (физ-ра и ОБЖ), в начале 1990-х была вообще только физкультура, а по новому стандарту — минимум три, а если прибавить мат-информатику на интегрированном уровне и курс по выбору директора школы, то 5 (пять) из 9.

6) Всё так же фигурирует в стандарте бессмысленный и беспощадный «индивидуальный проект», на который тоже положено выделять бесплатные часы (а ведь их можно было отдать на нормальные уроки физики или иностранного).

7) Продолжают поражать своим нероссийским размахом материально-технические условия реализации стандарта (п. 26). **Школе будет отказано в праве обучать старшеклассников**, если там отсутствуют: бассейны, тир, автогородки, лингафонные кабинеты, медиатека, лекционные аудитории, классические и современные музыкальные инструменты, возможности для создания мультфильмов, школьная типография и телевидение.

Список производит впечатление утопической фантазии. Даже в Москве сейчас большинство школ не обладают такой материальной базой. Но не всё так просто. Уже в этом сентябре **вступают в силу новые СанПиН** для школ²⁶, где досконально прописано и покрытие футбольного поля, и дренаж к беговым дорожкам, и унитазные нормативы (1 унитаз на каждые 20 девочек и 1 на 30 мальчиков), и пропорции столов. Так что либо школам придётся изыскивать огромные средства на ремонт и закупку мебели (тех же парт, регулируемых по росту ученика), либо школу закроют/сошьют с соседней, более платёжеспособной. А так как увеличивать финансирование среднего образования никто не собирается, деньги на спасение будут братья из кармана

²⁶ Российская газета. 16.03.2011.

родителей — благо, 83-ФЗ даёт большой простор для этой деятельности.

Таким образом, изъев наиболее одиозные фразы, коллектив под руководством А.М. Кондакова ни на шаг не отступил от первоначальной идеи заставить родителей старшеклассников платить за роскошь качественного образования.

Но ещё в конце февраля произошло странное, по нынешним временам, событие: президиум Российской академии образования предложил собственный проект стандарта для старшей школы («проект Н.Д. Никандрова») ²⁷. Удивительно, что осмелилась на это государственная структура, причём та, которая является высшей экспертной инстанцией по вопросам образования и методики в нашей стране.

В нём есть несколько больших плюсов, по сравнению с вариантом Кондакова:

— обязательная часть основной образовательной программы, то есть бесплатная и инвариантная для всех школ, составляет примерно 70% общей аудиторной нагрузки (в проекте Кондакова — 60%);

— прописана норма государственного финансирования школы из расчёта 46 часов уроков и внеурочной деятельности в неделю;

— внеурочная деятельность подлежит обязательному бюджетному финансированию;

— отсутствует обязательный мозгопромывочный курс «Россия в мире», исчез индивидуальный проект, десаκραлизовано ОБЖ и даже переименовано в интересное «Экология и ОБЖ»;

— результаты обучения по предметам, в т.ч. на базовом уровне, пред-

полагают получение школьником знаний;

— выбор учеником предметов для изучения на профильном уровне не привязан к образовательным областям (т.е. можно будет выбрать физику, химию и биологию бесплатно и одновременно);

— 13 обязательных предметов, в том числе отдельные курсы русского языка и литературы;

— проект написан понятным языком, не допускающим нескольких толкований, имеет чёткую структуру, определяет основные понятия, которые в нём используются;

— направлен на воспитание творческой личности, стремящейся к личному самосовершенствованию, а не успешного грамотного потребителя.

Если суммировать, получится, что проект РАО по сравнению с вариантом Кондакова вообще представляет собой один большой плюс. Хотя бы тем, что препятствует переводу образования на коммерческие рельсы.

Конечно, это компромиссный вариант с тем же обязательным профильным обучением в старшей школе, но его уже можно брать за основу для дальнейшего обсуждения. Но раз уж Министерство образования и науки поставило задачу непременно принять новый стандарт, сейчас надо поддерживать проект Никандрова.

От РАО не удалось отмахнуться, как от назойливой мухи, и его приняли к рассмотрению. Глава ВШЭ Ярослав Кузьминов даже рекомендовал министру «объединить разработчиков [групп Кондакова и Никандрова] и приступить к завершению работы над стандартом» ²⁸. Трудно представить, как можно объединить кардинально противоположные идеи. Но главное, что общество знает пока только о проекте Кондакова.

²⁷ Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования. Среднее (полное) общее образование. Проект. М.: РАО, 2011 // <http://www.iiorao.ru/iio/pages/standarts/?download=true&&file=F.GOS.pdf>

²⁸ Черных А. Школьному образованию добавили обязательности // Коммерсантъ. № 76 (4617), 29.04.2011.

Альтернатива почему-то практически нигде не упоминается²⁹, кроме выступлений, в которых поддерживают стандарт Кондакова и клянут Никандрова за сохранение отдельных физики, химии и биологии, потому что старшеклассники не могут воспринимать так много информации.

* * *

В государстве, за двадцать лет деградировавшем до полуколонии, для компрадорских властей наука и образование представляют собой опасный балласт. И всё больше интеллектуалов готовы признать интеллигенцию и всё, что её порождает, ненужным и вредным, тем, за что не нужно бороться, потому что якобы у российского общества сейчас иные потребности, нет социального запроса. Они искренне начинают говорить, что «Война и мир» и закон Бойля–Мариотта — излишние знания, утомляющие детей и мешаю-

щие им стать успешными. Но это ошибочное суждение. По той же логике парализованного не следует лечить, нужно отрезать ему ноги, потому что всё равно не двигаются. И особенно странно, когда сам больной поддерживает подобное решение, не догадываясь, что попал не в операционную, а на стол к семейству людоедов.

Но реально Манежная площадь стала лишь поводом к оглашению финальной части давно разработанной реформы. Если последняя состоится, результаты не заставят себя долго ждать и будут вполне прозрачны: создание легко управляемого извне, толерантно-патриотичного общества сертифицированных потребителей и узкопрофильных гамма-специалистов этого нового, дивного мира. А если толерантность, по причине низкого уровня жизни, окажется нестабильной, то *духовно-нравственное воспитание* не должно позволить населению догадаться, что сильная рука государства и футбольный патриотизм в сумме не равняются нации.

---

²⁹ Единственное известное авторам открытое письмо в поддержку — здесь: <http://democrator.ru/problem/4515>

Айгуль Насырова

России нужна русская система образования

Российское государство переживает непростое время. Социально-экономические реформы 90-х годов прошлого столетия, в результате которых произошел распад СССР, настолько глубоко подорвали социальную сферу и экономическую инфраструктуру России, что страна до сих пор не залечила нанесенных ей ран.

Системный анализ сегодняшнего социально-экономического положения Российской Федерации удручает. За последние 20 лет с карты Российской Федерации исчезли 23 тыс. населенных пунктов. При этом, на фоне общего сокращения населения страны с темпом 450–900 тыс. человек в год, — население Москвы, Санкт-Петербурга и некоторых городов-миллионников стремительно растет, что приводит к прогрессирующему загрязнению прилегающих территорий, разрушению экосистем и транспортному коллапсу мегаполисов. По добыче угля постперестроечная Россия достигла уровня 1957 г., по производству грузовых автомобилей — 1937 г., комбайнов и сельскохозяйственных агрегатов — 1933 г., тракторов — 1931-го, вагонов и тканей — 1910-го, обуви — 1900 г. Авиатранспортом в СССР пользовалось почти 100% населения, в современной России только 3%. Средняя продолжительность жизни в Российской Федерации составляет всего 64,8 года (для сравнения: в США — 75 лет, в Китае — 71,3 года). Экспертная комиссия Всемирного банка выставила России по десятибалльной шкале оценку 3,8 — за эффективность государствен-

ного управления, а за исполнение национального законодательства — 1,9. По единодушному мнению компетентных экспертов, такие показатели свойственны только наиболее отсталым странам так называемого «третьего мира»¹.

Несмотря на все усилия государственной пропаганды в СМИ, пытающейся привить гражданам России социальный оптимизм и веру в историческую правильность так называемого «реформаторского выбора 90-х годов», только 17,1% граждан страны считают нынешний социально-экономический строй справедливым, эффективным и подходящим для России на перспективу². Еще более негативным оказывается отношение российских граждан к актуальной власти: более 96% респондентов социологических опросов воспринимают актуальную власть как главный источник хаоса и беззакония в России³.

На фоне этих весьма тревожных тенденций в современной России набирает темпы демографический коллапс: только с 1992 г. по 2002 г. естествен-

¹ <http://www.unian.net/rus/news/news-419624.html> (07.02.2011).

² Бызов А.Г. Основные идеологические течения в массовом сознании современной России // Мониторинг общественного мнения. 2006. № 4 (октябрь–декабрь). С. 148–149.

³ Кутковец Т., Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране // Московские новости. 2002. № 25. С. 9. См. также: Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция. М., 2009. С. 387–389.

ная убыль населения страны составила 7,4 млн. человек⁴. Оптимистические реляции о якобы произошедшем существенном оздоровлении демографической обстановки в стране, которые время от времени произносятся с высоких правительственных трибун, отнюдь не убеждают специалистов в том, что депопуляция, то есть, говоря по-русски, — *вымирание* современного населения России, во всяком случае его славянской части, уже остановлено. Весьма показательно, что сведения последней состоявшейся переписи населения России, несмотря на многократные напоминания общественности и специалистов, до сих пор скрыты в правительственных коридорах и кабинетах. Поразительно долгое и, приходится признать, — абсолютно немотивированное замалчивание фактических результатов такого важнейшего общегосударственного мероприятия, каковым является Всероссийская перепись населения, наводит на мысль о том, что демографическая обстановка в стране по-прежнему критическая.

Актуальность демографической проблемы и тесно связанной с ней проблемы морально-психологического климата в российском обществе выглядит особенно рельефно на фоне поставленных Президентом и правительством России масштабных задач по модернизации отечественного социума и экономики. С острой необходимостью подобной модернизации трудно не согласиться, однако нельзя исключать и того, что модернизационные процессы в стране объективно не состоятся в связи с острым дефицитом социально-демографических и

интеллектуальных ресурсов. По расчетам демографов, только для поддержания неизменной численности трудоспособного населения России нужен ежегодный положительный демографический прирост от 690 тысяч до 1,4 млн. человек. Для обеспечения устойчивого роста населения страны на весьма невысокий процент — 0,5% в год — демографический прирост должен составлять (в зависимости от складывающейся демографической динамики) от 1,5 до 2,4 млн. человек ежегодно⁵.

* * *

Отсутствие демографического резерва для реализации модернизационных программ, к сожалению, дополняется прогрессирующим, если не сказать — обвальным падением уровня образованности общества, а также качества образования. Осознание этого факта, давно уже ставшего причиной многочисленных алармистских заявлений и статей специалистов, ныне становится уже достаточно общей темой в выступлениях представителей вертикали власти.

Так, например, председатель Счетной палаты Российской Федерации Сергей Степашин в недавнем интервью журналу «Россия. Третье тысячелетие» призвал общество принять срочные меры по возрождению национальной русской культуры и качества образования. Известный политик специально подчеркнул значение культурного развития общества для инновационной экономики. «Между мальчиком, не знающим Пушкина, и неспособным взлететь истребителем — существует прямая связь. Парадокс нашего общества в том, что без Достоевского и Пушкина, Чайковского и Скрябина, Репина и Врубеля инновационную эко-

⁴ Демографические сведения позаимствованы: Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2005. С. 341, 345, 363; Русский крест: Политический журнал. 2004. № 13. С. 51; Политический анализ должен вытекать из анализа демографического // Политический класс. 2005. С. 49.

⁵ Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека ИМП РАН. 2001. № 54 (июнь).

номику не построить», — подчеркнул председатель Счетной палаты⁶.

Член Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей Елена Афанасьева прямо связывает развал современной системы образования в России с отсутствием в этой системе патриотизма как основополагающего и важнейшего элемента. «Министерство образования, — утверждает депутат, — упускает ту суть, которая связана с нашими русскими традициями и историческими корнями: в школах надо не просто преподавать тот или иной предмет, а воспитать настоящего человека, и этого можно добиться, если приучать учителя к мысли о том, что он — не только педагог, но еще и воспитатель будущих поколений нации».

«Каждый преподаватель должен иметь чувство патриотизма», — отметила Елена Афанасьева. Парламентарий рассказала далее корреспонденту агентства «Новости Федерации», что в ее школьные годы специально подчеркивалось, например, на уроке математики, что «ту или иную формулу вывел наш русский ученый, и такие упоминания выполняли важную воспитательную функцию»⁷.

Заместитель председателя Комитета Госдумы по образованию Виктор Шудегов убежден, что произошедший обвал в системе образования России стал «результатом необдуманного копирования западной системы образования»⁸.

Многие депутаты, характеризуя состояние отечественной системы образования, выражаются гораздо более жестко.

Например, заместитель Председателя Комитета Госдумы по образова-

нию от КПРФ Олег Смолин считает, что «политика, проводимая в России в отношении культуры и образования, — это политика одурачивания нации»⁹. А председатель Комитета Совета Федерации по науке и образованию, представитель в СФ от правительства Кабардино-Балкарской Республики Хусейн Чеченов специально подчеркивает, что «в том, что происходит ныне с русской культурой и образованием, виноваты все, кто занимается культурным просвещением и составлением образовательных программ в России»¹⁰.

В рамках концептуальной статьи вряд ли имеет смысл обсуждать конкретные детали и частные положения тех или иных образовательных программ, о которых упомянул Хусейн Чеченов. Достаточно будет сказать, что все концептуальные, организационные и методические новации в сфере школьного, специального среднего технического и высшего образования в России с начала 90-х годов прошлого столетия и вплоть до сегодняшнего дня развивались в трех векторах: вестернизации, либерализации и коммерциализации образования. Результат реализованных новин по данным векторам сегодня вполне очевиден: вестернизация обернулась слепым и социально опасным идолопоклонством перед Западом, приведшим в социальной сфере к реализации «де-факто» наиболее человеконенавистнического из всех принципов: «человек человеку — волк». Либерализация свела на нет какую-либо ответственность компетентных в области образования государственных структур за методично проводимую ими, по верному определению депутата Смолина, «политику одурачивания нации». А коммерциализация фактически по-

⁶ <http://www.regions.ru/news/2140974/> (04.05.2008).

⁷ <http://www.regions.ru/news/2148092/> (09.06.2008).

⁸ <http://www.regions.ru/news/2148091/> (09.06.2008).

⁹ <http://www.regions.ru/news/2148093/> (09.06.2008).

¹⁰ <http://www.regions.ru/news/2341328/> (22.02.2011).

кончила с образованием как таковым: зачем тратить на учебу физические и духовные силы, если диплом можно банально купить, оплатив по сходной цене соответствующий курс в пригласившемся вузе? Коммерциализация в равной степени развратила студентов и преподавателей: первых — возможностью за деньги приобрести не обеспеченный никакими личными умениями и знаниями новый социальный статус, а вторых — возможностью получить деньги за не обеспеченный никакими результатами, фактически профанирующий подлинную педагогику «образовательный процесс».

Важно отметить, что все эти негативные реалии не возникли случайно, а явились закономерным итогом последовательно проводимой актуальным Российским государством политики в сфере образования.

На практике эта политика свелась к созданию условий для комфортной системы углубленного приобщения к знаниям — для обеспеченной части общества (не более 10% социума). При этом для остальных 90% социума образовательный процесс методично профанируется и сводится к популярной в США в 50-х годах прошлого столетия «системе начального образования в индейской резервации».

Поразительно, что Правительство Российской Федерации даже не считает нужным скрывать факт целенаправленного разделения российского общества на «просвещенных» и «обращенных» именно по финансово-имущественному признаку.

Так, например, открыто провозглашается, что ведущей идеей создания «благоприятных условий для развития “человеческого капитала”... в рамках реформирования отраслей социальной сферы» с начала 2000-х годов является «внедрение механизмов финансирования соответственно объему и качеству оказываемых услуг с существенным ограничением объемов бюджетного финансирования государственных уч-

реждений по смете (Курсив мой. — А.Н.)»¹¹.

Логичными шагами по внедрению образовательного уровня «индейской резервации» на земле России стали меры, предпринятые Правительством Российской Федерации в начале 2000-х гг.: ликвидация льгот для сельских учителей, так называемая «реструктуризация» (на деле — ликвидация) малокомплектных сельских школ, отмена льгот студентам, бесплатного питания и обмундирования, а также среднего образования в ПТУ. Все эти меры свидетельствуют о единой тенденции: максимально быстро и максимально глубоко подорвать основы подлинно общенационального (то есть доступного всем членам социума) образования, доставшегося современной Российской Федерации в наследство от СССР. Этой же цели служит подписанный Д.А. Медведевым закон об изменении статуса учреждений бюджетной сферы¹².

Политика целенаправленного разделения населения страны на *олигархию* (с весьма узким кругом обслуживающей части социума) и *охлос* (чернь) закономерно проявляется во все более усиливающихся авторитарных тенденциях — при сохранении в целом неизменного интернационалистского и либералистского курса. Так, например, государство стало абсолютно преобладать в определении структуры и содержания образования, декларативно

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 августа 2003 г. № 163-р. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003–2005 гг.) // http://www.rg.ru/oficial/doc/raspor_rf/1163-03.shtm (27.09.04).

¹² Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (принят ГД ФС РФ 23.04.2010).

и централизованно разрабатываются и внедряются образовательные стандарты для средней и высшей школы, практически ликвидирован региональный компонент обязательных школьных программ, Минобрнауки многократно усилены меры по отбору «единственно правильных» (на деле — интеллектуально серых, а идеологически совершенно аморфных) учебников истории и обществознания. Фактически ликвидирована практика парламентских слушаний и общественных обсуждений актуальных проблем образования. В прессе и в Интернете (на сайте парламента) невозможно найти информацию об обсуждении актуальнейших проблем реформирования системы образования на пленарных заседаниях «де-факто однопартийной» Думы, в профильном Комитете ГД или на коллегии Минобрнауки.

Курс на авторитарный либерализм в системе образования России выглядит особенно разрушительным в свете очевидного факта: Президент и «партия власти» не могут (или не хотят) инициировать создание такой программы развития образования, которая бы поддерживалась абсолютным большинством российского социума (т.е. народом). Задача реализовать стратегическую парадигму «элитно-обреченные» в системе актуального образования России, остающегося пока еще в значительной степени общенародным, приводит к появлению откровенно курьезных «образовательных» инициатив.

Кроме как досадным курьезом трудно назвать, например, правительственный проект «Наша новая школа» — очередная бессистемная сумма случайных мероприятий и бюджетно ничем не подкрепленных деклараций: новая архитектура школьных зданий (где? в какие сроки? на какие средства они будут построены?), увеличение количества уроков физкультуры (где взять соответствующую инфраструктуру, учителей?), поддержка талантливой

молодежи (какие критерии отбора? где средства?), повышение квалификации учителей через слияние педагогических вузов с университетами (кто и почему решил, что квалификация учителей в этом случае действительно повысится? где средства?).

Помпезно названный «национальной образовательной инициативой», этот весьма сырой и нереалистичный проект, вероятно, с подачи «эффективного менеджера от образования» А.А. Фурсенко выдвинут лично Президентом РФ Д.А. Медведевым в ежегодном Послании Федеральному собранию в ноябре 2009 г. и им же утвержден 21 января 2010 г.¹³

Как справедливо отмечается компетентными специалистами, «переходный период для России (как предполагалось в 1990-е годы: от авторитаризма к демократии) завершился возвращением к авторитаризму же»¹⁴. Отличие нынешнего — либералистского — авторитаризма от советского заключается в его подчеркнуто олигархическом (и, откровенно говоря, — антинациональном) характере: централизованно-командными методами решительно и безапелляционно проводится курс на тотальный слом общенациональной (т.е. в интересах всего народа) системы образования. Взамен этого — столь же жестко — внедряются конкурентно-рыночные («де-факто» олигархические) механизмы возможностей для получения образования, при которых

¹³ См.: Доклад А.А. Фурсенко // Стенографический отчет о заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 19 января 2010 г. // Официальный сайт Президента России www.kremlin.ru/transcripts/6661 (21.01.2010).

¹⁴ Ахтамзян Н.А. Зависимость образовательной политики России от характера политической системы // Духовно-нравственная культура и патриотизм. Ломоносовские чтения—2010: Сб. докладов научной конференции МГУ. М., 2011. С. 161.

социальные лифты в плане реализации образовательного роста для 90% народа будут последовательно деградировать, а уже в среднесрочной перспективе попросту отомрут.

Каков же итог образовательных новин в России в стиле «a-la Фурсенко»?

Этот итог печален, чтобы не сказать — катастрофичен.

Показателен факт из международной, но чрезвычайно близкой к России практики: фактически полное свертывание всех государственных программ Монголии по обеспечению обучения монгольских студентов в вузах России. Не секрет, что многие десятилетия монгольские студенты обучались преимущественно в нашей стране, предпочитая российское (тогда еще — советское) образование и национальному, и западному. Сегодня Монголия резко сократила размер государственного гранта на образование в том случае, если конкретный монгольский студент выедет из страны для обучения в российском вузе. Монгольские государственные мужи справедливо полагают: при платном обучении монгольского студента в России в итоге не будет ни специалиста, ни денег. И это Монголия — искони дружественная России страна, вся система школьного, среднетехнического и высшего образования которой скроена по лекалам, вывезенным из Советского Союза! Что же можно сказать о престиже современной отечественной системы образования в других странах?!

* * *

Возникает закономерный вопрос: если былая система образования, оставшаяся в наследство от Советского Союза, ныне безусловно разрушена, а новая, созданная на вестернизированной-либералистских и монетаристских началах, столь же безусловно доказала свою порочность, — то что же тогда? На каких концептуальных основах имеет смысл воссоздавать, по существу заново,

новую — динамичную и прогрессивную, обладающую большим модернизационным потенциалом, но при этом обязательно базирующуюся на традиционных национальных критериях, системе образования?

Понятно, что в самом этом вопросе уже заложен ответ. Именно национальные традиции, принципы и критерии, положенные в основу всей системы образования в России, могут вывести и обязательно выведут отечественное образование из того мрачного тупика, в который оно попало благодаря волюнтаристским и концептуально ошибочным решениям одержимых «чужебесием» чиновников от образования.

Мировая практика знает только три основополагающих концептуальных принципа, на которых может строиться система образования в конкретной стране: светско-либералистский (интернациональный), светско-национальный (национальный), клерикальный (религиозный). Выше были достаточно подробно проанализированы итоги реформирования системы образования России в векторе светско-либералистской доктрины. Итоги эти, мягко говоря, неутешительны. Религиозная концептуальная основа, в силу своей нарочитой традиционности и даже архаичности, вряд ли подходит для раскрытия модернизационного потенциала чего бы то ни было. Религия уже в силу своей эсхатологической заданности противоречит идее модернизации как таковой.

Остается, таким образом, только национальная система концептуальных координат. Понятно также, что *в стране, население которой на 87% состоит из русских людей, любая, не порывающая с реальностью и ставящая задачей в полной мере раскрыть модернизационный потенциал народа, система образования должна быть только русской. Причем русской не только по внешней форме, но и по органичной сущности.*

Опыт всех относительно крупных

и при этом динамично развивающихся государств современности, причем имеющих самые блистательные перспективы в XXI столетии — Индии, Китая, Бразилии, Аргентины, Венесуэлы, Ирана, — свидетельствует о том, что именно национальная идея, поставленная во главу угла всех модернизационных программ, оказывалась той спасительной «дорожной картой», которая в определяющей степени помогала каждой конкретной стране преодолеть социальные последствия колониализма, а также интеллектуальной и технологической зависимости от Запада.

Если мы обратимся к относительно недавней истории России, то увидим, что к национальному потенциалу русских как единственной государствообразующей нации верховная власть страны была вынуждена обращаться всякий раз, когда в повестке дня бытия державы со всей жесткостью обозначался один-единственный вопрос: быть или не быть России как суверенному единому государству? Как мне представляется, сегодня важнейший, подлинно сакраментальный вопрос для всей нашей Родины можно сформулировать именно так.

Прославленный фронтовик, летчик-штурмовик Великой Отечественной Василий Петрович Завьялов, отвечая на вопрос корреспондента газеты, так обозначил подлинную, по его мнению, причину победы Советского Союза в войне с немецко-фашистскими захватчиками:

«...Лозунг “За Сталина!” люди воспринимали всем сердцем. Сталин открыл для русской души так долго замурованный шлюз национального чувства. Кого из национальных героев мы знали перед войной? Розу Люксембург, большевика Воровского и Клару Цеткин. Но пришел немец, и вскоре оказалось, что за деяния Розы Люксембург никто не хотел умирать. Немец помог вспомнить о подвигах Александра Невского и гении Александра Суворова. Лозунг: “Мы — ин-

тернационалисты” — быстренько отправили в утиль. Актуальными стали совсем другие лозунги: “Вперед, славяне!” и “Убей немца!” Этот лозунг — “Убей немца!” — неожиданно придумал самый главный довоенный интернационалист-публицист Илья Эренбург. Война под руководством Иосифа Сталина быстро прекратила быть агитационной кампанией за советский интернационализм. Она стала национальной войной русского народа за свое выживание, за свое национальное будущее. В это факте — подлинная причина нашей победы в Великой Отечественной войне»¹⁵.

К сожалению, огромный модернизационный, интеллектуальный и нравственный (а значит, и образовательный) потенциал русской национальной идеи до сих пор не только не востребован, но, как очевидно, с трудом воспринимается властными структурами российского государства. Глубинная причина этого прискорбного факта скрыта в многолетней традиции интернационалистско-тоталитарной системы, навязанной большевиками России после 1917 года поистине «железом и кровью». Неприкрытые гонения на подлинно русскую национальную интеллигенцию, пропаганда и фетишизация антирусских фактов истории и, напротив, циничные глумления над всем тем, что составляло глубинную сущность русского этнического бытия, составили целую эпоху антирусского духовного геноцида с 1917-го по 1941 г. Только необходимость мобилизовать русский народ на борьбу с немецко-фашистским фантомом и последующее восстановление страны подвигли правящую коммунистическую деспотию на некоторое уменьшение и смягчение, а затем (в 60–80-е годы прошлого столетия) на

¹⁵ Война за национальное будущее (интервью с летчиком-штурмовиком, полковником В.П. Завьяловым) // Томилинская новь. № 3 (179). 27.06.2008. С. 3.

изошренное камуфлирование анти-русского прессинга.

Перестроечное, а особенно пост-перестроечное время реанимировало исторически бесперспективный и подчеркнуто враждебный основному населению России антирусский дискурс. Усилиями заведомо ангажированных СМИ русским снова стал энергично прививаться комплекс национальной неполноценности, а само слово «русский» в некоторых телерепортажах и публикациях, словно бы в насмешку над живыми еще ветеранами Великой Отечественной, стало безнаказанно сопрягаться со словом «фашист». Известная, если не определяющая доля вины за этот очевидный социально-идеологический регресс лежит, как это ни парадоксально, на самих русских, в первую очередь — на русской интеллигенции, которая на протяжении вот уже многих лет при отсутствии какого бы то ни было государственного прессинга тем не менее безропотно, с каким-то даже мазохистским смирением выносит беспрецедентные поношения в адрес собственного народа.

Несмотря на вышесказанное, ситуация с восприятием русскими людьми возможных элементов русской национальной доктрины в последние годы начинает меняться, причем все более быстрыми темпами.

Как показывают авторитетные социологические исследования, с 1998 г. начался рост популярности лозунга «Россия для русских». По данным Левада-центра, его полная и фактическая поддержка увеличилась с 45% респондентов в 1998 г. до 53% на исходе 2005 года. ВЦИОМ рисует не столь драматическую, но похожую картину: точку зрения, что «Россия должна быть государством русских людей», разделяют 15% опрошенных; еще 36% полагают, что «русские должны иметь больше прав, поскольку составляют большинство населения страны». Примечательно, что в сумме эти две позиции из опроса ВЦИОМ дают 51% респон-

дентов, что почти совпадает с данными Левада-центра¹⁶.

Одновременно с подъемом популярности лозунга «Россия для русских» в российском обществе последовательно происходит уменьшение доли тех респондентов, которые воспринимают данный лозунг в подчеркнуто негативистском ключе: с 32% в 1998 г. до 23% в 2005 г. Любопытно, что последняя цифра почти совпадает с долей нерусского населения в составе современной Российской Федерации — 21%¹⁷.

Последний факт не означает, разумеется, что идею «Россия для русских» поддерживают исключительно русские, а все нерусские представители народов России выступают против нее. Здесь уместно полностью привести высказывание известного ученого и политолога, одного из руководителей Татарской национально-культурной автономии Московской области Фаиля Мужиповича Ибятюва, которое он сделал в рамках социологического экспресс-анализа Центра исследований Кавказа и Востока РГТЭУ.

«В принципе я поддерживаю лозунг “Россия для русских”, — заявил Ф.М. Ибятюв, — только очень ограниченный или психологически надломленный человек может увидеть в нем что-то нездоровое, что-то фашистское. Это примерно то же самое, как увидеть что-то нездоровое или фашистское в лозунгах: “Дом Ибятювых — для семьи Ибятювых” или “Дом Ивановых — для семьи Ивановых”. Для кого же должна, в самом деле, существовать Россия, как не для русских, которые своим трудом и своими победами создали это государство? Да, существует разница между татарским, удмуртским, ногайским, чеченским и еще с два десятка

¹⁶ Общественное мнение—2005. С. 137 (табл. 19.13); Россия для русских — или для всех? // Мониторинг общественного мнения. №1 (январь—март). С. 72.

¹⁷ Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Указ. соч. С. 216.

других мироощущений и русским мироощущением. Но что станет с Россией, если нерусские народы будут безоглядно пытаться вынести свои частные мироощущения за двери собственных национальных квартир? Мне кажется гораздо более перспективным другой путь: реализовывать свою национальную самость, всемерно развивать свое национальное мироощущение внутри собственной национальной общины, а если воспользоваться более широкой категорией — внутри собственного народа. Не нужно придавать своим узконациональным, хотя порой и действительно очень важным, проблемам поистине вселенский масштаб. Татары, удмурты, ногайцы, калмыки и так далее — все мы именуемся своими национальными именами только внутри России, а за границами нашей страны все мы — только русские... Об этом, как мне кажется, никогда не нужно забывать»¹⁸.

Итак, вряд ли будет ошибочным мнение, что наиболее прогрессивные, наиболее государственно мыслящие представители нерусских народов России если и не поддерживают прямо, то по крайней мере не видят никакой угрозы своим народам и себе лично во все более популярном в русской среде лозунге: «Россия для русских». Понятно, что поддержка этого лозунга русским и всеми другими коренными народами России увеличилась бы многократно, если бы на государственном уровне этот лозунг был решительно очищен от совершенно чуждых и даже враждебных его подлинному смыслу околофашистских инсинуаций.

В завершение, рискуя перегрузить статью цифровыми данными статистических исследований, приведу все же еще две цифры.

¹⁸ Россия для русских? Сборник высказываний актуальных российских политиков и ученых в рамках экспресс-анализа, проведенного Центром исследований Кавказа и Востока РГТЭУ. М.: Ариана. С. 34.

Первая — число молодых ребят-призывников, которые в масштабе России, рискуя подвергнуться санкциям Уголовного кодекса РФ, все же предпочитают не идти на службу в нынешнюю российскую армию, а безоглядно удариться «в бега». Таких призывников-уклонистов, по данным Генштаба, на сегодняшний день насчитывается порядка двести тысяч человек. Почти четыре полнокровных общевойсковых армии!

И другая цифра — результат социологического опроса среди уже призванных (вернее, скорее всего, — отловленных): две трети молодых людей не собираются воевать с оружием в руках за Российскую Федерацию, если завтра случится война!¹⁹

Признаемся честно (хотя бы самим себе): эти две цифры — смертельный приговор, «вышка», которую наиболее молодая и наиболее динамичная часть российского общества — молодежь — выносит установившейся в Российской Федерации системе образования и воспитания молодых поколений. Не нужно никаких дополнительных научных исследований, чтобы понять — каким чудовищным по масштабу крахом завершит свой исторический путь наша страна при первом же более-менее сильном международном или внутрисистемном катаклизме!..

* * *

Попытаемся сформулировать некоторые выводы из вышеприведенного материала.

1. Образовательная система России после периода рубежа XX–XXI вв. испытала масштабный кризис, разрушена в своих основах и продолжает устойчиво деградировать.

2. Предлагаемые высшим правящим эшелонам России меры оздоровления

¹⁹ Мясников В. Двести тысяч уклонистов — всех не переловить // Независимое военное обозрение. № 6 (650). 18–24 февраля 2011. С. 1, 3.

ситуации в народном образовании, основанные на фактической вестернизации, либерализации и коммерциализации образования, со всей неизбежностью приведут к еще большему ослаблению образовательной системы страны, еще более резкому снижению образовательного уровня населения.

3. Планы реализации в России масштабного проекта модернизации экономики, придания последней активного инновационного характера с большой долей вероятности вскоре окажутся под угрозой — по причине несоответствия масштаба задач фактическому уровню образованности социума, особенно его молодой и социально активной части.

4. Единственной, по-видимому, идеологической основой ускоренного оздоровления и действительно перспективного развития образовательной сферы России может быть только искреннее и широкомасштабное обращение государственной власти к системе традиций, принципов и критериев, объединяемых термином «русская национальная идея».

5. Общественное мнение русской части российского социума пережива-

ет своего рода «национальный ренессанс», когда национальные ценности и национальные приоритеты начинают обладать все более важным значением для мироощущения русских, особенно в среде молодежи.

6. Курс правящего эшелона России на вестернизацию и коммерциализацию образования, на лихорадочный поиск идеологом брутальной толерантности, совершенно непонятных в русской среде, — опасен сам по себе. В сочетании с сохранением агрессивно-обструкционистского курса в отношении системы «русской национальной идеи», при методичном обмарывании русского имени в фашистских «чернилах», верховная власть страны рискует получить в лице молодой, прогрессивной и динамичной части русского общества наиболее непримиримого и последовательного врага себе. Дискурс демонстративного отказа большей части российских (русских — по преимуществу) призывников защищать с оружием в руках государственную независимость Российской Федерации — слишком серьезный сигнал русского общества, чтобы его можно было бы игнорировать.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ГОНКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ:

СЕКРЕТ ЛИДЕРСТВА

Статья вторая

Итак, в истории информатики книгопечатание занимает особо почетное место как самый, после изобретения письменности, долговременный и мощный фактор прогресса, определявший судьбы антропосферы за последние полторы тысячи лет. Изучая историю книжности той или иной страны, мы находим объяснение многим важным и даже ключевым моментам в ее истории.

Это касается как макро-, так и микроцивилизаций.

Первые мы рассмотрели в предыдущей публикации, последним посвящены два постскриптума.

Постскриптум первый.

Печатная книга и судьба эстонцев

Способность самостоятельно выбирать себе путь к овладению знаниями имеет огромное значение. Недаром Конфуций ставил такого человека сразу вслед за тем, кто все и так знает от рождения, но перед тем, кто постигает лишь то, чему его учат другие.

Два варианта ученика (один инициативно, жадно берет нужные ему знания, а другой лишь пассивно получает, что дают, становясь носителем чужих программ) — два человеческих уровня, два предназначения, две судьбы.

В массовом варианте данное свойство способно определять судьбу народов.

Этот важный для культурологии те-

зис я хотел бы подтвердить одним примером.

Закон колониальной неблагодарности

В мировой исторической науке недавно была фундаментально обоснована мысль о том, что какие бы благодеяния колонизаторы ни совершали в отношении колониальных народов, сколько бы ни сделали для их просвещения, здравоохранения и экономического развития, доброго слова за это от обретших независимость народов они никогда не дождутся. А вот попреков и претензий не оберутся. Английский историк Доминик Ливен весьма точно назвал это «законом колониальной неблагодарности».

Нам, русским, такая мысль не в новинку. С начала Перестройки она столько раз подтвердилась на пространстве бывшего СССР, что принимается уже как аксиома.

Особенно парадоксальное, причудливое подтверждение она находит на примере стран Балтии, побывавших под немецкой и советской властью.

Сравнив эти две колонизации, прибалты сегодня отвергают и клеймят советскую и ностальгируют по немецкой. В связи с чем согревают искренней душевной лаской и героизируют своих бывших эсэсовцев, но при этом судят бывших русских военных, очистивших Прибалтику от гитлеровских недобитков. Вступили в НАТО, демонстрируют недружественность к России по любому поводу, обвиняют русских в

оккупации. И вот уже, например, парламент Литвы разработал и принял закон, предусматривающий уголовную ответственность за одобрение или отрицание агрессии СССР против литовского государства. Особенно усердствуют в бытовой и государственной русофобии эстонцы и латыши. Все это на фоне показательной германофилии.

В чем причина такой запоздалой любви прибалтов к немцам? Неужели жесточайший гнет остзейских баронов, крепостное рабство при них было слаще, чем пребывание в качестве нарядной и небедной витрины Советского Союза?

Думаю, что, присвоив полученное от бывших господ, шведов и немцев, выметенных русской метлой, весьма солидное культурное наследие — письменность, архитектуру, города, благоустроенный быт, приемы хозяйствования, эстетические стандарты и т.п., словом, цивилизацию в готовом виде, — прибалты возомнили себя морально выше, а главное, культурнее «советских (читай: русских) оккупантов». А поскольку фактором, возвышавшим их в собственных глазах над русскими, служило именно и только германское, в широком расовом смысле, наследие, постольку и питали они благодарность к своим бывшим работодателям и господам. Ибо оно как бы ставило эти народы если не на высшую, то хотя бы на среднюю ступеньку: пусть пониже немцев, зато повыше русских.

Немцы в годы войны всячески поддерживали их в этом заблуждении, доверяя порой весьма ответственную — правда, довольно грязную и кровавую — работу и обещая доверить еще более важную и ответственную роль после окончательной победы Рейха.

В частности, окультурив и вышколив себе целый эстонский народ в качестве хорошего работника, приспособив его под свои нужды и стандарты, немцы впоследствии высоко оценили его полезные качества. И задумали по этой

причине вознести эстонцев над русскими, поляками, белорусами, украинцами и другими народами, еще только подлежащими оккупации и окультуриванию. Чтобы сей продукт немецкого воспитания, уже полностью готовый к употреблению, подтянул бы и других до своего уровня полезности (для немцев, разумеется).

Такая же роль и по той же причине отводилась латышам и литовцам. Об этом нам поведали документы Третьего рейха, обнаруженные в трофейных архивах.

Достоверно известно и не оспаривается, что Главное имперское управление безопасности под руководством Гимmlера совместно с Восточным министерством Розенберга предпринимало усилия для подготовки Генерального плана «Ост», который должен был решить судьбу оккупированных территорий и побежденных, покоренных немцами народов.

Свидетельств того, что такая работа шла, достаточно. Некоторые из них — самого высокого уровня, как, например, письмо руководителя СС Генриха Гимmlера — государственному комиссару по делам укрепления немецкой расы Ульриху Грейфельту от 12 июня 1942 г., в котором упомянут некий «Совокупный план «Ост» главного имперского управления безопасности». Не менее важным я считаю письмо руководителя НСДАП Мартина Бормана министру по делам оккупированных на востоке территорий Альфреду Розенбергу от 23 июля 1942 г. В нем хотя и не упоминается план «Ост», директивно излагаются от лица самого фюрера ровно те же принципы политики относительно покоренных народов. Нет сомнений, что авторы плана и Борман вдохновлялись одними и теми же идеями, исходившими, как видно, лично от Гитлера, и были равно в курсе продвижения самого плана.

Таким образом, независимо от того, существовал ли данный план в законченном виде на бумаге, он, вне всякого

сомнения, жил во всю силу в головах руководителей, конструиовавших настоящее и будущее Рейха¹.

На сегодня выявлено шесть вариантов плана «Ост», существование которых следует из источников, группирующихся вокруг имен привлеченных к работе над ним ученых: профессора Мейера, доктора Элиха и доктора Э. Ветцеля. Опубликована магистерская работа историка Карстена Шульца², в которой данные ниже источники и все их интерпретации скрупулезно анализируются.

В частности, с января 1940 по февраль 1943 года над проблемой работал видный нацист, эсэсовец профессор Конрад Мейер³, неоднократно

¹ Специалисты высказывают и такую точку зрения: Генеральный план «Ост» не был отдельным документом, а состоял из целого ряда последовательных планов (1939–1943), которые продолжали создаваться один за другим по мере немецкого продвижения на восток. К этому понятию относятся не только планы, созданные службами Гимmlера, но и, в широком смысле, документы конкурирующих нацистских учреждений — Германского трудового фронта, органов землеустройства и территориального планирования и т.д. Все они пропитаны единым духом, все предусматривают широчайшие аннексии, массовое переселение и геноцид славян. Подробнее см.: *Себастьянов А.Н.* Победу не отнять! Против власовцев и гитлеровцев. М.: Яуза, 2010.

² *Karsten Schulz.* Nationalsozialistische Nachkriegskonzeptionen für die eroberten Gebiete Osteuropas vom Januar 1940 bis zum Januar 1943. Im Jahr 1996 als Magisterarbeit eingereicht und angenommen am Institut für Politikwissenschaft an der Technischen Universität zu Berlin. Gutachter: Prof. Dr. Helmut Müller. — <http://web.archive.org/web/20060506092843/http://lausche.tripod.com/planung.html>

³ Ординарный профессор и руководитель Института агрономии и аграрной политики Берлинского университета Конрад Мейер-Хетлинг был руководителем главной штабной службы планирования и земельных владений в Имперском комиссариате по укреплению духа немецкой нации. Штандартен-, а позд-

варьируя концепцию Генерального плана.

Изюминка планов Мейера, о которой неплохо сегодня напомнить нашим прибалтийским друзьям, состояла в том, что принудительному онемечиванию подлежали более 50% эстонцев, до 50% латышей, до 15% литовцев (о том, что такое онемечивание, могли бы рассказать пруссы, если бы в конечном итоге сохранился хоть один прусс). При этом коренному населению запрещалось владеть собственностью в городах, чтобы использовать его преимущественно на сельхозработках.

Однако кроме подготовительных проектов Мейера имелся также документ под сакраментальным названием *Генеральный план «Ост» рейхсфюрера войск СС*, в работе над которым участвовал штандартенфюрер доктор Элих. К сожалению, самый оригинал отсутствует. Но мы вполне достоверно судим о нем по косвенным источникам. Речь идет о «Замечаниях и предложениях по генеральному плану “Ост” рейхсфюрера войск СС», изготовленных Э. Ветцелем — начальником отдела колонизации 1-го главного политического управления «восточного министерства» (высокий чин в ведомстве

нее обер-фюрер СС. Ведущий земельный проектировщик в рейхсминистерстве продовольствия и сельского хозяйства, сотрудничал с рейхсфюрером сельского хозяйства и министерством оккупированных восточных областей. В 1942 г. выдвинулся на должность главного проектировщика развития всех подвластных Германии областей. С самого начала войны знал во всех подробностях о всех планах в этом отношении, поскольку сам сочинял решающие заключения. Был обвинен вместе с другими чинами СС по делу так называемого Главного управления по вопросам расы и переселения (дело № 8), приговорен судом Соединенных Штатов к незначительному наказанию только за членство в СС и освобожден в 1948 г. Скончался в 1973 г. в возрасте семидесяти двух лет в должности западногерманского профессора на пенсии.

А. Розенберга). Документ подписан в Берлине, датирован 27.4.1942, на нем вполне заслуженно стоит гриф «Совершенно секретно! Государственной важности!», и начинается он со знаменательных слов: «Главное управление имперской безопасности работает над генеральным планом “Ост”». Жанр документа — типичная официальная служебная записка; на первом листе проставлен исходящий номер: 1/214.

Доктор Ветцель не разделял воззрений профессора Мейера относительно прибалтов и приуговлял им особенное будущее.

Дело в том, что надо было как-то решать проблему с населением оккупированных территорий. Тех славян, что соответствовали расовым нордическим стандартам, надлежало вывезти в Рейх и постепенно онемечить, употребляя при этом на физических работах. А что ждало «ненордических» русских, не удостоенных переезда в Германию ради последующего благодатного онемечивания? Ветцель не предполагал для них, естественно, никакого самоуправления. Но и самих немцев отвлекать от серьезных дел ради управления этим человеческим стадом не следовало.

Вот тут-то, по Ветцелю, и должен был настать звездный час вымуштрованных немцами прибалтийских народов:

«На обширных пространствах Востока, не предусмотренных для колонизации немцами, нам потребуются большое число людей, которые в какой-то степени воспитывались в европейском духе и усвоили по меньшей мере основные понятия европейской культуры. Этими данными в значительной мере располагают эстонцы, латыши и литовцы... Нам следует постоянно исходить из того, что, управляя всеми огромными территориями, входящими в сферу интересов германской империи, мы должны максимально экономить силы немецкого народа... Тогда неприятные для русского населения мероприятия будут проводить, например, не немец,

а используемый для этого немецкой администрацией латыш или литовец, что при умелом осуществлении этого принципа, несомненно, должно будет иметь для нас положительные последствия... Представителям этой прослойки населения следует прививать также чувство и сознание того, что они представляют собой нечто особенное по сравнению с русскими...».

Итак, вот положение, которое оккупированные славяне должны были занять, согласно планам немецких хозяев: холопы трудолюбивых европеизированных прибалтов, состоящих на службе у оккупантов... Завидная доля, ничего не скажешь! Как бы она выглядела в натуре? Отвечу без труда.

Вспоминается мне письмо одного эстонца, опубликованное мною как главным редактором «Национальной газеты» в 1998 г. Этакий отголосок немецкой пропаганды, успевшей широко вещательно прозвучать в свое время в Прибалтике и, видно, запавшей эстонцам глубоко в душу. Цитирую частично:

«Племя эстов сохранилось в расовой чистоте уже 5 тысяч лет, без разных там примесей и ассимиляций. Эстонская национальность единственная в постсоветском пространстве на протяжении веков сохранила свою цельность. Племя эстов как было 5 тысяч лет назад, так и сейчас осталось. Даже соседи латыши и финны смесь различных племен, латыши: курши, ливы, летьгола, селы и прочее, а финны: кемь, емь, сумь, карела и прочие вепсы. О вас, русских свиньях, даже и речи нет. С вашими грязными славянскими женщинами разве что папуасы не спали, и то в силу географической отдаленности... Эстонцы единственные из всех народов негерманского мира могли служить в СС. В СС служила элита арийской Европы, Гитлер в расовом вопросе знал толк. Что же касается вас, русских унтерменшей, то ваши русские типы лица служили натурой для геббельсовских пропагандист-

ских фильмов о том, каким должен быть азиатский варвар...

С эстонским приветом Алекс Хинт. Скоплю “зеленых” и открою в Таллине ресторан, где у входа неоновыми огнями будет переливаться вывеска: “Только для эстонцев, русским и собакам вход воспрещен”⁴.

Что ж, надо признать, пропаганда была поставлена у нашего противника отлично, она умело формировала удивительно яркие и долговечные мифы. Заманчивые обещания и лестные слова и предложения нацистов не пропали даром. В частности, вполне удалась задача привить прибалтам «чувство и сознание того, что они представляют собой нечто особенное по сравнению с русскими».

Отсюда и проистекает вся гамма отношений к русским людям, серьезно осложняющая им нынче жизнь в Вильнюсе, Клайпеде, Риге, Даугавпилсе, Таллине и т.д., а также сильно омрачающая международные отношения между Россией и странами Балтии.

И только холодный и объективный взгляд ученого, беспристрастно исследующий культурное прошлое и настоящее тех же эстонцев и латышей на фоне, с одной стороны, западноевропейской, а с другой — русской цивилизации, позволяет эти мифы развеять без следа.

Чему и зачем учили эстонцев

Возможно, кое-кто всерьез воспримет упрек русскому народу в «варварстве» со стороны «культурных» прибалтов. Мне подобные упреки не кажутся основательными. Попробую, опираясь на данные книговедения, обнажить беспочвенность подобных притязаний, показать их иллюзорность.

Вековое господство шведов, поляков, датчан и немцев в Прибалтике создало своеобразный культурный

облик этого края. В котором, однако, практически невозможно различить и выделить черты духовного участия коренных народов, в том числе предков современных латышей и эстонцев (к литовцам это относится в меньшей мере). Культура быта и труда, архитектурные традиции, общие эстетические установки прибалтов сформированы, вне всякого сомнения, Западной Европой и не являются самобытными.

Но присвоить себе чужую культуру еще не значит освоить ее. Особенно ярко проявляется эта закономерность, когда дело касается литературы в самом широком смысле этого слова: таков печальный, но неоспоримый факт. Сильная, но чужая традиция полностью доминирует над своей собственной, слабенькой и вторичной. История книжности прибалтов позволяет найти этому факту убедительное объяснение.

Для примера поведу речь об эстонцах былых времен как о читающем народе, об их традициях книжности. Судьба подарила мне возможность судить объективно. В конце 1980-х по заданию журнала «Наше наследие» я побывал в Таллине; статья, написанная по материалам поездки, не была в то время опубликована, но приобрела новую актуальность сегодня.

Источник сведений — эстонский, причем высшего класса: книжная коллекция председателя Общества эстонских книголюбов, журналиста и писателя Валло Рауна. Она действительно удивляет. Но совсем по-особенному. Пожалуй, на выставку под названием «Искусство книги» или «История мировой мысли» профессионал не выбрал бы ни единого из четырех тысяч экспонатов этой коллекции. Все это, если взирать с высот мировой истории книги, — не более чем маргинальный эпизод, курьез, не имеющий художественного значения и лишь весьма ограниченное — научное.

Но стоит несколько изменить угол зрения, и то же самое собрание предстанет как значительное в научном от-

⁴ Впервые опубликовано: А.С. Кое-что о настоящих арийцах // Национальная газета. 1998. № 1(13).

ношении. Все дело в том, что книжная коллекция Валло Рауна целиком посвящена истории только эстонского книгопечатания. Редкость немногих уцелевших экспонатов, неполная изученность этой, довольно дискретной, истории — все это делает сам предмет собирательства изысканным. Кроме того, собрание уникально по полноте, охватывая с максимальной, пусть и не с абсолютной, комплектностью весь дореволюционный период истории эстонской книги. Настолько, что, если не считать некоторых государственных библиотек (например, Тартуского университета), у Валло Рауна нет конкурентов: вторую подобную коллекцию уже никому не собрать.

Но что такое эстонская книжность?

Эстония без малого восемьсот лет была под управлением чужеземцев. Шестьсот лет эстонцы были рабами. У датчан. У шведов. У немцев (не потому ли высоко ценивший малейшую каплю немецкой крови Гиммлер позволил эстонцам служить в СС?). Эстонцы никогда в исторически обозримое время не имели своего национального господствующего класса, аккумулирующего высшие духовные ценности, реализующего духовный потенциал нации. Вершиной карьеры эстонца могла быть лишь должность пастора, но даже к ней было чрезвычайно трудно пробиться бесправному выходцу из крепостного крестьянства. Импульсы Культуры (не той, разумеется, что изучают этнографы) эстонцы могли получить лишь в церкви, в религиозной жизни. Христианизация Прибалтики колонизаторами началась в средние века по причинам столь же прагматическим, сколь и банальным. Культурный эффект этого процесса не интересовал миссионеров, прививавших колониальным народам христианское терпение.

Эстонцы упорно хранили свой язык. Католическое же богослужение велось на недоступной им латыни и не имело надлежащего воздействия на душу на-

рода. Поэтому протестантизм, провозгласивший повсеместно переход на национальные языки, еще даже не успев победить в Центральной и Северной Европе, уже позаботился о том, чтобы форсировать христианизацию покоренных земель. Неудивительно поэтому, что самая первая эстонская книга была отпечатана немцами именно в Виттенберге (главном центре лютеранского книгопечатания) и именно в 1525 г., когда уже стало ясно, что силой Реформацию не сломить. Конечно же, это был катехизис на эстонском языке, популярное изложение элементарных основ христианской веры. Мы ничего не знаем об этой книге — ни кто ее составил, ни как она выглядела. В мире пока что ни один экземпляр не обнаружен. Только упоминание этого протестантского (то есть еретического, с точки зрения Ватикана) катехизиса в папском Индексе отреченных книг позволяет утверждать: он существовал.

Почти такова же судьба второй эстонской книги. Ею также был изданный в Виттенберге катехизис. Известен автор — беглый таллинский пастор С. Вандрат (как многие таланты, он был неравнодушен к слабому полу, что и послужило причиной бегства). Томик, вышедший в 1535 г., тоже был проклят папой. По счастью, одиннадцать страничек разной сохранности из данного катехизиса были случайно обнаружены в составе картона из переплета совсем другого издания. На основании этих фрагментов, сохранившихся год и место выпуска, Эстония в 1935 г. торжественно праздновала 400-летие эстонской книжности.

Но книжность книжности рознь. С 1535-го и до 1640-х г. было выпущено, по мнению ученых библиографов, всего 6–7 книг на эстонском языке, также не сохранившихся ни в одном книжном собрании. Иными словами, лишь упомянутые одиннадцать фрагментов представляют сегодня материальную часть непростой истории эстонского книгоиздания за первые сто лет.

Всего от XVII в. сохранилось 42 издания на эстонском языке. От XVIII в. — около 300. В XIX в. процесс идет крещендо, и понятие «эстонская книга» обретает к концу этого столетия все права. Сегодня коллекция Валло Рауна насчитывает около четырех тысяч изданий до 1917 г. Это практически 95% всего известного репертуара, цифра более чем репрезентативная.

Сравним: только в восемнадцатом веке в России издано для русского читателя, согласно книговедческим справочникам, свыше 9000 наименований книг на русском языке и около 7000 наименований на иностранных языках, не считая периодики, в том числе многотомных альманахов. Шестнадцать тысяч — и триста наименований книг. В этих цифрах запечатлено отличие массового русского читателя от эстонского, дистанция между двух национальных книжных миров.

Каков же репертуар изданных на территории нынешней Эстонии или для эстонцев книг?

Разумеется, издавалось лишь то, в чем были заинтересованы хозяева края, немцы. Это прежде всего нормативные акты на немецком, как правило, языке для местных юристов (наиболее ранние — с 1640-х гг.). В них регламентировалось юридическое положение эстонца и правила его поведения. Тоненькие сборнички учебных песен для школьников (вот с тех самых пор эстонцы и считают себя выдающимися любителями хорового пения). Духовная литература: в коллекции — около 300 книг такого рода, в основном обучающего характера, т.е. катехизисы и псалтири.

Есть в коллекции Рауна и два первоклассных раритета: первое издание Нового Завета на эстонском языке (1686) и первая эстонская Библия (1739). Иллюстрации к которой создали, однако, не эстонцы (искусство было им все еще недоступно), а молодой русский гравер Филипп Маттарновский [Матерновый?], учившийся в

санкт-петербургской Академии наук. Исполненный им фронтиспис к упомянутой Библии хорошо знаком всем эстонским культурологам, ибо он с восемнадцатого века не раз примитивно копировался местными кустарями для последующих изданий.

Ядро коллекции — несколько сот сельскохозяйственных календарей, начиная с 1816 г. В этих крохотных книжечках содержалась масса сведений, необходимых землепашцу и скотоводу, освобожденному именно в этом достопамятном году русским царем от крепостной зависимости. Календари передавались из поколения в поколение в крестьянских семьях и так сохранились. Были и другие «научно-бытовые» книги: поварские, юридические, лечебники. Только к концу XIX в. появляется кое-какая беллетристика...

* * *

Вот, собственно, и все. Таков подлинный, а не воображаемый фундамент эстонского национализма, а равно мифа о мнимом культурном превосходстве эстонского народа.

Смею надеяться, этот миф теперь развеян. Ведь целевая направленность указанного книжного массива очевидна. Эстонец должен был быть смиренным, нравственным, законопослушным, здоровым, трудолюбивым, сведущим в сельском производстве, но неученым, простым и бесхитростным. Словом, полезным для господ.

Немцы вполне достигли поставленной цели, преуспели в воспитании эстонского народа. Настолько, что даже намеревались, как рассказано выше, поручить эстонцам функции управляющих в славянских землях, как поручали в былые времена русские помещики свои имения в управление самим немцам. Не вина эстонцев, что этот план провалился. Выиграй немцы войну (чему многие эстонцы способствовали как могли), их судьба развивалась бы в соответствии с заложенной немецким воспитанием программой.

Сегодняшнее политическое поведение Эстонии полностью это подтверждает.

Есть ли у эстонцев шанс преодолеть навязанную им прежними хозяевами служебную модель развития, обрекающую их на политическую второсортность, маргинальность и производный от нее комплекс неполноценности?

Могу порекомендовать один из вариантов такого преодоления.

Из книг нормативного характера в собрании Валло Рауна нельзя не отметить две редкости, имеющие непреходящее значение для эстонской истории, как и вообще для истории Прибалтики. Это декреты Государя Императора Александра I Благословенного, которыми уничтожалось крепостное рабство в Эстляндии (1816) и Лифляндии (1819). Благодаря императорскому декрету эстонский народ обрел свободу на 45 лет раньше русских крепостных. Впервые с тех пор, как в начале XIII в. эстонцы были завоеваны немцами и датчанами, они разогнули спину раба.

Думается, что придет время, когда величественные статуи русского царя, освободившего народы Прибалтики, заложившего основы финской автономии, даровавшего конституцию Польше, украсят главные площади Таллина и Риги, Хельсинки и Варшавы.

На мой взгляд, для эстонцев это был бы лучший способ раскомплексоваться, разомкнуть порочный круг дурной кармы, приобрести возвышающую их духовную заслугу.

Только вряд ли, судя по нынешним обстоятельствам, это время наступит так уж скоро. Колониальную неблагодарность — феномен, обсуждаемый сегодня ученым сообществом — эстонцам и другим прибалтам пока отчасти удалось изжить только по отношению к шведам и немцам, но не к русским. Однако, поскольку любая неблагодарность есть грех, можно надеяться, что однажды у них проснется совесть. Так что наберемся терпения.

Постскрипtum второй. Догонит ли Россия Европу и Америку?

— *Мы не верхи на колпаке
Фортуны...*

— *Но также и не низы ее по-
дошв!*

— *Ни то, ни это, принц.*

Шекспир. Гамлет

*Муж книжен без ума добра аки
слепец есть.*

*Муж мудр без книг подобен
есть оплоту без подпор.*

Древнерусская максима

Все познается в сравнении. В том числе национальный характер, национальное историческое амплуа, национальная судьба.

Следует воспринимать свое место в мире спокойно, как данность, которая сама по себе не хороша и не плоха.

Русским в XVIII–XIX вв. пришлось быстро-быстро наверстывать отставание, прежде всего информационное, от развитых западных стран. Разрыв был большим, но и страсть к науке и культуре велика. Россия скоро стала родиной великих книгоцеев, покрывшись сетью публичных библиотек и паразитических по богатству частных книгохранилищ (к примеру, у Пушкина была библиотека на 14 языках, а он был не самым читающим человеком эпохи). Умы стремительно развивались во всех направлениях, зачастую уже и обгоняя европейцев. А в области политической мысли даже существенно их перегнав, дойдя в начале XX в. на свою беду до такой степени радикализма, перед которой те благоразумно остановились.

К сожалению, нам так и не удалось пока что обогнать европейцев в наиболее важной области: информатике. Хотя несколько раз (Попов с радио, Зворыкин с телевидением) русские были очень к тому близки. И я не теряю надежды, что однажды это все же произойдет. Сегодня, однако, люди

Запада, захватившие глобальное информационное первенство еще при Гутенберге, уступать его никому не собираются. Чем и обеспечивают себе прочные лидерские позиции в мире.

Это обстоятельство следует воспринимать как вызов, но ни в коем случае не как основание для комплекса неполноценности. Прежде всего потому, что тяга к науке и культуре присущи русскому человеку по самой его природе, она лишь ждет и ищет благоприятных условий, чтобы развернуться во всю мощь, как это мы видели на примере XVIII в. Стоило тогдашнему правительству лишь немного подтолкнуть процесс обретения людьми новой грамотности, как тяга к самообразованию вызвала лавинообразный рост книгоиздания, а там и частных, и государственных учебных заведений. Усиливая и подгоняя друг друга, эти факторы уже не имели предела для развития.

Важность означенного свойства русских нельзя переоценить.

И еще об одном важном историческом обстоятельстве я хотел бы напомнить. Когда нам указывают на догоняющий характер развития России (по сравнению с Западом) и пытаются представить это чуть ли не извечной и непреодолимой данностью, доброжелатели забывают о двух вещах.

Во-первых, о том, что так было не всегда.

Во-вторых, о том, *как и почему* возникло историческое отставание России.

Правильный ответ на данный вопрос — залог преодоления отставания. А поскольку он напрямую связан с историей русской книжности, я посвящаю ему настоящий постскрипtum.

Гардарика — страна моя

Твой щит на вратах Царьграда.
А.С. Пушкин

Древнюю Русь соседствующие с ней скандинавы именовали Гардарикой —

Страной городов. В отличие от Запада, именно города, а не замки и поместья феодалов, не княжеские дворы и монастыри были главными центрами жизни и развития нашей страны. По сведениям, почерпнутым из летописей, с X по середину XIII в., М.Н. Тихомиров подытожил: «Общее количество русских городов... ко времени монгольского нашествия, вероятно, подходило к 300»⁵. На пространстве всей Европы, как Западной, так и Восточной, Русь в IX — первой половине XIII в. вовсе не выглядела пасынком европейской цивилизации.

Конечно, Византия — цветущий наследник разложившейся античной традиции — во многом цивилизационно превосходила нашу древнюю родину, но что касается Западной Европы, ориентирующейся на пребывающий в захирении Рим, тут в чем-то Русь уступала, а в чем-то, напротив, первенствовала. Страна была богатой, могущественной и весьма цивилизованной, относительно большинства ее соседей на Западе и Востоке.

Впрочем, и с Византией все было не так просто: показатель относительно-го могущества Руси — неоднократные победоносные походы Олега, Игоря, Святослава, Владимира и Ярослава Мудрого на Восточную Империю. Если даже древние полудикие предки славян — склавины и анты — наводили ужас на культурных византийцев, предпочитавших лучше откупиться, чем воевать с ними, то подробности войн названных князей позволяют говорить о большом техническом прогрессе, в т.ч. в области вооружений, о стратегическом и тактическом мастерстве русов. Чего стоила одна, до смерти перепугавшая византийцев, инженерная идея Олега поставить свой флот на колеса и полем двинуть его под парусами на потрясенного врага!

Но сравнение с первенствующей в

⁵ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956.

том мире Византией сейчас нас мало занимает. А вот что касается Запада, то многие свидетельства говорят о превосходстве или, по крайней мере, равноценности русской культуры IX–XIII вв.

Известно, что мостовые Новгорода на 200 лет старше парижских и на 500 — лондонских, они появляются уже в X в., во время княжения Святослава. Были деревянные тротуары в Киеве, в Суздале. А в XII в. в Новгороде уже были водопровод и канализация. Все эти удобства тоже были деревянные; цельные стволы дубов выжигались и высверливались изнутри, превращаясь в прочные и долговечные трубы, вставлявшиеся одна в другую по принципу «верхушка в комель». Кустарно? Зато остроумно, а в средневековой Европе и таких не было — римские акведуки в Испании и Франции не в счет, ведь это не их заслуга. К 1133 г. относится древнейшее достоверное упоминание Великого моста через широкий Волхов в Новгороде. Не удивительно, что этот город по заслугам входил в состав Ганзы — торгового союза северноевропейских городов, в котором занимал не последнее место. Интересно в данной связи наблюдение историков-экономистов, что в Киевской Руси, как и в Византии, монетарная экономика превалировала над натуральным хозяйством, в отличие от современных им западноевропейских стран. Иными словами, уровень нашего экономического развития был выше на целую фазу⁶.

Сегодня в зарубежной историогра-

⁶ Представления о Древней Руси как стране «лапотной» (лапоть принимается тут как символ отсталости) вообще нимало не соответствует действительности. Ни в переносном, ни в буквальном смысле: при раскопках Новгорода и Пскова в домонгольских слоях находят остатки кожаной обуви, но не лаптей, хотя условия для сохранения лыка в местных почвах идеальные, судя по сохранности берестяных грамот.

фии всецело господствует мнение, лаконично и твердо выраженное Дж. Марриоттом: «Россия не является и никогда не являлась членом европейской семьи. Еще со времен падения Римской империи и миграций, вследствие завоеваний викингов и тевтонцев, между скандинавами, англичанами, немцами, французами, иберами и итальянцами сложилась определенная степень родства, несмотря на все значительные различия в их развитии. Даже Польша, благодаря своей приверженности западной форме христианства, имела некоторое родовое сходство с Европой. Россия же нет»⁷.

Доля истины в этом есть: если Россия и есть Европа, то весьма особенная, «не такая», не «западноевропейская». Стоит, однако, обратить внимание на то, что данный постулат высказан в книге, охватывающей относительно поздние века. В домонгольские времена все было не совсем так.

С одной стороны, Древняя Русь, дотатарская, в своих торговых и культурных связях была больше ориентирована на Византию, Балканы и Подунавье, чем на Западную Европу, и главными транспортными артериями, по которым осуществлялись эти связи, были реки Волга, Дон и Днепр, текущие на юг.

С другой стороны, престиж русских городов (не только Новгорода и Киева) и Руси в целом был на Западе достаточно велик, и никакой духовной пропасти между русским и западным миром в те времена еще не сложилось. Судить об этом с уверенностью позволяют династические браки, начиная с Владимира Святого, появшего за себя в т.ч. византийскую царевну. Владимир заложил этим прочную традицию. Характернейший факт: все три его внуки, дочери Ярослава Мудрого (978–1054), вышли замуж за европейских владык: Елиза-

⁷ *Sir J.A.R. Marriott. Anglo-Russian Relations, 1689–1943. 2d ed. London, Methuen & Co., 1944. P. 1..*

вета за норвежского принца Гарольда, Анастасия за короля Венгрии и Анна за французского короля Генриха I (первоначально сваталась за германского короля Генриха III, что тоже неплохо). Более того. Сам Ярослав Владимирович был женат на шведской королевне, его сестра стала женой польского короля (всего в домонгольский период насчитывается 15 русско-польских династических браков), его сын Всеволод женился на византийской царевне, а внук Владимир Мономах — на английской принцессе, а правнук Мстислав Великий — на шведской королевне, а дочери Мстислава вышли за датского, венгерского, норвежского королей и византийского царевича и т.д.

Все это однозначно свидетельствует о том, сколь высоко котирировалась дотатарская Древняя Русь среди первейших дворов Европы, если самые высокородные правители стремились связать себя с нею династическими браками. Так не ведут себя передовые страны с отсталыми, которых невозможно признать за «членов европейской семьи», выражаясь словами Мариотта.

А вот в годы татарского владычества и феодальных междоусобиц, войн за великое княжение, почетное породнение русских великих князей с европейскими монархиями немедленно прекращается (если не считать женитьб заметно ниже рангом на половецких да литовских княжнах). И не восстанавливается аж до самого XVIII в. — за исключением Ивана III, который внезапно по протекции папы римского подобрал себе беглую сироту-бесприданницу Зою Палеолог, племянницу византийского императора, после плачевного крушения империи (можно сказать, приобрел жену по случаю).

Но вот его дочерям посол императора Фридриха III уже предлагал в качестве женихов лишь второго сорта владетельных особ: Баденского маркграфа, курфюрста Саксонского, маркграфа Бранденбургского. Попытка же Ивана III со своей стороны залучить

в зятя императорского сына, Максимилиана, провалилась. Для своего старшего сына Иван не нашел лучшей невесты во всей Европе, кроме дочери молдавского господаря. Младшему сыну Василию и вовсе пришлось первым браком жениться на боярской дочери Соломонии Сабуровой, а вторым — на Елене Глинской из рода литовских вельмож, восходящего к хану Мамаю. Династическими эти браки не назовешь.

Попытки его внука Ивана IV жениться на шведской принцессе или английской королеве также успеха не имели, выше кабардинской княжны его брачные возможности так и не поднялись.

За беглого шведского принца Густава попытался в 1601 г. выдать дочь Ксению Борис Годунов, но тот, приехав в Москву, продолжал открыто жить с любовницей, и дело, не дойдя до брака, окончилось высылкой сумасбродного шведа в Углич. Через год Борис попытался залучить себе в зятя Иоанна, брата короля Дании (московские вельможи негодовали, не желая видеть иноземца и нехристя в такой роли), но тот в Москве подхватил горячку и умер. В конце концов отчаявшийся отец послал посольство в Грузию, чтобы хоть там сыскать какую-нибудь княжну в невесты сыну Федору, но даже там эта затея не имела успеха.

Не претендовали на династические браки и первые Романовы, включая царевну Софью (одна попытка выдать царевну за немецкого принца не первой руки окончилась неудачей). Заведомую беспочвенность подобных притязаний приходилось прикрывать мотивом русской религиозной исключительности, из-за чего царевны с молодых лет были сурово и несправедливо обречены на монастырское заточение во избежание мезальянса — социального либо (якобы) конфессионального. Непростительное расточительство русского царственного генофонда под припев «зелен виноград»!

Однако позже, когда Россия вернула себе могущество и «европейскость», традицию династических браков немедленно удалось возобновить, начиная с царевича Алексея и царевны Анны, сына и дочери Петра Великого.

Отметим еще одну важнейшую традицию, вполне развитую в домонгольский период, заглохшую в эпоху ига и вновь расцветшую уже в XVI столетии: это наступательные, победоносные войны русских с народами Запада, включая Польшу и Литву. К примеру, в 1076 г. Владимир Мономах совершил успешный поход против немецкого императора Генриха IV. Русские войска с боями прошли Богемию и остановились в Силезии, западнее города Глогау. Позднее, в 1254 г. дружины Даниила Галицкого сражались с немцами в Чехии и Германии за Одером, возле города Оппель. Немало было и русско-польских войн, начиная уже с Владимира Святого.

После татарского нашествия Русь уже не могла так эффективно проводить свой интерес на Западе и, вплоть до Ливонской войны, только теряла от военной агрессии западных соседей, в первую очередь поляков и литовцев, отчасти шведов и немцев. Своеобразным исключением стало участие в Грюнвальдской битве трех смоленских полков, поставленных в центре союзной обороны и выдержавших главный, самый страшный удар тяжелой конницы Валленрода. Мощь тевтонского ордена не была бы сломлена без этой относительно небольшой, но все решившей русской силы.

Эти факты заставляют нас вновь вернуться к разговору о взаимном соотношении культурных уровней России и Европы IX–XIII вв.

В ту далекую пору русским в голову бы не пришло комплексовать перед лицом европейской цивилизации. Ни о каком «догоняющем» характере нашего, и без того передового, развития не могло быть и речи. Характерно, что, побывав в Реймсе и Париже, будущей

столице мира, королева Франции Анна Ярославна имела основания жаловаться в письмах к отцу: «В какую варварскую страну ты меня отослал. Дома здесь мрачные, церкви — некрасивые, а обычаи ужасны...»⁸.

Такую оценку можно было дать только в сравнении, а сравнивала она, понятное дело, с Киевом, с другими русскими городами.

Анна знала, что писала. Ведь именно ее отец Ярослав заложил в 1037 г. «город великий Киев», увеличив его территорию более чем в десять раз и выстроив храм Св. Софии по образцу цареградского. Недаром выдающийся католический писатель-хронист Адам Бременский (ум. после 1081) назвал город «соперником Константинополя». Как показали раскопки археологов, «Большой Киев» при Ярославе достиг 400 га и был окружен валом высотой 14–15 м и длиной 3,5 км.

Но и до того Киев был одним из самых больших городов Европы, вызывавшим восхищение современников. К примеру, хронист и епископ города Мерзебурга Титмар (975–1018) указывал, что ко времени смерти Владимира Первого «в этом большом городе, составляющем столицу этого государства, имеется более 400 церквей и 8 рынков, народу же неизвестное множество» (кн. 8, гл. 32). Подсчеты советских ученых позволили уточнить: население города Киева должно было достигать 50–80 тыс. человек. Для сравнения: Париж, один из крупнейших европейских городов, в начале XIII в. имел около 100 тыс. жителей, Страсбург в XIV в. — 20 тыс., Бремен в 1349 г. — 30 тыс., Франкфурт-на-Майне в XIV в. — 8 тысяч.

О масштабах русского градостроительства зачастую приходится судить по летописным рассказам о больших пожарах. Они весьма впечатляют.

⁸ Семенкова Т. Древняя Русь и Франция в XI веке. Судьба русской царевны Анны Ярославны // Наука и жизнь. 2004. № 5.

К примеру, Никоновская летопись утверждает, что в Киеве в пожаре 1017 г. (через два года после смерти Владимира Святославича) погорело «яко до семи сот» церквей, а Лаврентьевская летопись сообщает, что в пожаре 1124 г. их сгорело в городе «близ шести сот». Русские города легко горели, но легко и восстанавливались в своем деревянном обличье.

Вторым после Киева по величине и значению древнерусским городом был Новгород Великий, в котором с 1045 г. до XIX в. сгорело не менее 816 церквей⁹. Сведения об этих опустошительных пожарах (всего их было более 100) достаточно подробны, что позволило историкам предположить, что в начале XI в. в Новгороде проживало около 5–10 тыс. человек, а в начале XIII в. — 20–30 тысяч.

Одним из крупнейших городов Руси первой трети XIII в. был Смоленск. Судя по записи Троицкой летописи под 1230 г., во время мора, продолжавшегося два года, в городе было похоронено 32 тыс. человек, но жизнь в нем не прекратилась, следовательно, первоначально население существенно превышало данную цифру.

Крупными по европейским меркам были Ярославль (в пожаре 1221 г. сгорело 17 церквей); Ростов Великий (во время пожара 1211 г. погибло 15 церквей); Владимир-на-Клязьме (в 1186 г. сгорело 32 церкви). Их население, по расчетам, составляло от 10 до 20 тыс. человек.

Всего же в Гардарике-Руси, по данным М.Н. Тихомирова, общая численность городского населения Руси, проживавшего в начале XIII в. в примерно трехстах городах, должна была приближаться к полумиллиону¹⁰. Что на фоне общего количества проживавших на Руси в то время людей, оцени-

вающегося примерно в 7,75 млн. человек¹¹, составляет весьма высокий по тем временам процент.

Уже эти скудные цифровые данные помогают понять русского писателя XIII в., не сдержавшего своих чувств, сочиняя предисловие к житию Александра Невского: «О светло светлая и украсно украшена земля Русьская! И многими красотами удивлена еси: озера многими, удивлена еси реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми разноличными, птицами бесчисленными, города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными и князьями грозными, бояры честными, вельможи многими — всего еси исполнена земля Русьская».

Наряду с природными чудесами Русь, как видно, удивляла искусством градостроения, архитектуры, изобразительного и прикладного искусства. И впрямь, ни архитектура, ни камнерезное мастерство, ни мозаики и фрески русских людей того времени, судя по уцелевшим образцам, отнюдь не уступали лучшим аналогам романской Европы. Во многом обязанные урокам высокого класса, полученным от Византии, от греческих учителей, русские архитекторы и художники-монументалисты привносили в свои произведения и национальное своеобразие. Особенно в резной белокаменный декор, отразивший стилистику деревянной резьбы, как можно судить по Дмитровскому собору во Владимире или княжеским палатам в Боголюбове. Далеко не всякий европейский собор того времени сравнится с этими шедеврами. Хотя некоторые исследователи доказывают, что западные строители, художники и ремесленники, носители романской стилистики, трудились по

⁹ *Прозоровский Д.П.* Новгород и Псков по летописям с дополнением по другим источникам. СПб., 1887. С. 158–177.

¹⁰ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч.

¹¹ *Яковлев А.И.* Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в. Т. I. М.–Л., 1943. С. 198; *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941. С. 81–91.

найму на Руси, но их воздействие на русскую традицию не было определяющим.

До нашего времени не дошли многие главнейшие памятники древнейшего русского каменного зодчества: Десятинная церковь, разрушенная монголами, и радикально перестроенный Софийский собор в Киеве, а также и многое другое. Но и сохранившееся позволяет делать вполне определенные выводы. Тем более, что, скажем, образ Киевской Софии просматривается в Софии Новгородской, а к ней, в свою очередь, близок также пятинефный Софийский собор в Полоцке (середина XI в.). Все три собора роднит между собой и техника кладки. Напомню, что Киевская София строилась под впечатлением от Софии Цареградской и если не превзошла ее по грандиозности масштабов, остроумию инженерно-строительного решения и богатству внутреннего убранства, то во всяком случае стала самым великолепным храмом Европы того времени. В частности, ее мозаики не имели равных на Западе.

Упомяну и другие выдающиеся образцы древнерусской архитектуры: трехнефный, трехапсидный собор Спаса Преображения в Чернигове (1036); одноглавый трехнефный шестистолпный Успенский собор Киево-Печерского монастыря (1073–1077), аналогичный собор Выдубицкого монастыря (1070–1088) и не сохранившийся после Великой Отечественной войны собор Михайловского Златоверхого монастыря (1108–1113), церковь Спаса на Берестове (начало XII в.); в Новгороде церковь Благовещения на Городище (1103), Никольский собор на Ярославовом дворище (1113); Рождественский собор Антониева монастыря (1117) и Георгиевский собор Юрьева монастыря (1119), расположенный на другой стороне Волхова, церковь Спаса Нередицы (1199) и др.

Русские мастера, подражая византийцам, увлеченно и с большим мастер-

ством использовали фрески и мозаики для украшения подкупольного пространства, апсид, стен и колонн. Что во многом искупало отсутствие витражей и позволяло «выровнять счет» с Западом.

Интересно, что традиции дохристианской Руси, ее народного быта и творчества уже в этих ранних образцах начинают определять отход от византийского духовного наследия, несмотря на полное заимствование технологий. Эта самобытность проявляется и в травяных орнаментах, и в изображении скomoroxов и русалок, охотничьих сцен, воспроизводящих типично русские способы охоты и русских зверей, а что самое главное — в русской, а не греческой или семитской типажности лиц на фресках (ср.: св. Пантелеимон в центральном нефе Киевской Софии). Отмечу, что в иконе эта революция изобразительной этничности началась лишь после победы на Куликовом поле. Подражая великому константинопольскому образцу, древние киевские художники даже изобразили, правда, не в мозаике, а на фресках, княжичей — детей князя Ярослава — и самого князя с миниатюрным храмом в руке.

Сравнив названные храмы с, допустим, наиболее древней сохранившейся церковью Парижа — Сен-Жюльен-ле-Повр (1165–1220), легко отметить, что внушительностью монументальной архитектуры, гармонией пропорций и мастерством кладки русские храмы дают куда более совершенный образец строительства. Правда, в этой неказистой старинной парижской церковке, преимущественно романской архитектуры (скругленные, а не стрельчатые арки и часть окон, сводчатый туннельобразный потолок центрального нефа без нервюры и т.д.), уже просматриваются местами робкие начала готического стиля (ряд окон имеет едва намеченную стрельчатость, на потолке боковых нефов — простейшие нервюры). В этом отразился плавный переход от

увядающего стиля к расцветающему, совершавшийся в течение полувека. Впоследствии именно готика достигнет величайших высот и ярко обозначит, как, может быть, ничто другое, всю бездну духовного отличия европейца от русского человека¹², но тогда, в начале XIII в., это отличие было еще еле заметно. И уж во всяком случае, оно не позволяет говорить о каком-то превосходстве западной архитектурной мысли и традиции над русской.

Ранняя икона Древней Руси дошла до нас, к несчастью, в слишком недостаточном количестве (всего около 50 единиц). Мы догадываемся, что в XI в. уже было создано множество икон (известно даже имя одного из иконописцев — Алимпия, жившего в конце того столетия). Однако пожары, войны и нашествия уничтожили большую их часть. О самом страшном из подобных несчастий речь впереди. Тем не менее можно утверждать, что весьма долгое время, по крайней мере до XIII в., не только архитектура и стенная роспись, но и русская живопись (иконопись) также ни в чем не уступала европейской. Во многом это было обусловлено высокой византийской

традицией, но так или иначе, а факт налицо. Достаточно взглянуть хотя бы на прославленные флорентийские иконы того времени, чтобы в этом убедиться.

Правда, в Европе в указанном веке уже появляется первый живописный светский портрет (французского короля Иоанна Доброго), на триста лет обгоняя рождение данного жанра в России. Но это не значит, что портреты не писались на Руси. Пусть не на доске или холсте, но на фресках (например, в Софии Киевской) или в книжной миниатюре (великокняжеская семья в «Изборнике Святослава», Ярополк и его семья в «Трирской псалтыри») русские исторические светские персонажи изображались уже в XI веке.

Что можно сказать о прикладных видах искусства?¹³ Общий вывод таков: ни в ювелирном деле (скань, зернь, чернь, финифть, т.е. выемчатая и перегородчатая эмаль, обработка кабошонов, общий ассортимент и качество украшений и т.д.), ни в резьбе по кости, ни в мастерстве оружейников и вообще кузнецов русские в ту эпоху несколько не были слабее западных ремесленников¹⁴.

¹² Достаточно поставить рядом Новгородскую Софию и Нотр-Дам де Пари, чтобы это различие ударило в глаза со всей силой очевидности. Как известно, на Русь готический стиль не шагнул. Представляется, что тому есть три основные причины: 1) разделение церковью 1054 г., наложившее печать еретицтва на любую новацию, идущую от католиков; 2) татаро-монгольское нашествие и враждебная экспансия Запада на земли ослабленной Руси, что оборвало процесс культурного обмена и превратило политическую границу — в границу цивилизационную, способствовало духовной и научно-технической изоляции Руси; 3) вынужденная самобытность русского культурного творчества, обусловленная названными обстоятельствами и сформировавшая иное, чем на Западе, понимание и восприятие истины, добра и красоты.

¹³ См. об этом: Рыбаков Б.А. История культуры древней Руси. Домонгольский период. М., 1948–1951; Колпакова Г.С. Искусство Древней Руси: Домонгольский период. М., 2007; Гнупова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни: Медное художественное литье XI — начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М., 2000; и др.

¹⁴ В этом мне довелось убедиться не только по научным статьям и монографиям, но и своими глазами, побывав в 2005 г. в Лувре на обширной и содержательной выставке «Романская Франция во времена первых Капетингов (987–1152)» и дополнив свое впечатление экспонировавшимися в Национальной Библиотеке Франции рукописными книгами с миниатюрами того же времени. Желающие найдут соответствующие материалы в обширном и богато иллюстрированном томе, вы-

Нелишне напомнить, что уже из самых ранних письменных источников по истории Руси известно, что экспорт холодного оружия (мечей, в частности) был постоянным источником дохода русских купцов. И вывозили его не только на Запад, но даже и на Восток, где данная отрасль ремесла традиционно стояла куда выше, чем в Европе. Так же как иконы, русские домонгольские мечи сохранились в ничтожном количестве (около 150), другим видам вооружения также не повезло, тем не менее их качество позволяет сделать указанный вывод.

Что же касается ювелирных изделий, то некоторые древние клады позволяют догадываться об их некогда огромном количестве и выдающемся качестве. Так, незадолго до взятия татарами Киева, между 70-ми годами XII в. и 1240 г., там был зарыт клад, найденный в 1842 г. в при строительстве новой Десятинной церкви рабочими строителя А.С. Анненкова. Золотые и серебряные вещи из этого невероятно богатого клада еле уместились в двух мешках. Одних только золотых с перегородчатой эмалью колтов — височных колец — было несколько сотен. Варвар Анненков продал русские золотые сосуды XIII в. на переплавку, получив за это тысячи рублей — огромную сумму по тем временам.

Лишь три области прекрасного были развиты в Европе больше и лучше, чем в Древней Руси. Это, во-первых, непопулярная в нашем искусстве домонгольского периода круглая скульптура, напоминавшая о языческих идолах, чья участь после крещения Руси была плачевна. Во-вторых, витраж, которого мы не знали вовсе и завозили к себе из Европы с XIII в., а европейцы научились делать уже в VI столетии. И в-третьих, рукописная книга, само-

битная традиция которой не прерывалась в Европе с античных времен; на Руси же письменность получает распространение лишь в X в., с опорой на готовую византийскую традицию. Ранние русские книги, даже высокохудожественные, производят несколько кустарное впечатление¹⁵.

Впрочем, о книгах надо сказать то же, что и об иконах: количество сохранившихся несопоставимо с количеством уничтоженных. Так что полноценное суждение о них затруднено.

Этот факт — повод для перехода к разговору о главном. О причинах вначале русского цивилизационного расцвета, а потом — русской цивилизационной катастрофы, обречшей нас на догоняющий путь развития.

Киевская Русь — добрая почва для просвещения

Одна из главных причин высокого развития Руси-Гардарики, ставившего ее на почетное место в кругу европейских народов и стран, состоит в широком распространении грамотности и книжности.

Есть основания считать, что и в дописьменный период искусство слова стояло у наших предков высоко. Огромные тексты с дословной точностью запоминались и рассказывались наизусть, как у античных греков гомеровских времен. Собственно, именно в устной традиции до нас и дошли через сотни лет многочисленные песни, сказ-

¹⁵ Следует заметить, что раннее искусство манускрипта на Руси отражает нашу близость не только к византийской, бесспорно доминирующей, но и к западной традиции. Так, в главном шедевре русского книгоделания того времени — Остромировом евангелии — мы видим на изображениях трех евангелистов справа сверху их символы (льва св. Марка, орла св. Иоанна, быка св. Луки), которые очень распространены в каролингских и оттоновских рукописях, но совершенно не встречаются в книгах византийского производства.

пущенном в связи с названной выставкой: *La France roman au temps des premiers Capétiens (987–1152)*. Paris, Musée du Louvre — Éditions Hazan, 2005.

ки и былины¹⁶. Историк А.Г. Кузьмин отмечал: «Кирилл Туровский — современник автора “Слова о полку Игореве” — называл на равных летописцев и поэтов-сказителей в качестве хранителей памяти народной. Мы теперь знаем лучше первых, но в свое время более почитались вторые. Поэтическая традиция была изустной. Песни и сказания передавались из поколения в поколение. Все их знали и незачем было записывать»¹⁷.

О том, насколько емкой была память наших весьма тренированных в этом отношении предков, говорит характерный эпизод, запечатленный в Киево-Печерском патерике. В 25-м слове рассказано о затворнике Никите, который знал наизусть (!) книги Бытия, Исхода, Левита, Чисел, Судий, Царств и все пророчества по чину. Причем многие из братии пытались, но не могли состязаться с ним в знании книг Ветхого Завета. Впоследствии этот удивительный книголюб стал епископом Великого Новгорода. Нашему современнику невозможно даже вообразить себе такой объем запоминаемого текста, не то чтобы мечтать о повторении подвига.

Однако убеждать читателя в преимуществах письменности я не стану, полагая, что это и так всем ясно.

Письменность была известна русским и до крещения Руси, до принятия христианства. Об этом свидетельствуют договоры Киевской Руси с Византией 911, 944 и 971 гг. (по версии академика С.П. Обнорского)¹⁸, а также археологические находки: надпись на гнездовской корчаге не позднее середины X в., новгородская надпись на деревянном замке-цилиндре 970–980 гг. (по версии академика В.А. Янина).

Принято считать, что славянская

азбука была изобретена около 863 г. в двух вариантах: более схожей с греческим алфавитом кириллицы — и вычурной глаголицы, старающейся быть самобытной, непохожей на греческое письмо. Но для расцвета русской самобытности, видимо, в то время еще было недостаточно оснований: глаголица не выдержала конкуренции и вышла из употребления довольно скоро, в то время как кириллическое письмо широко использовалось как в официальных документах, так и в быту.

Некоторые надписи в наиболее ранний период (X в.) встречаются порой греческими буквами, иногда с добавлением специальных знаков для русских звуков. Но с XII в. русские литеры полностью заменяют греческие даже на княжеских и митрополичьих печатях.

Однако есть свидетельства в пользу версии о гораздо более ранних явлениях славянского письма, меньше связанных с византийским влиянием.

Протославянская письменность в виде пиктографических знаков типа «черт» и «резов» на территории Восточной Европы относится ко II–IV вв. нашей эры. Следующим шагом считается использование нашими славянскими предками в VII–VIII вв. модифицированного греческого буквенно-звукового письма и формирование на его основе протокириллицы. Этот факт можно считать твердо установленным благодаря трудам Е. Георгиева¹⁹.

Как древнеславянские «черты» и «резы», так и «неупорядоченное» протокириллическое письмо было доступно лишь немногим — волхвам, жрецам, возможно, иным отдельным посвященным. Однако этого достаточно, чтобы не абсолютизировать роль и значение византийского православия в деле обретения Русью своей письменности.

На это не раз указывали выдающиеся русские ученые. Например, Н.К.

¹⁶ На сегодня опубликовано (с вариантами) около 4200 сказочных текстов.

¹⁷ Златоструй. М., 1990. С. 8–9.

¹⁸ См. его: Язык договоров русских с греками // Язык и мышление: Сборник. VI–VII. М.–Л., 1936. С. 79–103 (ИРРЯ 99–120) и др.

¹⁹ Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952.

Никольский еще в 1930 г. осмелился утверждать, что «Повесть временных лет» подверглась радикальной идеологической переработке в пользу византийской духовной гегемонии и что в ней, в действительности, видны следы древних связей поляно-Руси с западными и придунайскими славянами, роль которых в культурном становлении русского народа неоправданно преуменьшена²⁰.

Мысль Никольского была заострена против господствовавшего тогда представления о варяго-византийском начале нашей истории. Незадолго до революции о том же писал выдающийся «антинорманист» В.И. Ламанский: «На основании дошедших до нас памятников русской христианской культуры XI в. надо предполагать целый век предыдущего развития. Так, за одно или два поколения писцов и книжников не могли сложиться такой русско-славянский или славяно-русский язык, стиль, правописание, какое мы видим, например, в Служебных Минеях или у первых наших писателей... Необъяснимо и непонятно, как из 5–7-летних ребят, крещенных по приказу княжескому в 990-х годах, мог через 30–40 лет явиться на Руси целый ряд известных и неизвестных деятелей христианской культуры, письменности и литературы; переписчики древнеславянских рукописей»²¹.

В 2007 г. вышла книга В.А. Чудинова «Вселенная русской письменности до Кирилла», развивающая позицию названных ученых. В ней на многих примерах утверждается, что на Руси

²⁰ Никольский Н.К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Вып. 1 // Сборник по русскому языку и словесности. Т. II. Вып. 1. Л., 1930.

²¹ Ламанский В.И. Славянское Житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915. С. 166.

за 50–200 лет до Кирилла существовало самобытное славянское письмо по меньшей мере двух видов: слоговая руница и протокириллица, напоминающая современное русское письмо, но без добавленных греческих букв (пси, кси, фиты, ижицы, омеги и др.). Чудинов, однако, пошел в своих предположениях настолько далеко, что отнес существование письменности такого вида даже к эпохе среднего палеолита. По мере обнаружения все новых памятников ученые-де называли подобное письмо Болгарицей, Сербицей, Азбуковицей, Арийским письмом, письмом срубной культуры, Трипольским, Винчанским, письмом Лепенского вира и т.д. Чудинову удалось прочитать буквально все такие надписи; он настаивает, что они написаны по-русски. С его точки зрения, Кирилл и Мефодий добавили в т.н. «руны Рода» часть букв греческого алфавита и таким образом сотворили кириллицу, послужившую затем массовому воспроизведению богослужебных книг и утвердившуюся в качестве литургической письменности.

1) Надо надеяться, дальнейшие изыскания подтвердят либо опровергнут гипотезы названных авторов, но так или иначе можно утверждать: докирилловская Русь не была вовсе бесписьменной;

2) начало массовой грамотности и широкого распространения письменности и книжности связано все же с крещением Руси, деятельностью братьев-просветителей Кирилла и Мефодия и византийским духовным влиянием.

Об этом всем свидетельствуют в первую очередь русские надписи на бересте.

Параллельный мир бересты

Грамотность — есть премудрость. Любая. Но особенность Древней Руси в том, что в ней наряду с книжной премудростью, доступной немногим, существовал обширный мир берестяных грамот. Это удивительное массовое

бытовое — именно бытовое! — явление, какого не знала Западная Европа.

Наиболее древние берестяные грамоты, среди найденных в Новгороде, Пскове, Мстиславле, Смоленске, Старой Руссе, Москве, Звенигороде, Торжке, Твери, Рязани и др., относятся лишь к 1020-м годам, не ранее, однако общее количество грамот чрезвычайно велико (уже обнаружено около 1000), а ареал распространения очень широк.

Кто писал на бересте? Анализ содержания подтверждает практически всенародную грамотность русских мужчин и женщин того времени. Перед нами в основном бытовая частная переписка горожан преимущественно делового, торгового, финансового, учебного назначения, но отражающая также любовные и семейные отношения и т.п. Парадоксальным образом, хотя белое духовенство тех лет (и большинство черного) принято считать поголовно грамотным, но церковная тематика практически не встречается в берестяных посланиях. Еще в 1958 г. А.В. Арциховский писал, что сам факт, что из 173 найденных на тот момент грамот только одна связана с попом, опровергает идею грамотности как исключительной сословной привилегии церковников²². Позднейшие исследования укрепили это мнение.

Судя по расшифрованным текстам, грамотность в XI–XIII вв. была широко распространена среди представителей городского посада — купцов, ростовщиков, дружинников, ремесленников, управляющих феодальными вотчинами, посадников, сотских и др., а также простых горожан, даже женского пола. Но сельское, крестьянское население в подавляющей массе было тогда еще, видимо, неграмотно; первые грамоты, написанные крестьянами своим феодалам, относятся

к XIV в., в более ранних слоях их не обнаружено.

В отличие от книжной, берестяная письменность обслуживала повседневное существование всех городских сословий, содержание грамот бытово, обыденно, приземлено. Уже в середине XII в. они были обычным элементом городской жизни²³.

О высочайшем уровне народной грамотности свидетельствует также *эпиграфика* — надписи на предметах, а более всего — граффити, т.е. записи, выцарапанные на стенах сооружений. Самые древние датированные граффити 1052–1054 гг., выполненные глаголицей и кириллицей, обнаружены в Софии Киевской, что, впрочем, не означает, что таковых не было раньше на других, не сохранившихся зданиях. К ним примыкают надписи на камнях, в т.ч. межевых, и предметах (мечах, шлемах, поручах, серебряных слитках, монетах, печатях, антиминых, змевицах, иконах, крестах, панагиях, голосниках, деревянных цилиндриках для запирающих мешков, венцах срубов, кирпичиках, сапожных колодках, пряслицах, крышках от бочек, потирах, чашах, дисках, амфорах, корчагах, чарах, брадинах, глиняных горшках и др.).

Древнейшей (1-я четверть X в.) кириллической записью такого рода считается слово «гороухша» (т.е. горчица) на корчаге из Гнездова. А древнейшей надписью на камне является знаменитый Тмутараканский камень, удостоверявший в 1068 г. по приказу князя Глеба Святославича ширину Керченского пролива.

Это все факты необычайной важности, далеко и высоко выдвигающие русских среди всех европеоидов того века. Наличие столь распространенной, устойчивой и массовой народной традиции письменности позволяет предполагать, что городская Русь

²² Арциховский А.В., Борковский В.М. Новгородские грамоты на бересте (Грамоты № 137–194 из раскопок 1955 г.). М., 1958. С. 58.

²³ Щанов Я. Н. Кирик новгородец о берестяных грамотах // Советская археология. 1963. № 2. С. 251–253.

была в целом грамотна уже до принятия христианства в 988 г.

Но! Грамотность и книжность — явления, идущие рука об руку не всегда. Если о высоком уровне грамотности в дохристианской Руси мы можем судить с немалой уверенностью по берестяным грамотам, то вопрос об истоках русской книжности мы пока вынуждены решать иначе. Он неразрывно связан с историей книжного производства, с историей материалов, со своего рода технологической революцией на Руси. А также с прививкой христианства, превратившей пространство русского ума и духа в «бездну» книжной премудрости.

Книга — прорыв в русское будущее

Древнейшей книгой Руси сегодня является Новгородский кодекс (не позднее 1-й четверти XI в.) — триптих из трех навощенных дощечек, найденный в 2000 году во время работ Новгородской археологической экспедиции²⁴.

На подобных навощенных деревянных табличках люди писали еще в античные времена, способ этот не нов. Был ли он наново изобретен древними русскими людьми или позаимствован у иных народов, мы знать не можем, но использовался достаточно широко, ибо археологи не раз находили так называемые «церы», представляющие

собой небольшие дощечки с бортиками по краям. Они заполнялись воском, поверхность которого покрывалась словами с помощью острого железного «писала», две дощечки складывались текстом внутрь и так хранились или посылались адресату. Древнейшие церы, найденные в Новгороде, относятся к XI в., возможно, их иногда использовали для обучения детей (на обороте одной из цер вырезана кириллическая азбука). Вместе с тем древнейшие писала обнаружены в культурном слое Новгорода, датируемом X в. Хотя ни цер, ни берестяных грамот такой давности пока не найдено, сам факт подтверждает, что русская грамотность и письменность в 900-е годы уже существовала.

Упомянутый выше триптих сделан по принципу цер. Но был ли распространен такой способ книгоделания? По единственному образцу делать обобщения трудно. А попытка подкрепить версию о древнерусской традиции деревянных книг (с врезанным в дощечки текстом) с помощью фальсификата — т.н. «Велесовой книги» — не нашла признания в мире строгой науки²⁵. О каких-либо иных полноценных книгах на дереве источники молчат. Возможно, их не было.

Видимо, основным материалом для развития письменности на Руси изначально была и долгое время оставалась береста. Раскопки в Новгороде принесли даже одну древнерусскую берестяную книжку (грамота № 419). В распоряжении историков есть свидетельство о бытовании еще в XIV веке книг, написанных на бересте²⁶. Так, в сочинении

²⁴ Кодексом, в отличие от свитков, именуяют книги, имеющие страницы (в данном случае деревянные), сшитые в книжный блок. Эта первая русская книжка — памятник христианской мысли. Кроме двух псалмов, написанных открыто на воске, в ней есть и «скрытые» тексты, процарапанные по дереву и сохранившиеся под восковым слоем. Их удалось прочесть академику А.А. Зализняку, обнаружившему там не известное ранее четырехчастное сочинение о продвижении людей от тьмы язычества через закон Моисея к свету учения Христа. Возможно, отголосок этой теории мы встречаем в знаменитом «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (XI век).

²⁵ Интересующихся отошлю к статье В.В. Кожина «Дощечки Изенбека», или Умершая «Жар-Птица», а также к видеолекции академика Зализняка, вывешенной в Интернете.

²⁶ Для получения бересты березовую кору предварительно вываривали, чистили, снимали белую пленку, обрезали и просушивали. Процесс непростой, но не требующий ника-

ях св. Иосифа Волоцкого рассказано: «Толику нищету и нестяжание имеяху, яко во обители блаженного Сергия и самыя книги не на хартиях писаху, но на берестьях»²⁷. Это подтверждается описью Троице-Сергиевой лавры: в ризнице-де хранятся «свертки на деревце чудотворца Сергия». Очевидно, полосы бересты склеивались между собой, как некогда листы папируса, образуя свитки.

Однако свиток — не кодекс, он архаичен и со временем становится неудобен к использованию. Появление новой формы книжности связано с технологической революцией: появлением на Руси пергамента. При всех своих достоинствах и преимуществах, этот способ был трудоемким и очень дорогим, ведь на изготовление одной книги требовалось много тщательно выделанной кожи (в частности, на один экземпляр Библии Гутенберга уходило до трехсот овечьих шкур)²⁸. Возможно этим объясняется относительно позднее его появление в нашей стране.

Изобретенный во II веке н.э. пергамент получает в Европе широкое распространение уже в IV столетии, а в средние века практически полностью вытесняет папирус из сферы книгоделания. Одновременно идет реформа книжной технологии: свиток заменяется кодексом. Принципиальное исключение — еврейская Тора, изготавливавшаяся в богослужебных целях только на свитках.

На Руси свиткам тоже порой отдавалось предпочтение до весьма поздних веков; так, Соборное Уложение 1649 г., хранящееся в Московской Оружейной палате, представляет собой сви-

ток толщиной от 22 до 26 сантиметров, свитый из ленты, склеенной из 959 листов пергамента общей длиной в 30 метров. Конечно, читать кодекс, листая страницы, чтобы найти нужное место, было проще, чем разворачивать такой рулон, но традиция есть традиция.

Искусство рукописной книги (манускрипта) развивалось в Европе с глубокой древности, не прерываясь. Но на Русь книга, изготовленная в виде кодекса на пергаменте, массово попадает лишь с X–XI вв., чем знаменуется совершенно новая эпоха в истории нашего народа. Кратко и точно высказался о сути произошедшего Б.В. Сапунов:

«В XI в. произошел качественный скачок в развитии русской культуры. За весьма короткий в исторических масштабах отрезок времени, равный жизни двух-трех поколений, Русь вышла, как бы сказали теперь, на уровень европейских стандартов в области культуры. Этот скачок мог произойти только тогда, когда общество получило в свое распоряжение достаточное количество средств хранения и передачи информации во времени и пространстве. Таким средством была древнерусская книга»²⁹.

Информационный расцвет на Руси в XI–XII вв.

Итак, грамотность и письменность на Руси существовали издавна и ко времени, интересующему нас, были распространены довольно широко в городской среде.

Другое дело книжность, сотворившая среди наших предков грандиозную информационную революцию. Приходится признать, что усиленное распространение книжной культуры и грамотности пошло только с утверждением христианства и при явной гегемонии Византии, возобладавшей над более ранними влияниями западных

ких особых затрат, в то время как пергамент был весьма дорог, а бумага крайне редка и почти недоступна.

²⁷ Преподобного Иосифа Волоколамского отвещание... // ЧОИДР. 1847. № 7. Ч. IV. Смесь. С. 2.

²⁸ Часть тиража была отпечатана Гутенбергом на бумаге, часть — на пергаменте.

²⁹ Сапунов Б.В. Книга в России в XI–XIII вв. (Предисловие Д.С. Лихачева). Л.: Наука, 1978. С. 12.

и дунайских славян. Только в XVI в. наше национальное русское нутро вырвется наконец из-под гнета византийского канона и обретет самобытную неповторимость в искусстве, распустится экзотическим (с точки зрения человека нерусского) «вертоградом многоцветным». Чтобы через столетие подвергнуться жесточайшей контратаке на Соборе 1666 г., а еще через столетие попасть под новое духовное иго, на этот раз уже западного происхождения. И уйти в тень вплоть до эпохи историзма 1880-х гг., навсегда оставив незабываемый праздничный и фантастический след, источник вечно-го вдохновения в душе русского эстета и художника.

После массовой адаптации кириллической азбуки в X в. книжный поток разнообразного содержания на славянских языках хлынул на Русь отовсюду, в первую очередь из Византии и Болгарии. Под влиянием этих образцов начинают работать и собственно русские переписчики, в первую очередь великокняжеские, а там и монастырские. Лаврентьевская летопись рассказывает о главном из русских скрипториев раннего периода:

«И бе Ярослав книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне; и собрав писце многи и прекладаше от грек на словенское письмо, и списаша книги многи и сниска, ими же поучашеся вернии людьє... насяя книжными словесы сердца верных людеѹ... Ярослав же се, якоже рекохом, любим бе книгам, многи написав положи в церкви святой Софѹи, юже созда сам»³⁰.

Историк русской церкви Е.Е. Голубинский считал, что у Ярослава Мудрого могло работать не более 20 переписчиков книг. Так ли это, знать нельзя, но ясно, что этот скрипторий уже не был ни первым, ни единственным на Руси³¹,

иначе откуда бы он собрал «писцов многих»?

По общепринятому мнению, книги писались и переписывались именно при княжеских дворах, монастырях и церквях. Занимались этим, если можно так выразиться, канцелярские служащие, но преимущественно священнослужители и монахи. Последним это вменялось в обязанность: сохранился церковный Устав князя Всеволода Мстиславича начала XII в., в котором сказано, что если «поповский сын грамоте не умеет», то он превращается в изгоя³², то есть выбывает, изгоняется из своего сословия.

Когда была написана первая русская книга-кодекс на пергаменте? Мы точно этого не знаем. Сегодня самыми ранними (рубеж X–XI вв.) из сохранившихся кодексов принято считать Киевский миссал (листки, написанные глаголицей, перевод латинского миссала, т.е. чинопоследования обедни), а также кириллическую рукопись краткого Евангелия апракос (т.н. Савина книга, названная по имени упомянутого в ней попа). Но утверждать, что нет и не было ничего более древнего в этом роде, нельзя.

Существует древнейший общепризнанный шедевр русского книжного искусства: «Остромирово Евангелие», написанное в 1056–1057 гг. на пергаменте дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира,

Лазаревом монастыре. В Москве книгописные школы сложились позднее, в XIV столетии, при Чудове монастыре (основан митрополитом Алексием в 1360 г.) и Спас-Андрониковом монастыре (основан им же в 1355 г., назван по имени первого игумена св. Андроника, ученика св. Сергия Радонежского). Книгописание, видимо, существовало в Данилове монастыре, Симонове монастыре, в кремлевском Спаском на Бору монастыре.

³² Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 136–146; Памятники русского права. Вып. II. М., 1952. С. 164.

³⁰ Лаврентьевская летопись, под 1037 г.

³¹ На Северо-Западной Руси древнейшей считается книгописная мастерская, действовавшая на рубеже XI–XII вв. в новгородском

приближенного князя Изяслава³³. Но нигде и никогда традиция рукописной книги не начиналась сразу с образцов такого уровня. Этому должны были предшествовать научение, опыт, практика, вызревание мастерства. Есть многие доказательства, что этот опыт начал накапливаться задолго до того.

Так, известна маргиналия новгородского священника Упыря Лихого, гласящая, что он в 1047 г. переписал глаголическую рукопись. Кроме того, в Реймском Евангелии (национальная французская реликвия, на которой присягали французские короли) содержится часть, написанная кириллицей и представляющая собой Евангелие, привезенное во Францию той самой киевской княжной Анной, что вышла замуж в 1051 г. за французского короля. Естественно, текст был написан до этой славной даты. Летописные сведения о скриптории отца Анны, Ярослава Мудрого (а он умер в 1054 г.), подтверждают и без того ясное умозаключение.

Скрипторий Ярослава был в первую очередь ориентирован на формирование княжеской библиотеки, которая, возможно, располагалась непосредственно в храме Св. Софии и насчитывала, по предположению историков, до 500 книг³⁴.

³³ Оно состоит из 249 листов, написано крупным каллиграфическим уставом в два столбца и украшено заставкой, инициалами и миниатюрами (хранится в Российской Национальной библиотеке, СПб.).

³⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1, полутом 1. С. 105–256; Кн. III. С. 880–924. Даже если допустить, что цифра несколько завышена, надо признать, что книжное собрание Ярослава было выдающимся по всем европейским меркам. В письме к Б.В. Сапунову крупнейший в Европе знаток манускриптов проф. М. Виттек писал: «Думаю, что не будет ошибкой рассматривать как очень значительную библиотеку романского времени, состоящую из более чем 100 рукописей» (Сапунов Б.В. Указ. соч. С. 161).

Надо полагать, ни высокая стоимость книжного делания, ни сложности организации этого процесса — от изготовления пергамента и чернил до создания подчас драгоценных переплетов с золотыми, серебряными окладами, усыпанными самоцветами, — не останавливали высокородных и богатых книголюбов. Книга еще воспринималась как штучное высокохудожественное и высокоинтеллектуальное изделие, требующее от изготовителей таланта и ума. Средневековое отношение художника к своему творчеству распространялось, несомненно, и на книгу. А именно: художник творил как бы перед Богом, исполняя высший долг, не считаясь с расходом времени и труда, не экономя на материалах³⁵, не рассуждая об «экономической целесообразности» духовного подвига и не собираясь наживаться на своем производстве. Обретаемая им заслуга имела гораздо более высокий, сакральный ранг.

Однако к началу XII в. спрос на кни-

Сохранились сведения о том, что обширной библиотекой обладал абт (игумен) Ольберт Гемблу, умерший в 1048 г. Он сумел собрать в своем монастыре 150 рукописей. В конце XIII в. в Германии был знаменит своими книжными сокровищами некто Гуго фон Тримберг (1260–1309), у которого было около 200 книг (Там же. С. 160).

³⁵ Поразительны данные о расходе пергамента в русских книгах: на роскошные широкие поля уходило от половины до двух третей этого недешевого и до XIII века импортного материала. При этом, в отличие от Европы, на Руси практически не прибегали к использованию палимпсестов (пергаментные листы с выскобленным текстом для повторного письма) и за редчайшим исключением не употребляли поля для заметок и приписок. Таким образом, роль широких полей могла быть лишь эстетической, создающей некое художественное пространство и повышающей самоценность словес. Спасение души несовместно с мелочной экономией: такой вывод единственно напрашивается по рассмотрении этих фактов.

ги растет, возникает книжный рынок, книга все же становится товаром. Появляется особая профессия книжного переписчика, духовный подвиг делателя книги преобразуется в ремесло, в дальнейшем появляются корпорации переписчиков, использующих разделение труда (так, Рязанская кормчая 1284 г. была написана пятью писцами). Книги начинают воровать, как представляющий ценность предмет³⁶. Происходит заметное упрощение технологий как следствие перехода к изготовлению массовой продукции, к постановке книгоделания «на поток»³⁷. По сравнению с массовой «берестяной» грамотностью низов это означало переход на более высокий качественный уровень.

К концу XII — началу XIII в. книга все шире проникает в народ. Поразительные и наводящие на неожиданные выводы находки дали раскопки Старой Рязани, погибшей от нашествия Батыя. Как писал А.А. Монгайт по результатам многолетних трудов на месте испепеленного в декабре 1237 г. города: «В Старой Рязани в рядовых жилищах часто находят медные застезки книжных переплетов — единственная хорошо сохранившаяся в земле деталь от древних рукописных книг. Книги были не только у богатей — книжные застезки найдены также в жилищах ремесленников, в полуземлянках бедноты»³⁸.

Теперь уже не только грамотность, но и книжность становится массовой. Однако в отличие от берестяных грамот, обслуживавших почти исключительно светскую сторону жизни русского люда, важнейшей особенностью

русской книжности изначально была ее сугубая клерикальность. Подробнее об этом сказано ниже.

Тут надо сделать оговорку: судить книговедам о русских манускриптах XI–XIII вв. приходится по единичным сохранившимся в наличии экземплярам. По предположению исследователя В.Б. Сапунова, до наших дней дошло менее одного процента былых книжных богатств Древней Руси раннего периода³⁹. Так что абсолютно достоверно охарактеризовать их мы не можем. Как не можем и обрисовать горизонты востребованности книги в русской публике. Если широкая, почти всенародная грамотность русских, засвидетельствованная берестой, является очевидным их отличием от европейцев, то сравнивать отечественный круг читателей книг с западным трудно, ибо недостаточно данных.

Впрочем, как всякая технологическая новинка, пергаментная книга на Руси должна была вначале стоить безумно дорого (вспомним, какие цены платили богатые люди за первые персональные компьютеры еще недавно!). Вплоть до XIII в. пергамент был привозным, импортным, что не позволяло снижать цену на готовую книгу. Ее сравнительную стоимость легко понять, зная, что князь Владимиро-Волынского княжества Владимир Василькович в 1288 г. купил у вдовы протопопа «Требник», заплатив за эту не самую большую из книг 8 гривен кун. В то же самое время целое село он же купил за 50 гривен кун⁴⁰. Соотношение, во многом объясняющее и позднее появление у нас манускриптов, и их мед-

³⁶ В 28-м «слове» Киевского патерика рассказано, как у монаха Григория воры пытались украсть книги из кельи (Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 92).

³⁷ Сапунов В.В. Указ. соч. С. 118.

³⁸ Монгайт А.А. Раскопки Старой Рязани // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 317.

³⁹ Вообще, Сапунов верно заметил о домонгольской Руси: «До наших дней дошли лишь разрозненные сведения о тех или иных явлениях духовной культуры, случайные фрагменты культуры материальной» (Указ. соч. С. 11).

⁴⁰ Котков С.И. Памятники письменности русского языка // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 193.

ленное распространение в народе, вне княжьих, монастырских и редких купеческих библиотек.

Впрочем, главные вопросы, встающие перед исследователем русской книжности, имеют отнюдь не экономический уклон.

Нас в первую очередь интересуют три вещи: какую по содержанию книгу предпочитали делать и читать на Руси в домонгольские времена; сколько было книг в обращении у публики той эпохи; что случилось с этим книжным массивом. Начнем по порядку.

Репертуар

Уже в середине XI в. на Руси было довольно людей, «...преизлиху насытившихся учения книжного» (к ним обратился митрополит Иларион в своем «Слове о законе и благодати»). Чем же именно они насыщали свой духовный голод?

В этом отношении у всех историков книги царит более-менее единое мнение: «Переписывались практически только священные и богослужебные книги, святоотеческая и богословская литература и т.п. А вот богатая светская литература Византии, продолжавшая традиции античной, за немногими исключениями не дошла до восточных славян, что характерно»⁴¹.

Еще в конце XIX в. среди 708 русских, сербских и болгарских пергаментных рукописей XI–XIV вв., выявленных Н.А. Волковым, проявилась четкая закономерность. Больше всего по количеству — 470, но немного по наименованиям богослужебных книг (апостолы, евангелия, псалтири, минеи, триоди, стихирари, ирмологии, кондакари и некоторые другие). На втором месте книги четьи, т.е. входящие в круг обязательного христианского просвещения⁴² (миней, торжественники, со-

борники, прологи, златоустники, златоструи, земные раи, пятидесятницы, патерики, агиографические сочинения, творения Отцов Церкви и толкования на них и т.д.), — 218. Меньше всего книг, не связанных с религиозными потребностями, мирских (изборники, палеи, хронографы, летописи, измарагды, юридические сочинения вроде «Русской Правды», памятники светской литературы, такие как «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», княжеские родословцы), — таких всего-навсего 20⁴³. Примерно такое же соотношение дает список Археографической комиссии.

Б.В. Сапунов признавал по этому поводу: «Имеются основания полагать, что соотношение сохранившихся богослужебных и четьих книг домонгольского времени (24:11) в какой-то степени отражает их действительное соотношение в XI–XIII вв.». Однако дальше он необоснованно предполагал: «Но отношение первых двух групп к третьей (24:11:1), выведенное по уцелевшим рукописям, не может отражать действительную картину, имевшую место во времена Древней Руси. Вероятно, и абсолютное, и относительное число книг светского содержания было более значительным»⁴⁴. Аргументов в пользу своего предположения он не привел.

Излишне оптимистичным представляется и такое его мнение: «Русь в исторически короткий срок смогла получить из Византии и других стран огромную сумму информации по самым различным областям знаний Ран-

---

го собора, а также Студийскому, а затем и Иерусалимскому уставу, требовалось, чтобы в церквях обязательно читались назидательные творения Отцов Церкви. Были и списки такой обязательной литературы.

⁴¹ История книги: Учебник для вузов / Под ред. А.А. Говорова и Т.Г. Куприяновой. М., 1998.

⁴² Согласно 19-му правилу 6-го Вселенско-

⁴³ Волков Н.В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах, XI–XIV веков и их указатель // Изв. ОДП, СПб., 1897. Т. СХХIII. Указатель. С. 51–96.

⁴⁴ Сапунов Б.В. Указ. соч. С. 81.

него Средневековья — богословию, философии, искусству, истории, литературе, юриспруденции, географии, астрономии, зоологии и т.д. и т.п.»⁴⁵. Если бы это все было действительно так, то пропорции светской и духовной древнерусской книги явно были бы иными. Да и репертуар светской книги был бы несравненно более обширным.

Все, напротив, свидетельствует о том, что ранняя русская книга в основном предназначалась именно для покрытия церковных и околоцерковных потребностей, служб и треб в первую очередь. Не случайно от домонгольского времени одних только евангелий дошло 45: эта книга, основополагающая для христиан, — явный и абсолютный чемпион среди переписанных русскими руками древних книг.

О том, что соотношение церковной и светской книги в раннем периоде русской книжности соответствовало списку Волкова и Археографической комиссии, говорит и тот факт, что оно почти не изменилось ни в послемонгольском XV в., ни в эпоху русских первопечатных книг, ни даже в куда более обмирщенном XVII столетии. Следует полагать, что такова была постоянная основа русского духовного интереса, его характерный вектор, национальная особенность.

Эта особенность бьет в глаза при сравнении репертуара русских и западных инкунабул. В последнем случае научная, познавательная литература занимает гораздо большее место: свыше 30% наименований против 2,7%, разница более чем десятикратная.

Сам Сапунов признает: «Книги церковного обихода переписывались сотни и тысячи раз, памятники церковной литературы — десятки и сотни, а «Изборники» изготовлялись в одном-единственном экземпляре по вкусу заказчика»⁴⁶. Между тем имен-

но «Изборники» — средневековые энциклопедии — содержали в себе, наряду с богословскими рассуждениями, упомянутую Сапуновым «огромную сумму информации»: сведения по астрономии и астрологии, математике и физике, зоологии и ботанике, истории и философии, грамматике, этике и логике. Но эти знания, большей частью переводные, оставались безвыходно в кругу немногих избранных русских читателей. К их числу относились в первую очередь некоторые князья, например, Иван Калита, в отличие от своих детей.

Приведу яркий пример. Благодаря трудам академика А.А. Шахматова и знатока древнерусского летописания М.Д. Приселкова известно, что в 1037–1039 гг. при Софийском соборе был составлен древнейший летописный свод, при составлении которого использовались книги исторического содержания, греческие хронографы, русский актывый материал и т.д.⁴⁷. Большая часть этих материалов была переводной; при Ярославе шел активный книгообмен с разными странами, им было не только организовано книжное производство, но и создан штат русских переводчиков. Ими или их коллегами были переведены «Хроника» Георгия Синкелла и Георгия Амартола, византийский эпос «Девгениево деяние», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, «Повесть об Александре Македонском» («Александрия»),

борника» (1073 и 1076 гг.). Первая («Изборник Святослава») содержала более 380 статей 25 авторов. Она была популярна как у греков в течение столетий, так затем и у болгар, прежде чем оказалась переведена на русский язык. Вторая («Изборник 1076 года» писца Иоанна) представляет собой компиляцию «из многих книг княжьих». Это косвенное свидетельство наличия богатой княжеской библиотеки.

⁴⁷ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV веков. Л., 1940. С. 26–31.

⁴⁵ Там же. С. 208.

⁴⁶ Там же. С. 155. Среди шести наидревнейших сохранившихся русских книг два «Из-

о гордом царе Адариане, переведенная с арабского древнейшая ассириовавилонская «Повесть об Акире Премудром» и даже христианизированное житие Будды («Повесть о Варлааме и Иосафе»).

Среди уцелевших до наших дней книг — славная «Пчела», переведенная до 1119 г., которая знакомила в отрывках с текстами Аристотеля, Платона, Гомера, Плутарха, Пифагора, Ксенофонта, Демокрита, Эврипида, Геродота, Демосфена, Сократа, Эпикура, Зенона и др. (образ медособирающей труженицы прозрачен). На Гомера ссылается также Ипатьевская летопись под 1232 г. («яко же Омир...»), но, по правде сказать, она ссылка в тексте Гомера не найдена.

Кто, кроме княжеской семьи, имел постоянный доступ к этим сокровищам? Точно не известно, но вряд ли многие.

При всем этом основной поток в XI–XII вв. составляла все же житийная и богословская литература, переведенная с греческого языка, поступающая из Византии и Болгарии⁴⁸. Лишь в виде исключений имелись переводы с латинского, древнееврейского⁴⁹. А между тем международным языком науки к этому времени уже прочно стала латынь, которая с Раннего Средневековья была основой основ школьного образования во всех странах Запада⁵⁰. Однако именно переводы с латыни на православную Русь не шли. Огромный пласт знаний отсекался от русского

читателя по соображениям религиозной гигиены.

Некоторые ученые находят положительный смысл в том, что русская средневековая письменность «основывалась на родном русском языке, а не на латыни, чуждой многим народам Запада (германским, кельтским, славянским). Русскому человеку достаточно было знать азбуку, чтобы приобщиться к культуре, а англичане, немцы, поляки, для того, чтобы стать грамотными, должны были изучать чуждую им латынь»⁵¹. Я же полагаю, что здесь мы сталкиваемся с очень характерным и очень отрицательным проявлением русского национального характера вкупе с огорчительными его результатами. Непонимание самоценности умственного труда (в данном случае — самостоятельного и добровольного изучения латыни как первой ступени к просвещению), следование путем наименьшего сопротивления в овладении знаниями вели к определенной атрофии ума. Главное же последствие сего ограничения в том, что через русскую азбуку наши предки могли приобщиться не к культуре, а лишь к ее небольшому и далеко не самому ценному сегменту.

Показательно, что ранняя русская оригинальная литература XI–XII вв., если не считать юридических, дипломатических актов и летописей (ту же «Повесть временных лет» и т.д.), также носит вся в целом характер религиозного христианского назидания: церковные уставы, «Слово о законе и благодати» и другие проповеди митрополита Илариона, поучения и проповеди епископов Леонтия Ростовского, Серапиона Владимирского, Луки Жидяты Новгородского, Кирилла Туровского, митрополитов Данилы и Иоанна, а также целый ряд других «слов», поучений, житий святых (в том числе русских) богословских сочине-

⁴⁸ *Истрин В.М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода. Пг., 1922. С. 4.

⁴⁹ *Еремин И.П.* Литература Древней Руси. М.–Л., 1966. С. 9–10.

⁵⁰ В частности, по современным подсчетам, 77% инкунабул было издано на латинском языке (*L. Febvre, H.-J. Martin.* The Coming of the Book: The Impact of Printing 1450–1800. London & New York, 1984. P. 248–249). Это положение сохранялось по крайней мере до XVIII в.

⁵¹ *Рыбаков Б.А.* История СССР эпохи феодализма. М., 1983. С. 74.

ний. Если даже византийская светская литература не привилась в круге русского чтения, что же говорить о западной или своей, домашней! Таким образом, как привнесенная извне, так и отечественная книга и литература на Руси представляют в духовном и культурном плане нечто единое, цельное.

Все вышесказанное позволяет подчеркнуть особый характер русской книжности, который в целом можно характеризовать как баснословный, далекий от позитивного знания (включать ли в эту характеристику весь массив религиозной литературы — дело вкуса читателя).

Таков был репертуар домонгольской русской книги.

Цензура

Насколько естественным, органичным был вышеозначенный выбор русского читателя в Древней Руси? Насколько он соответствовал внутренней духовной потребности?

Источник русской книжности не забил сам собой на отечественной почве, не процвел сам по себе, как некое растение, независимо прозябающее в родимом вертограде.

Книга шла на Древнюю Русь из христианских центров не самотеком, а через княжеские дворы и монастыри, служившие, в силу этого, не только центрами книгоделания, но и своеобразными фильтрами, отсеживающими литературу, предназначенную к размножению в публике, — от литературы, к тому не предназначенной.

С самого начала русской книжности ее направляющей и ограничивающей силой была светская и духовная власть. Когда мы удивляемся, насколько жесткому идейно-тематическому отбору подвергался книжный импорт и какое соотношение церковной и светской книги установилось в конце концов, мы не должны сбрасывать со счета фактор цензуры (назовем вещи своими именами), возникший у самой колыбели русской книги.

Переписка книг считалась богоугодным делом. Иногда сей подвиг совершался так, как это рассказано Пахომием Логофетом о житии св. Кирилла Белозерского в бытность того в Симонове монастыре: «Помысли архимандрит некую книгу писати и сего ради блаженному Кирилу повелевает от поварни изыти в келию и тамо книгу писати, якоже услыша Кирил, отиде в келию... и тамо... подвизашеся в писаниих...». Такой подход налагал на переписчика (как и переводчика) серьезные ограничения. Какие же именно?

В Печерском монастыре, а вслед за ним и во всех русских монастырях, был принят т.н. Студийский Устав, в котором специальный раздел определял порядок работы скриптория. Переписчик, нарушивший правила, подвергался определенному наказанию, своему за каждое особое нарушение. Известен как перечень нарушений («аще не храня добре, держит тетрадь», «аще особе от писанных книг припишет», «иже вяще писанных от книг чтет», «иже с гневом ломает трость», «иже не пребывает в повелении старейшины калиграфа», «иже возьмет чужую тетрадь»), так и перечень наказаний («сухо да ясти», «да поклонитесь... раз» и даже — «да отлучится»)⁵².

Но нарушения могли быть куда страшнее дисциплинарных. И о них попечители древнерусского общества также были отлично осведомлены. Ибо еще «Изборник» Святослава 1073 г. содержал три основополагающих произведения православно-христианской цензуры: «От апостольских уставов», «Слово Иоанна (Дамаскина. — А.С.) о верочитных книгах» и «Богословец от словес» (перевод индекса болгарского царя X в. Симеона). В них содержалось запрещение нежелательных книг — от апокрифических («странных книг всех уклоняйся») до отре-

⁵² Буславев Ф.И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861. Стб. 388–389.

ченных. В «Богословце от словес» читатель предупреждался о неких людях, иже прельщаются «неистовыми» книгами, и приводился список не менее 23 «сокровенных» (т.е. «потаенных», «подложных») таковых книг⁵³.

Всего в «Изборнике» перечислено ни много ни мало — девяносто (90!) запрещенных или нежелательных книг, которые теоретически могли оказаться на Руси в середине XI в. В том числе отреченные книги: Адам, Енох, Ламех, Патриархи, Молитва Иосифова, Завет Мусии (Моисеев), Исход Мусии, Псалмы Соломона, Ильино откровение, Иосино видение, Софроново откровение, Захарьино явление, Иакова повесть, Петрово откровение, Учения апостольские Варнавы, Послания и Деяния Пауля, Наумово откровение, Учение Климентово, Игнатово учение, Полукарпово учение, Евангелие от Варнавы, Евангелие от Матвея.

В этих же трех статьях можно найти и данный в противовес список рекомендованных для благоверного читателя книг, кои «добры суть и лепотны». Например: аще кто захочет «повести почитать», да обратится к «Цесарским книгам» (Книги Царств Ветхого Завета); «аще ли хитростными и творительными» книгами заинтересуется, «то имеет пророки Иова и Предтечник, в них же всякие твари и ухищрения большую пользу уму обрещети»; «аште ли и песни хоштеши, то имаше псалмосы» и т.д.

Перед нами не что иное, как грозное предупреждение переводчикам и переписчикам, дабы предупредить малейшее возможное покушение на прививку русскому читателю вредоносной и просто «лишней» литературы. Ответы на все вопросы следовало искать лишь в Священном Писании и святоотческой литературе, одобренной свыше.

Любопытно, что А.Н. Пыпин, сли-

чавший в специальном исследовании «Для объяснения статьи о ложных книгах» греческий и русский текст «Изборника», пришел к убеждению, что та часть статьи, где перечислены «истинные» книги, пришла через Болгарию из Византии, а та, где ложные, была создана на Руси и предназначена для русских деятелей книги⁵⁴. Перед нами, что характерно, творение доморожденных цензоров-неофитов, стремящихся, как оно и положено неофитам, стать «святее папы Римского»: недаром эта статья «Изборника» перешла затем во все последующие русские списки отреченных книг, притом в не раз дополненном виде.

Таким образом, процесс формирования русской книжности от самого ее истока находился под бдительным надзором духовной и светской власти. Впрочем, и много позже митрополит Кирилл Киевский (XIII в.) взывал в одном из своих поучений: «Ложных же книг не почитайте!»; его голосом взывала вся верхушка властной сословной пирамиды. Они хотели уберечь читателя от всяческой не рекомендованной свыше литературы — и, судя по всему, уберегли успешно на века.

Как замечает исследователь, книгам светского содержания была уготована еще более тяжелая судьба⁵⁵. К сожалению, он не расшифровывает это замечание. Но мне не кажется, что крайне малый репертуар светской книги раннего периода всецело обусловлен дей-

⁵⁴ Летопись занятий Археографической комиссии, 1861 г. Вып. 1. СПб., 1862. С. 1–55.

⁵⁵ Сапунов Б.В. Указ. соч. С. 28. О светской литературе Киевской Руси писали Н. Лавровский (см. в кн.: О древнерусских училищах. Харьков, 1854), М.И. Сухомлинов (см. в кн.: О языкознании в древней Руси. Учен. зап. II отд. Академии наук, СПб., 1854. Кн. I. Раздел II. С. 177–260), И.И. Срезневский (см. в кн.: Древние русские книги. СПб., 1864), В.Н. Перетц (см.: Образованность // Книга для чтения по русской истории. Т. 1. М., 1904. С. 533–549) и др.

⁵³ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. М., 1958. С. 727.

ствиями церковной цензуры: просто спроса не было. Русский девственный ум в то время еще даже не знал, чего желать от мирового океана информации.

В дальнейшем, как верно указывает Сапунов, дело стало еще хуже: «В XVI–XVII вв., в связи с усилением позиций иосифлян, которых Б.А. Рыбаков назвал “воинствующими церковниками”⁵⁶, намечается рост религиозной цензуры. Устав Сергиевской лавры, ставшей образцом монашеских общежитий, не допускал в монастырь ни одной книги без благословения и контроля игумена. Тем самым перекрывался последний канал проникновения в монастыри и церкви светской литературы»⁵⁷.

На мой взгляд, в столь позднее время монастыри уже отнюдь не были «последним каналом» книгообмена, влияющим на бытование книги на Руси, и дело тут не столько в них, сколько в том, что душа и ум русского человека все еще оставались девственными, и их первостепенная потребность состояла не в положительных знаниях, а в сказках и мечтах, в т.ч. религиозного свойства.

Количество

Дальнейшее изложение темы опирается на исследования историка, главного научного сотрудника Отдела русской культуры Государственного Эрмитажа, почетного доктора Оксфордского университета Б.В. Сапунова. В монографии «Книга в России в XI–XIII вв.» он написал: «Длительные и весьма трудоемкие разыскания позволили прийти к выводу, что в XI–XIII вв. в обращении находилось около 140 тыс. книг нескольких сот названий»⁵⁸.

Сапунов разработал целую систему, по которой обосновал, во-первых, при-

мерное количество церквей и монастырей, действовавших в домонгольской Руси, во-вторых — примерное количество богослужебных и четких книг, входивших в комплект обязательной для каждой церкви литературы, а в-третьих — вывел из указанных цифр предполагаемое число всего книжного массива той эпохи. Проявив при этом огромную эрудицию, недюжинное остроумие и тонкость исследовательской интуиции.

Вот как выглядят его главные рассуждения:

1) «Итак, подведем общие итоги. Количество городских приходских храмов Древней Руси (до 1240 г.) определено в 1300–1500, сельских приходских — 8–9 тыс., домовых молелен в усадьбах феодалов — 1000. Кроме того, примерно в 300 монастырях имелось не менее 300, а возможно, и большее число церквей. Таким образом, в Древней Руси функционировало примерно 10 тыс. церквей разных категорий»⁵⁹;

2) «Ни в одном случае минимум книг... не был ниже 7–8 единиц на одну церковь. В это число входили следующие богослужебные книги: 1) Евангелие напрестольное, 2) Евангелие толковое, 3) Апостол, 4) Триодь цветная, 5) Триодь постная, 6) Псалтирь, 7) Минея общая, 8) Полууставье...

Храм не может существовать без книг — по ним совершается церковная служба. Для того чтобы совершать богослужение, необходимо иметь в наличии по крайней мере восемь богослужебных книг. Вообще же их число достигает 26-ти. Исследователи считают, что в Древней Руси до XIII в. было построено около 10 тысяч храмов. Таким образом, только богослужебных книг на Руси X–XIII вв., вероятно, было около 90 тысяч. Но в библиотеках монастырей и больших храмов (соборов) имелись и книги, предназначенные не для церковного богослужения, а для домашнего (келейного) чтения — “че-

⁵⁶ Рыбаков Б. А. Воинствующие церковники XVI в. // Антирелигиозник. 1934. № 3–4.

⁵⁷ Сапунов Б. В. Указ соч. С. 25.

⁵⁸ Там же. С. 14.

⁵⁹ Там же. С. 64.

тыи”. Это были, как правило, жития о святых или духовно-нравственные произведения христианских подвижников (например, знаменитая “Лествица” Святого Иоанна Синайского — любимая книга многих поколений православных христиан на Руси, оказавшая большое влияние на творчество Н.В. Гоголя). Кроме того была литература “светского” содержания — летописи, хронографы, палеи, княжеские родословцы, юридические сочинения и т.п. С учетом этого можно считать, что книжные богатства Древней Руси составляли 130–140 тысяч томов...

С точки зрения автора, это оптимальная, а далеко не максимальная величина книжного фонда Руси X — середины XIII в.»⁶⁰.

Если к этой оптимальной цифре применить пропорцию, вычисленную выше, то получается, что в те времена существовало около 4 тыс. различных томов светской тематики, что весьма немало. Конечно, это цифра гипотетическая. И она, увы, нимало не проливает света на вопрос о содержании этих томов.

Следует заметить, что речь идет об одновременном и, если можно так выразиться, единомоментном состоянии русского книжного фонда накануне татаро-монгольского вторжения. Если же учесть, что многие русские церкви и до татар горели, и не раз, то общее число переписанных за четверть тысячелетия книг следует считать как минимум в два раза более обширным.

Сапунов с печалью констатировал трагическую судьбу ранних русских книг; он считал и повторял неоднократно, что от былых книжных сокровищ домонгольской Руси до нас дошли лишь доли одного процента⁶¹.

Информационная катастрофа на Руси XIII в.

Гибель девяноста девяти процентов книжных фондов любой эпохи и лю-

бого народа не назовешь иначе, как культурно-информационной катастрофой.

Что случилось? Отчего произошла эта ужасная катастрофа? В чем причина этой трагической гибели?

Сапунов называет целый ряд таких причин. Среди которых на первом месте — пожары, от которых непрерывно страдала Древняя Русь, с непостижимым упорством раз за разом отстраивавшая себя вновь и вновь именно в деревянном, а не в каменном или кирпичном виде. Не то чтобы она не знала каменной кладки (ср. крепости Изборска, Старой Ладоги, Пскова) или не умела делать кирпич (ср. Новгородский кремль-Детинец или более раннюю Софию Новгородскую, сложенную частью из дикого камня, но частью из плоского и широкого кирпича — плинфы). Знала и умела, но каждый раз строилась, по непонятным для меня соображениям, все же из бревен.

Пожары были как стихийными, так и умышленными, во время вражеских нашествий и междоусобных княжеских войн. Историк В.В. Мавродин подсчитал, что «за XIII, XIV и первую половину XV в. русские выдержали больше 160 войн с внешними врагами, из которых 45 — с татарами, 41 — с литовцами, 30 — с немецкими рыцарями, а все остальные — со шведами, поляками, венграми и др.»⁶². И это не считая войн внутренних!

В этих войнах неизбежно и регулярно гибли книги. По летописным данным, например, когда Ливонский орден в 1240 г. напал на Псков, они сожгли весь посад «и много зла было; погорели церкви и честные иконы и книги и евангелия»⁶³. Возможно, именно этим объясняется малое количество

⁶⁰ Там же. С. 76–82.

⁶¹ Там же. С. 14, 29, 221.

⁶² Мавродин В.В. Образование русского национального государства. М.–Л., 1941. С. 127.

⁶³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. Синодальный список. С. 77.

древних рукописей псковского происхождения: они просто все погибли в тот роковой год. Тяжело пришлось Пскову и при нашествии поляков во главе со Стефаном Баторием в 1581 г., и при нашествии шведов в 1615 г., а уж про немецкое разорение в Великую Отечественную и говорить нечего...

Не лучше была судьба пограничных Смоленска, Полоцка, Трубчевска, Витебска, Брянска и т.д. Напомню, что первая русско-польская война разразилась еще при Владимире Святом, и Смоленск так часто и подолгу переходил из рук в руки, что в XVII в. большинство смолян еще отождествляло себя с поляками.

Русские города захватывались и горели как до, так и после татарского ига. По подсчетам Н.Я. Аристов, с 1055 по 1238 гг. по Руси прокатилось 80 областных войн, некоторые из которых тянулись по 12–17 лет⁶⁴. Тот же Киев как минимум дважды был захвачен и разгромлен половцами, в 1096 г. ханом Боняком и в 1203-м — при участии князя Рюрика. Замечу в данной связи, что в ходе феодальных усобиц князья много раз приводили с собой иноплеменников — половцев, татар и др., что придавало особую беспощадность расправам над взятыми русскими городами. Но и без инородцев грабежи и поджоги городов и монастырей, пущенных «на поток и разграбление», наносили огромный ущерб книгохранилищам.

Борьба с расколом, со старообрядцами и их субкультурой тоже дорого обошлась для русского книжного наследия, ведь с точки зрения светской и духовной власти это наследие однажды все стало еретическим, с ним велась ожесточенная борьба.

Появление печатной книги не только нанесло удар по профессии книгоделания, но и сделало обладание рукописной книгой чем-то непрестижным,

признаком отсталости. От них стали избавляться, книги массово гнили от элементарного небрежения даже в монастырях.

Множество ценнейших рукописей, в т.ч. единственный подлинник «Слова о полку Игореве», унес московский пожар 1812 года.

Словом, мы видим, что плачевная сохранность фонда русских манускриптов имела многие причины, выделить среди которых главную на первый взгляд невозможно. Ведь почти все они действовали на всем пространстве Руси — и пожары, и междоусобицы, и нашествия, и гонения на старую веру, и тяжелая, безжалостно давящая и крушашая всю старину поступь петровских реформ, вообще «прогресса»...

Но это только на первый взгляд. При более вдумчивом анализе главная причина становится все же очевидной: **это татаро-монгольское нашествие и последующее за ним иго.** Два обстоятельства свидетельствуют об этом неопровержимо.

1. Во-первых, следует обратить внимание на географию сохранности книг и местное происхождение сохранившихся. Выше уже говорилось о печальной судьбе псковских рукописей, уничтоженных немцами. Но это — особый случай конкретного несчастья отдельного города. А ведь есть и другие данные, и они позволяют выявить особую закономерность. Вновь сошлюсь на Сапунова.

Где лучше всего и больше всего сохранились домонгольские русские рукописи? Только в двух регионах на всем необъятном пространстве Киевской Руси: в Новгороде и в Галицко-Волынской (Червонной) Руси. То есть там, куда татары либо вообще не дотягнули, либо не принесли тотального разорения. Сапунов свидетельствует на сей счет:

«В настоящее время общепризнано, что большинство сохранившихся рукописей XI–XIII вв. составляют

списки, сделанные в Новгороде. По-видимому, прав был Н.В. Волков, когда утверждал, что около половины всех сохранившихся домонгольских книг являются памятниками новгородской письменности»⁶⁵;

«Вместе с общим расцветом Руси возникли новые культурные и книжные центры. К середине XII в. выдвинулись города Галицкой Руси и Волыни — Галич, Владимир и Холм. Именно к этому времени относятся летописные данные о книгах и наиболее ранние сохранившиеся рукописи юго-западной Руси. Н.В. Волков называет 16 галицко-волынских рукописей, из которых нет ни одной древнее XII в. <...> Большая часть сохранившихся галицко-волынских книг написана уже в XIII в.»⁶⁶.

А где меньше всего, хуже всего сохранилось рукописное наследие?

Сапунов: «К сожалению, дошедшие до наших дней подлинные списки памятников киевской письменности весьма малочисленны (поскольку изначально и до самого своего падения в 1240 году самым главным центром русского книгоделания был именно Киев, то по этим жалким остаткам, неизвестно как, где и каким чудом сохранившимся, можно вообразить себе, насколько чудовищный урон был нанесен именно его наследию, едва ли не полностью уничтоженному. — А.С.)»⁶⁷;

«Другие области Древней Руси не оставили заметного числа письменных памятников домонгольского времени. Трудно согласиться с Н.В. Волковым, который объяснял это слабым и поздним развитием письменности не только в мелких городах, но и в таких крупных центрах, как Смоленск, Полоцк, Суздаль, Владимир, Ростов, Рязань (как мы помним, именно на раскопках сожженной татарами Рязани были найдены неопровержимые свидетельства

широкого бытования книги в этом городе. — А.С.)»⁶⁸;

«Наиболее ранние сохранившиеся книги Галича Северного, Ярославля, Суздаля, Переяславля, Москвы, Серпухова относятся к разным годам XIV в. (т.е. ко времени, когда наиболее ожесточенные военные действия татар были позади и началось восстановление утрат. — А.С.)»⁶⁹.

Ссылаясь на того же Волкова, Сапунов уточняет: «Новгородское наследие составляет “никак не менее 1/2 всех сохранившихся книг, вернее даже, что их еще более... К сожалению, от этого расцвета киевской письменности в XI в. и дальнейшего ее движения до XIV в. до нас дошли незначительные остатки”, после чего следует перечень пяти книг киевского происхождения. Получается, что половина сохранившихся книг домонгольского времени относится к новгородской письменности, 5 — к киевской, 16 — к галицко-волынской... Книжные сокровища почти всех городов центральной и северо-восточной Руси погибли при монгольском нашествии»⁷⁰.

Причинно-следственная связь установлена убедительно. Добавлю еще аргумент.

2. Во-вторых, следует обратить внимание на некоторые обстоятельства времени.

Спустя шесть лет после выхода книги Сапунова в свет был издан «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.» (М., 1984), из которого мы узнали, что на государственном хранении в нашей стране находится 494 таких рукописи. Если учесть все древнейшие славянские книги зарубежных собраний, то в совокупности с российскими их будет около тысячи.

О чем это говорит? Пока что разве лишь о том, что вне исторической тер-

⁶⁵ Сапунов Б. Указ соч. С. 126.

⁶⁶ Там же. С. 128.

⁶⁷ Там же. С. 122.

⁶⁸ Там же. С. 129.

⁶⁹ Там же. С. 134.

⁷⁰ Там же. С. 129.

ритории русского народа сохранилось столько же книг, сколько и внутри, что протвиеоеественно, ибо по месту производства их должно было бы быть на много больше. То есть, как можно догадаться, внутри нашей страны русские книги яростно уничтожались, а снаружи — нет, хотя условия сохранности книжности вообще мало отличались.

Еще информация: с XI по XIV в. в России сохранилось всего 708 харатейных, то есть писанных на пергаменте, книг. Если вычтем немногие книги, приходящихся на XI в., получится, что от XII—XIII вв. сохранилось примерно столько же книг, что и от XIV (314 ед.), цифры сопоставимые, отличие не разительное.

Но вот перед нами следующая цифра, заставляющая серьезно задуматься. Судя по «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986), на государственном хранении находится 3422 книги этого периода.

Нетрудно видеть, что в течение каких-то ста лет без особых видимых причин количество сохранившихся книг выросло на порядок: с 314 до 3422! Что стоит за этими цифрами, за этим количественным скачком? Неужели и впрямь настолько изменился потребитель, настолько выросло книгообращение, читательский спрос? Но почему, с чего вдруг, с какой стати? Никаких сведений об этом нет.

Что-то может объяснить история технологий. В XV в. развитие русской книги уже прочно связывается с бумагой. Если в XI—XII столетиях пергамент импортировали из Византии или западных стран, а в XIII в. уже производили свой собственный (на нем написано большинство книг этого времени), то с первой половины XIV в. у нас понемногу начинает использоваться бумага⁷¹. По подсчетам Л.М. Костюхи-

ной на основе рукописей ГИМ⁷², доля бумажных книг составляла на рубеже XIV—XV вв. от 17 до 28 процентов. Но в XV в. бумага уже выходит на первое место и начинает вытеснять пергамент из обращения, хотя стоимость нового материала была весьма высока (по расчетам Н. Вельги, приблизительная стоимость одного листа бумаги в XVI в. равнялась стоимости курицы).

Трудно сказать, насколько появление нового материала стимулировало книжное дело. Допустим, замена пергамент на бумагу удешевило и облегчило производство, но не настолько же!

По мнению М.Н. Тихомирова⁷³, новый почерк — полуустав, сформировавшийся в скрипториях московских монастырей XIV в., позволял быстрее переписывать тексты — но, опять-таки, не в десять же раз!

Нет ли тут другой причины?

На мой взгляд, такая причина есть. Это все — последствия победы русских на Куликовом поле и последующего свержения татарского ига.

Дело не в том, что с XI по XII век русское книжное производство совершило-де ни с того ни с сего один рывок, а с XIV по XV век — другой. А дело в том, что только в XV в. перестали систематически уничтожаться татарами книжные сокровища в ареале исконного русского проживания и книгоделания⁷⁴.

сковского великого князя Семена Ивановича с его братьями (1350–1351) (*Черепнин А.В.* Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1955).

⁷² *Костюхина Л.М.* Русские рукописные книги и книжное письмо рубежа XIV–XV вв. (по материалам ГИМ) // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

⁷³ *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва XII–XV вв. М., 1992.

⁷⁴ Конечно, такие постоянно действующие в деревянной Руси факторы, как пожары или простое небрежение, продолжали уничтожать книгохранилища, но ведь эти

---

⁷¹ Самыми ранними рукописями на бумаге считаются договор смоленского князя с Ригой (первая половина XIV в.) и договор мо-

Перестали уничтожаться в столь чудовищно массовом количестве и сами русские читатели. Как полагает историк С.А. Ершов, суммарные людские потери русских от врагов-иноземцев с 1237 по 1500 г. — 6518,5 тыс. человек⁷⁵, из них абсолютное и относительное большинство приходится на период, заканчивающийся взятием Москвы в 1382 г. Тохтамышем (включительно).

Иначе объяснить, почему от XV в. при всех прочих равных условиях сохранилось рукописей на порядок больше, чем от XIV, — невозможно.

О том, как это бывало, малое представление дает Лаврентьевская летопись, которая под 1237 годом сообщает, что из разоренного Владимира-на-Клязьме воины Батые в качестве трофеев вывезли книги. Зачем они понадобились монголам — неизвестно. Но из культурного оборота наших предков они были вырваны навсегда. И так было с 1230-х гг. до примерно середины XV в. повсеместно, кроме северных и крайних юго-западных территорий Киевской Руси.

Впоследствии татарские экспедиции, в том числе карательные, еще не раз наносили нам существенный урон. К примеру, повесть «О московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли Русской» в таких словах повествует о разорении Москвы 26 августа 1382 г.: «И книг множество снесено со всего града и с сел, в соборных церквях множество наметано, охранения ради спроважено, то все безвестно

факторы действовали как до, так и после татар (вспомнить хотя бы пожар Москвы 1812 года, погубивший единственный подлинный список «Слова о полку Игореве»). Никакими постоянно действующими факторами разрыв в книжном богатстве между XIV и XV вв. не объяснить: здесь произошло нечто экстраординарное, а именно — свержение татарского ига, прекращение регулярных набегов.

⁷⁵ Ершов С.А. Великая Русь. Народонаселение и войны I–XX вв. М.: Феникс-Плюс, 1997.

створиша»⁷⁶. То же повторилось при нашествии Девлет-Гирея в 1571 г. и т.п. (Характерно, что русские люди, чтобы защитить любимые книги от врага, сносили их под защиту церковных стен, но это не могло спасти драгоценные рукописи, и они горели, подожженные татарами, вместе с церковными стенами.)

* * *

Итак, время и место наибольшей сохранности древнерусских книг ясно и однозначно указывает: книги лучше всего сохранялись там и тогда, где и когда их не могла коснуться рука татаро-монгольского захватчика. В годы татарского ига уничтожение русских книгохранилищ на доступных татарам землях было регулярным и последовательным.

Но дело не только в непосредственном уничтожении уникальных носителей информации, также порой уникальной. Дело еще и в том, что татаро-монгольская оккупация, обернувшаяся тяжелым бременем дани и постоянным уводом в Орду и на невольничьи рынки русских людей, в том числе наиболее искусных ремесленников, систематически лишала нас экономических ресурсов развития, в том числе информанционного.

Поиск «точки бифуркации», исторической развилки, пройдя которую, Русь вступила на путь вечно догоняющего Европу развития, ведет нас именно туда, в роковые 1230–1240-е годы.

Сказанное позволяет полностью поддержать вывод, сделанный Сапуновым: «Ни с чем не сравнимые потери понесла русская культура в страшные годы нашествия орд Батые. Монголы не только нанесли нашей цивилизации непоправимый урон, они на столетия затормозили поступательное движение русского народа»⁷⁷.

---

⁷⁶ ПСРА. Т. VIII, под 1382 г. См. также: Т. II. С. 85–89; Т. III. С. 29, 133, 232; Т. V. С. 16; Т. VI. С. 99–102.

⁷⁷ Сапунов Б.В. Указ. соч. С. 17.

Подчеркну: четверть тысячелетия длившаяся безжалостная и хищническая власть врага-инородца — не единственная, но главная причина нашего цивилизационного отставания. Сегодня делаются попытки, глядя в прошлое сквозь мутные очки толерантности и политкорректности, выдавать эту власть чуть ли не за обоюдно полезный симбиоз парабитателя и парабощенного⁷⁸. Но

---

⁷⁸ Подобные идеи можно встретить у историка А.Н. Гумилева, филолога В.В. Кожина, писателя Б.В. Васильева и др. Ничем, кроме породненности с нерусскими людьми, объяснить подобное интеллектуальное извращение я не в силах. О том, какой урон в действительности нанесли русским татаро-монголы, есть обширная литература. В брошюре «Русь под игом: как это было?» (М., 1991) д.и.н. В.А. Кучкин итжит: «Военные опустошения, произведенные Батыем, тяжелый податной пресс, наложенный завоевателями на покоренное население русских княжеств, привели к затяжному экономическому упадку Руси. Достаточно сказать, что в первые 50 лет ордынского властвования на Руси не было построено ни одного города... Масштабы каменного строительства после монголо-татарского завоевания резко сократились.

в подобных спекуляциях нет ни грана правды.

Во всем сказанном есть основания для некоторого сдержанного оптимизма. Невзирая на общий процесс деградации белой расы, коснувшийся едва ли не более Западного мира, чем нас, русский биологический потенциал по-прежнему вполне сопоставим с европейским и позволяет надеяться на выравнивание наших достижений по образцу домонгольского периода. Надо лишь правильно определять приоритеты развития, сосредоточившись на технологиях информации и связи.

Они достигли домонгольского уровня только 100 лет спустя после Батыева нашествия... Сошло почти на нет заключение политических союзов, резко ослабла торговля, нарушились культурные контакты. Экономически северовосточные княжества оказались отброшенными назад на 50–100 лет. Чеканка монеты в них — показатель рыночных связей — началась только в 80-е гг. XIV в.» (с. 23–28). Автор по данным, опубликованным в Полном собрании русских летописей, приводит список городов и территорий, которые «подверглись военным опустошениям», содержащий свыше 30 наименований.

Александр Горянин

СВОИМИ ПУТЯМИ. РУССКИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Статья четвертая

О конституционных проектах декабристов следует сказать особо. По проекту Павла Пестеля Россия становилась республикой с однопалатным парламентом — Народным вечем, а Державной Думе и Верховному Собору предназначались функции исполнительной и «блюстительной» ветвей власти. В состав Народного веча надлежало выбирать представителей от губернских «наместных собраний» сроком на пять лет с обновлением 1/5 части депутатов ежегодно. Председатель Народного веча (по сути, президент страны) должен был избираться ежегодно из доизбранных — два председательских срока становились, таким образом, невозможны. Только Народное вече наделялось правом издавать законы, объявлять войну и заключать мир. Право роспуска Народного веча отсутствовало у кого бы то ни было. Предусматривалось, что Державная Дума состоит всего лишь из пяти человек, избираемых депутатами Народного веча на пять лет. Верховный Собор из 120 «бояр», избираемых пожизненно, должен был следить за соблюдением конституции и законов (это и была «блюстительная» власть). Избирать депутатов выборных органов должны были всеобщим голосованием, причем право голоса предполагалось даровать мужчинам от 20 лет и старше, избирательные права женщин не предусматривались. Особенно паразитическим пунктом была отмена

всяких цензов: имущества, образования, оседлости. Пестель был за равные избирательные права всех взрослых лиц мужского пола, такого не было в то время нигде в мире. Г.В. Вернадский характеризует его проект как «образец якобински-централизованной демократической республики».

Конституция (или «Устав» Никиты Муравьева) предусматривала конституционную монархию в форме федеративной империи из тринадцати «держав» и двух областей¹ со столицей в Славянске (Нижний Новгород), как самом «гражданственном» городе России — ведь именно там родилась низовая народная инициатива, приведшая в Смутное время к освобождению России от поля-

¹ «Державы» были очерчены Муравьевым, естественно, не как этнические, а как территориально-экономические единицы. Они имели вытянутую форму, поскольку привязывались к морям или большим судоходным рекам. Современный студент может спросить: разве не этнично название одной из муравьевских держав, Украинской (со столицей в Харькове)? Нет, для Муравьева это был географический термин, наследующий понятие «украинные земли Русского государства» — так назывались территории нового освоения XVI–XVIII вв., исторически буферные между русскими землями и Диким Полем. Характерно, что Киеву предназначалось стать столицей не Украинской, а Черноморской державы. Как не вспомнить Григория Сковороду, говорившего, что любит «мать-Малороссию и тетку-Украину».

ков. Верховная законодательная власть была бы у Народного веча, состоящего из двух палат: Верховной Думы (верхняя палата) и Палаты народных представителей (нижняя, представляющая державу и области).

Верховная Дума, по Муравьеву, должна была состоять из 42 членов: по три гражданина от каждой державы, два от Московской области и один — от Донской. Совместно с императором Дума должна была участвовать в заключении мира, назначении верховных судей, главнокомандующих, корпусных командиров, начальников эскадр и верховного блюстителя (генерального прокурора). Каждые два года Верховная Дума обновлялась бы на треть. Любой законопроект должен был проходить три чтения в каждой палате. Законопроект, принятый обеими палатами, получал силу закона после подписания его императором, который мог вернуть его на вторичное обсуждение с замечаниями. Но в случае повторного принятия закона обеими палатами он приобретал силу закона и без согласия императора.

Согласно подсчетам Муравьева, нижняя палата должна была состоять из 450 членов (по одному от каждых 50 тысяч жителей мужского пола; т.е. население империи он определял в 45 млн. чел.). Не было забыто и депутатское содержание: пять рублей серебром за день работы плюс покрытие дорожных трат. Предусматривался высокий имущественный ценз. Сходным образом были бы устроены и «державы»: законодательный орган должен был состоять из двух палат — Палаты выборных и Державной Думы. Державы делились на уезды (всего уездов в империи должно было быть 368), а те на волости или поветы. Начальник уезда назывался тысяцким. Должность эта была выборной, как и судейские должности. Вообще, выборными должны были стать едва ли не все должности в государстве.

Предполагалось введение обязательного ценза оседлости. Император выступал «верховным чиновником рос-

сийского правительства» с жалованием 8 млн рублей в год (в скобках рукой Муравьева было написано: «2 мил.?») — на все, включая двор, придворный штат и содержание представительских зданий.

Не касаясь всего содержания «Русской Правды» Пестеля и «Устава» Муравьева (вопросов собственности, судов, прав граждан, налогов, войска и т.д.), зададимся вопросом: были ли они реалистичны в части конструирования демократической системы власти и управления? Поразительно, но отделяющие нас от декабристов почти два века с их огромным политическим наследием и опытом не выявили каких-то особо новых идей в этих разделах проекта Никиты Муравьева. И сегодня впечатляет зачин: *«Источник верховной власти [в России] есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя»*, как и формула высшего законодательного органа: *«Народное Вече, составленное из мужей избранных народа Русского и представляя Его собою»*².

² На одном из недавних общественно-политических «круглых столов» его участник (утаю его имя) уверял, будто верхи общества в России всегда, а тем более в начале XIX в., исключали себя из понятия «народ», а само это слово употреблялось исключительно для обозначения «простонародья», «мужичья», «черни». Тексты декабристских конституций не оставляют шанса для таких утверждений. Слово «народ» у Муравьева — не какой-то идеальный образ, обращенный в будущее. Будь это так, речь не шла бы о *«древних постановлениях народа Русского»*. Для декабристов было крайне важно, чтобы их конституция, будучи обнародована (опять-таки от слова «народ»), привлекла как можно больше дворян — привлекла, а не оттолкнула. Пребывая в реалиях своего времени, они не сомневались, что формулировки Устава приглашают просвещенное сословие в ряды *«мужей избранных народа Русского»*, а «Народное вече» и «Палата народных представителей» не будут восприняты как сборища пугачевцев. Для верхов тогдашнего общества

Чуть больше сомнений вызывает проект «Русская Правда», особенно принципиальное отсутствие каких бы то ни было цензов. Возможно, Павел Иванович Пестель исходил из того, что в рамках своего сельского мира даже самые темные, казалось бы, крестьяне вполне разумно справляются с выбором старост, старшин, десятских и сотских, увольнением из мира и приемом в него, раскладкой тягла, мирскими сборами, установлением опеки и даже с таким чувствительным делом, как передел земель.

Декабристы рассчитывали, что их конституционные проекты будут встречены с полным пониманием. Что давало им повод так думать? Дело в том, что слово «конституция» всю первую четверть XIX в. было в большой моде в политических салонах и в салонах просто. А также вне салонов. О конституциях разных стран писали журналы и газеты. Уже самый первый номер «Вестника Европы» (журнал начал выходить в январе 1802 г.) излагает историю французской революции. К тому же читающая публика видела, что Петербург поощряет конституции по периферии империи.

Еще в 1799–1800 гг. адмирал Федор Ушаков принял деятельное участие в определении политической судьбы Ионического архипелага, отбитого у Франции. «Проект организации управления», соавтором которого был адмирал, носил передовой для своего времени характер, утверждал республиканскую форму правления. Право избирать и быть избранными в органы власти новосозданной греческой «Республики Семи Соединенных Островов»³ полу-

чали не только представители высших классов, но и зажиточные представители торгово-ремесленного сословия, включая даже богатых крестьян, если они держат магазин. Ушаков, пытавшийся расширить социальную базу управления, в течение нескольких месяцев отстаивал проект. Отстоять удалось не все, но в нашем контексте важно другое: русский адмирал, вполне официально представлявший Российскую империю Павла I, продвигал республиканские, парламентские, демократические и конституционные идеи.

С самого начала царствования Александра I и на протяжении нескольких лет в верхушечной части российского общества как круги по воде расходились непрерывные слухи о работе «Негласного комитета» во главе с самим императором (членами комитета были его молодые друзья Николай Новосильцев, Павел Строганов, Адам Чарторыйский и Виктор Кочубей), который якобы готовит конституцию и либеральные преобразования в России. Это не опровергалось и запало в умы.

15 марта 1809 г. император Александр I подписал манифест о государственном устройстве Финляндии, ставшей Великим княжеством Финляндским. Часть России, автономия в ее составе, получила право на созыв собственного органа управления, сейма, и выработку своей конституции.

О Сперанском и его проекте создания в 1810 г., одновременно с Государственным советом, выборной Государственной Думы речь у нас уже шла. Считается, что проект был отставлен в связи с ожиданием неизбежной войны с Наполеоном.

В 1814 г., после победы над последним, Александр I стал соавтором Кон-

слово «народ», как и сегодня, было многозначным: с одной стороны, оно было синонимом слова «нация», с другой — означало простых людей, без негативного оттенка: *«умный, бодрый наш народ»* (Грибоедов).

³ Самое первое в Новой истории государство балканского региона, созданное (как и все остальные, кроме Албании) при участии Российской империи. Республика располагалась на островах Ионической группы Кер-

кира (Корфу), Паксос, Лefкас, Кефалиния, Итака, Закинф и Китира (Цитера) в Ионическом море. Островная республика просуществовала семь лет под защитой русских кораблей и пушек. По Тильзитскому соглашению вернулась под контроль Франции.

ституционной хартии для Франции. Отличительными чертами этого документа были: гарантии равенства всех подданных короля перед законом, религиозная терпимость, учреждение (наряду с королевской властью) двухпалатной Ассамблеи на основе ограниченного избирательного права, ответственность правительства перед Ассамблеей.

15 ноября 1815 г. была провозглашена подписанная Александром I вполне либеральная Конституционная Хартия Царства Польского. Все и без того знали, что русскому императору близки политические идеи, содержащиеся в этой хартии, но была ясна и другая причина подобного либерализма. Первая статья документа гласила: *«Царство Польское навсегда присоединено к Российской Империи»*, и полякам давался утешительный приз в виде двухпалатного сейма (собственно сейм и «посольская изба» с «послами» от шляхты и мещан), свободы печати, гарантий личности.

Три года спустя, 15 марта 1818 г., открывая сейм Царства Польского, Александр I объявил о своем намерении ввести конституцию в собственно России. Весть об этом быстро облетела всю Россию. Составление конституционного проекта было поручено Н.Н. Новосильцеву. Его «Государственная уставная грамота Российской империи» из 191 статьи предусматривала гражданские свободы, равенство подданных перед законом, разделение административной и судебных властей, независимость судей, неприкосновенность личности и собственности, свободу печати и вероисповедания, создание двухпалатного парламента. За монархом закреплялось право законодательной инициативы и право вето, но без утверждения Государственным сеймом законопроекты и бюджет не вступали в силу. Россию предполагалось разделить на наместничества — крупные единицы из нескольких губерний, в каждом наместничестве планировался свой двухпалатный сейм для дворянских депутатов и «земских послов».

Избирательные права получали владеющие недвижимостью дворяне, а от городских обществ — владельцы недвижимости, лица с высшим образованием, предприниматели, купцы первых двух гильдий, цеховые мастера; о крестьянах речи не было. Правом избирать наделялись лица старше двадцати пяти лет, а быть избранными — старше тридцати, подпадающие под определенный имущественный ценз. Статья 167 исключала из числа избирателей, а тем более избираемых, евреев — кроме, разумеется, крещеных (они в глазах власти уже не были евреями). Проект был готов к концу 1820 г. Он не был опубликован, но стал известен широкому кругу лиц. Его влияние можно увидеть и в «Уставе» Никиты Муравьева.

Крепостное право в проекте Новосильцева не упоминалось, и это давало повод думать, что готовится скорая его отмена: зачем засорять Основной закон, рассчитанный на века, тем, что вот-вот исчезнет? Крестьянской реформе были посвящены три отдельных проекта (А.А. Аракчеева, Д.А. Гурьева и все того же Новосильцева в соавторстве с М.С. Воронцовым и А.С. Меншиковым).

Решиться на конституцию было очень трудно, императора можно понять. Он опасался, что появление ограничителя власти может стать катализатором непредсказуемых (вернее, хорошо предсказуемых) потрясений. По зрелому размышлению Александр решил, что конституция должна стать частью универсального свода законов Российской империи, увенчать его. В 1821 г. М.М. Сперанскому было поручено написать «Проект учреждения наместничеств», предусмотренных проектом Новосильцева. Одновременно царь решил провести эксперимент и посмотреть, как будет работать местный представительный орган. Под руководством генерал-губернатора А.Д. Балашова в Рязанской губернии в 1823 г. был создан губернский совет для проверки положений Уставной грамоты практикой — улуч-

шит ли местное представительство сбор налогов и выполнение повинностей, будет ли содействовать благоустройству и просвещению и так далее. Со смертью императора два года спустя эксперимент прервался на стадии, не позволявшей сделать уверенные выводы.

В 1810–1906 гг., то есть еще до появления выборного представительства и дарования гражданских и политических свобод, в России уже действовал коллегиальный орган, в заседаниях которого его члены пользовались неограниченной свободой слова. Это был Государственный Совет (о том, как Непременный Совет, предшественник Государственного, в споре с императором по вопросу о Грузии настоял на своем, речь у нас уже шла). Решения Государственного Совета принимались на общем собрании его членов. Помимо общего собрания, действовали департаменты: законов, гражданских и духовных дел, государственной экономии, военных дел, Комиссия составления законов. Государственный Совет рассматривал бюджет (до 1862 г. именовался «сметой», затем — «росписью»). Для обсуждения важных вопросов создавались различные особые совещания, комитеты и присутствия, куда приглашались эксперты и общественные деятели. В департаментах проводилось предварительное рассмотрение дел, внесенных министрами. Свои заключения департаменты выносили на общее собрание Государственного Совета, которое принимало окончательное решение большинством голосов. В решении излагалось также мнение меньшинства и особые мнения отдельных членов, если были. Императоры, как правило, соглашались с большинством.

Что же касается конституционных замыслов, то царствование Николая I положило им предел — по крайней мере, идущим сверху. Но эти тридцать лет были отнюдь не пустым временем — слишком многое из того хорошего и плохого, что было затем в судьбе России, уходит корнями в николаевские

годы, слишком многие идеи, едва ли не целый век затем определявшие эту судьбу, вызревали в период между восстанием декабристов и Крымской войной. Удивительная вещь: к концу весьма нелиберального, казалось бы, николаевского правления общество было пропитано либеральными и демократическими идеями и в целом готово к далеко идущим преобразованиям. И к конституции, и к отмене крепостного права. Именно эйфорию подобных упований имел в виду Лев Толстой, когда писал в неоконченном романе «Декабристы»: *«Кто не жил в [тысяча восемьсот] пятьдесят шестом году в России, тот не знает, что такое жизнь»*.

Полвека спустя наблюдательный публицист Михаил Меньшиков, вспоминая крепостное право, поражался необыкновенно быстрому нравственному созреванию дворянской России: *«О крепостном праве не было двух мнений сто лет назад [т.е. в 1808 г.]: почти всем, за ничтожными исключениями, крепостной быт казался естественным и единственно возможным. О крепостном праве не было двух мнений и пятьдесят лет назад [т.е., в 1858 г.]: почти всем, за немногими исключениями, крепостной быт казался противостественным и невозможным»* (очерк «В деревне»)⁴. Такое ошеломляющее преображение за такой короткий срок, меньше одной человеческой жизни!⁵

⁴ Меньшиков М.О. Выше свободы. М., 1998. С. 142.

⁵ Связано ли это нравственное созревание с загадочным процессом падения доли крепостных в населении страны? На момент воцарения Павла I она составляла 54% (данные 5-й ревизии 1796 г.). Согласно 10-й ревизии 1857 г., доля помещичьих и дворовых крепостных упала до 29% населения (Энциклопедический словарь Гранат, т. 25. М., б.г. [1914], 2-я паг., стб. 58). Значит, миллионы(!) крестьян вышли за это время из крепостной зависимости. Динамика снижения доли крепостных за 60 лет заставляет думать, что к 1861 г. этот показатель дополнительно снизился до

Оно — заслуга неформальных партий.

Снова о партиях

Повторимся еще раз: партии — едва ли не ровесники человеческих обществ. Партии возникали там и тогда, где и когда появлялись совпадающие интересы и совпадающие убеждения. Активные элементы общества всегда ищут и находят сторонников, стремятся склонить как можно больше людей к тому или иному образу действий. Я уже упоминал вывод академика С.Ф. Платонова (что характерно, питавшего, применительно к своему времени, «отвращение ко всякой партийности») о том, что Новгород XII в. уже был разделен на отчетливые партии: *«на Вече идут не лица, а союзы; голосуют там не лица, а союзы»*. К такому же убеждению (*«Партии типичны для всех городов-государств Древней Руси»*) почти 80 лет спустя пришел И.Я. Фроянов. Выше, в главе «Из российской партийной истории» приводились примеры партий разных периодов русской государственности.

28%, если не стал еще ниже. Каким образом крепостные «увольнялись в иные сословия»? Прадед Чехова по матери Герасим Морозов выкупился с семьей из «крепости» в 1817 г., а дед по отцу Егор Чехов, тоже с семьей (за 875 рублей), — в 1841-м. Предок по одной линии мог быть исключением, предки по обеим линиям — уже тенденция. Но вряд ли могли выкупиться миллионы семей. Известно, что пополнение мещанского сословия за счет вольноотпущенных шло постоянно, однако статистика ненаходима. Как дореволюционные либеральные историки обличительного направления (а других почти не было), так и идеологически стреноженные советские выискивали малейшие упоминания о произволе крепостников, сознательно пропуская остальное. Они не могли оставить феномен совсем без внимания, но непонятные цифры списывались на «невыносимый помещичий гнет», якобы вызывавший падение рождаемости среди крепостных и рост смертности. Ни то, ни другое не подтверждается цифрами.

Почти во всем мире «Большой XIX век» (1789–1911) ознаменовался эволюцией расплывчатых партий прошлого к более формализованным объединениям, кое-где — уже и с фиксированным членством. Но нас, естественно, интересует российский случай. В России начиная с 30-х годов позапрошлого века общественная мысль стала адекватно отражаться в литературе и журналистике, постепенно выявляя и одновременно формируя ряд партий — консервативно-этактистскую, монархическую, сословно-элитарную, национально-патриотическую, клерикальную (советская наука пыталась свалить их одну кучу, навешивая ярлыки «реакционеров», «охранительных сил», а то и «мракобесов») ⁶, либералов, а также социалистов, отчасти окормляемых нелегальными изданиями. А также сепаратистов, поначалу скрытых, федералистов и областников. Визитеры из России рассказывают живущему в Лондоне Герцену *«об университетских и литературных партиях»*.

В литературоцентричной России именно печатное слово уже около полутора веков назад взрастило все основные политические течения, дошедшие — разливаясь и мелея, сливаясь и вновь расходясь — до наших дней.

Выраженной партией были славянофилы. Славянофилы сами себя так не называли, они предпочитали название «Московская партия». Одной из их идей было возрождение Земских соборов, идея более чем демократическая. Западников, в отличие от славянофилов, было бы трудно назвать партией. Западничество было скорее направлением без четких очертаний.

Характерен заголовок статьи зна-

⁶ Их нередко валили в одну кучу и некоторые современники, обзывали «внутренними турками», с легкой руки М.П. Драгоманова (обличавшего «турецкие порядки» в России и их защитников). Настоящее изучение российских партий и течений XIX в., кроме социалистических, еще впереди.

менитого журналиста М.Н. Каткова из «Русского вестника» (№ 7, 1862) «К какой мы принадлежим партии?», характерен и такой отрывок из нее: «*Вырвите с корнем монархическое начало... уничтожьте естественный аристократический элемент в обществе, и место его не останется пусто, оно будет занято бюрократами, демагогами, олигархией самого дурного свойства*». Что-то слышится родное.

Как и в следующем отрывке из письма Аполлона Майкова Достоевскому (апрель 1869): «*Эта [революционная] среда, как мы знаем, первым врагом себе считает не правительство, а русскую так называемую партию*»⁷.

Особенно много печатных органов выпускалось либералами (после 1917 г. их полагалось называть «буржуазными либералами»). Иван Аксаков негодовал: «*Целый сонм газет и журналов с самодовольной осанкой возглашает: “мы, либеральная печать”*». Чернышевский не упускал случая посмеяться в своих статьях над русскими либералами и печатно заявить, что ни он, ни вся «крайняя партия» не имеют с ними ничего общего. «Крайняя», она же «прогрессивная», партия социалиста Чернышевского — это «революционные демократы» советских учебников. Демократы, заметьте.

Демократическую терминологию употребляли даже самые выдающиеся нравственные уроды, грезившие массовыми расправами. Поскольку Сергей Геннадьевич Нечаев (сайт «Википедия» именуется его «великим русским революционером»), создатель организации «Народная расправа», сидя на скамье подсудимых, выкрикивал «Да здравствует Земский собор!», как не отнести его к демократам? Добрым словом однажды отозвался о конституции и политических свободах Андрей Желябов. Еще один «зловещий» (по выражению

Бердяева) революционер, Петр Ткачев⁸, оставил такие строки: «*Упрочив свою власть, опираясь на Народную Думу и широко пользуясь пропагандой, революционное государство осуществит социальную революцию*»⁹, так что демократом можно изобразить и его. И даже, вероятно, лондонских мелких нигилистов, «*штурманов будущей бури*»¹⁰ — так ярко описанных Герценом «*собакевичей и ноздревых нигилизма*».

«Мирные» народники были в целом скорее равнодушны к парламентаризму и свои проекты нового общества боль-

⁸ Его родная сестра Александра Никитична Анненская, оставившая записки «Из прошлых лет», вспоминала, как 17-летний Ткачев носился с идеей, что революция окажется успешной лишь в том случае, если всем лицам старше 25 лет отрубить голову. Достигнув 25-летия сам, брат А.Н. Анненской на этом, насколько известно, уже не настаивал.

⁹ Цит. по: *Пушкарев С.Г.* Россия в XIX веке (1801–1914). М., 2001. С. 279.

¹⁰ Эти слова из «Былого и дум» откровенно ироничны, но Ленин В.И. не уловил иронию. В известном тексте, где у него декабристы будят Герцена, читаем далее: «*Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. “Молодые штурманы будущей бури” — звал их Герцен*». Да, звал, поясняя при этом, какого рода связь была у этих «штурманов» с народом: «*сближались с ним книжно и теоретически*», «*России вовсе не знали*», «*свои мнения и воззрения принимали за воззрения и мнения целой России*», «*народ их так же мало счел за своих, как славянофилов в мурмолах*». Герцен уличал «штурманов» также «*в домогательстве денег нахрапом, с пристрастием и угрозами, под предлогом общих дел*» и в мести «*кляузными и клеветами за отказ*» («*В самый разгар эмигрантского безденежья разнесся слух, что у меня есть какая-то сумма денег, врученная мне для пропаганды. Молодым людям казалось справедливым ее у меня отобрать*»). Начинаешь лучше понимать, почему эта профессия, «профессиональный революционер», не знала отбоя от соискателей.

⁷ Цит. по: *Ашимбаева Н.Т.* Достоевский: контекст творчества и времени. СПб., 2005. С. 141–142.

ше связывали с крестьянской общиной, ими же предельно мифологизированной. Народников в русской литературе и публицистике 1860–1890-х гг. было великое множество, целый ряд из них стали полезными членами общества, а кое-кто и выдающимися — достаточно назвать писателей Глеба Успенского и Владимира Короленко, академика А.Н. Пыпина (кстати, двоюродного брата Чернышевского), первую женщину — почетного доктора российской истории А.Я. Ефименко, социолога и главного редактора 20-томной «Большой энциклопедии» С.Н. Южакова. Народники были либеральные, радикальные, консервативные, славянофильские, анархистские — почти ни одно из этих течений невозможно вычленишь в чистом виде, они постоянно перекрещивались и меняли оттенки. Неверно истолковав опыт европейских революций 1848 г., большинство народников пришло к негативной оценке представительства правления. Но даже их иногда пристегивают к конституционалистам. Эту задачу облегчает высказывание одного из идеологов народничества Н.К. Михайловского, написавшего в прокламации «Летучий листок»: *«разрозненные беспорядочные факты»* [весны 1878 г.¹¹] *«должны быть возведены в принцип. Принцип этот называется: конституция, Земский Собор... Общественные дела должны быть переданы в общественные руки... в формах представительства правления с выборными от русской земли»*.

«Хождение в народ» развернулось с подачи Петра Лаврова (Тургенев писал о нем: *«воркует о необходимости Пугачевых и Разиных... слова страшные, а взгляд умильный и улыбка добрейшая»*)¹². Его «Исторические

письма», появившиеся, разумеется, в открытой печати — сперва в газете «Неделя», а затем отдельной книгой, — уловили и погубили сотни, если не тысячи молодых душ. Вечный эмигрант Николай Рusanов (1859–1939), народоволец, затем эсер, был полностью серьезен, когда вспоминал, что на книгу Лаврова *«падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма»*. Академик А.В. Никитенко, один из самых зорких свидетелей своей эпохи, сам из крепостных, легковерной впечатлительностью не страдал. По его свидетельству, Лавров был *«особенно падок до молодых людей и женщин, которых ему легче начинать всяким вздором во имя прогресса»*¹³.

«Хождение в народ» было движением, не имеющим аналогов. По словам доктора исторических наук В.А. Твардовской, ни одна другая страна не знала такого. Великое множество чистой сердцем молодежи из дворянских семей, нередко даже пройдя обучение какому-то навыку или ремеслу (кузнеца, сапожника, портного или просто дровосека), одевшись в крестьянское платье и стараясь разговаривать как крестьяне, отправилось по селам просвещать их жителей и готовить крестьянскую революцию. (Кстати, интересно: ни одна другая страна такого не знала, только Россия; почему?) Изза границы их приободрял Бакунин, к тому времени не видевший настоящую русскую деревню больше тридцати лет. Он считал русских бунтарями «по инстинкту, по призванию» и не сомневался, что у этого народа за века уже выработался ясный идеал свободы. Поднять любую русскую деревню, по его уверенности, ничего не стоило.

Поднять не удалось. Разочарование породило движение народовольцев (сперва «землевольтцев»), готовых силой тащить глупых людей в земной рай. Тащить с помощью террора. Но и

¹¹ Главным из этих фактов было оправдание судом присяжных террористки Веры Засулич.

¹² Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. XII. Кн. 1. М.–Л., 1966. С. 411.

¹³ Никитенко А.В. Дневник. Т. 3. М., 1956. С. 28.

тут историки не упускают указать, что народовольцы требовали созыва Учредительного собрания для определения устройства России (в программных документах «Земли и воли» о подобных вещах ни слова), обещая подчиниться воле этого собрания.

То есть даже террористы были немножко демократы. Но вот вопрос: сдержали ли бы они свое слово, если бы крестьянское по преимуществу Учредительное собрание высказалось за самодержавие? Боюсь, нет. Они в очередной раз решили бы, что неразвитое крестьянство не понимает своего счастья. Они ни за что не признали бы, что «Народная воля» не воплощает народную волю.

Огромный объем печатных трудов и диссертаций, посвященных прото-социалистическим, социалистическим и околосоциалистическим течениям в России XIX в. может создать впечатление, что эти течения доминировали на идейном поле, но это не так. Доминировали либералы, неизмеримо сильнее настроенные в пользу конституционных и демократических преобразований. Преимущественно либеральной была такая мощная общественная сила, как зародившееся в середине 1860-х гг. земское движение. «Земцев» также часто называли партией, говорили о «земском либерализме».

Более скромное место занимал правоконсервативный лагерь идейных и стихийных противников «демократизации»¹⁴. Этот лагерь был интеллектуально пестр и очень неравноценен внутри себя, но был един в том, что выступал с максимально патриотических и националистических позиций, нередко панславистских, поднимал голос против засилья иностран-

цев, а главное, против проводимых правительством реформ — как подрывающих вековые устои российского общественно-политического строя, инспирируемых врагами России из-за границы, антидворянских и антинародных в целом (издатель «Гражданина» В.П. Мещерский называл политику реформ «государственным переворотом»). Против этого лагеря либералы боролись куда более непримиримо, чем против социалистов.

Время выявило, что самой опасной силой в России, начиная с 1860-х гг., была радикальная ветвь либерализма. Именно эта сила, а не социалисты, полвека с лишним вела страну к крушению. И привела к февральской революции 1917 г. Речь об этом в следующей статье цикла.

Приближение неизбежного

Можно подытожить: в своем саморазвитии, в движении к конституционному строю и правовому государству Россия совершила в XIX в. значительный рывок сразу по ряду направлений. Это далеко зашедшее, даже при Николае I, преодоление цензуры, без чего была бы невозможна великая русская литература XIX в. и фактически свободная печать. Это крестьянская, университетская, военная, городская, судебная реформы, проведенные его сыном. Армия, земства, высшие учебные заведения, городские думы стали всесловными, и это был исторически важнейший шаг.

Особо следует отметить земскую реформу 1864 г., которая не только восстановила земское самоуправление, но и подтолкнула его на путь модернизации деревни. В результате этой реформы и других преобразований эпохи Александра II в стране появилось такое число выборных лиц, что это сократило удельный вес чиновничества в управлении. В этом смысле данный период допустимо рассматривать как реакцию на петровские бюрократические реформы.

¹⁴ Этим негативным термином Константин Леонтьев в своих статьях в журнале (затем газете) «Гражданин» обозначал равносильный катастрофе, с его точки зрения, переход от сословно-монархического к буржуазно-эгалитарному обществу.

Видный деятель земской реформы (а в 23-летнем возрасте — секундант на роковой дуэли Лермонтова) князь Александр Илларионович Васильчиков, автор трехтомного труда «О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений» (1869–1871), писал: *«Надо признать совершившийся факт, что мы с смелостью беспрецедентной в летописях мира выступили на новое поприще общественной жизни. Примеры других стран, сравнение наших учреждений с иноземными доказывают, что ни одному современному народу европейского континента не предоставлено такого широкого участия во внутреннем управлении, как русскому: все хозяйственное управление с неограниченным правом самообложения; вся мировая юстиция и некоторые административные обязанности поручены в России местным жителям; все должности внутреннего управления, кроме полицейских, замещаются по выбору местных жителей; все сословия участвуют в совещаниях и решениях по местным делам»*. Земства сами избирали свои руководящие органы. Источником средств земств служило «самообложение», т.е. земские налоги, а также сборы с недвижимого имущества: земель, лесов, фабрик. Благодаря земствам повсеместно появлялись школы, библиотеки, улучшалось здравоохранение, ветеринарное дело, страхование, агрономия, ремонтировались дороги.

С момента вступления на престол Александра II неизбежность радикальных реформ ощущалась почти всеми — наверху так же императивно, как внизу, и это порождало соответствующие проекты. Наиболее известны проекты Валуева, великого князя Константина Николаевича, Лорис-Меликова и Игнатьева. В 1863 г. министр внутренних дел П.А. Валуев предложил создать при Государственном Совете «съезд государственных гласных». Ее члены (150–200 человек) избирались бы на три

года от губернских собраний и крупных городов, а пятая их часть назначалась бы императором. При всех оговорках, это было бы всероссийское представительство. После обсуждения гласными вопрос поступал бы в Государственный Совет для рассмотрения в обычном порядке, но с участием 15 представителей съезда. После волнений 1861–1863 гг. Александр II счел проект преждевременным и потому опасным.

Три года спустя председатель Государственного Совета великий князь Константин Николаевич предложил облегченный вариант валуевской идеи. Он подготовил проект создания при Государственном Совете съезда депутатов от земств и дворянских собраний в составе 46 человек *«для предварительного обсуждения законодательных предложений, требующих ближайшего соображения с местными потребностями»*. Проект не имел последствий.

Более известен проект министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, предложившего ввести выборных представителей земств и городов в состав правительственной комиссии по разработке законов *«для облегчения Государственного Совета в предстоящих ему работах»*. Этому проекту (его называют также «конституцией Лорис-Меликова») посвящена целая литература, что избавляет от необходимости на нем останавливаться. Император склонился к его принятию (и даже говорил своим сыновьям — Александру, будущему императору, и Владимиру: *«Я не скрываю от себя, что мы идем по пути конституции»*), но был убит террористами из «Народной воли».

Общепринятый вывод из этого трагического события таков: если бы уже в начале 1880-х гг. при Госсовете появилось выборное представительство от городов и «земли», оно к концу века просто силой вещей превратилось бы в нижнюю (по отношению к Государственному Совету) палату, и это, в сочетании с другими «великими реформами» Александра II, окончательно

перевело бы Россию на рельсы мирной демократической эволюции. Но стало встречаться и другое мнение: бомбы убийц остановили политику уступок темным подпольным силам, уберегли страну от скорой смуты и распада, подарили время на проведение модернизации конца XIX — начала XX в. — модернизации, без которой Россия не выдержала бы испытаний столетия мировых войн и революций. Мы никогда не узнаем, какое из этих мнений верно.

Конституционные проекты¹⁵ не перестали появляться и при Александре III — например, смелый проект созыва Земских соборов. Его автор Н.П. Игнатъев, министр внутренних дел (как за двадцать лет до него Валуев), увидел в соборах возможность прямого общения царя с народом и средство борьбы как с бюрократией, так и с революцией. Идею Земского собора Игнатъеву подсказал Иван Аксаков. Затея имела шанс на успех, поскольку царь был душевно близок к славянофилам, в чем не оставляют сомнений ни его художественные вкусы, ни многие из его политических взглядов.

В апреле 1882 г. министр подал царю соответствующую записку и проект манифеста. Более половины участников Собора Игнатъев предполагал избрать от крестьян. Решив убить двух зайцев разом, Игнатъев предложил *«создать кабинет на западный образец, составленный из единомышленников, то есть*

покорных, министров со всесильным премьером во главе».

Кто-то из противников замысла организовал утечку, М.Н. Катков в «Московских ведомостях» приписал идею Собора народовольцам. Игнатъев затеял печатную кампанию в защиту своей идеи и стал искать сторонников среди министров. Такая самодеятельность царю не понравилась, Игнатъев был отправлен в отставку, идея Земских соборов оказалась похороненной.

Конституционная идея проросла в русском обществе не в последнюю очередь благодаря «либеральным бюрократам» — неформальной группировке в чиновничестве, возникшей в конце 1830-х гг. Современники называли их также «прогрессистами» и «интеллигентной административной партией». Эстафета этой партии передавалась до начала 1890-х. Наиболее яркие ее представители (из числа занимавших высокие посты): Л.А. Перовский, П.Д. Киселев, братья Д.А. и Н.А. Милютинны, А.В. Головин, А.П. Заблоцкий-Десятовский, Д.Н. Набоков, М.Х. Рейтерн, В.А. Черкасский, С.С. Ланской, А.А. Абаза, В.А. Татаринов, Н.Х. Бунге, Д.Н. Замятнин. На идейное формирование этих людей повлияли личные контакты с общественными деятелями и писателями, в разное время состоявшими на государственной службе, — такими как В.И. Даль, М.Е. Салтыков-Щедрин (был вице-губернатором рязанским, а позже — тверским; подавал записку об устройстве градских и земских полиций, проникнутую идеей децентрализации), П.П. Семенов-Тянь-Шанский, К.Д. Кавелин, Ю.Ф. Самарин¹⁶.

Наличие в верхних этажах власти сторонников либерально-конституционного развития порождало странные комбинации. Всего один пример. В 1881–1883 гг. в Женеве вы-

¹⁵ Все конституционные проекты в истории России здесь перечислить невозможно, это отдельная задача. В первой статье цикла у нас уже шла речь о «конституции Михаила Салтыкова», принятой 401 год назад, когда, по словам А.А. Янова, *«конституцией еще и не пахло ни во Франции, ни тем более в Германии»* (Янов А.А. Европейское будущее России. М., 2009). Этот же автор напоминает, что *«между 19 января и 25 февраля 1730 в московском обществе ходило тринадцать конституционных проектов»* (Там же). Я коснулся только тех проектов, которые имели какой-то шанс воплотиться в жизнь.

¹⁶ Полунов А.Ю. «Либеральные бюрократы» // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Том третий. М., 2000.

ходила русская газета «Вольное слово» либерально-конституционного направления, объявившая себя органом общества «Земский союз». Программа Земского союза провозглашала своей целью *«достижение политической свободы народов России на основе самоуправления»*. Газета тайно ввозилась в Россию и на какое-то время превратилась в главный зарубежный орган русских конституционалистов. Газета помещала также проекты государственных преобразований земско-славянофильского направления, выступления радикальной части эмиграции, статьи о рабочем движении в Европе. Позже стало известно, что газета содержалась на средства «Священной дружины» — тайной организации, созданной для охраны монархии от террористов и других колебателей трона (включая либеральных). Организация была защищена двойной конспирацией — не только от революционеров, но и от полиции. В руководство «Священной дружины» входили великие князья, несколько высших сановников империи, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, князь Павел Демидов, князь Александр Щербатов (будущий первый председатель Союза русских людей, принципиальный сторонник сословности). Считается, что идеологами организации были граф Павел Шувалов, министр двора Илларион Воронцов-Дашков, генерал-панславист Ростислав Фадеев, у которых тоже были свои проекты государственных преобразований, и они их без колебаний публиковали в «Вольном слове». Газета оказала несомненное влияние на последующее развитие либерально-конституционной (как минимум) мысли. Входило ли это в планы «Священной дружины», остается загадкой. Несмотря на все последующие разоблачения, либеральный журнал «Освобождение» 1900-х гг. заявлял, что он считает М.П. Драгоманова, главного редактора и основного автора «Вольного слова», своим предшественником.

На пути к Думе

К исходу XIX в. ощущением того, что самодержавие себя изжило, прониклось почти все сознательное общество России, это начал понимать и царь. Десятки людей, не знавших о существовании друг друга, сочиняли свои варианты конституции. Символично, что один из первых проектов, достигших самого верха, проект под названием «Основной государственный закон Российской империи» (написан, видимо, в 1903 г., поступил в Кабинет министров в январе 1904 г.), подготовили представители земств. Разработчики, скорее всего, не знали, что в верхах российской власти в это время уже обсуждалось несколько «законодательных предположений» о государственных преобразованиях, причем каждое предусматривало какую-то форму народного представительства парламентского типа. Царь недолго колебался между идеями Земского собора и «Государевой» Думы. Историческая память о Земских соборах, избиравших и отрешавших царей, делала мысль о Соборе менее привлекательной. Многолюдный Собор, по соображениям некоторых советников, мог присвоить себе функции Конституционного. Напоминали, что едва Людовик XVI имел неосторожность воскресить не созывавшиеся 175 лет Генеральные Штаты, близкий аналог Земских соборов, как немедленно разразилась французская революция, а Генеральные Штаты провозгласили себя сперва Национальным, а затем и Учредительным собранием. Старинная же Дума, которой цари настолько доверяли, что отдавали важнейшие дела на ее усмотрение, не будила тревожных исторических воспоминаний. Вопрос стоял о круге полномочий будущего представительного собрания.

В условиях начавшейся Русско-японской войны Николай II счел слишком опасным для такого тревожного времени придание Думе законодательных функций и сделал выбор в пользу «смягченного» варианта. Было учреж-

дено Особое совещание во главе с министром внутренних дел Александром Булыгиным для разработки соответствующего проекта. Споров было много — в частности, о том, должно ли каждое сословие (духовенство, дворяне, купцы, мещане, крестьяне) выбирать своих представителей в Думу отдельно или избирательная система должна быть всесословной. Подобные вопросы многим казались тогда страшно важными и небесспорными — хотя всесословность в большинстве сфер жизни уже сорок лет как была фактом. Интересно, что в совещаниях, проходивших 19–26 июля 1905 г. в Новом Петергофе под председательством Николая II, принимал участие Василий Ключевский. Ему было что рассказать о русской традиции представительной власти.

Голос профессора был, впрочем, лишь одним из многих. Кое-кто из разработчиков убеждал составить избирательный закон так, чтобы в Думу попало больше крестьян — дабы сделать природный консерватизм крестьянина политической силой. По меткому замечанию историка И.В. Лукоянова, эти люди почерпнули образ крестьянина, видимо, из оперы «Жизнь за царя».

6 августа 1905 г. были обнародованы сразу три акта: Манифест об учреждении Государственной Думы, Закон об учреждении Государственной Думы и Положение о выборах в Государственную Думу. Манифест состоял из осторожных, тщательно выверенных выражений: *«Ныне настало время призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предложений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов»*. После обсуждения законопроектов, бюджета и отчетов государственного контроля проектируемая Дума передавала бы

свои заключения в Государственный Совет; оттуда законопроекты (не отклоненные двумя третями Думы и Совета) представлялись бы на «Высочайшее благовоззрение».

В 1860-е гг. такое законосовещательное собрание было бы в самый раз, но на дворе стоял новый век. Дальновидные люди сразу объявили, что «Булыгинская дума» (к ней с порога прилипло это название) — мертворожденное дитя. И были правы. Пока шла подготовка к выборам, в стране началась (6 октября) забастовка железнодорожников, вскоре она переросла в события, известные в литературе под названием Октябрьской всероссийской политической стачки. Вскоре от Вислы до Тихого океана бастовало, если советские историки не придумали эту цифру, до двух миллионов человек, вся страна буквально встала — не только железные дороги, но и заводы, фабрики, шахты, учебные заведения.

И вот 17 октября 1905 г., в самый разгар стачки, Николай II подписывает новый Манифест, озаглавленный «Об усовершенствовании государственного порядка». В нем говорилось о *«непреклонной воле»* монарха *«даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на основах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»*. Государственной Думе придавались законодательные полномочия: Манифест провозглашал, что *«ни один закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы»*. На Думу возлагался, кроме того, *«надзор за закономерностью действий»* исполнительной власти. Манифест, который сегодня невозможно читать без волнения, завершался призывом *«ко всем верным сынам отчизны помочь прекращению неслыханной смуты... напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле»*.

Это был очень смелый шаг. Надо ясно представлять себе, на каком распутье тогда стояла Россия и какую от-

ветственность император брал на себя в этот миг. Очень многие склоняли его к прямо противоположному решению — введению неограниченной военной диктатуры, но Николай II поступил иначе: он погасил революционный пожар 1905 г. «встречным палом». Страна повернула на путь коренного политического переустройства.

Вместе с тем справедливо и следующее утверждение: появление в 1906 г. конституции и Государственной Думы — не только следствие царской мудрости или даже гения, это результат, пусть и запоздавший, многих веков саморазвития России.

Основная часть общества восприняла Манифест 17 октября как победу всей страны¹⁷, победу без проигравших, и была готова закрыть глаза на недостатки акта. Правда, советские историки и учебники знакомили нас исключительно с мнением другой части общества.

Было очевидно, что Манифест знаменует собой закат абсолютизма, начало эпохи легальной политической и парламентской деятельности. Не меньшей очевидностью было то, что за первым шагом обязательно последуют другие. Многие восприняли день 17 октября в качестве судьбоносной даты, которой уготовано поделить историю России на время до и после этого дня. Не зря одной из главных российских политических партий стал (хоть и не сразу) «Союз 17 октября». Манифест открыл путь к консолидации всех здоровых сил России и обеспечил их победу на опаснейшем историческом этапе 1905–1907 гг. В конечном счете именно он удержал тогда страну на краю пропасти. Разу-

мая Россия превозмогла неразумную, маргинальную, бесноватую.

За день до обнародования Манифеста царь пишет петербургскому генерал-губернатору Дмитрию Трепову: *«Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное! Тем не менее, по совести, я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же»*.

В ближайшие же дни была объявлена частичная амнистия политическим заключенным, преобразовано правительство и создан Совет министров. Вскоре была отменена цензура, и без того очень слабая, утвержден новый избирательный закон, одна за другой регистрировались политические партии (фактически уже существовавшие). Всего четыре месяца спустя стало возможным проведение первых всероссийских выборов в первую Государственную Думу.

Конституционная монархия

Строго говоря, конституцию Россия получила только через полгода, накануне открытия первого заседания только что избранной Государственной Думы. 23 апреля 1906 г. Николай II утвердил Свод Основных (т.е. неизменяемых) государственных законов Российской империи. Конституция не была названа Конституцией по двум причинам: царь вообще не любил заемные слова, но главное — он не хотел слишком явно показать, что уступил давлению конституционалистов. Это не обмануло крайне правых, документ вызвал у них оторопь. С резкой критикой «Основных законов» выступил авторитетный монархический публицист, в прошлом народовец, Лев Тихомиров (в наши дни, что удивительно, вновь популярный). В срочной написанной работе «О недостатках Конституции 1906 года»

¹⁷ Рассказ Валентина Катаева «Отец» (1925) содержит красноречивую и трогательную подробность. Зима 1922 г., у героя рассказа умер отец, бывший учитель гимназии, и сын ликвидирует его квартиру. *«Откуда-то вылетел и раскрылся желтый, тщательно хранимый исторический номер газеты с манифестом 17 октября»*.

он доказывал ее губительность для монархии. С особенной настойчивостью он убеждал, что Государственная Дума должна быть не более чем совещательной палатой.

Изменять «Основные законы» Дума могла только по инициативе самого императора. Все принимаемые Думой законы подлежали его утверждению. Ему же подчинялась исполнительная власть империи. Именно от императора, а не от Думы зависело правительство. Он назначал министров, руководил внешней политикой, ему подчинялись вооруженные силы, он объявлял войну, заключал мир, мог вводить в любой местности военное или чрезвычайное положение. «Основные законы» содержали специальный параграф 87, который разрешал царю в перерывах между сессиями Думы издавать новые законы только от своего имени. В дальнейшем Николай II использовал этот параграф для того, чтобы вводить законы, которые Дума наверняка завернула бы.

Тем не менее это был громадный шаг вперед. Другие монархии переходили к конституционному строю куда более мелкими шажками. Царь, еще вчера самодержавный, вдруг оказывался связан регламентациями и ограничениями. Осуществлять свою власть он был обязан отныне «в единении с Государственным Советом и Государственной Думой», он уже не распоряжался бюджетом, не мог самолично принять по-настоящему важный закон (параграф 87 был предусмотрен в норме для случаев, не терпящих отлагательства).

Большевистская версия истории, согласно которой Россия жила вплоть до 1917 г. под «царским самодержавием», исключала возможность даже обсуждать вопрос о том, какой же строй установился в России в 1906 году — уж не конституционная ли, чего доброго, монархия? Историкам советского разлива было тем проще, что само российское общество как-то проглядело главное политическое событие 1906 г. В вихре событий оно вообще едва заметило

«Основные законы»¹⁸. Александр Блок почтил их таким упоминанием: «Ты будешь доволен собой и женой, / Своей конституцией куцей, / А вот у поэта всемирный запой, / И мало ему конституций».

Справка: из ныне существующих конституций старейшей является американская (1787). Вторая по старшинству — бельгийская, действует с 1831 года, за ней идет Конституция Норвегии (принята в 1841 году). Лишь еще в четырех странах конституции написа-

¹⁸ Тем не менее даже беглое знакомство с политической и юридической литературой 1906–1917 годов показывает, что факт установления конституционного строя не признавали тогда лишь совсем маргинальные авторы. Приведу названия десятка книг тех лет, освещающих конституционно-монархическое устройство России: *Слонимский А.* Конституция Российской империи. СПб., 1908; *Савич Г.* Новый государственный строй в России. Справочная книга. СПб., 1907; *Алексеев В.* Начало и конец самодержавия в России. М., 1906; *Обнинский В.* Новый строй. СПб., 1909; *Белоконовский И.* Земство и конституция. М., 1911; *Пиленко А.* Русские парламентские прецеденты. СПб., 1907; *Лазаревский Н.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1910; *Коркунов Н.* Русское государственное право: В 2 т. СПб., 1910; *Нольде Б.* Очерки русского конституционного права. Вып. I и II. СПб., 1908–1909; *Штильман Г.* Внепарламентское законодательство в конституционной России (Статья 87 Основных Государственных законов). СПб., 1908; *Роговин А.* Конституция Российской империи. Сборник законов, относящихся к обновленному строю и к личным и общественным правам граждан. СПб., 1913. Казалось бы, все это лежит на поверхности. Однако, приняв в 2005 и 2006 гг. участие в нескольких теле- и радиопередачах к столетию Государственной Думы, я всякий раз сталкивался с одним-двумя мамонтами, иногда молодыми, почти падавшими в обморок от словосочетания «российская конституционная монархия». Крепка оказалась советская историческая беллетристика!

ны до начала XX в.: в Аргентине (1853), Люксембурге (1868), Швейцарии (1878) и Колумбии (1886). Остальные созданы уже в XX в. Подавляющее большинство конституций мира принято после 1906 года¹⁹.

Поскольку многие историки старшего поколения не хотят признать, что в 1906–1917 гг. Россия была конституционной монархией, имеет смысл приглядеться к наиболее важным статьям Основных законов Российской империи и современной Российской Федерации. Сопоставив их, каждый может убедиться, что полномочия царя ничуть не произвольны, они описаны конституционным образом и едва ли существенно превышают президентские. До 1906 г. такого в России не было. Кроме того, основные законы Российской империи гарантировали ее подданным весь основной набор гражданских прав и свобод.

Наглядности ради привожу близко совпадающие (они же главные) статьи двух Основных законов (см. с. 199).

Вслед за учреждением Государственной Думы манифестом от 20 февраля 1906 г. был реформирован и Государственный Совет, существовавший к тому времени уже более века (учрежден, напомним, 30 марта 1801 г. — сперва, напомним, как Непременный Совет), но до того не бывший выборным. Отныне половина его членов продолжала назначаться, а другая подлежала избранию по твердым квотам: от Академии наук и университетов — 6 человек, от промышленности — 6, от торговли — 6, от землевладельцев Царства Польского — 6, от губернских земств — по 1 человеку и т.д. Государственный Совет, как и задумал когда-то М.М. Сперанский, становился верхней палатой, а Государственная Дума —

нижней. В том, что касается Государственной Думы, это и сегодня так.

Парламент подростковый и задиристый

Порядок выборов в первую Думу определялся законом, изданным в декабре 1905 г. Учреждались четыре избирательные курии: землевладельческая, городская, крестьянская и рабочая. По рабочей курии к выборам допускались лишь те, кто был занят на предприятиях с числом работающих не менее 50. По современным меркам, выборы не были всеобщими. Участие или неучастие в них обуславливалось имущественным цензом. Не были они и прямыми — депутатов избирало не население, а выборщики. Сто лет назад так или примерно так голосовали почти везде в мире — точнее сказать, в тех странах мира, где голосовали вообще. Считалось, что всеобщее избирательное право ведет (цитируя С.Ю. Витте) «к деспотизму масс — наиболее тягостному из всех видов тираний». Николай II уточнял: «Идти слишком быстрыми шагами нельзя. Сегодня — всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики». Он не готов идти «слишком быстрыми шагами», но он готов идти. Вряд ли можно требовать от монарха большего.

В куриальной системе были свои плюсы. Без отдельной курии рабочие едва ли выбрали бы от себя хоть одного депутата: даже в самых промышленных губерниях максимальное число рабочих-выборщиков в губернском собрании едва достигало 15%. Своя курия была гарантией представительства.

Подготовка к выборам превратилась в первую в России общенациональную политическую кампанию, в ходе которой с предельной откровенностью ставились важнейшие общегосударственные вопросы. Часть из них была затем решена Думой.

Значение той, первой избирательной кампании и созыва первой Государственной Думы трудно переоценить.

¹⁹ *Washington ProFile*, 26.10.2007, № 92/832. Этот же источник добавляет: «Но кто их читает? Треть американцев выразили уверенность, что в Конституции США есть пункт, запрещающий пользование сотовым телефоном за рулем».

Российская Империя (1906–1917)	Российская Федерация (с 1993)
Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думою (статья 7)	Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство РФ (статья 11)
Государь Император утверждает законы, и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения (ст. 9)	Принятый федеральный закон в течение пяти дней направляется Президенту Российской Федерации для подписания и обнародования... (ст. 107)
Государь Император назначает и увольняет Председателя Совета Министров, Министров и Главноуправляющих (ст. 17)	Президент РФ назначает с согласия Государственной Думы Председателя Правительства РФ... принимает решение об отставке Правительства РФ (ст. 83)
Государь Император есть Державный Вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского Государства (ст. 14)	Президент РФ является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации (ст. 87)
Государь Император объявляет местности на военном или исключительном положении (ст. 15)	Президент РФ вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение... вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение (ст. 87 и 88)
Государственная Дума может быть до истечения пятилетнего срока полномочий ее членов распущена указом Государя Императора. Тем же указом назначаются новые выборы в Думу (ст. 63)	Государственная Дума может быть распущена Президентом РФ... В случае роспуска Государственной Думы Президент РФ назначает дату выборов (ст. 109)
Государь Император есть верховный руководитель внешних сношений Российского государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского Государства (ст. 12)	Президент РФ определяет основные направления внутренней и внешней политики государства... осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации (ст. 80 и 86)
Государю Императору принадлежит помилование осужденных, смягчение наказаний (ст. 23)	Президент РФ осуществляет помилование (ст. 89)
Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище, без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных (ст. 33)	Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных законом, или на основании судебного решения (ст. 25)
Каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятия, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства (ст. 34)	Каждый... имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Каждый может свободно выезжать за пределы РФ (ст. 27)
Каждый может высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами... Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам... Российские подданные пользуются свободой веры (ст. 37–39)	Каждому гарантируется свобода мысли и слова... Каждый имеет право на объединение. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется... Каждому гарантируется свобода совести, вероисповедания (ст. 28–30)
Российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут происходить собрания (ст. 48)	Граждане РФ имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31)

Выборы прошли гораздо спокойнее и на гораздо более высоком уровне, чем опасались (или надеялись) многие в стране и за рубежом. Вообще-то участие в выборах было для российского населения привычным делом: люди давным-давно привыкли избирать гласных (депутатов) в городские думы, избирать руководство земств, сельских и волостных миров. Всего в голосовании в феврале 1906 г. приняло участие 54% избирателей. Спокойствие и почти обыденность происходившего мало вязались с самим фактом первых в истории общероссийских многопартийных выборов, происходящих одновременно по всей стране. Хотя были смешные исключения (над ними много потешались газеты), большинство людей шли на выборы так, словно с рождения жили при парламентской системе. Общероссийское народное представительство превращалось из проекта, казавшегося многим невозможным, в реальный политический институт.

Первые выборы всегда и везде предельно идеологичны. Избираемые еще не пробоваали себя в парламентской работе и могут предъявить пока лишь одни партийные программы, а это у начинающих партий обычно (хотя и не всегда) просто набор обещаний — утопических, простодушно-радикальных. Потом это проходит, жизнь вносит поправки. Как бы то ни было, уже с избирательной кампании зимы 1905/1906 г. партии стали играть решающую роль в политической жизни страны. Практически все видные депутаты первого российского парламента были членами или сторонниками той или иной партии. Эта тенденция закрепиалась во второй, третьей и четвертой Думах. Следующий шаг сделало Временное правительство. На основании закона от 8 мая 1917 г. были проведены (в июле–октябре) муниципальные выборы в 130 городах страны²⁰. Эти выборы,

как и выборы в Учредительное собрание, также подготовленные Временным правительством, проходили (21 октября — 5 декабря 1917 г.) уже по системе пропорционального представительства в чистом виде — на основе партийных списков. Избиратель делал выбор не между кандидатами, а между партиями, между партийными программами. Важная подробность: возрастной ценз составлял тогда двадцать лет, но на фронте был опущен до восемнадцати.

Система партийно-пропорционального представительства, как мы знаем, недавно вернулась в Россию, но почему-то никто не удосужился напомнить, что она не взята с потолка, а именно возрождена, и что девяносто годами ранее она была принята не произвольно, а на основании накопленного, притом достаточно бурного, политического опыта.

На первых выборах в первую Думу уверенно победила конституционно-демократическая партия (кадеты). Это была не случайная победа. Кадеты провели исключительно грамотную и активную избирательную кампанию. Они располагали всем необходимым для этого. В руках кадетов было полсотни газет по всей России, около 200 партийных групп на местах, занимавшихся агитацией, их предвыборное бюро ежедневно отправляло из Петербурга на места порядка 5 тысяч экземпляров агитационных изданий. В ряде городов России открылись кадетские клубы, в столице работали курсы пропагандистов. Кадеты получили в Думе 153 места из 499. Позже к кадетской фракции присоединилось 26 депутатов из беспартийных. Остальные места распределились так: трудовики — 97, «автономисты» (представители польских, литовских, латышских и других национальных групп, выступавших за национальную

тельно: показатель большевиков по России — семь с половиной процентов голосов, хотя их петроградский показатель оказался близок к тридцати процентам.

²⁰ Эти выборы почти забыты, ибо их всегда замалчивали советские историки. И не удиви-

автономию) — 63, мирнообновленцы — 25, социал-демократы — 18, октябристы (партия «Союз 17 октября») — 16, партия демократических реформ — 14, беспартийные — 105. О партийной принадлежности восьми депутатов по довыборам данные противоречивы.

То, как кадеты теряли свой политический капитал на протяжении всех последующих «думских» лет и продолжали его терять, неделя за неделей, все восемь месяцев существования Временного правительства, — очень поучительная история. Поучительная и сегодня.

Странной особенностью первой Думы было отсутствие в ней монархистов. Можно сказать шире: *за все время существования Государственной Думы Российской империи в ней, как ни странно, ни разу не было партии, которую можно было бы назвать партией поддержки власти.* В Думе третьего созыва появились правые, но назвать их проправительственной группой тоже нельзя. Большая личная ошибка царя заключалась в следующем: вплоть до 1917 г. он продолжал считать, что всем оппозиционным политическим партиям противостоит незримая партия возглавляемого им народа, которая бесконечно сильнее всех и всяких оппозиционеров. Видимо, поэтому для организации настоящей парламентской проправительственной партии европейского типа, способной стать правящей, ничего сделано не было. Правда, Николай мог решить, что «Союз русского народа», возникший в ноябре 1905 г., и есть такая партия. Он даже «милостиво принял» значок ее члена. Однако Союз не был и не мог быть такой партией.

Объявляя себя выразителем чаяний народа, Союз не допускал даже мысли об аграрной реформе в пользу крестьян за счет помещиков. Открыто защищать помещичьи земли «союзники» не решались, а признавать желательность передела — значило наступать на горло собственной песне. Такая уклончивость отталкивала крестьян. Непростым было отношение «союзников» и к рабочим.

А.А. Майков, один из учредителей и лидеров СРН, выступая на третьем «Съезде русских людей» в Киеве в октябре 1906 г., сказал следующее: *«Первые виновные в смуте — это русские рабочие. Но русские рабочие, верю, искупят свою вину».* (Сегодня даже начинающий политтехнолог немедленно вычеркнет подобную фразу из программной речи политика безотносительно к тому, соответствует эти слова действительности или нет.) Не сложились у СРН отношения и с государственным аппаратом, где к «союзникам» относились со скрытой (иногда открытой) враждебностью — ведь те всячески противопоставляли плохую высшую бюрократию хорошему царю.

В программе СРН было много пунктов «против»: против бюрократии, против космополитизма «господ», против иностранцев («союзники» протестовали, к примеру, против приезда английской парламентской делегации, называя это оскорблением России), против евреев, против предоставления малейшей автономии национальным меньшинствам, против признания украинцев и белорусов отдельными народами, против «миндальничанья» со студентами — участниками демонстраций (предлагали забривать их в солдаты), наконец, против самой идеи Государственной Думы как чуждого «русскому духу» учреждения, куда «союзники», впрочем, стремились попасть. Их положительная программа опиралась на лозунг: «Православие, самодержавие, народность». Из него идеологи СРН выводили: бесплатное начальное образование в традициях православия, поддержку казачества, сохранение сельской общины, заселение русскими (включая украинцев и белорусов) окраин империи, преимущества русским на всех поприщах и т.д.

Им казалось, что такая «национальная» программа неотразима для народа. Но именно к «национальной» составляющей народ остался равнодушен. Зато невнятица в аграрном вопро-

се привела к тому, что СРН стал прибежищем в основном малообразованного населения (в городах в Союз почему-то вступило множество дворников). В первую Думу СРН не смог провести ни одного кандидата, а во вторую — всего двух, включая известного думского скандалиста В.М. Пуришкевича, как-то заявившего с думской трибуны: «Правее меня — только стена!».

Всего в первой Государственной Думе было представлено семь партий. Особой «политической отсталости» они не ощущали, так как по сравнению с подавляющим большинством политических партий мира, существовавших в то время, были моложе не на века, а на десятилетия или годы. А то и были их ровесниками. Уже в июне 1906 г. делегация российской Думы участвовала в работе Социалистической конференции Межпарламентского союза в Лондоне. Не наблюдалось у русских партий и страха перед «царизмом». Думцы, не защищенные тогда парламентской неприкосновенностью, вели себя отважно, даже если и глупо (самый яркий пример — чудовищное по безответственности «Выборгское воззвание»). Забегая вперед, упомяну, что общее число партий в Российской империи к концу 1917 г. превышало 300.

Государственная Дума и «Основные законы» Российской империи появились не на голом месте. Они были достаточно подготовлены предшествующим развитием страны и ожидалась обще-

ством. Ожидались даже слишком долго. *«В 1905 году Россия имела перед глазами опыт стран, где парламентская система действовала уже 35–50 лет: она была введена в Австро-Венгрии 21 декабря 1867 года, во Франции — со 2 февраля 1852, в Германии — с 31 мая 1869»*²¹.

Вообще, чем больше общество устает ждать перемен, тем больше вероятность, что оно не только не оценит их, когда они придут, но и почти не заметит. Или заметит, но после краткого восторга тут же забудет. Так было в 1906 г., так было в 1991-м.

Тем не менее, Россия очень неплохо выглядит на фоне европейской истории выборного представительства. Хотя развитие представительных органов у нас четырежды прерывалось (оно прерывалось, и не раз, в любой стране, особенно если ей, как России, больше тысячи лет), они всякий раз, что замечательно, начинали отстраиваться по прежней или обновленной модели.

Наша демократия — не новодел. Вече и Дума, Собор и земство, Городское собрание и Государственный Совет, изблуженный староста и земский целовальник, старшина и гласный, предводитель дворянства и городской голова — все это элементы нашего наследия, нашей богатейшей политической цивилизации.

²¹ Лукоянов И.В. У истоков российского парламентаризма. СПб., 2003. С. 66.

ИВАН РУСАКОВ

ДЕКОМЛЕКТИВИЗАЦИЯ КАК «ДОРОЖНАЯ КАРТА» МОДЕРНИЗАЦИИ

Еще двадцать пять лет назад мало кто сомневался, в какой общественно-экономической системе существует наша страна, хотя уже звучало: «Мы не знаем общества, в котором живем». По моему мнению, этот вопрос и до сегодняшнего дня продолжает быть открытым. Составной частью любой социальной системы является экономика, политика определяет тип экономики. Экономическая политика — это система мер и инструментов для достижения определенной общественной цели в рамках той или иной политической, экономической и философской парадигмы. Это называется — политической экономией.

На сегодняшний день известно несколько базовых типов политической экономии.

1. Капиталистической — где господствует обезличенный рыночный обмен и развитые институты частной собственности.

2. Социалистической — где практически отсутствует рыночный обмен и господствует перераспределение и фактически тотальное обобществление собственности.

Какой политэкономический тип хозяйствования доминирует сегодня в современном российском обществе? Ушли ли мы от перераспределительного типа экономики к практикам, характерным для открытых обществ? Для нас это совершенно не праздный вопрос, ведь общеевропейские граждан-

ские нации сложились именно в период бурного становления капитализма как общественной системы. И кто доказал, что в нашей стране эти же процессы будут складываться как-то по-иному? Мы уже стали свидетелями крушения такой «новой» социальной общности как «советский народ», и в данный исторический момент проходит не самое простое испытание очередной общественной эвфемизм, получивший название — «дорогие россияне».

Кто будет сомневаться в том, что в России существует свободный рыночный обмен? На основную массу циркулирующего в экономике товара цена формируется на свободном рынке, экспортно-импортные операции ограничены только таможенными величинами, курсы валют формируются в свободном обмене. Можем ли мы так же утвердительно ответить по поводу торжества в нашем обществе институтов частной собственности? По моему глубокому убеждению — нет, не можем, дело в том, что российские реформаторы 90-х годов, морально осудив коммунизм, в том числе и как всеобщую коллективизацию собственности, не создали необходимых правовых механизмов, призванных юридически закрепить право собственности для основной массы населения нашей страны. Институты частной собственности, как и до Октябрьского переворота, по-прежнему доступны крайне ограниченному кругу лиц. К сожалению

нию, за двадцать лет реформ эти институты не стали социальной практикой и опытом для большинства населения нашей страны, не стали частью реальной повседневности. Самое главное, идеи частной собственности, кроме предпринимательского сословия и части чиновничества, не утвердились в сознании народных масс. Ибо материальных результатов реформ эти самые массы не увидели, кроме, разумеется, приватизированных квартир, которые не всегда уместно увязывать с собственностью для большинства населения из-за невозможности конвертировать их в капитал.

В нашей стране насчитывается около 1,5 млн. индивидуальных частных предпринимателей (ИЧП) и около 1,2 млн. владельцев долей в различного рода предприятиях. Зная российскую специфику, не менее половины — это фиктивные владельцы. Итого: реальных собственников не более миллиона человек, включая Абрамовича и «последнего ларечника». Это в несколько раз меньше, чем, например, в Германии.

Согласно докладу Института социологии РАН за 2010 г., всего лишь для 3% населения источником дохода является предпринимательская деятельность и еще для 3% доходы формируются за счет эксплуатации собственности (аренда и т.п.). В европейских странах рентным и предпринимательским доходом живут от 10 до 15% и более населения.

Согласно данным Кадастра недвижимости РФ за 2008 г., без лесов и заповедников товарный фонд земельных ресурсов составляет 570 млн. га земли. На праве легально зарегистрированной частной собственности принадлежит юридическим лицам — 8,57 млн. га и физическим лицам — 6,16 млн. га, что составляет — 2,58% товарных земель. В имперской России в 1905 г. в частной собственности находилось 25,8% земельного фонда.

Доля малого и среднего бизнеса в нашей стране составляет не более 17%

ВВП, в развитых странах — не менее половины, а в Китае и все 60% валового продукта. К примеру, в США в малом бизнесе занято до 50% экономически активного населения, в Чехии — более 20%, в России на начало 2009 г. действовало 282 700 малых предприятий, на которых работало 6,2 млн. человек, что составляет всего лишь 12,6% всех занятых. В нашей стране на 100 тыс. населения приходится 200 малых предприятий (МП), что в 2,7 раза меньше, чем в Чехии, и вдвое меньше, чем в Бразилии.

По данным Росстата, в общих денежных доходах населения доходы от предпринимательской деятельности в 2000 г. составляли 15,4%, после десятилетия «укрепления» вертикали власти доля предпринимательского дохода уменьшилась до 9,8%.

Господа, вот и все количественные институты частной собственности в нашей стране (не считая, конечно, олигархической), «узок их круг», теперь понятно, почему не работают институты по защите этой самой собственности. Просто государство не видит в этой проблеме общественного вызова себе, ведь только сотрудников милиции у него в несколько раз больше, чем реальных носителей собственности.

* * *

Итак, я утверждаю: *в нашей стране рыночный обмен есть, но развитых институтов частной собственности — нет, следовательно, страна «вышла» из социализма и не «дошла» до капитализма, и мы имеем некий промежуточный тип экономики.*

Встречался ли в европейской экономической истории подобный тип политической экономики? Оказывается, встречался. И назывался он — *меркантилизм*, его расцвет в разных европейских странах приходился как раз на период, предшествующий первоначальному накоплению капитала, т.е. на XVII — первую половину XVIII в.

Вот как определяет меркантилизм

Словарь общественных наук ЮНЕСКО: «Меркантилизм есть... вера в то, что экономическое процветание государства может быть гарантировано лишь правительственным регулированием». Кроме государственного вмешательства в экономику и ограничения прав частной собственности, можно привести и другие признаки меркантилизма, характерные для экономик Западной Европы XVII–XVIII вв. и современной российской экономической реальности.

— Фискальное «усердие государства». По данным одной из ведущих мировых консалтинговых компаний «PwC», в рейтинге 181 стран по степени легкости уплаты налогов Россия заняла следующие места: 70-е — по количеству платежей, 123-е — по налоговой нагрузке, 155-е — по временным затратам на оформление налоговой документации и т.д. Общий рейтинг — 134-е место.

— Количество бюрократии. На 1.01.99 в России числилось 485,5 тысячи только чиновников федеральных служб, уже в 2008 г. их стало 845,3 тыс. человек, и это только федеральные чиновники. Именно XVII в. в Европе стал временем становления классических государств, с господством профессиональных чиновников и развитой и изощренной системой государственного грабежа (налогов). Именно в это время у европейского государства исчезли конкуренты в виде независимых городов и сразу установились абсолютистские режимы.

— Господство государственных синдикатов, ориентированных на извлечение прибыли, и стремление самого государства извлекать прибыль из деятельности своих институтов. Приведем краткий список: «Газпром», «Роснефть», «Сбербанк», «Внешэкономбанк», «Агентство по страхованию вкладов», «Ростехнологии», «Росатом», «РЖД», «Аэрофлот», «Транснефть», «Автодор», «ЖКХ», «Русгидро»... Эти компании генерируют

более половины ВВП страны, они беспрецедентно неэффективны, поражены массовой коррупцией и являются главными генераторами инфляции. Как здесь не вспомнить все эти Ост- и Вест-Индские компании, Луизианские, Африканские, Левантийские, Виргинские, Гудзонова залива и прочие «компании дальних земель», только по советскому неразумению называемые частными. Все они громко разорились, будучи под государственным контролем, и редкие из них выжили, сумев в конце концов стать частными, как знаменитая компания «Гудзонова залива».

— Наличие крупного монополистического частного капитала. В России, в отличие от исторических мануфактур, этот капитал сосредоточен в сырьевых империях Абрамовича, Дерипаски, Усманова, Прохорова и т.д. Из-за отсутствия «общественного договора» между крупным бизнесом, обществом и государством складывается ситуация, карикатурно напоминающая времена Кольбера, где не было более запуганных и лояльных королевской власти людей, чем владельцы крупной собственности.

— Монополизированная экономика подчинена не рыночному обмену, а политике. Дело «ЮКОСА» стало первым шагом в подчинении экономической целесообразности политике. До разграбления компании государством «ЮКОС» платил налогов с рубля оборота в несколько раз больше, чем государственные «Газпром», «РЖД», РАО «ЕЭС».

— Стремление к политическому авторитаризму. В Европе XVII–XVIII вв. это получило название просвещенного абсолютизма. Знаменитое: «Государство — это я». Кто будет спорить с тем, что сегодня в России все-таки не времена тов. Андропова, с его политикой тотального преследования диссидентов, свободы мысли, облав по баням и кинотеатрам. Сегодня мы живем действительно во времена просвещенного авторитаризма.

В странах открытого доступа (ОЭСР), и это сегодня очень важное отличие от современной России, государственные компании имеют статус некоммерческих госкорпораций и ставят своей целью развитие, в различных интерпретациях, а не извлечение прибыли. Земля и коммунальная инфраструктура, например под социальное жилье, выделяется частным застройщикам бесплатно. Бюджетные организации изначально не выходят на рынок конкурировать за деньги клиентов. Прибыль извлекают частные компании и через эффективную налоговую систему генерируют общественное благо, которое и перераспределяет государство через своих экономических агентов и представителей¹. Ситуация, когда государство стремится извлекать прибыль из своих монополистических институтов, означает прямое обогащение профессиональной бюрократии, этой «соли» абсолютистского государства, и один из способов ее адаптации и паразитирования на эксплуатации рыночного обмена.

Общественные, экономические и социальные практики меркантилизма в Европе закончились весьма неоригинально, но вообще-то закономерно — Великими Английскими, Фран-

цузскими, Нидерландскими и прочими буржуазными революциями с их плахами для Карлов и Людовиков, весьма самонадеянно думавших, что их время — на все времена. Эти правящие режимы погубило не дворянство, кстати, в большинстве своем уже интегрированное в буржуазные практики, а бессмысленные с точки зрения большинства населения и части элиты государственные расходы, спровоцированные массовой профессиональной бюрократией. Именно революции «третьего сословия» (средний класс тех времен) проложили дорогу будущим модернизированным европейским нациям, ставшим в конце концов современным европейским и американским обществами. «Идеологическая концепция “национализма” была чужда внутренней природе абсолютизма» (П. Андерсен).

В этом же контексте попытаемся сформулировать, наверное, самый актуальный вызов для современной российской власти. Звучит он так: *удастся ли превратить накапливаемый негативный потенциал сегодняшнего общественного недовольства в потенциал развития и созидания, как минимум, в средство объявленной ныне модернизации?* Очевидно, если правящий класс не предложит российскому обществу какую-то внятную программу взаимного общественного и социального сближения, то в конце концов все элитные разговоры закончатся непредсказуемыми по силе общественными потрясениями, в которых последовательно «сгорят» сначала правящий класс, затем государство и, как показала практика Февральской революции 1917 г., все российское общество, образованное или не очень, и о модернизациях можно будет забыть на долгие десятилетия.

Давайте попытаемся порассуждать и нащупать этот самый потенциал сближения, эту самую «дорожную карту» взаимного интереса общества и государства.

¹ По словам известного шведского экономиста О. Хекшера, самого знаменитого исследователя интересующего нас периода, целью меркантилистской экономической политики всегда было непрерывное «увеличение мощи государства, а не богатства наций», где всегда «соображения изобилия подчинялись соображениям мощи». Недаром Кольбер говорил Людовику XIV, что его мануфактуры — это экономические полки, а корпорации — его стратегические резервы. И если он, Людовик, подчинит себе Объединенные провинции (Нидерланды), то их торговля станет его торговлей и ничего не надо будет просить, все можно будет просто брать. Не правда ли, знакомая риторика? И как актуально звучит...

* * *

На сегодняшний день ненасильственные мобилизационные решения государства возможны только в точках инновационных прорывов (как наглядный пример возьмем Сколково или «Роснано»), инновационный рост всей страны, в том числе и социальная модернизация, возможен только как состояние расширенного воспроизводства и генерации нового опыта в целом, в разрезе всего общества. Обеспечить такое развитие государство не в состоянии в силу объективно присущих ему ограничений в воздействии на субъекты хозяйствования.

Без создания широкой базы современных производительных сил, в том числе и по численности, невозможен рост благосостояния граждан и соответственно невозможно их вовлечение в процесс модернизации, а без этого не может состояться гражданское общество как система. Не могут сформироваться условия, когда станет возможным формирование гражданской нации в полном, буржуазном понимании этого процесса. Только создав производительные силы, нацеленные на обслуживание значительной части внутреннего спроса, возможно существенно или радикально повысить уровень жизни в стране и дать нашим гражданам новый социальный опыт. Необходимо создать более сложные экономические и социальные отношения в обществе, которые и повлекут за собой и более сложные политические отношения. Как показала социальная история Запада, только после укоренения прав собственности устоялись права человека, и нет видимых причин, чтобы в дальнейшем происходило как-то по-иному.

Невозможно построение современной нации без преодоления психологии бедности. Как это ни покажется парадоксальным, именно сознательное ограничение экономических ресурсов для населения, буквально культивируемое все годы «советской власти»,

особенно в 30–50-е, развитие общественного (государственного) в ущерб личному и частному сформировало в общественном сознании большинства граждан социалистической «родины» особую психологию, где материальные ценности обладали экзистенциальной значимостью, приобретение вещей становилось самоцелью и критерием оценки окружающими и даже собой социальной успешности. Именно благодаря усвоенной как социальный опыт нескольких поколений психологии бедности российское население, к сожалению, в большей своей части до сих пор не в состоянии оптимально планировать свои доходы и расходы, — получая не самые великие деньги, наши граждане ведут себя чаще всего празднично и расточительнее многих богатых. В своих частных экономических стратегиях являются фаталистами и приверженцами патернализма, именно отсюда поразительные успехи всех российских «финансовых пирамид» и спрос на потребительское кредитование под немислимые эффективные ставки в несколько десятков процентов. Они более эмоциональны, чем их социальные «коллеги» на Западе, а следовательно, более иррациональны; утилитарность как стиль жизни и поведения еще очень слабо проявляет себя среди них.

Состояние внутренней рациональности позволяет формировать малые, но достижимые цели, это в свою очередь формирует внутренние критерии, иначе называемые человеческими интересами, и дает возможность лично контролировать свою жизнь, а не доверять ее очередному «доброму российскому барину», только и умеющему то ли ЦиКать, то ли ЧиКать, при этом называя все это «особым путем» российской цивилизации. *Самый короткий путь к внутренней рациональности — погружение в практики управления своей персонифицированной частной собственностью. Кто и где доказал, что это не свойственно русскому человеку!*

Для этого необходимо, чтобы граждане были не только потребителями модернизации, но и были ее участниками, а это уже является своего рода социальной трансформацией или социальной модернизацией. Для этого требуется *политическое оформление идей*, при котором социальная модернизация привела бы к состоянию, где гражданин, а не государство становятся участниками и бенефициарами этих социальных изменений.

Это невозможно без особой трансформации государства. Дело в том, что от общественных шоков 90-х в максимальной степени пострадало российское общество, более того, именно эти шоки и запустили процессы изменения общественных и социальных конструкций, коснувшись буквально каждого гражданина нашей страны. Для российского государственного механизма переход оказался более комфортным, несмотря на все деланные стенания о «слабом государстве». Да, присутствовал недостаток финансирования, но не более, основные элементы и структуры государства так и не были трансформированы в новые структуры, не наполнены новым содержанием, проводимая административная реформа оказалась по сути имитационной. Сама репрессивная суть государства, а особенно правоохранительной системы, не была изменена, не была проведена люстрация даже не только людей, конкретных палачей и идеологов, еще живущих к началу 90-х, а даже и их преступных идей. Как после этого удивляться растлению правоохранительных органов? Чудес не бывает, и никакая увеличенная заработная плата не поможет, призрак НКВД может рождать только чудовищ Евсюковых. Современные государственные структуры не стали даже конструкциями переходного периода, они застыли и зафиксировались как продукты распада советского государства. В современном российском государстве

(а, к сожалению, мы можем говорить о нем как уже о несоветском) отсутствует любая форма институционального контроля за репрессивными органами. В советское время институциональный контроль осуществлялся на уровне КПСС, сейчас отсутствует любой. Степень репрессий сдерживается только моральным уровнем ядра правящего класса и неприятием таких практик западной элиты, частью которой безуспешно пытаются стать нынешние властные «гегемоны».

В истории позднефеодальной Западной Европы прослеживается четкий тренд. Если элиты пребывали в активном внутреннем противостоянии (конкуренции), крестьяне получали свободу от трудовой повинности (барщины) с переходом на устойчивые взаимоотношения с землевладельцем по ренте и получали права на надежное земледержание, невзирая на демографические, экономические и экологические условия. Там, где элитные конфликты были исчерпаны или попросту не существовали (укрепление вертикали власти), крестьян вынуждали нести новые или усиливали старые трудовые повинности. Невозможно построение современной нации, если в обществе наряду с экономической конкуренцией будет отсутствовать конкуренция политическая. Хватит заниматься демагогией: ведь демократия — это прежде всего 1) состояние непрерывной конкуренции среди правящего класса для выявления лучших или подтверждения этого статуса (меритократия) и 2) избирательная система — наиболее гуманный способ разрешения различных статусных противоречий.

Экономическая модернизация немобилизационного типа, даже в условиях «мягкого авторитаризма», возможна только при условии разделения функции власти и собственности. Этим разделительным барьером может быть только Право. Признание примата Права над законом и безусловное подчинение второго первому означает

неотчуждаемость свобод и возможностей человека, его естественных прав на собственность и гражданские свободы. Государству запрещено покушаться на эти права любыми законными и подзаконными актами, и оно совершенно сознательно культивирует систему независимого правосудия и безусловного исполнения законов для всех граждан, и прежде всего для самого государства. Невозможно построение современной нации, где сознательно привносятся в правоприменительную практику феодальные идеи «басманного правосудия», где легизм стал частью «вертикали власти».

«Право — это защита от государства, а собственность — могучий оплот против государственной власти. В обществе, уважающем и защищающем собственность, последняя всегда распределена, строго говоря, неравномерно, и она столетиями представлялась в качестве выражения власти; тем не менее, подобно любым подлинным правам, право собственности защищает слабых от сильных...» (Бетелл Т. «Собственность и процветание»).

Еще раз зададимся вопросом: возможен ли мостик взаимного тяготения, социального партнерства между правящим классом и остальным населением, государством и обществом? Я думаю — возможен, и именно одним из этих элементов общественного договора может стать *реформа собственности. Реформа, направленная на предоставление равных возможностей обладания частной собственностью, равного доступа к ее увеличению и ее защиты — для основной массы населения нашей страны, а не только для правящей бюрократии и предпринимательских страт, причем на первой стадии осуществляемая как деколлективизация собственности, но без любимой русской «забавы» — взять все и поделить*. В нашей стране уже был опыт перераспределения собственности в 1917 году, который закончился тотальным ее обобществе-

нием, поэтому предлагаемая реформа предусматривает только расширение базы собственности и реальных собственников.

* * *

Хотелось бы еще раз принципиально зафиксировать: *никакой новой приватизации, никакого нового дележа. Деколлективизация как первая часть реформы собственности осуществляется только с имуществом, находящимся в пользовании у российских граждан и компаний. Путем регистрации за государственный счет имущества населения, по формальным признакам де-факто являющегося недвижимостью, но де-юре таковым не являющегося, и принятия целого пакета законов, регулирующих функционирование институтов частной собственности в нашей стране, в первую очередь касающихся купли-продажи земли*.

Согласно данным «Национального доклада о состоянии земельных ресурсов за 2008 г.», в нашей стране граждане имеют в пользовании, не оформленном в частную собственность, земельных ресурсов — на 20 млн. гектаров. Садоводы — 2,08 млн. га, городской «частный сектор» — 2,68 млн. га, сельский «частный сектор» — 3,04 млн. га, ЛПХ — 7,21 млн. га, фермеры — 4,63 млн. га, и это без учета аренды земли, например, у тех же фермеров. Вся эта земля не прошла установленную процедуру регистрации прав собственности. На сегодняшний день эти процедуры настолько громоздки и забюрократизированы, да и стоят немалых денег, что практически недоступны для рядовых граждан нашей страны.

Для первого этапа мы выбрали очень скромные цифры — 20 млн. га земли, всего лишь 3,5% товарного фонда земли, как мы его себе определили ранее в нашей статье. Это относительные цифры, а теперь давайте поймем, что такое 20 млн. га (200 тыс. кв. км.) в абсолютных цифрах.

— Площадь Голландии — 41 тыс. кв. км.

— Площадь Англии — 244 тыс. кв. км.

— Площадь Белоруссии — 205 тыс. кв. км.

Не правда ли, неплохая база для создания общественных институций?

Именно с оформления этих земель в частную собственность — в интересах сегодняшних пользователей, за государственный счет — и должна начаться *деколлективизация*. Миллионы наших соотечественников впервые в своей жизни смогут получить и свободно распоряжаться своей частной собственностью, и эта собственность будет защищена законом. *Никогда, я хочу еще раз отметить этот факт, никогда в русской истории такого количества собственности не принадлежало рядовым гражданам России, то есть — русскому народу. Эти миллионы гектаров будут принадлежать не олигархам или предпринимателям, не чиновникам, а именно самым обычным и простым гражданам нашей страны.*

Почему за государственный счет?

Во-первых, это акт искупления многих грехов российской власти перед собственным народом.

Во-вторых, деколлективизация — это часть социальной политики государства и по борьбе с бедностью, через инвестирование государственных денег именно в собственных граждан и их имущество.

В-третьих, это реальная борьба государства с экономическим кризисом, через наделение своего населения активами, которые невозможно вывезти за границу на офшорные счета и спустить через фондовые спекуляции. Владельцы могут меняться, собственность остается в стране.

В-четвертых, как известно, инвестиционный климат в нашей стране для западного и отечественного неспекулятивного капитала уже давно неблагоприятный, ибо нет веры в неприкос-

новенность частной собственности в стране. После начала процесса деколлективизации не надо ничего доказывать на словах: лучшие гарантии для инвесторов — социальные практики государства, закрепляющие частную собственность за своими гражданами.

Спрашивается: а какие прямые выгоды может получить государство и муниципалитеты от программы деколлективизации? Конечно, налоги! Налоги на землю являются идеальными местными налогами, владение на землю невозможно скрыть или утаить, если эта процедура проведена через кадастр и есть нормативная возможность осуществить оценку в целях налогообложения. Именно множественность частного землевладения позволяет местным органам власти иметь стабильную (а это главное) налогооблагаемую базу поступления денежных средств в целях обеспечения, пусть всего лишь части, но стабильной части средств для осуществления своей экономической и общественной деятельности. Например, в странах «третьего мира», там, где институты частной земельной собственности получили максимальное развитие, земельными и другими имущественными налогами покрывается до 40% расходов органов местного самоуправления, в передовых промышленных странах — до 30%, в странах с переходной экономикой, к которой и относится Россия, местные налоги составляют всего лишь 12% от всех налоговых поступлений; в нашей стране, к сожалению, даже еще меньше. В странах открытого доступа к каждой операции с земельными ресурсами уплачивается налог в размере от 1,5 до 4% от суммы сделки, в нашей стране такой сбор отсутствует просто как институциональная норма. Как это ни покажется парадоксальным, именно наличие множества частных собственников ведет к укреплению влияния государства, о котором так печется нынешний правящий класс

России. Только государство может оставаться беспристрастным посредником и защитником многочисленных собственников через свои институты и юридические стандарты, общепринятые на всей территории всего государства, скрепляя тем самым однородное юридическое пространство страны.

Не может быть успешно осуществлен проект декolleктивизации, если не будет объявлена амнистия по легализации земельного имущества, используемого гражданами и организациями с нарушениями порядка получения и использования земель, существующих на сегодняшний день. С начала 90-х правила землепользования менялись несколько раз, и разрубить этот гордиев узел юридического хаоса обычным судебным порядком практически невозможно. Такая амнистия проходила в Казахстане согласно закону от 5 июля 2006 г. «Об амнистии в связи с легализацией имущества» и постановлением Правительства РК от 19 июля 2006 г. № 688: амнистия прошла, граждане легализовали свою земельную собственность и государство... не развалилось, получив лояльных собственников и новую налогооблагаемую базу.

Согласно программе декolleктивизации, возможно проведение мероприятий для решения одного из главных социальных вопросов — преодоления жилищного кризиса, унаследованного нами от социализма. Через строительство индивидуального жилья как в больших городах, так и малых. Безусловно, эта программа требует несколько иной государственной программы ипотечного кредитования, специалисты ее знают — это многократно описанные механизмы, примененные Л. Эрхардом в послевоенной Германии. Есть и блестящий российский опыт, ныне реализуемый в Белгородской области, где с 2006 по 2009 г. построено 2 млн. 200 тыс. кв. м индивидуального жилья, и земля под этими домами передается бесплатно гражданам в частную собственность.

Как не вспомнить слова известного американского домостроителя Уильяма Левита, когда он требовал продолжения финансирования государственных ипотечных программ индивидуального жилья для малообеспеченных от Конгресса США: «Когда у человека есть собственный дом, он никогда не станет коммунистом. Ему и без того есть чем заняться». Разве эта максима не может работать в нашей стране? Убежден, еще как может.

Следующим этапом декolleктивизации надо назвать уже неоднократно обещанной лично нынешним премьер-министром и, к сожалению, до сих пор не реализованной возможностью бесплатного оформления в собственность земельных участков под приватизированными предприятиями. В свое время резко против этой инициативы тогда еще молодого президента Путина выступил мэр Лужков, и теперь понятно почему. Лужков ныне не помеха; не пора ли опять вернуться к этому вопросу? Пусть теперь условием бесплатного оформления земли под промышленными предприятиями станет, например, внедрение энергосберегающих технологий на предполагаемую стоимость участка или финансирование НИОКР в течении энного количества лет на эту же стоимость.

Далее, признание права собственности на недвижимость на так называемые «временные сооружения», имеющие признаки капитального здания (фундамент, внешние коммуникации) и отвечающие санитарным и противопожарным функциям. Земельные участки под такими сооружениями можно как раз отдавать предпринимателям на возмездной основе с рассрочкой платежа. Какой это может дать эффект для государства и общества? Первое, что приходит в голову, — это массовая легализация и капитализация мелких собственников. В стране десятки тысяч объектов, возведенных частными предпринимателями, и все они находятся

под перманентной угрозой произвола чиновников. В случае нашей деколлективизации немалый сектор малого и среднего бизнеса возвращается из «серой» зоны в открытую экономику, этот эффект будет иметь не только экономически синергетический, но и социальный и даже политический: крушение коррупционных схем, которые в нашей стране всегда сопутствуют официально существующему понятию «временный объект».

Безусловно, в программу деколлективизации должно быть включено и создание системы реальных ТСЖ. Сейчас эти ТСЖ объединяют не более 7% жилого фонда страны. Власти уклоняются от межевания земли под многоквартирными домами, активно отбирают у ТСЖ общее имущество (подвалы и технические помещения) — это стандартная практика г. Москвы. Требуется развитие и совершенствование самих законов о ТСЖ. Однозначно: все новое несоциальное жилье за последние 10 лет должно перейти в ТСЖ по отдельному закону.

Программа деколлективизации в городах больших и малых с его «частным сектором» неминуемо потребует подробной законодательной регламентации проблем развития городов. Вот в этих вопросах не надо заниматься изобретением «колес», достаточно скопировать европейские муниципальные законодательства, лучше всего немецкое, оно, что немаловажно, исходит из приоритета общественного над частным, у немцев даже юридически тонко разведено понятие «владения» и «пользования». В муниципальных интересах частная собственность не отменяется, она просто начинает служить всему обществу, за нее или получается справедливая компенсация и она становится муниципальной, или остается частной, но муниципалитет выплачивает арендную плату и ею пользуется общество. Законы в своих прямых нормах четко и подробно регламентируют, что такое

государственный и муниципальный интерес, что такое социальное и коммерческое жилье или иная социальная инфраструктура, его характеристики и технические регламенты.

В наших городах до сих пор жизнь горожанина отдана на откуп бюрократии, и надо прекрасно отдавать себе отчет в том, что принятие таких законов, где прямые нормы права будут регламентировать взаимоотношения городских служащих и граждан по поводу собственности, вызовут даже на уровне обсуждения абсолютную реакцию отторжения со стороны партии государственной бюрократии. Вот здесь и понадобится политическая воля наших питерских «европейцев на троне», вот здесь и настанет «момент истины» для региональных представительств «Единой России» и различного рода молодежных организаций типа «Молодой гвардии» и «Наших». Даже принятие самых правильных законов на федеральном уровне потребует массу разнообразных усилий на местном уровне по согласованию интересов реальных граждан и интересов групп влияния как чиновников, так и предпринимателей, и это будет нескончаемое поле для усилий местных политиков и депутатов. Как мне кажется, именно эта тихая коммунальная революция, а иногда и громкая в виде пикетов и демонстраций, сможет *канализировать общественную энергию* на обустройство общественного или частного пространства и оторвет от протестов и потенциальных погромов традиционную русскую составляющую общественного возмущения — *«вообще против власти»*. Общественная энергия будет направлена по целерациональным руслам, в стремлении удовлетворять конкретные интересы населения, между властью и населением начнут формироваться подходы к конструированию ситуаций сложного утилитаризма, а в обществе начнут формироваться достижительные ценности.

* * *

Заранее предвижу вопросы: *все вышесказанное реально? Оно имеет какое-нибудь отношение к действительности? Имеет ли исторические аналоги?*

Очень интересен в плане преодоления меркантилистского наследия и развития модернистских практик социальных трансформаций опыт проведения земельной реформы после Второй мировой войны в Японии, Южной Корее и Тайване.

Самое поразительное и даже поучительное, что эта земельная реформа проходила под руководством гражданского специалиста из министерства сельского хозяйства США, бывшего русского эмигранта В. Ладыженского. Он родился на территории современной Украины в 1899 г., после революции, когда была конфискована собственность его семьи, эмигрировал в Америку, окончил Колумбийский университет и стал сотрудником министерства сельского хозяйства. Публиковался в различных научных изданиях, сделал себе имя и по личному приглашению Д. Макарута стал архитектором первой земельной реформы в Азии, проведенной по европейским лекалам, и этой страной оказалась Япония. Сутью реформы стало преодоление феодальных отношений, при которых земля в основном принадлежала земельным латифундистам и государству, а крестьяне, как правило, были бесправными арендаторами, отдававшими большую часть урожая в счет аренды, т.е., по сути, аграрными пролетариями. Была поставлена задача расширения количественной базы самих собственников и закрепления за ними собственности на полном частном праве.

Прочитываем самого Ладыженского: «Хотя бы из соображений просвещенного эгоизма США, соперничая с коммунистами в Азии, не могут быть дружелюбны к аграрному феодализму, потому что мы против коммунистиче-

ского тоталитаризма. Необходимо оказать прямую поддержку аграрной демократии. Мы должны в любой форме использовать наше влияние и престиж для поддержки аграрных реформ, как уже начатых, так и ожидаемых в будущем. Этим мы выйдем политическую опору из-под ног коммунистов».

Технически земельная реформа началась с принятием в октябре 1946 г. японским парламентом закона, в соответствии с которым землевладельцам, лично не обрабатывающим землю, оставляли по 1 га, тем, кто обрабатывает — по 3 га земли. Остальные угодья были принудительно выкуплены по фиксированной ставке и переданы в местные земельные комиссии, созданные для их перепродажи в рассрочку арендаторам и всем желающим вести хозяйство на земле в частную собственность. Принудительному перераспределению подлежало 77% арендуемой земли, перепродававшейся по твердым ценам в течение двух лет, далее в течение нескольких лет крестьяне не имели права перепродавать эту землю, для недопущения земельных спекуляций. Вся оставшаяся земля, в том числе и в городах, где до этого также существовали феодальные ограничения по землепользованию, была открыта, в том числе и для спекуляций.

Земельная реформа радикально изменила ситуацию в сельском хозяйстве, главным социальным результатом стало многократное увеличение доли крестьян-собственников буквально в течение нескольких лет. К 1949 г. они составляли уже 90% пользователей земли. В 1950 г. объем сельскохозяйственного производства увеличился в 1,5 раза и превратил японскую деревню из источника социальных конфликтов в фактор политической стабильности и накоплению доходов, которые провоцировали внутренний спрос на удобрения и механизацию, что приводило к диверсификации самого сельского хозяйства. В 1960–1970-х гг. японская деревня пережила вторичную и также

органичную модернизацию, набравшую силу в том числе с помощью синергетического эффекта от земельной реформы: промышленности требовались рабочие руки, крестьяне продавали землю и уходили в города. Само японское сельское хозяйство стало укрупняться и специализироваться по тем же признакам и параметрам, как и на европейском континенте (вот тебе и «разница» культур!), а промышленность получила миллионы трудолюбивых работников, проникнутых традиционной японской крестьянской моралью.

Так и произошел синтез западных технологий и особого японского промышленного менеджмента, основанного на традиционной сельской ментальности большинства населения страны. И начиная с 70-х годов XX в. мир узнал, что такое «японское экономическое чудо». Как бы подтверждая универсальность действия капиталистических принципов, земельные реформы, проведенные Ладыженским в Южной Корее и на Тайване по тем же правилам, привели уже к 80-м годам и к «корейскому экономическому чуду», и к «тайваньскому чуду», со всеми теми политическими коллизиями, которые сопровождали путь этих стран к социальному и общественному прогрессу. Было бы наивным предполагать, что только земельная реформа способствовала экономическому и социальному прогрессу, но она стала базой для постепенной трансформации поведения правящего класса и установления в этих странах модернистских экономических, а затем, как следствие, и общественных практик. Всего два поколения буржуазных отношений, начатых земельной реформой (только настоящих, а не имитационных) и захвативших коренное сельское, азиатское и патриархальное население, в конце концов привели этих людей к социальному прогрессу и невиданному для Азии развитию человеческого капитала. И эта «темная» азиатская

стихия уже штурмует постиндустриальные вершины обществ открытого доступа.

* * *

К сожалению, современный исторический процесс во множестве предоставляет и другие сценарии. История Латинской Америки начинается с колонизации этой территории испанцами и португальцами, разгром Наполеоном испанского короля породило движение за независимость. В отсутствие самоуправления, не развивавшегося в колониальный период, а также четко определенных прав частной собственности, которые не зависели бы от сословной принадлежности, материальным итогом революционных потрясений стали колоссальные земельные владения богатых лиц и Церкви, особые права и привилегии военных и создание бесконечного количества монополий в производстве и торговле. В отношении политического и экономического обмена господствовали личные связи, режим меркантилизма был установлен практически на двести лет, история Латинской Америки пошла по своему «особому пути», очень напоминая, буквально до деталей, русскую историю имперского периода. Вторая половина XX в. — время «образцовых» авторитарных режимов, возглавляемых офицерами армии и спецслужб. Бразильский режим, положивший начало убийствам и систематическим попыткам политических противников, а также «эскадронам смерти» как главному орудью официального террора. Уругвай, Парагвай, Никарагуа... Аргентинская диктатура 1976–1983 гг. была установлена в самой богатой и экономически развитой стране континента, население которой в подавляющем большинстве состояло из потомков европейских иммигрантов. И именно в этой стране был установлен чудовищный, даже по латиноамериканским меркам, террористический режим, жертвами которого

стали около 30 тыс. убитых, замученных насмерть и бесследно исчезнувших ее граждан². Размах и изощренность террора, осуществлявшегося авторитарно-бюрократическими режимами, были исключительно иррациональными. Военные были преисполнены решимости превратить государство в орудие радикальной перестройки общества сверху вниз, восстановления иерархических структур, которые отвечали бы их представлениям о правильной организации общества, когда длинная рука государства могла дотянуться, с тем чтобы насадить «порядок и власть». Это жестко вертикальное, авторитарное, патерналистское представление об идеальных взаимоотношениях государства и общества, казалось бы, жестко контрастировало с той «радикально-либеральной» экономической политикой, которую эти режимы осуществляли в экономике. Только надо правильно расшифровывать понятие «латиноамериканского особого либерализма», он не имел ничего общего с экономическими моделями, характерными для стран открытого доступа, с их свободным обезличенным обменом и равными правами доступа к институтам частной собственности.

«Важнейшей отличительной чертой традиционалистских авторитарных режимов и центральной характеристикой того типа социального господства, который они воплощали, было полное, нерасчлененное единство власти и собственности. Все перечисленные диктаторы и (или) их семьи были обладателями огромных состояний, зачастую составленных из активов, конфискованных у убитых или высланных за границу противников диктатуры. Трухильо, Сомоса и Дювалье владели

своими странами как семейной собственностью: им принадлежала значительная часть обрабатываемых земель, наиболее прибыльные промышленные и транспортные предприятия, газеты и телевизионные компании, большая часть дорогой недвижимости» (*Ворожейкина Т.* «Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и различия»).

Следствием такой политики стала возможность приумножения и защиты собственности только для избранных, определяемых не свободным рыночным обменом, а феодальным правом сословной принадлежности сторонника правящего режима. Таким образом, на протяжении всей своей истории в Латинской Америке мы не наблюдаем ни экономического коллапса, ни стагнации, а лишь хроническую нестабильность и неопределенность, массовое мздоимство, политический авторитаризм, неэффективное распределение коллективных благ и замедленный экономический рост.

* * *

Вот перед нами два пути: Японии, Южной Кореи, Тайваня и Латинской Америки (кроме Чили и Бразилии, идущих путем «азиатских тигров»). Если наш правящий класс найдет в себе силы вернуться к рациональности, а не к очередному построению «особого пути», то в условиях экономического кризиса самое время конвертировать общественную депрессию в революцию социального преобразования. Деколлективизация как обретение реальной собственности, а не имущества, существующего сегодня на правах пользования, как феодального пережитка, есть реальный и зримый этап возвращения нашей страны в Русскую Европу, восстановления связи времен, преодоления 70-летнего исторического регресса в развитии Русской цивилизации не только для предпринимателей и представителей правящего класса, но и для всего народа в его праве сво-

² В контексте сегодняшних событий на Ближнем Востоке, с намеком на нашу страну и особенно Белоруссию — в Аргентине 20 апреля 2011 г. вынесен приговор: 25 лет тюрьмы последнему аргентинскому диктатору Рейнальдо Биньоне.

бодного доступа к институтам частной собственности.

Массовая легальная собственность — это выстраивание множества единых, стандартных, одинаково трактуемых, вне зависимости от социального, регионального, религиозного статуса горизонтальных юридических, социальных, экономических коммуникативных связей между гражданами единой страны. Это один из немаленьких кирпичиков становления, наконец-то, единой российской нации. Вспомним: немцы, французы, англичане стали «нациями» только в XIX в., когда появилась и закрепилась массовая легальная собственность, постепенно конвертируемая в устоявшиеся политические формы.

Обладание собственностью формирует прежде всего ответственность в виде рационального поведения, самоконтроля и дисциплины, ради сохранения этой собственности. Еще раз вспомним: во всех устойчивых демократиях Запада сначала избирательные права получали только люди с имущественным статусом или образованием (не считая правящего класса — дворян), и именно эти люди сформировали спрос на демократические институты. Смешно сегодня вводить ограничения в современную избирательную систему, но массовая легальная собственность — верный шаг в построении гражданского общества.

Необходимо принять просто, как данность: авторитарная власть черпает свою легитимность в том числе и из народных чаяний, а не только из злой воли или предрассудков вождей. Авто-

ритаризм лидеров есть всегда следствие авторитаризма широких народных масс. Корни этой проблемы «защиты» в ментальных образах народа, у которого не сформировано чувство индивидуальности, целерационального поведения и анализа окружающей действительности, при наличии страха перед конкуренцией на фоне крушения традиционных социальных связей (общинных, родовых, подданнических, коллективистских, имперских). Обществу нужен авторитет для «безопасного» перехода к иным социальным практикам, для преодоления возникшей «глобальной» неопределенности. К сожалению, в истории России, особенно в XX в., было слишком много социальных катастроф, породивших состояние непрерывной неопределенности для населения и ставших уже культурным феноменом, рождающим в общественном сознании различные иррациональные методики. Преодолеть эти фантомы возможно только на институциональном уровне, ведь между убеждениями и институциональным каркасом существует тесная связь через формальные правила и социальный опыт.

Русский народ в своих «метаниях» не одинок, все европейские народы прошли по этому пути, пройдем этот путь и мы. Лекарство тоже известно: *Просвещение* в самом широком смысле этого слова: и научный метод — как обоснование общей рациональности, и развитие институтов частной собственности — как экономическая проекция естественного права, данного нам Богом. И иного не дано.

Кирилл Титов

К истории «Слова нации»

Самиздат русских националистов в СССР начался с анонимного текста, в заглавии которого значилось — «Слово нации». Свой политический идеал «авторы» — текст был подписан «русские патриоты» — видели в появлении «мощного национального государства», в котором «русский народ на самом деле, а не по ложному обвинению, должен стать господствующей нацией, не в смысле угнетения других народов, а хотя бы в том, чтобы сами русские не становились жертвами дискриминации и даже террора в отдельных частях своей собственной страны»¹. Это был первый текст русских националистов в самиздате, который получил широкую известность как в Советском Союзе, так и за рубежом.

«Слово нации» написал один из наиболее активных участников русского национального движения в СССР Анатолий Михайлович Иванов. На протяжении 1970-х гг. из-под его пера вышло немало публицистических текстов для самиздата², он являлся одним

из основных авторов общественно-политических журналов национально-патриотического направления «Вече» (1971–1974) и «Московский сборник» (1974–1975). «Слово нации» было написано им в основном летом–осенью 1970 года. После обсуждения в кругу единомышленников и правки текст был окончательно готов в декабре того же года.

Со второй половины 1960-х гг. в СССР происходит резкая политизация самиздата, значительно увеличивается количество самиздатских текстов³. В этот же период качественные изменения происходят в русском национальном движении, появляется самиздат русских националистов. Важную роль в этом процессе сыграли участники антисоветских групп второй половины 1950-х гг., которые с середины 60-х начали выходить на свободу из мест заключения и активно включаться в неформальную политическую деятельность. Как справедливо отметил в своем исследовании В. Иофе, «из персонажей этого периода (т.е. конца 50-х. — К.Т.) потом вышло много участников общественного движения 60–70-х годов»⁴.

О «колониальной» политике России; *Скуратов А.* [Иванов А.М.] Триумф самоубийц; [Иванов А.М.] Логика кошмара; и др.

³ *Савельев А.В.* Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950-х–1970-х годов // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 114; *Березовский В.Н.* Движение диссидентов в СССР в 60-х — первой половине 80-х годов // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 616.

⁴ *Рождественский С.Д.* [Иофе В.] Материалы к истории самостоятельных политических

¹ Слово нации. С. 13 // Архив автора.

² *Иванов А.М.* Слово за слово (ответ А. Краснову-Левитину); *Скуратов А.* [Иванов А.М.] У истоков русского самосознания; [Иванов А.М.] Генерал М.Д. Скобелев как полководец и государственный деятель; [Иванов А.М.] Роль Н.Я. Данилевского в мировой историософии; [Иванов А.М.] Открытое письмо «Русских патриотов» и.о. зав. Отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС, д-ру исторических наук Яковлеву А.Н.; [Иванов А.М.] Против притязаний партий Японии на Курилы; *Скуратов А.* [Иванов А.М.] «Август 14-ого» читают на родине; *Скуратов А.* [Иванов А.М.] По поводу полемики между Сахаровым и Солженицыным; [Иванов А.М.]

В годы «оттепели» в лагерях оказалась «недавно посаженная интеллигентная молодежь, состоящая преимущественно из бывших московских и питерских студентов, — вспоминает В. Садовников, заключенный Дубравлага в 1961–1966 гг. — Из этой политизированной молодежи выделялось несколько кружков — примерно от трех до десяти человек поделников, — посаженных в первый период хрущевской оттепели, в 1957–1959 годах, слишком наивно и всерьез поверивших в либерализацию коммунизма. Молодежь эта была репрессирована за отстаивание и “пропаганду”, в основном устную, как тогда говорили, различных “ревизионистских” идей. Пробуждение общественного сознания в период “оттепели” шло, как правило, в леворадикальном и околомарксистском направлении. Прежде всего отталкивались от вопиющего противоречия между заманчивыми теоретическими обещаниями “классиков” и практической их реализацией. Марксистская окраска тогдашнего диссидентства легко объяснима тем, что никакой философии, кроме диамата, тогда практически в обороте не было»⁵.

Однако в лагере идеологическая ситуация была совершенно иной. Здесь были представлены практически все невозможные в официальной советской жизни политические и мировоззренческие позиции. В Дубравлаге находились многочисленные национал-сепаратисты из Украины, Прибалтики, Закавказья, только нарождающиеся русские националисты⁶ и умудренные опытом члены НТС, еврейские

националисты-сионисты, православные (в основном «катакомбники»), иеговисты, католики, протестанты... В 1962 г. прибыли осужденные «новочеркасцы». Было немало «полицаев», парашютистов, сброшенных западными спецслужбами над территорией СССР.

В условиях относительно либерального режима содержания постоянно шел обмен информацией, вспыхивали ожесточенные дискуссии, каждая идеологическая группа стремилась завоевать умы только что прибывших заключенных.

«Среди лагерной интеллигенции в демсекции ходило много интересных и практически недоступных на воле книг: Ницше, Шпенглер, Шопенгауэр, Фрейд, редкие философские и исторические работы, не говоря уже о художественной литературе, все это разными путями и каналами стекалось в зону. Очень большой популярностью пользовался начавший недавно выходить еженедельник “За рубежом”, а также журналы и газеты из стран “народной демократии”, которые тогда свободно пропускали в зону по почте. Особенно популярной была литература из весьма либеральной в ту пору гомулковской Польши»⁷. Лагерь стал для многих молодых людей настоящей политической школой. Впрочем, для идейного переворота какая-то специальная литература была совсем не обязательна. Достаточно было нового опыта, чувства отделённости от советской действительности. Ю.Т. Машков, руководитель небольшой студенческой группы, из весьма радикального «анархо-коммуниста» стал в лагере русским националистом радикально правого направления. Для него необходимым импульсом оказалась только что изданная в СССР «История России...» С.М. Соловьёва.

Столкновение с совершенно иной действительностью кардинально из-

объединений в СССР после 1945 года // Память. Исторический сборник. Вып. 5. Париж, 1982. С. 227.

⁵ Садовников В. «Оттепель» в зоне // Новый мир. 1996. № 7. С. 157.

⁶ О группе Поленова-Пирогова см.: ГАРФ. Ф. 8131. Д. 83498; Садовников В. Указ. соч. С. 159.

⁷ Садовников В. Указ. соч. С. 161.

менило мировоззрение многих заключенных. Поэтому неудивительно, что многие левые ревизионисты довольно быстро «правели», становились убежденными русскими националистами. В своих воспоминаниях В.В. Садовников приводит немало таких случаев⁸. В частности, такую мировоззренческую метаморфозу пережили в лагере друзья А.М. Иванова — И.В. Авдеев, В.Н. Осипов, их товарищ по заключению В.В. Ильяков⁹.

В.Н. Осипов, один из наиболее известных деятелей русского национального движения в СССР, вспоминает о пережитом им в Дубравлаге мировоззренческом перевороте так: «В этой зоне я столкнулся с оголтелой русофобией украинцев-западнцев, постоянно поносивших проклятых “москалей”. <...> Надо сказать, что бандеровцы (и те, кто угождал им) были как жернова, как шлифовальный круг для тех молодых русских ребят, которые приходили в лагерь беспечными “интернационалистами”. <...> я понял одно: никому нет дела до русского народа. Ни у кого нет жалости к этому народу, к моему народу. Я почти не спал в эту ночь и утром встал русским националистом»¹⁰.

А.М. Иванов, как и многие из его товарищей, свой путь в неформальную политику начинал с кружков ревизионистского толка. Свою первую подпольную антисоветскую группу он создал еще в старших классах осенью 1952 г.¹¹ По окончании школы поступил сначала в Институт иностранных языков им. М. Тореза, где отучился один курс. Потом, в 1955 г., на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, откуда в самом конце 1957 г. его отчислили за политическую небла-

гонадежность¹². В январе 1959 г. он был арестован. У его друга И.В. Авдеева при обыске обнаружили статью Иванова «Рабочая оппозиция и диктатура пролетариата». В ней автор критиковал Маркса с помощью аргументов, почерпнутых у Бакунина, и «проводил линию через “рабочую оппозицию” к тогдашним югославским рабочим советам и даже к венгерской революции 1956 года»¹³. Суд направил Иванова на принудительное лечение в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу, откуда он освободился в августе 1960 г.¹⁴. Вскоре, в октябре 1961 г., последовал новый арест, на этот раз по делу «площади Маяковского»¹⁵. Вместе с Ивановым был осужден его друг и однокурсник по историческому факультету МГУ В.Н. Осипов. Суд вновь приговорил Иванова к «принудительному». На этот раз в Казани, где, как он вспоминает, «никакого лечения ко мне не применяли — ни таблеток, ни уколов. Как острили наши ребята: стенкотерапия и решеткотерапия»¹⁶. Через два года он освободился и устроился работать переводчиком с французского и немецкого в НИИ Полиграфмашиностроения, что оставляло достаточно времени для творчества и общественной деятельности.

«Через год после моего освобождения вернулся из лагеря Игорь Авдеев, — вспоминает Иванов. — От него я узнал, что и он и Володя Осипов заделались теперь православными монархистами. Я этим делом дотоле не увлекался, был весьма удивлен такой эволюцией и решил изучать славянофилов. Они меня чрезвычайно заин-

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: *Поликовская Л.* Мы предчувствие... Предтеча... Площадь Маяковского 1958–1965. М., 1997; *Осипов В.Н.* Корень нации. Записки русофила. М., 2008.

¹⁶ Интервью Н.А. Митрохина с А.М. Ивановым // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 162.

⁸ *Садовников В.* Указ. соч.

⁹ Интервью Н.А. Митрохина с А.М. Ивановым // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 162.

¹⁰ *Осипов В.Н.* Дубравлаг // Москва. 2001. № 10–11. С. 131, 136.

¹¹ Интервью Н.А. Митрохина с А.М. Ивановым // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 162.

тересовали. После освобождения из Казани я восстановился на заочном отделении МГУ, где написал по славянофилам сначала курсовую работу, а потом и диплом»¹⁷. Позднее, оттачивая свои взгляды, которым он считал необходимым придать «строго научный характер», много работал в Исторической библиотеке, читал научную литературу по истории, антропологии и этнографии. Среди прочитанных тогда авторов И.Ф. Шмальгаузен, В.В. Бунак и другие¹⁸. Тогда же, в 1967–1968 гг., Иванов, через литературного критика О.Н. Михайлова, стал участником заседаний Русского клуба¹⁹ (официально — секция пропаганды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры)²⁰.

Под таким названием проходили собрания патриотической интеллигенции самого разного общественного положения, от писателей и литературных критиков до авторов самиздата. На «вторниках», как назывались в кругу участников заседания клуба, делались доклады на различные культурно-исторические темы, а затем шел свободный обмен мнениями. Руководили клубом Д.А. Жуков, П.В. Палиевский и С.Н. Семанов. В.Н. Осипов так вспоминает об этих встречах: «Я помню знаменитую дискуссию о расколе. Были сторонники Аввакума, были противники Аввакума, но и те и другие были патриоты. Это была дискуссия патриотов между собой, без единой марксистской формулировки, без единого марксистского тезиса, будто марксизма не существует»²¹.

¹⁷ Поликовская А. Указ. соч. С. 238.

¹⁸ Интервью К.В. Титова с А.М. Ивановым 01.07.2008 // Архив автора.

¹⁹ Подробнее см.: Семанов С. Русский клуб // Москва. 1997. № 3; Шиманов Г. За дверями «Русского клуба» // Наш современник. 1992. № 5.

²⁰ Интервью Н.А. Митрохина с А.М. Ивановым // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 162.

²¹ Цит. по: Митрохин Н.А. Русская пар-

Так сложилась референтная группа, на мнение которой А.М. Иванов опирался при написании «Слова нации». Одну ее часть составляли бывшие политзаключенные, друзья автора и их знакомые: в частности, И.В. Авдеев, В.Н. Осипов, В.В. Ильяков, о. Дмитрий Дудко²². Другая была представлена московской интеллигенцией, связанной с Русским клубом: С.Н. Семанов²³, М.П. Кудрявцев²⁴, В.А. Виноградов²⁵.

В 1969 г. в самиздате появилась составленная С. Солдатовым «Программа демократического движения Советского Союза». «Программа...» гласила, что «самой большой колониальной державой, удерживающей вокруг русского ядра наибольшее количество народов, является Советский Союз», который «должен <...> предоставить политическую самостоятельность и культурную автономию всем народам, которые этого пожелают»²⁶. В списке поработанных Россией народов, помимо привычных прибалтов, среднеазиатов и украинцев, фигурировали казаки, народы Поволжья,

тия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985. М., 2003. С. 321.

²² Священник РПЦ МП. Участник русского национального движения, политзаключенный.

²³ Историк, литератор, журналист. Участник русского национального движения. В 1971 году возглавлял редакцию «ЖЗЛ» в издательстве «Молодая гвардия».

²⁴ Архитектор, историк архитектуры. Участник русского национального движения. Участник движения по охране памятников истории и культуры, группы Фетисова, ВООПИК, заседаний «Русского клуба». Автор самиздата.

²⁵ Архитектор. Активист русского национального движения, член группы Фетисова, участник движения по охране памятников истории и культуры, общества «Память». Автор самиздата.

²⁶ Солдатов С. Наследие и архив. Т. 4. Свобода. Кн. 1. Программные документы ДДСС. Таллинн, 2004. С. 41.

Урала, Сибири, Камчатки²⁷. Солдатов утверждал, что «центральная власть по своему усмотрению хищнически выкачивает национальные ресурсы и богатства, принадлежащие исконным народам», «из экономически развитых республик (Украина, Белоруссия, Прибалтика) больше вывозится, чем ввозится»²⁸. Русским предлагалось «изжить в себе позорные колониальные предрассудки» и возместить угнетенным национальностям все моральные, культурные, территориальные и имущественные потери²⁹. Появление такого документа очевидно требовало ответа от имени русских националистов. Таким ответом и явилось «Слово нации», язык и композиция которого объясняются полемикой с «Программой демократического движения Советского Союза».

Текст «Слова нации» первоначально обсуждался в кругу бывших политзаключенных. На этом этапе были внесены небольшие поправки: И.В. Авдеев настоял на том, чтобы вычеркнуть абзац, где говорилось о возможном предоставлении независимости прибалтийским республикам. На мнение о. Дмитрия Дудко А.М. Иванов ориентировался в религиозном вопросе³⁰.

Осенью 1970 г. Иванов передал текст «Слова нации» В. Буковскому для распространения, в том числе и за границу³¹. Другие копии разошлись по знакомым Иванова и его друзей. Сам автор после двух предыдущих арестов все оригиналы своих текстов уничтожил³².

Первый отклик на «Слово нации» появился в «Хронике текущих

событий»³³ № 17: «Документ типа декларации, манифест русских националистов. Авторы ожесточенно полемизируют с отечественными (и всякими) либералами, обвиняя их в беспочвенности, бессилии и объективной губительности их целей и взглядов. “Русские патриоты” ратуют за чистоту белой расы, которую портит “беспорядочная гибридизация”, за возрождение России (“великой, единой и неделимой”) и национальной религии»³⁴. В таком же духе были выдержаны вскоре появившиеся полемические статьи в самиздате³⁵.

Значительно больший интерес представляет собой материал, опубликованный в 1971 г. в парижской «Русской мысли»³⁶. В газете под заголовком «Принципиальные споры в самиздате» на одной полосе были напечатаны выдержки из «Слова нации» и «Слова о свободе» В. Гусарова, снабженные общим редакционным комментарием. В нем журналисты «Русской мысли» отмечают, что «наиболее обильный материал доходит к нам о положении евреев в СССР, при чрезвычайной ограниченности сообщений о других народностях, даже о русских». «Слово нации», по их мнению, радикально отличается от большинства дошедших ранее до Парижа самиздатских документов, которые, как правило, составлены людьми, еще не вышедшими «за

³³ Хроника Текущих Событий (ХТС) — машинописный информационный бюллетень, выпускавшийся группой правозащитников (сначала Н. Горбаневской, затем — Ю. Шихановичем, П. Якиром, В. Красиным, Г. Суперфином, С. Ковалевым, А. Лавутом, Т. Велликановой) с 1968 по 1983 год.

³⁴ Хроника Текущих Событий (Вып. 1–27). Амстердам, 1979. Вып. 1. С. 87.

³⁵ Гусаров В. Слово о свободе; Краснов-Левитин А. Живое слово. Отклик на «Слово нации»; Северный С. Авторам «Слова нации». См.: ХТС. № 17, 19.

³⁶ Русская мысль. Париж, 1971. № 2870. 25 ноября 1971. С. 4.

²⁷ Там же. С. 41–44.

²⁸ Там же. С. 45.

²⁹ Там же. С. 46.

³⁰ Интервью Н.А. Митрохина с А.М. Ивановым // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 162.

³¹ Сообщено А.М. Ивановым автору статьи 20.01.2011.

³² Там же.

пределы внутрикommунистической оппозиции». По мнению редакции «Русской мысли», А.Д. Сахаров, В. Чалидзе и другие не являются полноценными оппозиционерами советскому режиму. В отличие от них авторы «Слова нации» представляют собой новое явление в общественной жизни СССР — полноценную политическую оппозицию, занятую «не только проблемами настоящего, но и будущего»³⁷.

Появление «Слова нации» наделало много шума в советологических кругах Запада. По словам американского исследователя Джона Данлопа, «Слово нации» «поразило многих западных читателей своей запальчивостью и непреклонностью в решении национального вопроса»³⁸. Лондонский журнал «Survey» посвятил «Слову нации» сразу несколько публикаций. В 1971 г. там был полностью напечатан текст манифеста в переводе на английский язык³⁹. Позднее большое внимание разбору «Слова нации» уделил в своей работе «Возрождение русского национализма в самиздате» канадский советолог и историк украинского происхождения Дмитрий Поспеловский⁴⁰. В свою очередь его статья была критически разобрана русскими националистами в «Вече» № 9⁴¹.

³⁷ Там же.

³⁸ *Dunlop J.B.* The faces of the contemporary Russian nationalism. N.-Y., 1983. P. 160–161.

³⁹ *Survey*. London, 1971. Vol. XVII. № 3.

⁴⁰ *Pospielovsky D.V.* The Resurgence of Russian Nationalism in Samizdat // *Survey*. London, 1973. Vol. XIX. № 1(86). P. 51–74.

⁴¹ *О.М.* «Survey» о русском национализме // *Вече*. № 9. 19 декабря 1973 года. Данный номер журнала «Вече» доступен в Собрании документов самиздата (Материалы перепеч. из Арх. Самиздата до мая 1973 г.) / Подгот.

Несмотря на то что «Слово нации» упоминается и цитируется во многих научных работах⁴², полностью документ был опубликован лишь один раз⁴³, в мюнхенском журнале «Вече» (1981. № 3. С. 106–131), который редактировался русским националистом Е.А. Вагиным, участником ВСХСОН, вынужденно эмигрировавшим в Западную Европу в 1976 г. В нашем издании текст печатается по ксерокопии с машинописного оригинала из архива С.Н. Семанова.

Исслед. отд. Радио Свободы, Мюнхен. Т. 21b. К сожалению А.М. Иванов не смог подтвердить свое авторство данной статьи (хотя всё говорит за это) или же указать иного автора. Не смогли точно указать автора этой статьи и В.Н. Осипов, и С.А. Мельникова. При этом они оба согласились с тем, что авторство Иванова наиболее вероятно.

⁴² Например: *Dunlop J.B.* Op. cit.; *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Benson (Vermont), 1984 (др. изд.: М., 1992, 2001, 2006); *Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия.* М., 1995; *Митрохин Н.А.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985. М., 2003; *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. М., 2004; *Соловей Т., Соловей В.* Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М., 2009; и др.

⁴³ «Слово нации» также было полностью напечатано в самиздатском журнале Г. Шиманова «Непряда» (№ 18. 1990. С. 52–62). В последние годы в двух документальных сборниках «Слово нации» публиковалось в сокращении. См.: *Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950–1980-е: В 3 т.* М., 2005. Т. 2. С. 362–368; *К ненашим. Из истории патриотического движения.* М., 2006. С. 170–185.

СЛОВО НАЦИИ

I. Оценка мирового положения

История народов развивается по циклам. За подготовительным периодом и временем расцвета неизбежно следует эпоха упадка. Наиболее яркий пример такого цикла мы видим в античном мире, где блестящий взлет Греции, сопровождавшийся соперничеством различных ее частей (Афины, Спарта), завершился ее поглощением Римской Державой и противоборством двух великих империй — Римской и Парфянской (Персидской), постепенно клонившихся к упадку и, наконец, исчезнувших.

Нечто подобное мы наблюдаем и в новое время. Европа, которая была средоточием мирового развития и раздиралась противоречиями своих ведущих держав, претендовавших на гегемонию (Франция, Германия), сегодня зажата двумя сверхгигантами, само название которых почему-то зашифровано.

Какими бы взаимными упреками ни обменивались противостоящие ныне друг другу системы, сколько бы ни считали они те или иные пороки исключительным достоянием противной стороны, главная угроза, мало кем еще понятая, остается общей: вырождение, вызванное причинами биологического порядка, действующими с тем большей силой, чем меньше на них обращают внимания, упорно жуя истасканную псевдоистину о главенстве так называемых «социальных» факторов над биологическими.

Признаками этого вырождения являются: падение рождаемости, рост общественной инертности, как в т.н. «свободных», так и в т.н. «тоталитарных» странах, уход людей в личную жизнь, в построение собственного благополучия, их взаимное отчуждение, атомизация общества, исчезнове-

ние духовных интересов, образование вакуума в душах людей и, как результат этого, — бессмысленные чудовищные преступления, пьянство, наркомания. Вырождающееся общество — это Янус, два лица которого — обыватель и преступник. Первый не может жить без второго, недаром такой огромной популярностью пользуются детективные романы. Если бы преступников не было, обыватели бы их выдумали.

Демократия в ее эгалитарном варианте есть одно из следствий вырождения и одновременно его стимул. Демократы исходят из абсолютной ценности каждой личности, независимо от того, идет ли речь о святом или об убийце-садисте. Суть ядовитой идеи равенства между людьми — равные права для честных людей и бандитов (яркий пример такого гуманизма, переходящего в идиотизм, — пресловутый закон о пределе необходимой обороны, охраняющий драгоценные тела насильников). Качественные критерии начисто изгнаны из обихода, и в результате торжествует либо прямое зло, либо усредненная безличь. Поэтому абстрактный лозунг «правового государства» без конкретных уточнений, о каких именно правах и для кого идет речь, — всего лишь пустая фраза.

Эгалитаризм не есть опять-таки порок одних лишь демократических, в западном смысле слова, режимов. Диктатуры и монархии также могут быть эгалитарными и вырождаться с таким же, если не с большим успехом, чему пример — та же Римская империя. Демократия опасна своим попустительством вырождению, но еще опасней диктатура, выступающая его активным пособником.

Противостоять этому процессу вырождения способно лишь сильное пра-

вительство, опирающееся на национальные традиции.

Такое правительство некогда существовало в России. Масса самых изощренных усилий была приложена к тому, чтобы под флагом необходимости изменений подорвать самые основы русского образа жизни и переделать нетипичную Россию по западному образцу.

Но такая переделка была невозможна из-за наличия у народа определенных политических идей, не укладывавшихся в прокрустово ложе либерализма. Эти идеи требовали, чтобы в стране была сильная централизованная власть, способная оградить независимость России от всяких на нее посягательств. Собирище болтунов не устраивало народ, и не удивительно, что, достигнув на какое-то историческое мгновение своей цели, оно недолго продержалось. Сильная централизованная власть была воссоздана на новой основе. Либералы могут сколько угодно рыдать по этому поводу, проклинать «отсталость» и «неспособность» России, кричать, что новая форма еще хуже старой, но сами они способствовали появлению именно этой новой формы, несут за нее свою долю ответственности и, может быть, именно поэтому столь чувствительны к ее недостаткам. Можно увилывать, отпираться, ссылаться на благие и совсем иные намерения — от этого суть дела не меняется. Получилось по пословице: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем».

Переломным моментом истории была Первая мировая война. Вопрос о ее причинах и виновниках до сих пор остается открытым, а порождена она была предшествующим периодом «либерально-демократического» процветания за чужой счет с той же закономерностью, с какой обыватель порождает преступника. Оказалось правильным гениальное наблюдение Достоевского — именно долгий мир зверит людей, развивая в них животный

эгоизм, низменные собственнические инстинкты. «Эра войн кончилась», — благодушно квакали сытенные лягушки, но готовые проглотить их журавли уже летели.

Война оказалась не похожей на парады, она приняла затяжной характер, началось разочарование и ропот. Недовольство охватывало и придворные круги, где составились две партии: одна выступала за более энергичное ведение войны, другая — за заключение сепаратного мира. Нерешительность и колебания Николая II привели к тому, что он пал жертвой заговора, организованного военной партией. Из заговора, не ограничившегося на этот раз, в отличие от 1801 года, дворцовой спальней, выросла т.н. «Февральская революция». Но события быстро вышли из-под контроля у тех, кто собирался ими управлять. Видя это, генерал А.Г. Корнилов пытался спасти положение, но правительство Керенского обратилось за помощью к большевикам, сделав тем самым первый шаг к своей гибели. Оно фактически не столько было свергнуто, сколько просто уступило власть. Перед ним был лишь выбор: кому ее уступить. И оно выбрало.

Из потрясений выросла новая общественная организация. Какое-то время ею пытались орудовать сеятели перманентного хаоса, но они были быстро выбиты из седла и беспощадно уничтожены силой, происхождения которой они так и не поняли. Зато понял это В.В. Шульгин, отметивший такие положительные, с его точки зрения, факты, как восстановление дисциплины в армии, восстановление почти в полном объеме старых границ, и предсказавший восстановление, в конечном итоге, и единоличной власти.

Тем временем важные события совершались на Западе. По всем канонам детективных романов, преступник должен быть изобличен. Виновницей мировой войны была объявлена одна Германия и общие грехи были взвале-

ны на нее. Оскорбленное национальное достоинство породило Гитлера.

Новый режим объявил беспощадную войну вырождению. Но выполнить эту задачу он был не в состоянии, потому что руководствовался вовсе не расовыми принципами, которые провозглашал, а узконациональным эгоизмом, объявляя неполноценными даже народы, стоящие на том же уровне развития, что и немцы. Ответная волна справедливой общей ненависти поглотила Германию.

Либералы очень любят осуждать деспотизм вообще, мешая в одну кучу царизм, фашизм, коммунизм. Но та или иная диктатура порождается конкретными обстоятельствами и выполняет конкретную историческую задачу. Часто задачей одной диктатуры является предотвращение или противодействие другой. И часто такая задача под силу только диктатуре. Демократы мечтают между Сциллой и Харибдой, и хотят они этого или не хотят, а выбор делать надо.

Поклонники западной демократии в своем неумном восторге доходят сегодня до апологии капитализма. Они уверяют, будто «пороки капитализма не имеют органического характера, не являются признаками дряхлости и агонии, не растут, а устраняются и сглаживаются». Речь-де идет всего лишь о «детских болезнях, болезнях роста», а посему «борьба против капитализма является, мол, преступной и бесцельной». Либералы сами не замечают, до чего их аргументация похожа на аргументацию их противников. Можно сколько угодно кричать о превосходстве той или иной системы, но ни одна из них не является идеальной, а сегодня, в условиях, когда в мире существует равновесие сил и ни одна из сторон не имеет решающего перевеса над другой, достоинства путей, которыми каждая из них наращивала и наращивает свою силу, можно оценивать лишь в перспективе. Да и самый подход с точки зрения экономической системы навязан известной идеологией, ис-

ходящей из примата экономики, примата, на наш взгляд, не доказанного и нами не признаваемого.

Самое ужасное слово для обывателя и либерала — это революция. Как 60 лет назад благодушные слюнтяи провозглашали «на земли мир и в человецех благоволение», так и сегодня они зажмуривают глаза и вещают: «Нигде в современности мы не видим радикальной революции. Мир в целом не хочет революции, отвергает ее. Мир предпочитает мирную эволюцию. Всякий призыв к кровавой насильственной революции является безответственным, преступным и исторически неоправданным». Как далека эта розовая картина от действительности!

Революция — переходное состояние. В математике такое состояние обозначается нулем и не имеет ни положительного, ни отрицательного знака. Поэтому так часто люди категорических суждений затрудняются в оценке революционных кульминаций и не могут уловить, где кончается революция и начинается контрреволюция, кем были, например, Кромвель, Наполеон, Сталин. Сами по себе подобные извержения жизненной энергии народов — естественные явления, которые не могут быть вызваны искусственно по чьему-либо желанию в любой момент истории или предотвращены по чьему-либо нежеланию. Сопутствуют они, как правило, периодам наибольшей жизнедеятельности нации. Если в какой-то небольшой части современного мира, принимаемой некоторыми за весь мир, мы не видим таких взрывов, это свидетельствует лишь о том, что она прошла свой кульминационный период и клонится к упадку. Через революцию прошли и Англия, и США, и Германия, не говоря уже о Франции. Сами демократические институты созданы революциями, почему же поклонники этих институтов отрещиваются от своих родителей?

Торгаши пощелкивают счетами и сокрушаются: достигнутые успехи слиш-

ком малы и незначительны, жертвы не окупаются. А будь успехи чуть побольше, окупались бы? Да и что считать за успех? Герцен, например, был весьма огорчен тем, что бурные потоки революции текут на Западе в мареммы мешанства. Если Россия избегнет такой судьбы — а у нас есть все задатки, чтобы ее избежать, — то еще вопрос, чьи жертвы не окупятся.

Деятелей переходных периодов упрекают в том, будто они не знают, как строить новое общество. Об этом де мудрецы, и то спорят. Хотелось бы знать, конечно, кто именно эти неведомые мудрецы, дабы преклониться перед их мудростью. Но куда длятся бесплодные споры мудрецов, людям дела поневоле приходится действовать на свой страх и риск.

Либералы же пока ищут квадратуру круга или, иначе говоря, способ «мощного массового ненасильственного воздействия на недемократические правительства», которые, как сами они в минуты просветления признают, делают мирный путь развития невозможным. Что ж! Дай Бог нашему теляти волка поймать!

Но если у европейских народов иссякают жизненные силы, зато «третий мир» бурлит. Вкрапленные в американское общество его представители устраивают погромы и поджоги, водружают ноги на стол, услужливо подставляемый им либералами, и твердо ведут линию на то, чтобы стать господствующим классом в Америке. Когда англосаксы окончательно утратят чувство национальной гордости и погрязнут в либеральной тине, весь огромный промышленный потенциал США может превратиться в орудие для достижения мирового господства черной расы, если эта угроза не будет своевременно осознана.

Либералы исходят счастливыми слезами по поводу освобождения колониальных народов, видя в этом добрую волю колониальных держав. Эти люди никогда, очевидно, не слышали

о войнах в Алжире, Вьетнаме, Индонезии, Малайе и в десятках других мест. Случаи же предоставления независимости по неведомым причинам свидетельствуют лишь о том же вырождении некогда могучих народов. Освободившиеся же народы получили полную возможность заниматься любимым еще с доколониаторских времен делом и бодро принялись резать друг друга (Конго, Нигерия, Руанда). Допустимо ли предоставлять этим явно не доросшим до независимости странам те же права в ООН, что и культурным нациям? Правительства великих держав ведут постыдную политику заискивания у новых стран, а те наглеют, проституируют направо и налево и плюют на тех и других. Китай лишь наиболее яркий пример того, к чему приводит подобное заигрывание.

Доброжелатели предлагают и Советскому Союзу, который они именуют колониальной державой, последовать примеру вырожденцев, самораспуститься, развести мобутовщину на окраинах, для предотвращения которой выбрасывается лозунг: «не использовать полученную свободу для сведения исторических счетов». Но кого остановит это вяканье? Что здесь: недомыслие или коварный расчет кого-то, кому нужно всемирное разложение?

Идеологическое состояние мира сегодня гораздо сложнее, чем это представляется тем, кто видит лишь три цвета: демократия, социал-демократия, коммунизм. Т.н. национальные оттенки — оттенки лишь в восприятии либералов. Для нас нация первична, а все остальное — производное от нее. Нация для нас — не только биологическая разновидность, но и особая духовная общность, своеобразие которой имеет глубокий мистический смысл. Любая религия, любая идеология неизбежно модифицируется на разных национальных почвах до неузнаваемости. Так произошло с христианством, так

теперь происходит с марксизмом. Национальное начало должно, наконец, быть освобождено от всех наслоений и предстать в истинном своем значении, в свете идеологии, исходящей из его первичности.

Каковы основные признаки нации?

Во-первых — расовый тип. Человек может сменить язык, религию, но из собственной кожи он вылезти не в состоянии. Часто кивают на смешанность современных рас, одни с поощрением, другие с ужасом. При этом забывают, что смешение само по себе не обязательно ведет к появлению гибридных типов: черты одной из линий могут полностью преобладать в потомстве.

Расовым типом определяется психический склад, понимаемый здесь в весьма широком смысле, не только как темперамент, но и как способность к общественным связям определенного типа. Таковы истоки особенностей политической организации. Например, завоевание Испании в древности пришедшими из Африки иберами, а впоследствии маврами может рассматриваться как первопричина сходных явлений общественной жизни стран испанской и арабской культуры. Следует отметить, что расовые особенности, как таковые, еще не могут служить качественным критерием для сравнительной оценки.

Другое дело — присущие народам особые способы мышления. Наглядным свидетельством совершенства этих способов является степень развития языка. Превосходство арийских (индоевропейских) языков над всеми остальными — доказанный факт для всех добросовестных ученых. Доказано также, что язык, остановившийся на сравнительно низкой ступени развития, уже не способен к совершенствованию, хотя бы была устранена причина этой остановки — временная изоляция народа в период его становления. Однако это неравенство в развитии не может и не должно быть причиной дискриминации — ею может

быть порожден лишь опасный, агрессивный темперамент.

Отдельные лица и целые народы, отказавшиеся от своего языка в пользу более совершенного, иногда полагают, что они возвысились над создателями последнего. В этом случае уместно вспомнить прекрасное сравнение Штирнера: если человек не освободился сам, а был освобожден, то он похож на осла, засунутого в львиную шкуру. Результатом бывает лишь наследственная дезорганизация психики.

В среде ученых либералов на этот счет бытуют самые нелепые суеверия. В ходу сказочка, будто ребенок из джунглей, воспитанный в европейской семье, ничем не будет отличаться от европейских детей. Эту архичушь впадающих где не надо в идеализм либералов, восходящую еще к Гельвецию, опровергал уже Радищев на примере бурятских детей, воспитывавшихся в русских семьях.

Кроме расового типа (психический склад) и языка (способ мышления), могущественным фактором объединения людей является идеология. Хорошо известно, что некоторые идеологии претендуют на универсальность, а их приверженцы рассматривают их как нечто общее, общечеловеческое, а на национальное поглядывают сверху вниз, как на некую обузу, как на путы, от которых надлежит избавиться. Появление подобных идей объясняется некоторыми общими особенностями человеческого сознания, его ориентированностью на внешнее восприятие при посредстве языка. Внешнее, т.е. объективное, воспринимается как нечто высшее по сравнению с субъективным. Особенно характерна эта черта для способа мышления народов, утративших свой язык.

Но человеческое мышление — не такая уж чистая доска, как предполагают некоторые. Не на каждом материале одинаково удобно писать. Народы обладают склонностями, способствующими выработке или восприятию той

или иной идеологии. Поклонники же универсальных учений полагают их приемлемыми и обязательными для всех. Провозглашается примат общечеловеческого над национальным, общественного над личным, хотя общечеловеческое вне национального и общественное вне личного — пустые абстракции, не наполненные никаким содержанием, кроме того, которое волочут за собой люди, кто тайком, кто сам того не замечая, а груз этот — национальный и личный эгоизм. Гонимая в дверь природа влезает в окно.

Жизнь — это разнообразие. Единообразие — это смерть. Абстрактные идеи — мертвые отходы человеческого сознания, люди, находящиеся в их власти, заражены трупным ядом, и неслучайно вокруг себя они сеют смерть. Борьба за национальное своеобразие против мертвых абстракций — часть великой битвы сил жизни и смерти во Вселенной.

II. Положение общества

Основная претензия, чаще всего предъявляемая к существующему у нас устройству, — его недемократичность. Слез по этому поводу пролито немало, но вот беда — народ упорно остается равнодушным к предлагаемой ему панацее. Слышны сетования на «пренебрежение мнением лучших умов». Но опять: кто они, эти лучшие умы? Откуда они: из того же синедриона, что и уже знакомые нам мудрецы, или из другого? Кто объявил эти умы лучшими? Где критерий того, что они действительно лучшие? Все эти вопросы остаются без ответа. Мы пытаемся составить себе представление об идеях нещадно зажимаемых «лучших умов» по тем обрывкам, которые долетают до нас через их почитателей. И что же мы находим?

Больше всего места занимают бутафорские громы и молнии в адрес бюрократической элиты. Одновременно дается самый глубокомысленный анализ ее сущности. Оказывается, эта элита

«не представляет ни народа, ни какого-либо класса общества, она представляет лишь самих себя». Но позвольте! Ведь такие мысли уже высказывал некогда один, правда, далеко не лучший ум — П.Н. Ткачев. Это ему принадлежит достойное Коперника открытие, будто русское государство «висит в воздухе» и опирается лишь само на себя. Открытие это было в свое время справедливо осмеяно Энгельсом, но, может быть, теперь положение изменилось и неистинное стало истинным? Увы, этого не произошло. В анализе наших мудрецов по-прежнему гордо сияют прорехи. По-прежнему говорится о рабочем классе вообще и совершенно упускается из виду, что он давно уже перестал быть чем-то единым, что из него давно уже выделилась прослойка рабочей аристократии, не очень, правда, значительная, процентов пять, не больше, но часто выдаваемая умышленно одними за рабочий класс в целом, а другими ошибочно принимаемая за оный.

Немало сокрушаются и об узкодогматической ограниченности представителей правящего класса, мешающей им своевременно заметить новые явления, правильно оценить их и разумно на них реагировать. Но только ли в этом дело? Неужели правители не понимают чего-то лишь потому, что никакой мудрец не удосужился растолковать им все как следует? Тогда к Ткачеву присоединится еще один светоч — Ш. Фурье, крайне удивлявшийся, что правители не желают его выслушать. Можно подумать, люди с тех пор так и не уяснили себе, что дело не в одной способности к пониманию, а еще и в интересах, заставляющих действовать вопреки чужому пониманию. И далеко не всегда «понимание» более правильно, чем действия.

Те, кто мнит себе понимающими, желали бы претворить это свое ценное качество в узду для государственных деятелей, это они вопят в случае какого-либо, часто необходимого, вмешательства в дела других стран «руки

прочь», уподобляясь жене, которая, услышав на улице крик о помощи, повисает на своем муже и не позволяет ему выйти. Она понимает, что ее муж рискует, понимает, что без его помощи, может, кого-то убьют, но «кто-то» ей безразличен, поэтому второе понимание не срабатывает. Какова же цена такому пониманию? Чем идейный либерал отличается от заурядного обывателя? Смелостью дезертира?

В противовес доктрине классово-борьбы провозглашается отказ от принципа классового эгоизма и некое, неизвестно как достижимое гармоническое единство всех ныне конфликтующих сторон; общества и правящей элиты (очевидно, когда последняя начнет прислушиваться к свисту рака на горе и к мнениям «лучших умов»), городского и сельского населения (после того, как исчезнут все рецидивы первоначального социалистического накопления, осуществлявшегося Сталиным по троцкистским рецептам, что поставило крестьянство как класс на грань уничтожения и привело к хроническому кризису сельского хозяйства), рабочих и интеллигенции (когда первые тесно сплотятся вокруг интеллигенции, по предлагаемой «лучшими умами» привычке непременно сплачиваться вокруг кого-нибудь, и будут следовать ее духовному руководству, объясняя своим голодным семьям первенство демократических идеалов перед экономическими благами). Не правда ли, какие прелестные фантастические картинки? В действительности мы имеем:

1. Сильное централизованное государство. Только такое государство удовлетворяет народным требованиям и традициям, таким оно было, есть, будет и должно быть (имеется в виду, конечно, не конкретная форма, а сущность). Но что значит сильное? Можно ли назвать сильным государство, палящее из пушки по воробьям и вздрагивающее при каждом шорохе? Подобные признаки никогда не свидетельству-

ют о силе. По-настоящему сильная власть точно знает, когда, как и против кого употребить силу. А ведь все дело только в этом. И демократия, и диктатура — пустые слова, и то, и другое может быть и хорошо, и плохо — все зависит от конкретных обстоятельств. Не нужно ничего возводить в абсолют и доводить свободу до права на взаимную резню, а борьбу с наркотиками — до запрещения газировки.

2. Привилегированный слой. Такой слой опять-таки всегда существовал, существует и будет существовать в государстве, и весь вопрос в том, каким содержанием наполнено это понятие. Во-первых, о наличии такого слоя должно быть четко и ясно заявлено, с указанием, кто, почему и какими привилегиями пользуется. Эгалитарные теории лишены качественных критериев и, имея целью уничтожить аристократию, только заменяют ее охлократией. Во-вторых, по самому характеру привилегий можно судить о качестве слоя: настоящая аристократия никогда не будет рассматривать привилегии, особенно материальные, наиболее режущие глаз народу, как самоцель.

Сегодня с понятием привилегированного слоя смешивается понятие правящего класса. Эту роль уже играют буржуазия и рабочая аристократия, на нее начинает претендовать интеллигенция, но представительство в привилегированном слое не может быть монополией одного класса. Да и при современной атомизации общества и специализации производства и науки трудно ожидать выступления какого-либо класса как единой силы, внутреннее дробление делает это все менее вероятным. Классовая основа объединения общественных сил исчерпана, равно как и творческие возможности исходящей из этого принципа идеологии.

3. Централизованное экономическое планирование. В адрес этой системы сыплется множество упреков, но еще неизвестно, что принесет с собой де-

централизация, будет ли она лучше или хуже. Эксперименты с производственным самоуправлением могут и должны вестись, но резкий переход при данных обстоятельствах может не принести желаемых результатов.

Расширение прав предприятий сегодня уже поставлено в повестку дня. Но почему-то эти права на поверку оказываются не столько правами предприятий, т.е. рабочих коллективов, сколько правами одних лишь директоров. Между тем даже в условиях диктатуры возможно самое широкое рабочее самоуправление, что доказано примером системы рабочих советов в Югославии, или иные формы участия рабочих в управлении производством. Катастрофически низкая производительность труда возрастает лишь в том случае, если рабочие получают возможность принимать непосредственное участие в управлении предприятиями и в распределении доходов, если рабочие почувствуют себя хозяевами и действительно станут ими.

Чрезмерные претензии государства в области экономики уходят корнями в теорию, придающую ей решающее значение. Государство прибирает к рукам экономику, видя в этом источник своей власти. Между тем политические формы не зависят от экономического уклада, а определяются совсем иными факторами, прежде всего — национальными традициями, сложившимися в результате длительных однотипных взаимодействий с окружающими народами. Сильному «мнению народным» государству незачем создавать сложную систему приводных ремней, обеспечивающую единообразное движение рук при всех рабочих процессах.

Другой вопрос, стоящий в повестке дня, — превращение государства классово-диктатуры в общенародное государство. Жертвой доктрины оказались не одни «эксплуататорские классы», глубокая трещина пролегла между рабочим классом и крестьянством. Враждебные крестьянству взгляды Троцко-

го, объявлявшего село «внутренней колонией», из которой должны черпаться средства на индустриализацию страны, несмотря на их официальное осуждение Сталиным, фактически легли в основу политики последнего в этой области, отсюда т.н. «перегибы» коллективизации, отсюда «ножницы», отсюда символические цены на сельскохозяйственные продукты, что привело к полному разорению деревни. Призрак голода заставляет идти на уступки, но такие вынужденные уступки делались уже не раз. Стоило положению чуть-чуть улучшиться, как снова начинались старые шалости. Городской обыватель в своей неизреченной тупости с тоской вспоминает о счастливых временах периодического снижения цен, не понимая, как свинья под дубом, что именно из-за этих счастливых времен он, может быть, завтра будет питаться шестеренками вместо хлеба.

Некогда община считалась одной из незыблемых основ русского образа жизни. Посягательство на нее многими расценивалось как подрыв устоев. К иному образу мыслей пришли только после потрясений, но реформы П.А. Столыпина безнадежно запоздали.

Сегодня столь же упорно держатся за коллективную форму собственности в сельском хозяйстве, полагая в ней неотъемлемый элемент социализма. Между тем суть социализма не в том, чтобы при любых обстоятельствах сгонять народ в кучи, а в том, чтобы ставить на первый план общенародный интерес, а не интерес узкого слоя. Процветающее сельское хозяйство — общенародная необходимость, если для этой цели потребуется допустить существование сильных индивидуальных хозяйств — нужно пойти на это, не стесняясь никакими догматами. Чем закупать хлеб у Канады, лучше завести свою Канаду.

4. Аппарат подавления. Обыватели от демократии не мыслят себе общества без полиции. Однако ни одной по-

лиции нигде не посчастливилось справиться с преступностью. Такая задача ей просто не под силу. Она может быть решена лишь организованными действиями всего общества, располагающего средствами самообороны. Единственный выход — замена наемной милиции добровольными народными формированиями, подобными тем, которые существовали в России с древнейших времен до начала XVIII века.

III. Национальный вопрос

Национальный вопрос — основной вопрос современности, но для сторонников эгалитарных учений он никогда не будет основным и никогда не будет ими правильно понят.

Национальный вопрос сегодня — проблема не только развивающихся стран. С ним сталкиваются и такие высокоразвитые страны, как Англия, Канада, Бельгия, и даже хваленая все спасающая демократия не знает, как его разрешить.

Особенно сложен национальный вопрос в нашей стране. Откуда-то всплыла и усиленно муссируется версия, будто русские являются привилегированной нацией. На самом деле все обстоит совсем наоборот, но пока усилиями доброжелателей все шишки валяются на Россию. Она объявляется страной, для которой «всегда были характерны отсталая экономика, полудикие общественные отношения и культурный застой». Единственным спасением от внутренних неурядиц для России всегда была якобы внешняя экспансия, которая длится вот уже 500 лет, начиная с XV века. Нелепость подобных утверждений ясна каждому непредубежденному человеку. В период Киевской Руси мы отнюдь не были более отсталыми, чем Западная Европа. Тяжелый удар России нанесло татарское иго, но после его свержения начинается возрождение русской культуры. Исторически сложившуюся политическую систему, разумеется, нельзя считать совершенной: она бы-

вала и причиной тяжелых внутренних кризисов, как при Иване Грозном, так и бурного подъема, как при Петре I. Но никакая иная система не могла в то время возникнуть, не могла обеспечить национального бытия России.

На целые столетия затянулась борьба с метастазами Золотой Орды. Ликвидация Казанского, Астраханского и Крымского ханств была исторической необходимостью, а отнюдь не «экспансией». А разве можно назвать этим словом, например, предпринятые в XIX веке военные экспедиции против среднеазиатских ханств, где русскими войсками были освобождены тысячи рабов, в том числе много наших соотечественников?

Сегодня нам ставится в вину, что русские, составляя 57% населения страны, играют непропорционально большую роль. Мы бы сказали наоборот — непропорционально малую. Начать с того, что все т.н. союзные республики имеют свои коммунистические партии — кроме России. Результатом является действительно непропорциональное усиление самой мощной из региональных группировок — украинской.

Нам говорят, что численность русских завышается за счет «этнографически особых» групп, вроде казачества. Но упрек направлен не по адресу. Если кто и занимается подобными приписками, то, например, грузины, включающие в свое число мингрел, столь же отличных от них, как украинцы от русских.

Кстати, об этих отличиях. Когда-то украинцы и белорусы считались лишь частями русского народа, а не отдельными народами. Сегодня же почему-то искусственно поддерживается существование «белорусской нации», хотя сами белорусы себя таковой не ощущают, а «белорусский язык» представляет собой лишь собрание западно-русских диалектов. Тем не менее территория Белоруссии была увеличена в 1924–1926 гг. вдвое.

Не соответствуют этнографическим и современные границы Украины. В пределах Украины живет 7 миллионов русских и, наверное, не меньшее число обрусевших украинцев, так что целые области Украины правильной было бы отнести к России. Мы уже не говорим о такой вопиющей несправедливости, как передача Украине Крыма, преобладающее русское население которого теперь заставляют учить «украинскую мову».

Как известно, на Украине существует сильное националистическое движение. Однако оно ставит перед собой совершенно нереальные цели. Если бы действительно встал вопрос о самостоятельном бытии Украины, неизбежно потребовался бы пересмотр ее границ. Украина должна была бы уступить: а) Крым, б) Харьковскую, Донецкую, Луганскую и Запорожскую области с преобладающим русским населением, в) Одесскую, Николаевскую, Херсонскую, Днепропетровскую и Сумскую области с населением, в достаточной степени русифицированным, исторически освоенные усилиями русского государства. На что могла бы рассчитывать оставшаяся часть без выхода к морю и без основных промышленных районов — пусть подумают сами украинцы. Пусть подумают также о претензиях, которые могут предъявить поляки на западные области, население которых настроено полонофильски. Результатом может быть, мы полагаем, лишь возвращение блудного сына. Что же касается украинских притязаний на Кубань и на области Черноземного центра, то они уже совсем смехотворны и вообще не принимаются нами во внимание, равно как и иностранные аппетиты на наши территории (имеется в виду т.н. «бессарабский вопрос»).

Совершенно не соответствует конституции статус Казахстана как союзной республики, тогда как его коренное население составляет лишь одну треть. Киргизия также обрусела почти наполовину. Попытки затормозить

естественный исторический процесс, предоставив каждому малому народу «право к ограничению числа иноземцев приемлемой для его этнического существования нормой», — реакционны и обречены на неудачу. С каких это пор мы стали иноземцами на своей земле? А если мы установим такую квоту? Насколько тогда уменьшится число «русских демократов»?

Выдвигается обвинение в неэквивалентном обмене, в выкачивании богатств республик. Но кто из кого качает? Кому не известно, что закавказские республики превратились в чудовищный паразитический нарост на теле страны? Крайняя чересполосица и взаимная вражда требуют здесь уравнивающего фактора. Независимая Армения не могла бы существовать на бесплодном плоскогорье, во враждебном окружении, не может вместить всех рассеянных армян. В Грузии миллион русских и армян плюс меньшинства вроде абхазов и осетин, страдающие от грузинских великодержавных замашек. Этим малым народам туго приходится под властью «бедных и угнетенных». Вот уже несколько десятилетий абхазы молят, чтобы их избавили от грузин и включили в состав России. Но почему-то бессилён привилегированный народ!

В саму РСФСР входит несколько чисто фиктивных автономных республик (Мордовия, Башкирия, Карелия). Не может быть и речи о возвращении в Крым татар, устроивших там во время войны резню мирного русского населения.

Много шумят об антисемитизме в России. Евреи также претендуют на роль угнетенного русскими меньшинства, а между тем, проводя политику национального кумовства они чуть ли не монополизировали область науки и культуры. Русская земля еще не утратила способность рождать Ломоносовых, но на их пути сегодня стоят очередные немцы, а бедные «привилегированные» русские робко жмутся в

сторонке. И упаси Бог задеть! Что уж говорить о жизненном уровне — народ об этом говорит достаточно много. Любителям обличать пороки других наций не грех бы заняться и самокритикой.

Нам предлагают два выхода: либо «братский союз действительно свободных народов», либо «отеческое покровительство». В первом случае потом слишком часто начинают выяснять, а действительно ли, а второй термин слишком расплывчатый. Наш лозунг — Единая Неделимая Россия.

Неделимость означает в нашем понимании территориальную целостность государства при полной свободе развития культуры всех народов, населяющих нашу страну, но без огромных затрат на роскошные атрибуты несуществующих культур, безразличных для тех народов, которым они якобы принадлежат. Ни один представитель какой-либо другой наций или расы никогда не будет трактоваться в России как существо второго сорта, если только он сам не даст повода к подобному отношению. Народы России — равноправные хозяева в своем общем доме.

Те же, кто с пеной у рта отстаивает сегодня пресловутое «право на отделение», пусть задумаются: куда они ведут свои народы? Мы можем заранее сказать, куда: либо в обывательское болото шведского типа, либо в состоянии перманентной анархии, как в арабских странах. Многие народы после обретения независимости, зачастую в результате долгой и славной борьбы, канули в историческое небытие или стали посмешищем для всего мира. Должен же где-то воздвигнуться, наконец, вал на пути всемирного распада. Народы России должны понять, по какую сторону этого вала им надлежит быть во имя своих же собственных интересов. Ошибаются те, кто наивно верит, будто избавление от России есть избавление от зла. Зло всегда внутри, хотя между нашими нациями иногда и происходил обмен подонками — кое-какое зло мы

принесли им, кое-какое они экспортировали к нам. Зло воцарилось благодаря нашим совместным усилиям, и только совместными усилиями мы сможем его победить.

IV. Религиозная проблема

Самих материалистов начинает беспокоить кризис в области этики. Рационалистическая мораль неизбежно приводит к эгоистическим выводам. Без идеализма нет идеалов.

Утверждают, будто этические нормы развились в человеческом обществе сами по себе, без всякого Божественного вмешательства. Это «само по себе» вообще любимая формула сторонников крайне плоского примитивного мировоззрения, которое появилось (отнюдь не «само по себе») в период опьянения первыми успехами науки. Наука с тех пор шагнула далеко вперед и давно отбросила те гипотезы, за которые материалисты сегодня судорожно цепляются, как некогда Церковь за Птоломея. Научность, которую выдают за высший критерий, означает в действительности попытку опереться на крайне зыбкую, непрерывно меняющуюся в процессе познания мира почву.

Абсолютное знание, которое сама же наука объявляет для себя невозможным, дает только религия. Без нее в мире, который возник «сам собой», человек, развившийся «сам собой» из амебы, может лишь уповать, что жизнь изменится к лучшему «сама собой», без его посильного участия. Личная ответственность, честь, достоинство становятся брэнчащими кимвалами. Жизнь человеческая — игрушка безликих, неодолимых сил, душа — только усложненный собачий рефлекс.

Нам возражат: раб Божий, во всем уповающий на Господа, на Его непосредственное вмешательство даже в кухонные склоки, выглядит отнюдь не более привлекательным. Но не будем сравнивать холмики и высочайшие горы только по тому признаку, что и у

тех, и у других есть подошвы. Различающим признаком здесь служит вид с вершин. В одном случае перед нами огромный целесообразный мир, торжество добра, бессмертие, в другом — только светлое пятнышко выхваченное фонариком из мрака, из которого возникают сонмы мошек, бешено сражающихся между собой, чтобы снова исчезнуть в том же мраке.

Не из страха перед громом и молнией и не ради обмана народных масс приходит человек к идее Бога, он неизбежно приходит к ней в процессе познания мира, познания не только эмпирического, а впоследствии научного, но и интуитивного. Разные люди и разные народы по-своему познают Бога, отсюда различные толкования Божественной сущности и ее проявлений. Однако никто не может сказать о себе: я лучше всех познал Бога, мое познание — единственно истинное, и вам надлежит только согласиться с ним. Потребность общего поклонения выдумана Великим инквизитором Достоевского, но у некоторых людей и народов есть неодолимая потребность властвовать над другими людьми и народами, навязывать им свои идеи и свою волю. Не Божественная мудрость, но сатанинская гордость движет такими людьми и народами, хотя они часто и прикрываются именем Божиим. Но Бог не с ними, и их печальный конец неизбежен. Слугами дьявола, а не Бога были те, кто посылал людей на костер, слугами дьявола, а не Бога всегда будут те, кто перегораживает шлагбаумами все пути к Богу, кроме своего собственного.

Характер народа накладывает неизгладимый отпечаток на образ познанного им в меру отпущенных ему способностей Бога, поэтому таким злобным, нетерпимым, уничтожающим всех конкурентов был бог в представлении евреев. И именно в царство самого жестокого бога на земле, для противоборства ему был послан Истинный Сын Божий — Христос.

Явление Христа было только началом борьбы со злом. Зло оказало бешеное сопротивление, оно пыталось взорвать изнутри и саму Христову Церковь. Одни ее представители гибли за веру, другие душили за нее же. Но недаром было сказано: *И врата адовы не одолеют Ее*. Церковь выстояла. Все так называемые расколы Церкви — не главное. Единственный, основной раскол, как внутри Церкви, так и вне Ее — раскол между служителями Бога и слугами сатаны.

Сегодня дух зла, замаскировав свои рога под битловской прической, пытается вести свою разлагающую деятельность внутри отдельных ветвей Христианской Церкви иными способами, проповедуя идеологию еврейской диаспоры — эгалитаризм и космополитизм, усугубляя процесс всемирного кровосмешения и деградации.

Однако христианство, как и любая идеология, распадается на национальные варианты, заслуживающие различного подхода. В истории России Православная Церковь сыграла огромную положительную роль в деле сплочения нации, в освобождении ее от чужеземного ига и возрождении русской культуры, неотъемлемой частью которой Православие оставалось вплоть до революции. Последовавший затем дикий антицерковный шабаш был составным элементом похода сил хаоса на русскую национальную культуру. В национальном же государстве, воссоздание которой мы ставим своей целью, традиционная русская Религия должна занимать подобающее ей почетное место.

V. Внешняя политика

В области внешней политики нашими задачами являются:

а) На Западе: конец военного противостояния между Россией и Западом. (Это возможно лишь в случае признания Западом политической и духовной самобытности России. Ни о какой «конвергенции», ни о какой идейной

капитуляции России не может быть и речи.) Ликвидация военных блоков: Северо-Атлантического пакта и Варшавского Договора. Отвод русских войск с территории других стран при условии аналогичных действий со стороны США. Объединение Германии. Признание незыблемости послевоенных границ. Создание Лиги Славянских государств на основе равноправия и невмешательства во внутренние дела. Заключение договора с западными державами о взаимном неприменении атомного оружия.

б) На Востоке: совместные превентивные действия России, США и Индии с целью предотвращения китайской угрозы.

в) В третьем мире: проведение в странах третьего мира политики, взаимно согласованной между Россией и западными державами, без соперничества и претензий на доминирующее положение. Недопущение таких явлений, как резня племени в Нигерии (2 миллиона жертв) или существование пиратских центров. Совместное покровительство, контроль и право на вмешательство в случае нарушения прав человека.

г) ООН. Ликвидация этой бессильной организации, неспособной навести порядок в мире, и замена ее Союзом цивилизованных стран во главе с Россией и англо-саксонскими Соединенными Штатами.

* * *

Подведем итог.

Мы стоим перед угрозой биологического вырождения. Эта опасность грозит не только нам, но и всей белой расе. Если не принять своевременных мер, мы можем дожить до того, что будем играть роль пешек или, в лучшем случае, пассивных наблюдателей в битве черной и желтой расы за мировое господство.

Демократические институты не несут с собой исцеления, скорее наоборот,

усугубляют болезнь. Поэтому для нас не столько важна победа демократии над диктатурой, сколько идейная переориентация диктатуры, своего рода идеологическая революция. Такого рода революция может совершиться и бескровно, как победа христиан в Римской империи, но задача на сей раз будет противоположной. Античный мир погиб в хаосе вследствие распространения космополитических идей. Мы же стремимся к возрождению национального чувства в перемешивающемся мире, к тому, чтобы каждый осознал свою личную ответственность перед нацией и перед расой. Национальная революция начинается с личности.

Кончиться она должна появлением мощного национального государства, служащего центром притяжения для здоровых элементов всех братских стран. В этом государстве русский народ на самом деле, а не по ложному обвинению, должен стать господствующей нацией, не в смысле угнетения других народов, а хотя бы в том, чтобы сами русские не становились жертвами дискриминации и даже террора в отдельных частях своей собственной страны. Когда мы говорим: русский народ, мы имеем в виду действительно русских людей по крови и по духу. Беспорядочной гибридизации должен быть положен конец. Хотя периоды упадка и закономерны, но фатальной неизбежности вырождения нет, пока сохраняется здоровое ядро нации, пока в людях есть понимание стоящей перед ними цели и воля к ее осуществлению.

Да здравствует победа христианской цивилизации над взбунтовавшимися против нее хаосом!

Да здравствует великая единая и неделимая Россия!

С нами Бог!

Русские патриоты

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Бовуа Даниэль. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Авторизованный перевод с французского Марии Крисань. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 1008 с.

Фундаментальное исследование известного французского слависта, не имеющее прецедентов в отечественной историографии по охвату материала. Русско-польское противостояние на Правобережной Украине в указанный период, как в экономической, так и в культурной сферах, рассмотрено досконально и исчерпывающе. Основной вывод автора: Российская империя так и не смогла сделать этот край вполне русским, а польская аристократия продолжала там оставаться, несмотря ни на что, наиболее влиятельной социальной группой. Книга предназначена исключительно для специалистов.

Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 1000 с.

Долгожданная первая монография одного из наиболее интересных современных исследователей русского национализма XIX в. производит двойственное впечатление. С одной стороны, нельзя не восхититься его трудоспособностью и умением работать с многочисленными архивными источниками. С другой — книгу неправо-

сто читать даже специалисту, настолько там много фактического, порой избыточного, материала. И это при том, что автор отнюдь не исчерпывает заявленную им довольно узкую тему: речь идёт фактически только о политике в отношении католичества и иудаизма, а где же православие?

«Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под. ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. — СПб.: «Пушкинский Дом», 2011. — 568 с.

Прекрасный пример академического исследования, целиком и полностью исчерпывающего заявленную тему. Филологи у нас всегда находились в авангарде славянофиловедения. Данный том — достойное продолжение этой традиции. Главный журнал русских славянофилов «Русская беседа» рассмотрен авторами (среди которых и «классики», вроде Б.Ф. Егорова, В.А. Кошелева и Т.Ф. Пирожковой, и «молодые, да ранние» О.Л. Фетисенко и А.П. Дмитриев) вдоль и поперёк, опубликованы интереснейшие архивные документы, наконец, напечатана постатейная роспись журнала — отличное подспорье для специалистов по русской мысли XIX в. Уровень этой книги о славянофилах-отрицателях Европы — вполне европейский.

С.С

НЕМЕЦКИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПЕЧАТНЫЕ МЕДИА В АВСТРИИ

В нынешнем государстве Австрия, возникшем в 1918 г. как Республика Немецкая Австрия (Republik Deutschösterreich), немецкий язык защищен конституцией в качестве государственного. Сегодня это тем более важно, что уже почти 20% населения страны имеют мигрантское происхождение.

В данном контексте из существующих сегодня на газетно-журнальном рынке Австрии изданий в качестве немецких национально-патриотических здесь рассматриваются только те, что постоянно отстаивают немецкие интересы в Австрии и повсюду.

В качестве примера можно привести три (преимущественно подписных) журнала, которые имеют различные установки с точки зрения целеполагания, но тем не менее полностью или частично обращаются к одной и той же читательской аудитории.

Журнал **«Der Eckart»** — <http://www.dereckart.at/>

Выходит ежемесячно. Является органом Австрийского землячества, основная задача которого заключается в поддержке и консультировании немецких этнических групп в государствах, возникших после распада Австро-Венгрии.

Идеалистически настроенные редакторы сообщают и комментируют главные политические темы, освещают деятельность групп этнических немцев и организуют связанные с историей образовательные экскурсии (преимущественно для пожилых читателей).

Журнал **«Die Aula»** — www.dieaula.at

Выходит ежемесячно. Считается рупором Союза свободных ученых — ор-

ганизации, близкой Австрийской партии свободы (нем. Freiheitliche Partei Österreichs, FPÖ).

Основная идея при освещении событий заключается в том, чтобы говорить неприукрашенную правду о происходящих в мире событиях и их теоретическом и философском контексте. При этом часто последний может не соответствовать узким масштабам «политической корректности». Как правило, интеллектуально взыскательное содержание номеров дополняется рецензиями книжных новинок, которых почти не замечает «мейнстрим», и критическими мнениями читателей.

Журнал **«Neue Ordnung»** — www.neue-ordnung.at

Выходит ежеквартально. Может рассматриваться как христианско-консервативное издание с сильным философским уклоном. Посвящает свои страницы исследованию на высоком теоретическом уровне актуальных проблем развития государства и общества. Пытается предложить читателям объяснительные модели, а также разрабатывать концептуальные идеи, опираясь на огромный запас немецкой гуманитарной мысли. Критическое освещение событий, альтернативные позиции политического класса, также присутствует в издании, как и представление новых книг, важных с патриотической и христианской точки зрения.

Ханс Гамлих (Вена),
активный член немецкого
национально-патриотического
движения Австрии, специально для
«Вопросов национализма»

АВТОРЫ НОМЕРА

Галкина Елена Сергеевна

историк, политолог, доктор исторических наук, автор ряда книг и статей по социальной антропологии, этнокультурной и политической истории кочевых народов, а также по проблемам современного социально-политического развития стран Ближнего и Среднего Востока.

Горянин Александр Борисович

(р. 1941), писатель, публицист, политолог. Автор книг: «Разрушение храма Христа Спасителя» (Лондон, 1988; под псевдонимом), «Мифы о России и дух нации» (2002), «Традиции свободы и собственности в России» (2007), «Оптимистическое россиеведение» (2008), «Преображение России» (2008). Соавтор учебника «Отечествоведение» (2004).

Колиненко Юлия Владиславовна

историк, публицист, аспирант МПГУ.

Крылов Константин Анатольевич

(р. 1967), философ, публицист, общественный деятель, главный редактор интернет-сайта АПН.ру, главный редактор журнала «Вопросы национализма», президент Русского общественного движения, автор книг «Нет времени» (2006), «Прогнать чертей» (2010).

Макдональд Кевин Б.

(р. 1944), профессор психологии Калифорнийского университета, автор книги «Культура критики» (1998) и ряда работ по эволюционной психологии.

Насырова Айгуль Фаритовна

научный сотрудник Центра исследований Кавказа и Востока Российского государственного торгово-экономического университета, ведущий специалист в области тюркской и монгольской этнологии.

Неменский Олег Борисович

(р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Пендл Герхард

(р. 1934), австрийско-немецкий ученый и общественный деятель, профессор. Автор около 300 научных работ в области нейрохирургии, получивших мировое признание. Преподавал в университетах Киля, Вены и Граца.

Святенков Павел Вячеславович

(р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич

(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006) «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009) «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (2011) и др.

Сергеев Сергей Михайлович

(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализм», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Терещенко Алексей Юрьевич

(р. 1979), историк, специалист по истории международных отношений (итальянская дипломатия эпохи Возрождения, «Большая игра» XIX в.). Автор ряда статей, соавтор нескольких книг, изданных во Франции.

Титов Кирилл Владимирович

(р. 1978), историк, специалист по истории русского национального движения в СССР.

Энгельгардт Георгий Николаевич

(р. 1972), историк, сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по политической истории боснийского кризиса 1990-х гг., а также по политическому исламу.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Тема номера: Национализм и революция

- Нация как сообщество наследников победившей революции
- Национальные революции в Европе, Америке, Азии: общее и особенное
- Являются ли революции в арабском мире национально-демократическими?

А также:

- Русская этническая идентичность в условиях колонизации
- Институты национального государства: армия
- Многополярность и американская исключительность: взгляд из США

SUMMARY

The sixth volume of “Issues of nationalism” begins with the editorial of Konstantin Krylov. His article is devoted to polemic clarification of ideological and political disagreement between Russian national-democrats and state-oriented patriots, adherents of empire.

The general theme of the volume is so-called “internal abroad” or those areas and ethnic groups within the national state which de facto live (or aspire to live) on their own unwritten rules to some extent ignoring the national political and socio-cultural standard. Such a “domestic abroad” for contemporary Russia is primarily the North Caucasus. Its problems became the main theme of the conference organized by the magazine. Prominent specialists on the subject as well as prominent political scientists and public figures took part in the conference.

Analyst Paul Svyatenko continues the theme considering a new strategy for national autonomies in the Russian Federation which attempt to strengthen its independence from the Centre. He calls such attempts the strategy of “nations-corporations”. Historian Sergei Sergeyev refers to the past analyzing the Polish question in the Russian Empire and its perception by Russian nationalists.

Articles of historians and political scientists Alexei Tereshchenko, Oleg Nemenskiy

and George Engelhardt examines separatist and regionalist movements in Europe. The problem of “domestic abroad” in Europe, its Muslim population, is in the center of American scholar Kevin MacDonald’s investigation and German media response on the book by Tilo Sarratsin “Germany self-destructs”. Austrian scientist Gerhard Penzle thinking about complex relationships between Austrian and German identities.

New section of the magazine, “Institutes of the nation state”, begins with articles of historians Elena Galkina, Julia Kolinenko and Aigul Nasirova. They are devoted to the crisis of the education system in the Russian Federation and ways to overcome it.

Alexander Sevastyanov continues the theme of competition of civilizations by the example of the Baltic states and Russia. Alexander Goryanin publishes another article on the question of democratic traditions in Russian history. Ivan Rusakov put forward the idea of “decollectivization” of property in Russia in which he sees the road map of social modernization.

The full text of the main manifesto of the Russian nationalists of seventies “Words of the nation” is published for the first time in “Publications” section. The manifesto is followed by an introductory article by the historian Kirill Titov.

The volume ends with reviews on new books and Austrian nationalist magazines.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77 – 37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 14.06.2011.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37. Телефоны: 651–84–29
8–964–551–49–52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com
8–916–950–61–43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Отдел распространения: lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.